ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Выпуск 4

ДНЕВНИК П. А. КРОПОТКИНА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

А. А. БОРОВОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4016. Главлит. № 6584. Москва. Напеч. 10.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1862 г. юный Кропоткин кончил пажеский корпус и должен был поступить в один из гвардейских полков. Но стремления его были иные.

Позже, в «Записках Революционера», он рассказал, как встал перед ним мучительный вопрос: университет или Сибирь. Сибирь таила в себе бесконечные соблазны. С одной стороны, новоприсоединенный Амурский край, с могучей, еще не исследованной природой, дразнил в нем инстинкты путешественника; с другой, Сибирь грезилась ему безграничным полем для цивилизаторской работы.

Знаменитый пожар Апраксина двора, открывший долгую эру реакции, решил его участь. Петербург с его казенщиной и сыском стал ему постыл. В университет он более не верил. И, удивляя всех товарищей, он записался в Амурское казачье войско. Тогда он думал о разлуке с Петербургом навсегда.

«Наконец-то, навсегда выбрался я из Петербурга»—начинает он «Дневник».

«Дневник», это—записи, которые Кропоткин вел по дороге в Сибирь и в самой Сибири (24 июня 1862 г.—ноябрь 1867 г.). Некоторые отрывки в переработанном виде были затем им посланы в виде корреспонденций и печатались в повременных и научных изданиях—«Русском Вестнике», «Современной Летописи» (еженедельное приложение к журн. «Русск. Вестник», позже ставшее воскресным приложением к газете «Моск. Ведом.»), «Записках Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.», «Сибирском Вестнике», «Биржев. Ведомостях»,—в виде отдельных брошюр («Описание Забайкальской выставки»). Но «Дневник» в целом еще напечатан не был.

Этот «Дневник» не таит в себе никаких откровений. Все более или менее значительное в общественно-психологическом смысле нашло позже в тех или других сочинениях Кропоткина более законченную и совершенную формулировку. В «Дневнике» нет еще ни широты охвата будущего мыслителя, ни легкости и волнующей художественности «Записок революционера», ни боевой и просветленной напряженности эпохи слагания анархистского мировоззрения.

Но для изучения генезиса Кропоткинского духа, для знакомства с ранними условиями, в которых формировались великий ум и великий характер, «Дневник» является несравненной драгоценностью.

«Пять лет, проведенных мной в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера»—писал он в «Записках революционера».

Теперь, когда жизненный подвиг Петра Алексеевича стал уже куском мирового опыта и может быть измерен до конца, особенно чувствуется глубокая правильность этого утверждения. Сибирь была для него, действительно, школой, единственной, незаменимой. Схоронив в необозримых пространствах,—поселениях, улусах, острогах, рудниках,—бесчисленные русские дарования, Сибирь на этот раз из белой кости патентованного дворянчика сумела отлить великого революционера. Конечно, уже в самой природе Петра Алексеевича был тот закал, который мог померяться с любыми обстоятельствами, но все же в то время для России, быть-может, только Сибирь могла дать такой всеобъемлющий охват людей и положений, перебрасывая наблюдателя от вершителей судеб огромной области до париев, стоявших на границах полуживотного существования, от чтения последних революционных вестей из Лондона—к борьбе за существование в буквальном смысле этого слова (командировочные путешествия).

Кропоткин—особенно начала «Дневника»—еще мальчик, неопытный, наивный, но живой, восприимчивый, впитывающий в себя буквально все окружающие впечатления.

И язык «Дневника»—такой же молодой, неопытный, наивный, как сам автор. Необработанный, неприглаженный, но не исковерканный, без выкрутас—сочный, прекрасный, здоровый. Большая часть его, набросанного иногда в самых неподходящих условиях, звучит почти импрессионистски—бликами, пятнами; есть куски подлинной поэзии, вылившиеся разом из взволнованной души путешественника (таковы, напр., записи 7—8 мая 1863 г. о горном перевале, гольцах). Есть крупинки милого юмора—незлобивого, простодушного.

Прежде всего и более всего в «Дневнике» поражает безграничная пытливость молодого путешественника, его острый интерес ко всему и ко всем.

Любознательности его нет пределов. Он все наблюдает, о всем расспрашивает, все отмечает. «Ах, это тот, любознательный»—определяет его казачка. Так, и простым людям эта особенность молодого Кропоткина прямо металась в глаза.

Эта пытливость вовсе не случайна. Она — не пустое, ни к чему не ведущее любопытство, но наблюдение постоянное, внимательное, систематическое, ведущее к ряду оригинальных и ценных обобщений. Конечно, оно не объяснимо только

обещанием корреспондировать, ибо, с одной стороны, окружающий материал был слишком обилен и, пожалуй, сенсационен, чтобы стоило изучать, на первый взгляд, малозначащие подробности; с другой, можно было, и не затрудняя себя, иметь все нужные сведения непосредственно с голоса наматоревших в сибирской практике людей.

Но Кропоткин все хочет исследовать сам, сравнивает, изучает, ничего не принимает на веру.

В этой необычайной пытливости, жажде узнать все заслуживающее внимания и изучения, познакомиться с частностями, чтобы постичь целое, сказывается уже будущий, столь отличающий Кропоткина в ряду других больших людей, его универсализм.

Что же занимает его? Решительно все.—Геология, география, орография, флора и фауна, этнография, хозяйство, живой конкретный быт и люди,—все люди, всякие люди. Но особенно жадно, с ненасытным вниманием и с поразительной пунктуальностью отмечает он все, что имеет отношение к человеческому труду: сельское хозяйство (почва, посевы, покосы), все виды промыслов, технические приемы (пилка, «укрючение лошадей»), хозяйственный инвентарь, торговля и рыночные цены, домовое устройство (стройка, система топки) и пр., и пр.—все отображается в его безыскусственном «Дневнике». При этом точность и добросовестность наблюдений его изумительны. Его описания костюмов, предметов домашнего обихода блещут тончайшей детализацией.

Рядом с универсализмом интересов Кропоткина особенно выпукло встает в «Дневнике» и другая его черта,—также верный спутник всей его последующей жизни,—его гуманизм.

Характеризуя одного из сибирских деятелей, Педашенку, и отдавая дань его положительным качествам (ум, честность), он замечает: «Мне кажется, что если бы дать ему большую власть, то он не был бы хорош—недовольно теплоты в человеке, *сочувствия «брату»* (курсив—мой А. Б.).

Только вспоминая отвратительную сцену с наказанным Макаром, мучившую совесть Кропоткина-ребенка [1]), поймешь, как пажик, едва соскочивший со скамьи привилегированного заведения, сумел так просто говорить о «брате» в применении ко всякому человеку, независимо от сословия и состояния. И для него—об этом свидетельствует «Дневник» в тысячах мелочей—люди, действительно, все, по настоящему одинаковы. Юноша Кропоткин неистощим в любовном проявлении к ним, в сочувствии, жалости. Палочная система управления, привычно-жестокие наказания, вообще всякое насилие и особенно закулисные воздействия глубоко возмущают его.—«Мерзавец Жуковский все пакостит. Жандарм-

[1]) См. „Записки Революционера", ч. I, гл. VIII.

ская его натура берет свое». Его сочувствие на стороне протестантов, хотя бы применяющих «незаконные» средства, насильничающих.

«Их выводили из терпения всю жизнь целым рядом несправедливостей».

Он близко к сердцу принимает несчастную долю русской женщины, страдающей от непосильного труда, беспробудного пьянства мужей, тревоги за будущее своего ребенка. Мать—казачка, ласкающая маленькую дочь, умиляет его, и он любовно записывает сценку в свой «Дневник».

Пленяет в этом юноше и его необыкновенная выдержка, притом в таких условиях, в которых могла бы спасовать воля бывалого, закаленного человека. Стоит почитать страницы, посвященные его командировке в Иркутск, когда пришлось итти по пояс в снегу, талой воде, где топли и гибли лошади, или его путешествия с баржами, чтобы оценить его стойкость и мужество. В одном из таких злоключений, с трудом уйдя от смерти, он с горечью поминает о гибели кожаного пальто.

Основной тон «Дневника»—здоровый, бодрый, энергичный. Но есть места, где сказались его недовольство собой, неудовлетворенность своими знаниями, боязнь за свои силы, молодые сомнения.

Вот—размолвка, более или менее острая, с его провожатым Петровым, глуповатым и диким человеком,—и он предается неистовому самобичеванию: «И что я за отвратительная натура. И неужели я буду когда-нибудь иметь глупость жениться, чтобы сделать несчастною ту, которая согласится на это». Но иногда не просто покаянный тон, а настоящий взрыв отчаяния: «Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по-крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят хоть христиане в Турции, боль, слезы просятся. Как помочь, где силы... И умру я, видно, ничего не сделав, и все мы помрем, проживши также бесполезно. Дети... *В силах ли мы детям внушить ненависть, омерзение к этой силе, которая давит их. Мы, да мы сами их давим*.... (курсив мой. А. Б.).

«Дневник» есть точное отображение первых нежных ростков тогда собиравшегося credo П. А. Кропоткина, и для суждения о генезисе его воззрений навсегда останется незаменимым документом.

Алексей Боровой.

ОТ РЕДАКЦИИ.

25 марта 1874 г. в С.-Петербурге на квартире «у отставного коллежского ассесора» П. А. Кропоткина жандармским майором Оноприенко был произведен обыск, затянувшийся до утра следующего дня [1]). При этом обыске у него была отобрана переписка и некоторые книги, среди них значится: «Книга: путевые заметки от Петербурга до Иркутска». В действительности, это «Дневник» П. А. Кропоткина, начатый им 24 июня 1862 г. при отъезде из С.-Петербурга и заканчивающийся записью, помеченной: «СПБ. 1867, ноябрь».

Дневник состоит из 9 тетрадок, повидимому, бывших записных книжек, переплетенных в обыкновенный книжный переплет с кожаным корешком, форматом в $^1/_8$ листа, из плотной, нелинованной бумаги (тетрадка № 7 еще меньшего формата, из линованной бумаги и с нумерацией с боку, латинским алфавитом от буквы D до буквы J). Общее число нумерованных страниц 1084. В конце каждой тетрадки имеется еще несколько чистых листов. Дневник писан большею частью чернилами, но встречаются и карандашные записи,— обычно это заметки, делавшиеся в дороге. Некоторые из карандашных записей сильно затерты и читаются с большим трудом. Почерк везде мелкий и беглый, часто не позволяющий разобрать отдельные буквы. Многие слова сокращены, при чем эти сокращения довольно характерны и постоянны, так что является возможность путем сравнения устанавливать правильный текст. Автор пользуется нередко и различными математическими знаками. В конце каждой тетради имеются различные мелкие заметки, перенесенные нами в примечания.

Записи Дневника нередко поясняются рисунками или небольшими чертежами. Рисунки эти встречаются или в середине текста, или в конце соответствующей тетрадки. Они нередко помогают уяснению текста записей.

Дневник ведется в хронологическом порядке, но с перерывами. Большею же частью эти перерывы соответствуют участию Кропоткина в научных экспедициях, из которых

---

[1]) Протокол обыска в деле 193-х, т. 5, и „Записки революционера“ изд. 1902 г., стр. 275—281.

лишь одна — Окинская — описана в Дневнике. Следует предположить, что прочие велись в особых книжках.

Корреспонденции и печатные труды П. А. Кропоткина, соответствующие времени, обнимаемому Дневником отмечены в примечаниях к тексту.

В конце книги прилагается список сочинений П. А. Кропоткина, имеющихся в публичной библиотеке в Петрограде и библиотеке географического общества, список вещественных доказательств, взятых у него при обыске и снимки с автографов Кропоткина.

Дневник подготовлен к печати Л. Л. Слухоцким и Е. Н. Щепкиной под редакцией Н. А. Блинова.

Ред.

П. А. Кропоткин.

ДНЕВНИК
П. А. КРОПОТКИНА

№ 1.

От Петербурга через Москву и Калугу до Иркутска.

С 24 июня по 8 сентября 1862 г.

Николаевская ж. д. 24 июня 1862 г.

Наконец-то, навсегда выбрался я из Петербурга. Пора, давно пора. Последнее время просто замучило меня, — целые дни разъезжал я по заказам; езда на извозчике сделалась как бы моим нормальным положением, я не мог себя самому

иначе представить, как на извозчике, теперь так хорошо. Мы отъехали очень немного от Петербурга, и уже характер местности совсем переменился, — не та гладь и ширь, к которым привык в Петербурге, время от времени появляются лощинки, станции на пригорке и проч. Наконец, виднеется

то приволье, которое я так люблю. Как надоели эти противные стриженые дорожки в Петергофе, шоссе и проч., а там и этому радовался. Наконец-то, лето, и я не в Петербурге, какая редкость!.. Не в лагере и в Петергофе. Пора, давно пора, —я доволен. Как я радовался, выезжая из Питера, радовался во время моего торжественного шествия с вещами впереди на извозчике чуть не шагом. Отчего я так обрадовался, когда встретил Имеретинского? Со мной произошло что-то странное, биение сердца...

Москва. 26 июня.

Да, я радовался, выезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть? Но когда, ехавши торжественным шествием по Невскому с извозчиком, который впереди вез вещи, я встретился с Имеретинским, у меня как то сердце странно забилось,—точно что-то родное, и тоже на железной дороге,—не приезжай Донауров, мне бы было неприятнее,—все-таки я, прощаясь с ним, как будто бы простился со всеми товарищами (которых, между прочим, я всех надул, обещав им видеться, да некогда было, — целые дни я только и делал, что разъезжал по Питеру, делая свои закупки и заказы,— целые дни на извозчике). В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание — Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут я провел там!.. (В лице этого театра я прощался с прочими). Не скоро удастся послушать „Жизнь за Царя“, итальянскую оперу и проч., и проч.

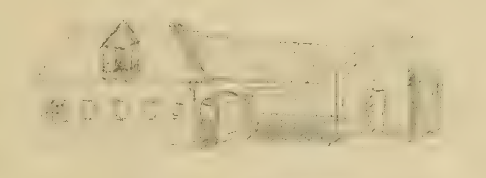
Приехал в Москву. — и воздух другой: здесь давно уже купаются, а в Петербурге мороз, температура *max.* + 9° тепла, утром дождь, вечером солнце. Это заставляет хладнокровнее смотреть на все эти мерзости, которые рисуются в семейной жизни. Об этом не стану писать, слишком гадко...

Каменка [1]). *29 июня.*

Выехал в 2 ч. из Москвы. Везде по всей дороге огромное движение, как и всегда, — множество обозов, извозчиков... Вечером в деревнях вижу везде хороводы, даже теперь ($10^1/_2$ ч.), несмотря на свежую ночь. Посадил с собой купца,

везу; он очень доволен, но уморительно безпрестанно берется за левый бок, где у него находится бумажник; интересно видеть, как он поглядывает по сторонам и вглядывается в каждый кустик. „Вот,—говорил он,—гаденький домик; недавно становой накрыл тут мошенников, спали и застал их; одного запорол до смерти нагайкой и велел дом разломать, а вот теперь новую избу поставили“. И как он косился на этот домишко! И все время, пока мы отъезжали от него, держался за карман.

Интересная встреча! Пью чай, входит молодая женщина, обращается ко мне: „Вы, пожалуйста, не пугайтесь, тут сейчас придет мой муж, у него меланхолия, он будет брать вас за руку и гладить“... Вошел мужчина, довольно высокий, растрепанный. „Здравствуйте, милостивый государь мой“,—и

берет за руку и начинает гладить, а потом вдруг за лицо. Я рассердился. „Что вы делаете?“ —„Вы уже обиделись, м. г. мой, а у меня сила: 3 льва, были 3 собаки, я из них сделал 3 льва, и сила большая,—запрягу их в карету, и сила будет очень большая, до Москвы вдесятером доедете“. Мне объяснили, что это уездный лекарь Бажанов; лечил станционного смотрителя, потом поделал себе заволоки в левом боку, закрыл их, тотчас пошел купаться; кровь ему и бросилась в голову,—он и сошел с ума.

3 июля.

Как на меня влияет окружающая природа! Я здоров, я весел, даже среди всей этой окружающей дряни, среди всех росказней, сплетен. Но как хороши вечера!.. Тепло, луна светит, что за освещение!.. И как хорошо!.. Я так давно этого не видел! Лето в Петергофе! Ха! Сыро, холодно, хоть и та же луна, и то же освеще-

ние, а теперь смешно вспомнить, чем восхищался... Здесь хорошо, —

Когда б не смутное волненье
Чего-то жаждущей души,
Я б здесь остался наслажденье
Вкушать в неведомой глуши...
Забыл бы всех волнений трепет,
Мечтою б целый мир назвал,
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти глазки целовал [2]).

Конечно, это, впрочем, только фраза, оттого, что жить с этими людьми невозможно, — целые дни только и слышишь разговоры о чем?.. Сплетни... Боже, как гадко!..

Калуга. 17 июля.

Выбрался из Никольского [3]), давно пора, но все задержки; я уже неделю просрочил против своих расчетов.

Вот списал на постоялом дворе: представлен поезд железной дороги, здание Николаевской ж. д., несколько мужиков, купцов, и внизу стихи:

Близко Красных ворот
Есть налево поворот;
Место вновь преобразилось:
Там диковинка явилась,
И на месте на пустом
Вырос вдруг огромный дом.
На дому большая башня,
И свистит там очень страшно
Самосвист замысловатый,
Знать, заморской, хитроватый.
А на двор когда взойдешь,
И не то еще найдешь, —
Тамо див увидишь много:
Там чюгунная дорога,
Не бывалая краса,
Это просто чюдеса:
В два пути чюгунны шины,
По путям летят машины.

Я не успел всего списать, но все идет в том же роде. Кончается интересною выходкою домашнего патриота; гово-

рится про паровоз, что вот-де лошадка только дрова и воду кушает, что это самовар в упряжке и т. п. Кончается:

Говорят, что немец выдумал:
Нихт вар—Русью пахнет самовар!

И патриоты восхищаются...

Не весела ты, родная картина!

Сейчас сидел у окна. Женщина, должно быть, из купчих, идет и ведет мужчину. Несчастная рыдает, целует своего Ваню и, рыдая, умоляет итти домой. В ответ он ей только шикает; темно, я не вижу, но вдруг крики: „ай, ай, ай, Ваничка, душечка, ай, ай, ай, отпусти волосы, ради Бога, ай, волосы!“ и мужской голос „тш, тш“. Несчастная умаливает его все-таки итти домой; уж поздно, 11-й час.

Бедная русская женщина! Несчастная, и вся жизнь так. Этого мало! В Рассудове [4]) та же история повторяется: славная, высокая, красивая баба, муж пьяница, бьет ее беспощадно, а она, когда ее отец спрашивает, бил ли ее муж на прощанье, отвечает, что „нет, за что он меня бить станет?“ Но мать выдает: „бил и бранился, и ругался, теперь бросил и ушел, куда, неизвестно, а дай Бог, чтоб застрял где-нибудь“. И эта несчастная уже прожила с ним 4 года; один год жили одни, держали постоялый двор, „торговали кирпичом, да остались ни при чем“, как выразилась молодка. Все пропито. И какое безвыходное положение. Боже! Но одно ли это! Несчастные живут без возможности лечиться, иметь малейшее медицинское пособие... (Я вспомнил про две соренские молодки). И какие пустяки могут помочь их здоровым, неиспорченным лекарствами натурам, но и этих пустяков некому указать, некому дать... К доктору съездить,—нужна лошадь, а она в хозяйстве необходима, работа не терпит, и гибнут они несчастные...

Я расстался с Никольским... но хладнокровнее, чем когда-либо. Лидия? Для меня это не более, как первая девушка, которая, кажется, питает некоторое сочувствие,—но не более. Я равнодушен, равнодушен даже к тем местам, которые оставляю, а я на них вырос; все, что я испытывал, это маленькая дрожь, нетерпеливость, маленькое, легонькое вол-

нение, но только... а еду я так далеко и, может быть, надолго. Откуда это равнодушие? Или надежда увидеть новое, интересное? Или перемена характера? Не берусь объяснить.

Какая теплынь!.. Вблизи под окном тихий, ровный, спокойный говор; вдали визгливый лай собак, звук какого-то колокола или чугунной доски. В небе спокойствие, мерцанье звезд.

Владимир-на-Клязьме [5]. *Воскресенье, 22 июля, веч.*

Сегодня удалось выбраться из Москвы после страшных усилий на дебаркадере. Домик маленький, а теперь ярмарка, и в Нижний едет множество народа; теснота страшная, наконец, и довольно беспорядка: все устроено так, что служащие решительно не успевают ничего сделать. Я приехал более чем за $^1/_2$ часа и не успел сдать вещей, обратившись к начальнику станции, который приказал принять их в дополнительный багажный вагон; наконец, удалось все это устроить, удалось найти место в вагоне и сесть. Поезд тронулся получасом позднее назначенного. Бесспорно, тут слишком большое стечение народа, но служащих слишком мало, все слишком тесно.

Дорогой я всматривался в окрестности. Что за различие от Петербургской ж. д. Там все лес и болото, лес и болото, я не помню даже ни одной деревушки вблизи от дороги. Тут беспрестанно деревни и села, дома крыты тесом, девки и бабы в плисовых поддевках,—кажущиеся признаки довольства... Сегодня праздник, и везде навстречу поезду выходит много народу, вообще кажущееся довольство. А растительность бедна, — много лесов, но все сосна да ель, изредка осина, земля—глина, такая жалкая, остальное луга. Крестьяне косят и все смотрят на диво—на чугунку, на «печку», как они назвали локомотив. Деревень и сел очень много, во Владимирской губ. больше, чем в Московской.

Дорогой ехал с приказчиками; один из них пообтесался на европейский холопски-барский лад и, чтоб показаться развязнее, уморительно разваливается на своей подушке; он напомнил мне Садовского [6]), курит как барышни, вернее, как погибшие, но милые создания, желающие казаться émanci-

pées [7]),—наберет табаку в рот и сию же секунду выпускает маленькими приемами. Конечно, напиться „по-барски“, не сивухой, главная его цель. Другие два „молодца“ серьезнее.

Владимир издали недурен, но дебаркадер железной дороги отвратительно скучен; пришлось прождать целый час, пока добился того, что получил вещи из „дополнительного“ вагона (это значит без квитанции, и платил во Владимире).

Не чувствуя усталости, я тотчас по приезде пошел гулять по Владимиру. Городок оригинальный, весь невелик, но на горах, и горы с преогромными оврагами; внутри города сохранился еще громадный вал—памятник былого; он очень высок и довольно толст,—работы над ним, вероятно, было пропасть, тем более, что нет впереди рва, и не знаю, откуда достали эту массу земли. Вал местами зарос глухим бурьяном, везде протоптаны тропинки. Вид с одного из углов его очень недурен: Клязьма вьется, вьется десятками больших и сотнями маленьких изгибов, противные берега низки, и вода стоит местами в изобилии от дождей. Весною, говорят, она заливает всю эту низменность на огромное, следовательно, пространство. Вдали виднеются пески, куда ходит паром с этого берега, и пески эти, должно быть, далеко, а так как вал высок и, кроме того, насыпан на горе, то горизонт отстоит верст на 15; вдали виднеется село,—„верст семь“,—сказал я, но меня один старик поправил: „верст двенадцать“,—а за селом еще видны луга, пашни, леса, и все это уходит в даль.

На берегу Клязьмы поставлено множество дров, и это виднеется словно миниатюрные кучки... Вообще я остался доволен видом.

Владимир носит оригинальную физиономию,—говорю я,—горы его все усажены вишнями, и посреди вишневых садов торчат вышки; признаюсь, увидавши первую из них, я даже немного пофантазировал,—не древность ли, мол, которую берегут... Оказалось, что от вышек протянуты радиусами веревки, которыми спугивают птицу, если она сядет на вишни; на вышке постоянно сидит сторож *).

*) В этом месте в рукописи находится собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий сад, огороженный изгородью, со сторожевой вышкой посредине, от которой к столбам изгороди протянуты веревки.

Вечером Владимир раскутился, сделал иллюминацию очень порядочную, —вся Большая улица была обставлена плошками, народ ходил по улицам часов до десяти.

Вязники [8]). *Понедельник, 23 июля, веч.*

Дорога не представляет сегодня ничего особенно интересного. Утром выбрался из Владимира, проехал село Боголюбово [9]), которого хотя имя, если не наружность, вызывает на память историю (кстати, вчера около Москвы проезжали Карачарово; это имя попадается в разбойничьих песнях, и жители его верны истории—до сих пор разбойничают,—это интересный факт). Затем проехал село Павлово,—так вот оно, про что так кричат статистики; наружность не показывает, чтобы село было теперь богато,—в былые времена—да; теперь что-то не заметно,—избы старые. Вечером попал в Вязники. Последнюю станцию ехал поздно, в глухую ночь, лесом, очень длинным и густым сосняком; я был наготове. Дождь беспрестанно начинал идти, подымался ветер, сильный, холодный, небо все заволокло черными, черными тучами, теперь разыгрывается буря.

А я хохотал сегодня от души (и давно не хохотал, скажу), когда мы сегодня с Петровым [10]) пересаживались десятки раз в экипаже русского офицера—неуклюжей перекладной, и я завяз среди тюков *).

Нижний-Новгород [11]). *Вторник, 24 июля.*

Добрались до Нижнего сегодня в 11 час. вечера; приехали бы раньше, если бы не задержки на станции за неимением лошадей—пришлось прождать 2 часа. Я поругался с смотрителем в надежде выиграть этим, и действительно, кажется, не ошибся—вместо шести часов прождал всего два и даже менее. Вообще на станции беспорядок, к тому же смотритель, вероятно, баба, а потому и происходит вся эта путаница,—лошади должны быть в таком-то часу, а их

---

*) В этом месте рукописи помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий запряженный тройкой тарантас с ямщиком, сидящим на козлах крыгой плетенки: под рисунком надпись: „Мой тарантас“.

нет, или есть, да ямщиков нет, и т. п. Однако, приехал Огарев, генерал, так нашлись же и ямщики, и лошади, а так как я продолжал буянить, то мне должны были тоже явиться лошади. Подвозил купца, очень интересного малого, он рассказывал мне про ярмарку, про хлебную торговлю, толковал о жел. дороге (Владимирской) и все это довольно интересно—не глупый. Между прочим, вчера я впал в ошибку при своей поверке географии на местности. я писал про село Павлово [12]), а оно в Нижегородской губ., гораздо ближе к Нижнему то же были Павловские дворики; меня ввели в ошибку стальные изделия, продававшиеся на станции. Впрочем, и там жители тем же заняты. Под Нижним огромные леса—все хвойные с примесью осины, редко березы, один лес, однако, был дубовый.

Среда, 25 июля.

Утром отправился на ярмарку. Однако, много лавок еще не открыто, нет той оживленности, которую я предполагал встретить; говорят, что еще рано,—это все будет в 1-х числах августа.

Ярмарка [13]) занимает большое пространство на стрелке между устьем Оки и Волги, место очень удобное. Тут, однако, все пески, которые в нынешнем году Ока порядком поснесла, так что железным рядам негде поместиться—им должны были отвести другое, менее удобное место.

Я проходил по ярмарке довольно долго, но интересного видел мало. В толки с купцами вступать не решался, потому что каждый занят своим делом, а в „заведения" идти не решился—всякий дичился бы меня за мой офицерский наряд.

Обедая, я читал „Справочный Листок Нижегородской Ярмарки", где, между прочим, расписывается какая-то дача „Варя" в окрестностях города, и расписывается и иллюминация и пр., и пр., и таинственность уголков хорошего сада и т. п. Я взял извозчика и поехал, но небо хмурилось, было холодно, дождь собирался. Отыскали „Варю". Оказался хорошенький садик, много цветов, беседка, кафе - ресторан и десяток музыкантов, отпиливающих, отдувающих какую-то жалкую мазурку, не из Шопеновских, а игранную так медленно, как пригоже играть только Шопена.

В кафе-ресторане 2 господина пьют чай, пяток свечей в люстре в зале и только...нечего было делать, обманулся, на то и приезжий.

Я выпил чаю и вернулся. Холодно, толстое пальто едва защищает от холода и сырости. Вообще вот уже лето на исходе, а теплых дней нет, как нет, все холодно, и все дует холодный ветер (северо-западный).

Дорогой я разговорился с извозчиком про оренбургских казаков [14], которые тут пришли на ярмарку; жалуется,—больно злы, эти еще ничего, а вот в прошлом году были калмыки, что-ли, так и бьют все нагайкой; в нынешнем году добрее, только острастку дает (выговор все на *о*). Да вот, рассказывал, послы какие-то из Англии, что-ли, с длинными косами. Уж не японские ли послы? Они недавно были в Берлине.

Четверг, 26 июля.

Опять утром ходил по ярмарке, покупки делал. Да, между прочим, вчера ходил в Китайский ряд, нарочно, с целью увидать китайцев; видел татар, калмыков, а китайцев-то и нет.

За обедом пришел хозяин гостиницы, разговорились. Вот, говорит, прислали сюда Лауница военным начальником; очень хороший человек, энергичный, деятельный; как он тут в 10 дней все скрутил, все перевернул вверх дном. Полковника оренбургских казаков засадил на гауптвахту; неизвестно, что будет. Лауниц ходил переодетый к казакам, разболтался, все и повыспросил, а то, говорят, здесь делали чорт знает что. Напр., казармы 6 резервного стрелкового (баталиона) стоят на берегу Волги около пароходных пристаней, так прежде тут было опасно ходить—грабили; или вот недавно была буря, разбила много судов подле казарм; солдаты так и бросились и вырывали товары из рук у купцов, спасающих имущество; теперь, как рукой сняло. Или вот в лагере бывшего карабинерного полка, теперь только учебного баталиона, солдаты поделали себе всяких балаганов для игр азартных и т. п. Лауниц все это разузнал и вывел, а то был большой беспорядок, особенно в гарнизонном баталионе,—солдаты ходили пьяные гурьбою по улицам, теперь этого нет. На пожарах прекрасно распоряжается.

Прежде здесь был губернатором А. Н. Муравьев[15]), возвращенный из Сибири после путешествия наследника в 1837 г. Им хозяин очень доволен,—политичный человек: удивительно был ласков со всеми, вежлив, обходителен, умел затронуть слабую струнку богатых купцов и заставлял их строить разные разности для города и т. д.

Вечером был в театре: играл Ольдридж в „Макбете". Театр довольно велик, белые стены, лампы вдоль лож. Оркестр посредственный, однако, играет вещи порядочные— „увертюра Вильгельм Телль", „Il Baccio" и серьезные Бетховенские увертюры, но фальшивят частенько. Я сперва был в затруднении: войти в театр без пальто холодно, двери на улицу настежь, а в пальто неловко; я расспросил, каков обычай,—ходят в пальто, ну и ладно. Начало назначено в $8^1/_2$ ч., началось только в $9^1/_4$,—все поджидали, чтобы набралась публика; действительно, когда я вошел в 8 ч. 20 м., то было только 2 чел. в партере, потом все прибывали; но каково прождать даром $^3/_4$ часа! Этим только приучают публику опаздывать и собираться в 10-м часу.

Что сказать про игру Ольдриджа?[16]). Я вижу его в первый раз, но пришлось бы повторить сотни раз сказанные фразы. Одно я в нем заметил: не мешало бы немного более игры физиономии,—она у него слишком неподвижна. Но Дависон[17]) глубже его проникает в роль; у Ольдриджа менее цельно, характер не так п р о в о д и т с я, как у Дависона; в отдельных сценах он превосходен. Как мелочь, могу привести, что он в е л и к о л е п н о фехтуется, он минут пять дрался с Макдуфом и прекрасно, но должно быть устал: когда его вызвали, он едва-едва переступал ногами.

Пятница, 27-го.

Меня удивляет хозяин этой гостиницы. Сегодня опять разговорились за обедом. Зашла речь о музыке. Он друг Варламова[18]), видно, что не на словах, знаком с Алябьевым[19]), и как отец его, так и он любит музыку. Это доказывает шеститысячная машина при всем состоянии—доме в 20 т. Это удивительная личность: отец его простой крестьянин, нажил себе состояние, но сыну не дал никакого образования, а сын, Илья Михайлыч, получает „Русский

Вестник“, „Современник“, „День“ [20]), и не для проформы, а заговорите про любую статью, сколько нибудь интересную,—он ее непременно прочел и помнит прекрасно не одно содержание, а сущность. Читает „Колокол“ [21]), подпольные издания и судит довольно здраво. Замечательно, со сколькими людьми, очень интересными, приходилось ему встречаться, с некоторыми из декабристов, Бестужевым [22]), Муравьевым [23]); страстно любит театр, оперу. Для полноты характеристики надо, однако, прибавить: скуп, требователен относительно прислуги.

Вчера я был в Кремле, отыскивал древнее лобное место, с которого Минин сзывал Русь к обновлению, и странно, не нашел, никто не знает. Надо узнать, существует оно или нет. (Кстати, на занавеси театра изображено лобное место, и Минин говорит нижегородцам).

На нагорном берегу Волги стоит Кремль. На высоком месте Кремля поставлена беседка. Что за вид! Виднеется слияние Оки и Волги, на этом мысу ярмарка; обе реки уставлены судами, целый л е с м а ч т перед глазами,—действительно лес, не фраза. Вся ярмарка на ладони; а там, вдали, пологие берега Оки и Волги, вода стоит местами, и это стелется верст на 40 кругом: Балахна в 30-ти верстах, а ее видно очень хорошо. Что за даль, ширь!.. Я долго, долго любовался видом, едва отошел.

Суббота, 28-го июля.

Утром, когда я расплатился с портным, который шил мне чехлы на чемодан и проч., он говорит: „не будет ли в чем от вашей милости помощи, вот я выдумал машину..“—„Perpetuum mobile?“ подумал я. „Да-с, вечное движение“ [24]). Я с сожалением взглянул на него,—бедняга худ и воодушевляется при мысли о своей машине. „16 лет работал я над ней, ваше сиятельство, целый год чертил я, по 10-ти недель тогда не спал, начерчу и брошу; вот теперь начертил и все строил модель, только шары поделал глиняные,—раз махнет и все разлетится, а уж я сделаю это и просто, можно сказать, всю Россию обогатит это; она вот как пойдет в гору, так тут пружины, их можно наставить несколько тысяч, эти пружины будут распирать и не пущать назад. Только я уж сделаю эту машину, а капитала только нет, а всячески сделаю, разве смерть возьмет. Я вот был крепостной, работал,

оброк платил и плачу по сие время, а вот Бог даст буду вольный, тогда сделаю". Бедняга! Я ему дал 2 рубля на его модель. Как он был доволен: „Я вам за ваши рубли тысячами отдам!" Основная мысль в том, чтобы сделать в колесе одну часть всегда тяжелее другой. К колесу приделаны на железных палках большие шары; шар, падая, должен действовать неравноплечным рычагом, чтобы поднимать восходящий шар. Кроме того, еще 4 шара. Нисходящий также неравноплечным коленчатым рычагом поднимает при помощи блока восходящий шар. Но очевидно, что из всего этого ничего не может выйти. Все его познания из механики ограничиваются познанием, что если на палке груз ближе к точке опоры, чем рука, то его легче поднять,—и только, и с этим он устраивает сложную машину. Если б к его способностям да знание, он не стал бы отыскивать perpetuum mobile, а, может-быть, выдумал бы какую-нибудь машину пополезнее. Грамотность и школы,—в школах геометрия, механика потом...

Невесела ты, родная картина!

Идя по мосту, я остановился от песни, более похожей на стон, чем на песню; идет судно какое-то, и гребцы, чтобы грести в такт, поют какую-то песню, где запевало тянет какую-то грустную (но довольно скоро) песню, а прочие припевают что-то в роде „ой, да, ой",—что-то очень дикое, очень возмущающее душу, наводящее грустную думу, бессильную злобу, желчную задумчивость.

Воскресенье, 29-го июля.

Сегодня нечего почти вносить в книжку,—я все сидел дома, занимался укладкой, ездил на пароходную пристань и на ярмарке делал немногие покупки. Замечу одно,—то, что здесь на ярмарке все очень дорого, многие вещи не дешевле, чем обыкновенно бывает в Нижнем; вообще (это подтверждает и Илья Мих.) купцы считают себя в праве драть немилосердно по поводу ярмарки, и цены на многие вещи гораздо дороже московских и петербургских. Между прочим, ярмарка все еще туго открывается,—до сих пор многие купцы с нужными продуктами еще не выкладываются.

Между прочим, замечу здесь про неимоверно большое количество нищих, вероятно, привлеченных сюда ярмаркою. Их шляется здесь несметное число, в том числе много действительно убогих, -безногих, безруких и т. п

Волга, пар. „Купец.“ Понедельник, 30 июля.

Только что тронулись из Козьмодемьянска [25]), где, простояли около часу. Я воспользовался этим временем и с Эртелем (шт.-кап. генер. штаба) прошелся по городу. Это город только по названию. да по воле Екатерины, что ли. Он на нагорном берегу: 4 церкви, пять-шесть каменных домов и только; прочее—все деревянные строения, домишки мещан с 3 окнами, развалившиеся лавки на большой площади с огромною лужею, в роде прудка:

Невольно припомнишь бедный городок,
То, правда, город не велик,
И лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
И т. д.

Что за несчастный городишко! Три—четыре кривые проулка и на большем из них клочек мостовой в $1^1/_2$ кв. саж. Затем мостовая для подъема с реки, но что за мостовая! Около нее проход для пешеходов, но, вероятно, бедной вдове понадобилось досок для дровец, и потому на этом проходе огромные незаделанные дыры. Вообще так духотою и гнилью и несет из этого города. Теперь была половина десятого, когда мы ходили, и в двух-трех домишках огонь. На улицах пусто,—мы встретили только одного мужика около питейной конторы, да тех, которые шли на пристань таскать дрова.

Дрова таскают женщины-мещанки, и помногу наваливают: 5 сажен *) в 28 носилок, например; бабы во время работы поют себе какую-то песню с претензией на хоровую музыкальность — в унисон; басы иногда подтягивают и довольно эффектно **).

Весь день физиономия волжских берегов не изменяется, справа высокий берег с крутыми обрывами (глина с песком),

*) За 5 саж.—1 руб. *(Прим. автора).*

**) Между прочим, на пристань приходили 2 барышни, брат гимназист, старуха мать. посмотрели на пароход и ушли. *(Прим. автора).*

заросшими мелким березняком, слева низкие, отлогие песчаные берега, тоже заросшие березняком, иногда сосной, редко дубом.

Ночь удивительна тепла, градусов 16—17, луна светит так хорошо, и наш пароход очень эффектен: из трубы летят искры огромным снопом; каждая искорка, брошенная с большой силой, описывает линию, змейкой,—вообще очень красиво; если ветер стихает совсем, то искры поднимаются очень высоко, если ветер слаб, они низко летят над водою и отражаются в воде. Наш пароход очень порядочный, каюты удобны, он довольно ходок и очень поворотлив.

Пар. „Купец". Волга за Казанью.
Вторник, 31-го июля.

Такими вечерами, как был вчера, не часто приходится наслаждаться: тепло и воздух такой мягкий с чуть-чуть легкою непрозрачностью... луна полная отражается в мелкой зыби,—светло и только более яркие звезды сверкают на небе...

Сегодня, утром, около 7 часов, приехали в Казань [26]. Быть в 7-ми верстах от этого интересного, по словам всех, города, и не быть в нем, казалось непростительным,—я поехал посмотреть, что за город. Пароходная пристань на левом берегу Волги, на песке; пески очень глубоки, колеса уходят очень глубоко. Между прочим, извозчик сообщил мне, что эти пески уменьшаются теперь в протяжении,—Волга переменяет русло и все подмывает левый берег и отступает от правого, где находится большое село Услон [27]. Село это кажется зажиточным,—жители имеют выгодный сбыт в город молока, яиц и проч., и, кроме того, служат как перевозчики на другой берег; особенно отличаются они в половодье, когда на баточке переправляются, лежа на брюхе, и отталкиваются от льдин. Еще нынешней весной погиб таким образом, как-то попавши ногой под льдину, самый храбрый из таких перевозчиков.

Ну-с, итак, я поехал в город; дорога все идет песками; род пригорода составляет татарская Марокеевская слобода [28]. Если я не ошибаюсь, то это адмиралтейская, потому что

извозчик пояснил мне: „Марокеевская потому, что здесь прежде корабли строили; еще теперь цел корабль там старый на берегу“.

Эта слобода очень чистенькая, деревянные крыши, деревянная мечеть с деревянным минаретом. Жители ее довольно зажиточны, промышляют выделкой рогож, веревочных ковров и живут очень чисто. Кроме этой слободы, есть еще татарская слобода с другой стороны города, там несколько мечетей и там живет торгующее сословие*).

Сама Казань не похожа на виденные мною губернские города; все они, кроме некоторых особенностей, во всем прочем совершенно схожи. Казань не то: во-первых, бросается в глаза, что город университетский: книжная торговля, типография, гимназии; в 1-ой гимназии и в университете, кажется, есть обсерватории, вероятно, они были устроены одним лицом (очень схожи) и, замечу, теперь довольно ветхи; не знаю, как они поддерживаются, но, должно быть, не совсем в порядке, впрочем, по наружности трудно судить.

Во-вторых, в Казани мостовые удивительно хороши для губ. города, на некоторых улицах очень порядочны, попадаются клочки торцовой (огромные шашки, между прочим). Затем иные дома очень милы—архитектура вовсе не губернская. Прибавьте к этому много очень древних и уродливых церквей, Кремль, высокая башня, остаток знаменитой осады, минареты,—следовательно, город своеобразен. Я был в главном соборе, Благовещенском [29]). Он очень стар, тут погребены архиепископы первой половины XVII в. Но несколько лет тому назад собор переделали и не пощадили старины, оставили только фасон древнего иконостаса, а иконы все подновили, но как! Святые вышли на новый лад, и яркая пестрота красок сильно не гармонирует с надгробными надписями архиереев начала XVII в. В соборе мощи св. Фотия [30]), тоже древность, современник царя Ивана Васильевича. Хотел и еще осмотреть некоторые церкви, войти в мечеть, да все заперто, то же, что в Нижнем.

Говорил и про губернатора Козлянинова [31]). „Все в карты играет, в дела не входит, а дел-то много,—тут вон и чере-

---

*) В этом месте рукописи собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий татарскую могилу.

мисы, и чуваши, и мордва, и русские, обо всех подумай". Да, говорят, новый приехал; впрочем, все то же будет.

У татар довольно приятное лицо: нос клювом, часто умные глаза, и у многих молодых клочек бороды, в роде французской. У стариков, напротив, бороды довольно большие. Иные мальчики очень недурны, другие же, напротив, со своими вздернутыми носами и изрытыми оспой лицами очень некрасивы. Вообще я заметил два типа*).

Что-то в роде этого. Хотя и вижу, что тип не тот, ну да хоть понятие дает. Заметно по их собольим шапкам, золотым цепочкам, что между ними много богатых. Проехавшись по татарской слободе два раза, я не встретил ни одной женщины из не молодых,—все те, которых я видел, отвратительны: жирное, обрюзглое старое лицо, все в морщинах, под уродливою накидкою, фатою, что ли. Иногда прибавьте к этому огромное пузо и жирное туловище.

Как хороша теперь Волга при заходящем солнце!.. Впереди необозримая гладь, справа крутые громады: обнаженные бока из красной глины, заросшие местами мелким березняком. На этих кручах гнездятся села и лепятся к берегу широкой реки, на горе церковь, за нею ряд мельниц, а остальное все усыпано вразброд домиками, амбарами, сараями. Церковь напомнила мне clocher du village [32]), родную церковь—Никольское, та же архитектура, и, как бы для полноты воспоминания, на противоположной высоте кладбище, с такою же часовней, как в Сернике, та же серая часовня, те же серые кресты... Да, Никольское дорого по воспоминаниям: все детство, а оно, как и всякое детство, не было безотрадным при всей гадости, которая окружала меня. По Волге несется легкий прозрачный пар, и сквозь него иногда промелькнет лодка, и на веслах ее играет солнце.

День был сегодня невыносимо жаркий, утром жгло просто, если я снимал на несколько секунд свою папаху, то голову нестерпимо припекало; теперь посвежело, ветра, однако, нет.

*) В этом месте в рукописи помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий два типа татар, о которых говорится в тексте.

Кама. 8 ч. вечера.

Сейчас вступили в Каму. При устье несколько наносных песчаных островов: теперь характер местности изменился,— нет нагорного берега, оба низки и оба заросли лесом. На западе синеют громадные леса.

Пароход „Купец“. Кама.
Среда, 1 августа.

Сейчас, роясь в портфеле, я напал на записку Н. В. Кошкаровой к Елизавете Марковне; рука удивительно похожа на руку Лидии, и я припомнил ее чудный веселый смех, улыбку, иногда очень милое наморщивание бровей... Милое созданье! И я в ней, вовсе того не подозревая, разбудил впервые нетронутые, незнакомые чувства. Милая! Она за меня мучилась, думала обо мне, грустила, и за меня впервые поплатилась неприятностями,—в ней заметили перемену, и это вызывало шутки, первые недетские неприятности в жизни. Конечно, это не любовь, это не серьезно, это чувство переходное от детства к жизни, это приятно... Нет, я чепуху пишу, довольно...

За Елабугой, Вятск. губ.

Я воспользовался остановкой в Елабуге [33]), чтобы дойти до города. Город невелик, расположен на правом берегу Камы, верстах в двух от реки. Причина этого, вероятно, громадные разливы Камы: всю эту площадь до города, а также весь противоположный берег заливает водою. Недалеко от пристани идут холмы, которые тут уходят внутрь страны, сам город расположен на их склонах. Вообще в Каме нет, как в Волге, нагорного и низменного берега. Кама непощадно вьется, часто ворочается более нежели на 180° от первоначального направления, и горы переходят с одного берега на другой. Все берега заросли лесом на большие расстояния. Лесные богатства доказываются большими прочными постройками, тесовыми крышами и расточительным употреблением леса для выжигания алебастра. Подходя к городу, я удивился, видя большое количество огней вокруг него; я подошел к одному из них: бревна, большею частью из старого сухого леса, наложены в клетку, сверху нава-

лены камни, дальше кирпичная печь с трубой и с навесом вокруг—тоже жгут алебастр [34]). Камень привозный, как объяснил мне один проходивший мимо мужик, откуда—не знает, платят за него от 2 до 3 коп. за пуд и занимаются выжиганием.—Да отчего же так жгут, печей не строят?—спросил я,—лесу много идет. „Да что рыть,—все одно, что так, что в печке, то ж по краям камень такой, непрожженный, останется".—Да лесу много идет.—„А где ж копаться и рыть, вот сегодня в пятом часу заложили, завтра вынут, толочь будут". Выходя из Елабуги, я услышал свисток нашего парохода; я так скоро не ожидал его, а знал замашку нашего капитана—выходить раньше срока, когда вздумается, я и прибавил шагу, даже побежал au pas gymnastique [35]) и все это напрасно,—я успел посидеть на палубе и чаю напиться с кейфом, а пароход только что тронулся. Вообще капитан действует очень самовольно. Он должен выходить из Елабуги завтра, в 4 часа утра, вышел сегодня, в 10-м часу вечера. Каково, если бы кто-нибудь приехал из деревни, рассчитывая на пароход,—горько бы разочаровался...

Пар. „Купец". Кама.
Четверг, 2 августа.

Нагорный берег определился правый; над рекой висят почти отвесные кручи из красной глины, заросшие лесом, преимущественно ельником; попадается довольно много больших сел, по виду зажиточных,—деревянные крыши, прочные избы. Лесу много. Часов в 6 попали в Сарапуль [36]). „Все сапожники", говорит мне человек с парохода. Действительно, все сапожники.

Я сперва вскарабкался на гору, прекрутую и всю из красной глины. С горы представился миленький вид: вдали холмы, леса, на том берегу село *),—белеется церковь, на этом раскинулся город, по наружности недурненький, довольно много каменных строений, острог оригинальной архитектуры с круглым куполом и крестом, под которым пригнездились два-три колокола; по городу поделаны деревянные тротуары,

*) В этом месте рукописи помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, крайне неясный, изображающий реку, за нею холмы, из которых один покрыт лесом.

есть несколько лавок, порядочных с виду; в них все есть, как всегда в уездном городе, а если чего нет, то есть вещи в замену этого недостающего: сало—вместо помады, вместо рафинаду—сахарный песок, одним словом, это все известно, а вот не всем известно, отчего в Сарапуле все сапожники. Отчего? Отчасти оттого, что часто без всякой видимой причины вдруг какой-нибудь уездный городишко славится чем-нибудь; прежде была причина, теперь она хотя и перестала действовать, а жители продолжают ремесло отцов, и, напр., хоть в Калуге, выделывают предрянное тесто, вместо прежнего, которое, говорят, было недурно. Впрочем, в Сарапуле этого не вышло, а сапоги продолжают выделываться и вообще недурно. Этому способствует избыток кожи. Кожа собственная, конина и др. идет из Мензелинска [37]), козел же идет из Ирбита [38]), впрочем, товар похуже казанского, который, в свою очередь, похуже петербургского. Затем сбыт удобен, теперь в Нижнем ярмарка, скоро еще где-то; как только Волга вскроется, там-то и бывает ярмарка, и т. д. А то сбывают в Саратов и др., там кожи мало выделывают. Вот и объяснено, отчего много сапожников. Кажется, Сарапуль городок с будущностью; я так думаю потому, что он весь обстраивается, очень много каменных строений перестраиваются, строятся новые,—деятельность.

Сегодня виделся здесь с одним г-ном из Иркутска, был в Благовещенске, хвалит, говорит, что городок во сто раз лучше Николаевска, климат очень порядочный, губернатор Буссе [39]) хороший человек. Только советует он мне, по возможности, спешить, а то, говорит, если заблаговременно не попадете в Благовещенск, тогда вы и намерзнетесь, и накупаетесь в Байкале и в Амуре, а реки становятся рано, в середине октября. Однако так ехать, как он советует, я не в состоянии—не ночевать, в городах не жить, а позволить себе поспать ночью раз в неделю.

На пароходе едет очень интересный господин из Енисейской губ., из Красноярска, сибиряк, очень не глупый; если сам не образован, то сына свез в Петербург в гимназию,—пусть учится, а там хоть в университет. Но интересные

дела с ним происходили: у жены постоянное течение белей; он поехал для нее за границу, был в Гельсингфорсе, в Любеке, Гамбурге, еще где-то,—ничего не помогло. В благодарность за это (впрочем, кто его знает, что он за человек в семейной жизни) жена его сбежала и обокрала. Он подал жалобу в полицию, жена тоже, и в один прекрасный день, без осмотра, его упрятали в больницу Всех Скорбящих [40]), называя сумасшедшим; там выдержали его 4 месяца; он говорит, что даже пытались отравить. Он попросил магнезии, ему дали, но он принял только чайную ложечку, тогда у него пошла кровь горлом в огромном количестве и даже несколько дней шла с мочею. Странный яд, если только это был он. Старик всем больным тогда показывал, какое действие произвела на него магнезия, и то, что ему давали, спрятал под тюфяк, и это украли у него, для чего? Теперь он подал жалобу государю, прося о разводе, а сам поскорее удрал из Петербурга, чтобы не сделали еще чего-нибудь подобного. Человек он богатый; придя в больницу, он деньги, 2.000, спрятал в платье и отдал на сохранение, из них пропало у него 1.000. Отчего не все? Странно.

То же, утро.
Пятница, 3 августа.

Север, север, так и пахнет им; правый берег еще круче, еще выше, и, кроме ели, ничего на нем не видно. Налево в перемежку идет тот же ельник, да какие-то кустарники, подчас осины, редко березы. Только и видно на горизонте, что острые верхушки елей; эти ели растут на обрывах, и Кама, размывая свой крутой берег, уносит и их с собой, и на обрывах видны засохшие деревья, другие, сильно наклонившиеся, ждут только следующей весны, чтобы свалиться в Каму и быть унесенными Бог весть куда. Окрестные горы закрыты сизым туманом, вечным спутником хвойных лесов, с берега несется смолистый запах, и небо само принахмурилось; тихо, а небо все покрыто облаками; свежеет.

Пермь. 7 августа.

Я не писал все эти дни, потому что и писать-то почти не о чем. Пермь [41]) мне не понравилась,—город большой, недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и безлюдье

невыносимые. Я рыскал по всему городу, сперва искал тарантас, потом попутчика. Ни того, ни другого не нашел, пришлось взять тот же тарантас, который видел в здешней гостинице. Вообще Пермь сказалась мне не хорошо. В первую ночь промучился невыносимо. Через номер проходит железная труба из кухни. Жара от нее невыносимая; отворяю окно, начинает вонять кухней до безобразия гадко, несется запах жженого сала, приходится затворить окно, курить туалетным уксусом. Но жарко,—пришлось отворить дверь, пользы мало, но все-таки маленькое облегчение. Но и тут неудача, скоро несется вонь из ватерклозета. Что делать? Пришлось промучиться всю ночь, я даже чувствовал себя нездоровым—метался на постели, едва дождался утра. Пришлось переходить в другой номер. Тут пришлось встретиться с Фелькнером. Отец его и мать добрые люди, предлагали с ними ехать, но их такая куча, к тому же дети, один грудной даже,—ну, спасибо, помню я детство и Полиньку на руках и т. п. удовольствия. Попутчика нет, положительно нет,—все едут теперь в Нижний, а не в Сибирь. Здесь попадаются сибиряки—те же слухи: „спешите, спешите, как только можете, а то опоздаете и всего натерпитесь на Амуре"... А где тут спешить? Вчера купил тарантас, отдал поправить. Что ж? Должен был быть готов сегодня, а завтра не раньше 1 часа поспеет. Чорт возьми!

Что сказать про Пермь? Я уже писал об этом [42]) Леонтьеву [43]), есть черновое, повторять то же самое не стоит. Теперь страшно холодно стало. Вчера было не более + 11° Р, сегодня утром + 8,5 потом + 10°; ветер пронзительный, холодный, западный. Надо ехать в полушубке. Теплый же климат! Славное местечко! Я вообще здесь не в духе, печень работает неисправно, что ли. Вообще нехорошо. Пора бы поскорее выбраться отсюда. Да к тому же Петров с своею глупостью и услужливостью медведя Крылова. Вот навязали золото!

Четверг, 9 августа.

Вчера, вечером, выехал из Перми. Началось с затруднений насчет тарантаса,—ямщик не хотел везти на 2-х лошадях, вот я и понял, что ему хотелось на-чаек. Когда я пообе-

щал дать ему, он тотчас смягчился. Дорога здесь шоссе, сделанное обывателями,—насыпаны гальки, которых здесь множество, и сделано порядочное шоссе. Это шоссе остается порядочным, пока оно в ведении обывателей, но лишь только переходит в казну, как становится невыносимым,—„все зубы выколотишь“, как сказал ямщик. Казна насыпает не гальки, а крупные плоские камни—выходит что-то не лучше калужских мостовых. Растительность здесь уже гораздо лучше, чем в окрестностях Перми: там все еловые леса, тут беспрерывные перелески, самые маленькие, подчас даже только отдельные деревья, разбросанные на огромное пространство. В лесах разнообразие: подле раскидистой сосны стоит худенькая елка, жидкая осина, густая береза, какой-то лозняк. Внизу виднеется папоротник; почва за Кунгуром [44]) великолепная, земля буквально черная. Меня удивила величина здешних сел: иногда они тянутся более чем на версту, захватывая и в сторону большие пространства. Многие дома очень хороши, но много и крайне бедных. Занимаются, говорят, одним хлебопашеством; земля хороша, но ее мало. Что народ трудолюбив и дорожит тем, что вырастет на полях, так это видно из того, что все поля огорожены, выгоны также—скот не попадает в рожь. Между прочим, странный здесь обычай,—скот на ночь не загоняется: он ночует в поле и подходит, вероятно, поближе к своим домам, так что около деревни целое стадо располагается на ночлег.

Азия. Екатеринбург [45]).
Пятница, 10 августа.

Целый день тащились по горам. Горы и леса. Вдали видны все леса, все шапки, конусы, сплошь обросшие ими. Наконец, вдали показалась главная цепь гор: синеватою грядой тянулась она перед глазами. Огромные леса покрывали ее. По горам виднеются заводы: белая церковь с чугунною решеткою на синем фоне сосновых лесов, вокруг нее разбросан чуть ли не целый городок, аккуратные домики с тесовыми крышами, прямые улицы, вдали доменная печь, массы красноватой руды вокруг нее,—вот общая их физиономия. Заводы очень людны—есть такие, где число рабочих доходит до 3.000. В то время, когда я смирно лежал себе в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько,

Петров говорит: „а вот, ваше сиятельство, памятник какой то, что ли“. Я закричал: „стой, это граница“. „Да, Уральский хребет“, —заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне „Европа“, с другой—„Азия“. Около столба избушка, где живет сторож. Итак, теперь я больше не в Европе; я простился с нею (не знаю почему-то по-итальянски), вспомнил „английский

хвостик“ Николая Артемьевича и пустился объяснять Петрову, сколько нам еще ехать. Орогидрографическая граница уже проехана, но административная Европа еще не кончилась,— мы находимся в Пермской губ., следовательно, в России, в Европе.

Ст. Белейка.

Суббота, 11 августа.

Сегодня с утра нагрянули ко мне в Екатеринбург резчики. Явился Стебаков. Я объявил ему, что мне нужны только

запонки, и более ничего я покупать не намерен. — „Нет, нет-с, все равно, взгляните на наши вещи“, — и явился с десятками ящичков, коробочек, футлярчиков. Уж чего-чего не выкладывал он передо мной, сулил от камней большие выгоды на Амуре etc., и сильно удивлялся, когда я ничего не купил, кроме запонок, которые были мне нужны.—„Ну, уж крепки вы, как я ни старался вас соблазнить—все нипочем“.

Екатеринбург—город, в котором, по крайней мере, жизнь видна, и городок, должно-быть, живучий,—на улицах движенье, народа встречается довольно. Здания есть очень милые, много каменных, улицы хорошие, по окраинам заводы, множество рук заняты ими, и много, кроме того, занято по домам гранильным делом. Прежде отыскивание камней было предоставлено всякому по билету от казны,—много крестьян занималось этим, и камни можно было приобресть по дешевой цене. Теперь это отдано на аренду.

Какая же теперь погода! Встают смерчи, ревут бураны, весь день все шел дождь, теперь поднялся ветер, да какой! Так и ревет; холодно. Впрочем, вообще на восточном пологом склоне Урала холодно. 27 июля был, говорили мне на одной станции, такой мороз, что вода в кадушке замерзла пальца на два; хлеб плох, соломой хорош, а зерно прихватило, овощи все померзли. Картофель даже начал гнить. Здесь всегда так. А жители занимаются, главным образом, хлебопашеством, на приисках—извозничеством.

Тобольская губ., ст. Тугульминская.
Воскресенье, 12 августа.

Въезд в Тобольскую губ. останется мне памятным. Дорога с последней станции отвратительная, кругом лес весь в болоте, и через это болото проведена отвратительная дорога: гать насыпана невысоко, навален крупный зернистый песок, а в топких местах сделана гать из бревен; я вспомнил, что это обыкновенно сравнивают с фортепианными клавишами; пожалуй, но чтоб иметь об ней понятие, нужно провести пальцем по черным клавишам. Лес, сначала мелкий, становится выше и гуще,—тут приволье для волков и зайцев, которых много; другого зверья не имеется.

И вот по этой-то дороге, где лошади вязнут в жидкой грязи, а колесо уходит по ступицу, совершил я свой въезд в Тобольскую губ. Небо точно сжалилось над нами и перестало осыпать нас тем мелким петербургским дождем, которым осыпало вот уже три дня. Это дало мне возможность опустить верх тарантаса, а то при тряской дороге голова и . . . . страдают невыносимо; впрочем, они никогда не страдают вместе зараз, — их выгоды прямо противоположны: устроишь сиденье помягче, голова при всяком толчке бьется об верх; вынешь из-под себя лишнее, что бывает большею частью, — . . . . страдает невыносимо, она у меня и теперь сильно болит. Впрочем, Петров умеет согласить невыгоды и той, и другой, — устроит иногда высокое и жесткое сиденье, из усердия подложит сена под тарантас. Как он был сегодня смешон с своим храбрящимся испугом, когда я под его ухом выстрелил и начал будить криком: „Петров, режут, разбойники, воры!"

С въездом в Тобольскую губ. и с приближением к ней, вот что заметно: на почтовых станциях вы можете уже найти и скромный обед. Петров говорит, что у дворника, где он обедал, его спросили: „чего хотите, скоромного или постного?" и за 10 коп. накормили щами, лапшой, кашей, капустой с огурцами и еще чем-то. Появляются раскольники („двоедолы"[46]), как назвал ямщик, не поясняя в чем дело).

Оригинальные в Камышловском[47]) и Екатеринбургском уездах церкви, что то оригинальное и безобразное: род мавританскаго купола, хоть самого маленького, поверх избы с мавританскими окнами, рядом колокольня с таким же деревянным безобразным, кривым куполом *).

---

*) В этом листе рукописи помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий две деревянных одноглавых церкви, с рядом стоящими колокольнями; внизу — рисунок двухсветной трехглавой церкви, с шатровой колокольней рядом.

Тюмень [48]).
Понедельник, 13-го августа.

Вот и первый сибирский город. Я остановился в нижней Тюмени; все деревянные дома, широкие и грязные до невероятия улицы. Такие же точно улицы и в нагорной Тюмени. Чтобы что-нибудь поразведать, я отправился в конторы разных пароходств. В одной меня усадили, попросили чаю напиться, сигарку выкурить и разболтались насчет увеличения пароходства etc. Особенно интересного мало,—я писал, впрочем, об Тюмени в Р. В. [49]). Она—город очень незамечательный по наружности, как и все сибирские города до сих пор. Но в мещанских плохеньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают... и читают довольно много.

Вторник, 14 августа.

Переночевавши в Тюмени, я отправился сейчас же. До Тюмени и после нее какие безотрадные окрестности. Болота, сплошь поросшие мелким березняком. Местами этот березняк вымок и засох,—это делает местность еще безотраднее. Однообразие изредка прерывается болотистыми озерами, в которых полощатся утки, и они так, видно, не напуганы человеком, что подпускают меня к себе на близкий пистолетный выстрел, а иные не улетают даже после выстрела. По бокам дороги такие топи, что стоит только ступить на них, чтоб не выпутаться,—так и всосет. По ним растет высокая густая трава,—задатки все для будущего торфа.

Но через несколько времени местность стала изменяться, болот меньше, их место заступают луга и вот

15 августа и 16-го.

они уж переходят в большие поля. Земля восхитительная: жирный чернозем, хоть в кашу клади. Навоза, конечно, не приходится класть и за деревнями он гниет на полях. Одно бросается в глаза,—это недостаток леса, особенно теса,—избы покрыты Бог знает какими обгрызками. Меня это сильно удивляло,—ведь, течь должна. Однако, оказывается, что на потолке насыпан слой земли, который заростает травой. Сверху

делается очень пологая, двускатная крыша, на которой наложена береста и сверху крест-на-крест тонкие березки, или же гнилой тес разной величины. Постройки часто двухэтажные, амбары большие, дворы хорошо огорожены. Крестьяне одеваются очень щеголевато, даже в будни: „Но,— рассказывала мне хозяйка в Ялуторовске [50]),—посмотрели бы вы на них в базарный или ярмарочный день,—шубы дорогие, на женах платья шелковые, юбки пышные, тоже ваточные, и вот в городах пошли теперь кринолины, ну, и в деревнях тоже. А как приедут, посмотришь; подушки фунтов по 15, по 20, пуховые, хохол тоже на сторону воротит. А тоже стали платья носить все по-немецкому; жены,—ну, и те тоже, а то и сарафаны как поделают себе, пышные, богатые, так просто дорого-любо смотреть. Нет, куда уж расейским! Посмотрите-ка, как мы своих девушек обучаем. Вон моя Наташа, даром, что 16 лет, а случись, что я пойду куда, ну, на базар, тоже говядину продаем, или что,—так одна, хоть сколько ни будь проезжающих, хоть 10 человек, всех накормит, все довольны будут. А ваши расейские приедут сюда, ничего не умеют, все вот кума моя... бывало к мужу: „И. И., как это, сколько чего положить?" по хозяйству-то. Только и умеют, что ах, да ах, матушка, ну, ну, куда". И при этом она рассказала мне, как одну богатую купчиху дочиста ограбила золовка по смерти мужа, etc.

Вчера смешили меня ямщики... Мой тарантас не тяжел, тройка удобно может везти его, а четверка за глаза. Я плачу за пару, мне запрягают тройку, четверку... на одной станции запрягают 5 лошадей. — Куда столько?!. „Дорога тяжела". Смотритель просит прибавить на 3 лошади. Я прибавляю (оказалось, что это он на себя просил). Еще на следующей станции запрягают шестерик. Я начинаю кричать, что не к чему, и плачу за пару. Ну, думаю, ограничатся четверкой. Вышел,—шестерик на 2 человека, 8 пуд. клади и легкий тарантас. У них там свои какие-то расчеты, у ямщиковъ. Подошли 2 паренька, молодых, веселых, дружных между собою, которые беспрестанно подтрунивали один над другим,—один величал другого б. . . . ., что бросил жену и взял кривую наложницу, другой—пьяницей, и всю дорогу так, даже бороться принимались. Конечно, довезли прекрасно. Но дороги здесь убийственны. Эти слани—гати из сосно-

вых бревешков—никуда не годятся, а по сторонам грязь непроходимая.

Я замечаю, что теперь на станциях уже нет той чистоты, которая бросалась в глаза в Тюмени и ее окрестностях. Чайный прибор собирают по частям, нужно спросить каждую штучку, подается все это не слишком чистое. На станциях кормят не совсем хорошо; вот уже не постные дни, а все ничего нет горячего. Впрочем, это объясняется не трудно: станционный смотритель барин, как величают его ямщики, а первое потому, кажется, что дома наемные, не удобные, кое-какие.

Ишим [51]). *Пятница, 17-го, утро.*

Головотяпки! На той станции не запрягали лошадей в течении 1½ ч. Я хотел записать жалобу, не потому, чтобы за нее было что-либо, а чтобы потрепали маленько виноватого ямщика. И что ж? Перед тем как писать, я задумываюсь, начинаю перебирать, стоит ли, но лошадей не ведут, я сержусь, записываю. Приходит ямщик, я говорю ему, что записал жалобу: „Нельзя ли вычеркнуть?" И я уже задумываюсь: он в первый раз, верно, виноват, сделал глупость, и имеет ли право закон так наказывать, когда он предпринял дело с самым благим намерением, а оно не удалось, потому что он не сообразил, что не успеет привести из поля лошадей в ¼ часа, которых я велел подождать. Ямщик, его работник, тот проще смотрел на это.—„И ей-ей, глупо, ваше благородие глупо и есть, зачем простили? Пущай бы он лучше знал, что следует лошадей дома держать, а не в поле".

Вторник, 21 августа.

Вокруг тянутся необозримые степи, поля, богатые жатвы, густо заросшие луга. То же обилие у простых крестьян, те же сцены при запряжках, все это довольно однообразно, а потому я ничего и не писал. К тому же мешает попутчик.

Что сказать про Омск [52]), в котором я ночевал 19 августа? Город с общею казенною физиономиею, побольше военных, чем в других городах, вот и все. Больше я ничего не заметил; я пробыл неделю, да и то время все писал своим.

Вот теперь добрался до Каинска[53]), дороги прекрасны, и мы летим по 200 верст в сутки. Жара становится нестерпимою, а ночи холодны. На необозримых степях травка не шелохнется; тишина, только кузнечики постукивают, да птицы перелетают со столбика на столбик. Чайки, сороки, вòроны, ястреба, кобчики, вороны, наконец, изредка большой орел торжественно перелетает с одного телеграфного столба на другой. В болотах и озерках полощатся утки, вообще всякой птицы много.

Часто случается встречаться с крестьянами, ссыльно-поселенцами, — хорошо здесь очень, и привольно, и богатеют, а все на родину рвутся, ждут не дождутся милостивого манифеста по поводу 1000-летия.

За Томском. 26 августа.

Томск[54]) прехорошенький городок, сравнительно, конечно; в нем много миленьких каменных домов, много строится новых, театр, собор, но все жалуются на скуку, впрочем, жалуются, преимущественно, барышни, что кавалеров нет,—„изредка приезжают des jeunes gens de Карсаков“[55]). Я ходил в 2 дома, к Клевенским и Карбониери[56]). 4 барышни Карбониери непременно стараются показаться не провинциальными,—они были в Петербурге, в том-то и беда, а потому они считают себя выше провинциальных барышень и, вероятно, отдаляются от них; „c'est tout ce qu'il a de demoiselles à Tomsk“[57]), говорят они про себя, и все на французском диалекте, хотя иногда и затрудняются в выборе,—а по-русски, сколько я ни начинал говорить, не удавалось (особенно Карбониери), и это со мной, — с Клингенбергом[58]) говорят по-русски и очень развязно, а я вот петербургский,—так не ударить лицом в грязь.

Бедная Сибирь совершенно лишена фруктов. „Здесь все фрукты—кедровые шишки да репа“, говорил ямщик. Дыни и арбузы есть грунтовые, а яблонь не родится, как ни пытались разводить,—ни вишни, ни сливы, конечно, нет. Зато дичь нипочем, мясо дешево.

Сегодня очень много попадается переселенцев. Вот что о них говорят: что хлебопашцы они прекрасные, работящие, и потому весь город кормят; прежде, как проходили, так их все чертями звали, а теперь вон всех кормят, а сибиряк ленив, плут, как бы где украсть, как говорит смотритель.

Что за отвратительная дорога: дождь размыл, колеса вязнут, тряско, отвратительно. Ее совсем не чинят,—починка же официальная состоит в том, что рабочие выкопают ровик в $1^1/_2$ фута по сторонам дороги и землю из него местами выкидывают в сторону, местами на самую дорогу, — это не утрамбовывается, а потому в дождь составляет только лишний материал для грязи.

27 августа.

Ну, удивила сегодня погода. Еще ночью я замечал, что что-то слишком светло; когда встал (я должен был стоять несколько часов, чтобы дать обсохнуть Петрову), то не хотел верить глазам: все бело, снег валит хлопьями. Все утро, часов с трех-четырех, до настоящего времени валит и валит снег. Его навалило уже более четверти; конечно, он отчасти тает, а потому грязь невыносимая и все увеличивается. Только что перед окнами проехал мужик, который на санях вез бочку воды, — вот в августе. Здешний смотритель (50 лет в Сибири) говорит, что ни разу еще не было ничего подобного: снег в сентябре, но во 2-й половине, не редкость, а в августе—неслыханная вещь, и нет надежды, чтобы скоро снег перестал итти,—все серо кругом, холодно. Интересный вид имеют леса. Целыми массами деревья полегли от сильного ветра, наваливающего груды снега, — так сплошную и лежат ели, осины и березки. Высокие ели стоят взъерошенные, как старик на ветру, когда ерошит ему остатки волос на лысине и гонит их в одну сторону.

И вот исчезают надежды на хороший урожай. Крестьяне плачут, что теперь рожь прорастет, — скоро ли высохнет, скоро ли соберешь.

28 августа.

Спасибо томскому губернатору, что проездился на прииски до Мариинска [59]),—по крайней мере, сколько-нибудь исправили дорогу, а то, говорят, обыкновенно тут бывает такая дорога,

что никакой не было возможности ехать более 100 верст в сутки. Теперь я делаю по 120 в., но, правда, со всевозможными остановками, то поджидал Клингенберга, то в Мариинске провозились, чтобы получить подорожную, взамен потерянной; получили довольно скоро, потому что городничий порядочный человек, дал Клингенбергу до Красноярска [60]), хотя мог дать только до Ачинска [61]), избавив от хлопот снова брать подорожную.

Маленькая заметка. Как привыкли сибирские барышни к дорогам, им ни по чем проездиться из Томска в Омск потанцовать, пожить несколько дней; они все удивляются: „как вы тихо ехали" (это по 185 в. в сутки!), — одним словом, дорожные барышни.

Красноярск. 30 августа.

Вот оно трагическое в жизни. Бедный Петров, зачем он со мной связался? Я положительно делаю его несчастным и при всем том понимаю, что он честен в высшей степени, до крайности старателен. Но мне этого мало; он страшно глуп и бесит меня своею дикостью: вчера оставил на станции человека, с которым ехал в перекладной, только потому, что он жид, не спал всю ночь, потому что: „что с жидами за спанье". А этот человек столько же жид. сколько и я, на жида нисколько не похож, говорит по-русски без всякого акцента и имеет все русские замашки, но имел глупость объявить Петрову, что отец его жид и сам он некрещен. За это Петров, не дождавшись его, уехал со станции. И не втолкуешь ему, что это скверно. Вообще жизнь Петрова далеко незавидная. Еще в материальном отношении она сносна, я все делаю, что могу, для него, но сколько он терпит от меня. И что я за отвратительная натура! Вспыльчивая, капризная, придирчивая до нельзя. И неужели я буду когда-нибудь иметь глупость жениться, чтобы сделать несчастною ту, которая согласится на это? Я сегодня не вытерпел его слез, сам расплакался, но ведь только этим и выражается мое к нему сочувствие, не стал бы я так с ним обращаться в противном случае. Но что же делать? Я не в состоянии удержаться.

Вчера мы въехали в Восточную Сибирь. Перемена удивительно резкая. Там отвратительная дорога, немощеная, из-

бигая, изрытая обозами. Здесь разительная противоположность: дорога усыпана галькою, так что составилось очень порядочное шоссе. Мосты крепки; везде на спусках устроены прочные перила, как на шоссе; одним словом, противуположность такова, что резко бросается в глаза, и Клингенберг говорит, что так по всей Вост. Сибири, не по одному главному Сибирскому тракту. И это явилось по желанию Муравьева[62]). Даже по дорогам к окружным городам, где Муравьев никогда не езжал, одна возможность его проезда заставляла приниматься за усыпанье дороги галькою. Всех хуже дорога в Томской губ., хотя ее и чинили к проезду губернатора. Если верить рассказам Клингенберга, то Муравьев, должно быть, в высшей степени замечательная личность; он был страшно горяч и этим много нажил врагов, но зато он был человек способный на все хорошее, которому нравилось, если ему говорили дерзкую правду, и который всегда умел уважить дерзкое письмо, если оно опиралось на правду. Так, письмо одного подлого исправника, которому честный Клингенберг продиктовал дерзкое письмо, чтобы требовать свиданья у Муравьева и просить над собою следствия, заставило его обратить внимание на него и решить, что человек, так пишущий, должен быть честен. Письмо одного заседателя, который положительно противился желанию архиерея строить церкви на счет крестьян, когда им этого не хотелось,—письмо, в котором писались дерзкие для этих господ истины, так понравилось Муравьеву, что он вызвал этого человека к себе. Вот его слова: „Как смеет какой-нибудь заседатель писать то, что не смеет писать ни один из губернаторов, ни гр. Муравьев-Амурский! Как сметь! По делом, по делом его, и пусть затрут совсем. Как сметь противиться синоду св., губернатору, и это какой-нибудь заседатель! Нет, он должен погибать, пускай его“. Вы в изумлении спрашиваете: „Как так?“ „Ну, да, конечно, скажите ему, что он нравится мне, что он назначается тем-то в главном правлении“. И переводит его к себе, и дает ему ход. Говорят, он один решался говорить царю многое, многое, за что камарилья ненавидела его и всячески старалась спихнуть, но он съездит в Петербург и всех уймет, через несколько дней все с визитом едут. Муравьев обладал большим даром речи,— он словами успокоил целый взбунтовавшийся с оружием полк

раскольников, которые поднялись за то, что у одного из них вырвал бороду какой-то чиновник. Полк пал перед ним на колени, а вечером Муравьев кутил с ними в лагере. Он умел удивительно воодушевлять общество, любил женщин, из которых ни одна перед ним не могла устоять, умел соединять сословия силой своего обаяния перед дамами, заставляя их забыть, что с ними на балу находились актрисы, был поклонником гражданского брака и был очень доволен, когда Мартынов сделал первую попытку к этому. О нем многие отзываются, как о ком-то много выше всех остальных людей, в особенности в низших классах, инородцы считают его чем-то в роде полубога. Однако, есть сильная партия против него, и я постараюсь познакомиться с ее представителями.

Особенность в В. Сибири[63]): большое количество политических преступников. С ними обходятся с замечательным уважением везде. Всюду они приняты, и приняты прекрасно. Муравьев особенно любил их. Но, говорят, Корсаков[64]) далеко не тот, трусит, что особенно высказалось на Михайлове[65]). На него сердятся за бегство Бакунина[66]), вот он и боится.

Суббота, 31 августа.

Какую разительную противоположность представляет Енисейская губ. от Зап. Сибири! Теперь, напр., я еду по прекрасному шоссе, вырыты везде канавы для стока воды в горах, прочные, славные мосты, шоссе на славу.

Сегодня попадались транспорты с ружьями, — везут 146 нарезных драгунских ружей в Камчатский каз. полк; тронулись с весной, а теперь стоят на Енисее, скоро ли дойдут? Это еще раз заставило меня вспомнить о том, как возможно Сибири отделиться и составить отдельное царство. Что связывает ее, особенно восточную, с Россией? Ничто. Россия много в ней потеряет, Сибирь ничего. Впрочем, нет ей причины отделяться, дело народностей не затронуто; разве для того, чтобы дать лучшее управление этим несчастным рабочим на приисках да не мучить казаков, — одним словом, основать государство на иных началах. Но где же люди? Му-

равьев, говорят, и это понимал. Царем он не хотел делаться, а республика немыслима, людей нет, да притом, говорил он, сейчас полезут аристократничать наши князья да графы, ничего и не выйдет [67]).

Иркутск [68]). *Суббота, 8 сентября,*

Вот уже с 5-го сентября я здесь, и как давно ничего не писал я в свою книжку,—я ленюсь, я замечаю [69]).

В Красноярске я расстался со своим попутчиком, личность интересная,—его похождения с женщинами вполне достойны внимания, впрочем, я уже писал о нем, а из его рассказов недурно будет кое-что записать потом, хоть в виде рассказа, как он сам предложил мне. Теперь расскажу про дорогу от Красноярска до Иркутска. Что за дорога! Великолепнейшее шоссе, особенно по Енисейской губ. Один клочек, верст более 300, отвратителен в Нижнеудинском округе [70]), — дорога тянется тайгою, которая представляет унылый и жалкий вид: на сотни верст лес выгорел, лежат громадные пни деревьев, обугленные на поверхности, торчат, как мачты, тонкие, прямые стволы обгорелых лиственниц, голые, без ветвей, почернелые сверху до низу, краснеют сосенки с почерневшим комлем. И погибли так целые леса после весеннего пожара; вместо красного леса растет уже береза, тоненькая, худенькая, и образует местами непроходимую чащу. На дороге насыпано вершков шесть красного песку, колеса вязнут,—хорошо, что еще шли перед тем дожди, а то, говорят, в сухую погоду просто проехать нельзя. Под Красноярском тянулись все горы,—грядами видны на горизонте, изредка только высятся отдельные конусообразные вершинки над главным хребтом. Беспрестанно поднимаешься в гору по нескольку верст. Горы заросли лесами, земли для хлебопашества мало, и крестьяне распахивают по скатам гор всякое свободное от леса местечко. Я удивлялся, на каких крутых покатостях чернели распаханные полосы. За этими горами потянулась тайга на несколько сот верст, прерывающаяся только местами; тут приютится деревушка, а там опять тайга, однообразная, грустная, дикая, безлюдная. Частенько видишь, как с дороги сбежит человек и юркнет в тайгу, а то идет оборванный человек, отмахиваясь с трудом от бесчисленного множества мошек, которые так и лезут в глаза и рот, снимает шапку:

„добрые люди помогите несчастному“, и им все дают. Иногда же зарежут какого-нибудь прохожего. Недавно убили старика, собиравшего на церковь, узнав, что у него есть 18 рублей,—убили шиною, нанеся несколько ударов по голове, т.-е., вернее, не убили, а пришибли и, считая его умершим, бросили около пня, прикрыв ветвями, но старик ожил и дошел до деревни, сказал приметы всех 3-х бродяг, их и схватили потом, не допустив до перевоза. Потом на том же месте найдены кости еще двух убитых. Предупреждая это, крестьяне охотно дают им милостыню, выставляя краюху хлеба за оконце. Большею частью они отрезают чемоданы, выламывают (очень ловко) задние ящики в тарантасах, иногда отбирают хомуты у ямщиков. Число идущих таким образом, бродяг огромно, как говорят (сегодня они собирались в церкви, надеясь услышать „милостивый“ манифест). Перед Иркутском опять шоссе, опять горы, но небольшие, рек приходится переезжать очень много и все очень быстры, быстрее всех Ангара под самым Иркутском. Она, говорят, оригинально замерзает,—снизу, т.-е. лед тонет. Наконец, 5 IX в 2 часа я (5 суток от Красноярска) приехал в Иркутск,— почти уже дома. О самом Иркутске и его жителях расскажу в другой тетрадке.

№ 2.

Иркутск, Чита, с. Кабанск и Чита.

С 9-го сентября 1862 г. по 18-е февраля 1863 г.

Иркутск. Воскресенье, 9 сентября 1862 г.

Когда я подъезжал к Иркутску, была славная погода,— солнце жарило, Ангара [71]) несла с неимоверною быстротою свои голубые воды; на другом берегу ее показался Иркутск, забелел дом ген.-губернатора, показался какой-то монастырь, несколько церквей, деревянные домики. Мы проехали Иннокентьевский монастырь [72]), въехали на самолет [73])... Мне не раз приходило на ум, отчего не устроены самолеты на бо́льшей части сибирских рек, вместо этой отвратительно долгой переправы на карабасах, на веслах, а сибирские реки большей частью очень быстры, и подниматься вверх, заводить лодку вверх, особенно при ветре, очень затруднительно. Здесь очень много рек, эти переправы задерживают надолго.

Наконец, привезли в гостиницу „Амур". Гадость, грязь, маленькая комнатка, и за это 1 р. в сутки, кроме того, за самовар 20 коп., etc. Я велел везти в другую гостиницу. „Нет другой-с". Насилу добился правды—есть другая. Приехали, нет номеров. Человек при гостинице взялся хлопотать за меня, упросил хозяина уступить свою комнату. Хозяин немец, приехал 5 месяцев тому назад с женою и дочерью из Гамбурга. Они еще не обрусели, делают колбасы и живут честно. Кстати, дочка выдалась хорошенькая, веселая, и к ним таскается пропасть молодежи позавтракать, пообедать, посплетничать, поболтать с Jettchen [74]) и по-

смеяться над тем, как она забавно коверкает русскую речь. Немцы эти очень просты. Фрау Metzger [75]) вчера строила уморительные grosse Augen [76]), когда какой-то приходивший сюда немец рассказывал про Jungmühle [77]). Кажется, в Германии есть поверье, что может существовать какая-то Jungmühle, которая молодит тех женщин, которые через нее проходят. Ну, вот этот немец-болтун,—врет удивительно хорошо, скоро, обстоятельно врет, без малейшей запинки выдумывает подробности,—так он принялся уверять фрау Metzger, что в Петербурге у Излера [78]) существует такая Jungmühle, через которую он и пропускал свою жену. Фрау Metzger всему верила и делала презабавные восклицания. Наконец, немец заврался, стал уверять, что у него есть билет, купленный за 15 тыс., в силу которого какая-то компания в Петербурге, где бы он ни умер, должна привезти его тело в Петербург и там воскресить. „Ich habe ein Ausürancebillet, ich hätte es ihnen gezeigt, es ist aber in Moscau geblieben". etc [79]). Тогда немка начала колебаться, верить или нет кажется, наполовину поверила.

Иркутск довольно большой город, и в нем можно найти почти все нужное; нужда сделала из него далеко не то, что остальные губернские города. Но он еще многим отличается от других—менее чопорности в обращении у чиновных лиц. На другой день по приезде я представлялся Корсакову. Было довольно народа; я едва не опоздал, не зная, что он принимает всех вместе, впрочем, народа слишком много, чтобы принимать порознь. Он обращается со всеми очень любезно, просто. На другой день я, обедая у него, еще более убедился, что он порядочный человек, без чопорности, надутости большинства губернаторов. То же самое заметно и в обращении остальных; потом меня удивило, что в гостиной губернатор „позволяют себе резко судить", как выразились бы петербургские администраторы. свободно, sans en faire de grand cas [80]); говорят обо всем, о Герцене [81]) толкуют не как о чем-то таинственном, кто сочувствует—без запинки выражает свое сочувствие. Передалось ли это от Муравьева (вместе с столовым бельем), как говорит Клингенберг? Должно быть; я думаю, что если бы Корсаков был воспитан в школе всех остальных губернаторов, то он был бы таким же, как и они. Напр., вот эти

слова,—они, говорят, не одни слова, а действительно, оправдываются: „скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?“ Я посмотрел прямо в глаза. „Как за что? Меня никто не назначал, я сам записался“. „Нет, что ж, если бы даже и так, то мы очень рады; там этому, может-быть, не довольны, если вы либерально поступали и говорили, а здесь мы этому очень рады, напротив, пускай побольше присылают“.

Ну, а я не ошибся в своем расчете, говоря, что здесь людей мало. Не даром берет меня к себе Кукель [82]), потому что он теперь здесь, и говорят: „Буссе, правда, посердится, да что ж делать? Перестанет“.

Понедельник, 10 сентября.

Что ж до службы, то служба офицеров здесь совсем другая, чем где-либо. Не даром крестьянин зовет офицера чиновником; действительно, здесь на офицере лежит множество гражданских обязанностей, и различие между чиновником и офицером только в мундире. Затем фронтовой службы вовсе нет, есть только для тех, которые бы пожелали ее coûte que coûte [83]),—в Иркутском полку тут есть и караулы, и пр. удовольствия. Остальные же офицеры фронтовой службы не знают. Те, которые находятся при губернаторе, не знают сидячей жизни,—то и дело летают из одного конца в другой; те же, которые состоят в полках, командуя сотнями, баталионами, должны объезжать свои сотни, разбросанные на громадные пространства, и, следовательно, тоже проводить время в разъездах. Вот отличительная черта службы—кочевая жизнь. Здесь на службе деятельность, а не кукольная комедия.

Я сегодня собирался съездить к Кукелю с визитом, так как он сказал мне: „надеюсь, что до вашего отъезда мы еще увидимся“. Утром является писарь: „Генерал-майор Кукель прислали вас просить к себе“. Я оделся в парадную форму и поехал. Принял прекрасно. „Только скажите, пожалуйста, зачем вы явились во всем этом,—мне просто совестно. Вы скоро едете?“—„В пятницу“—„Если вам все равно, если вы не особенно спешите, то останьтесь здесь еще с недельку, а там вместе поедем. Я вот совсем осиротел.

Холмский (его адъютант) уехал, дела пропасть, хочу вас попросить, чтобы вы мне помогли. Вот вы бы часу в десятом приходили сюда, мы стали бы заниматься".— „Конечно, я очень рад".— „Кстати привыкнете к письменной части,— чем не придется на своем веку заниматься, оно не лишнее. Только вы бы съездили переодеться, а то во всем этом, что ж, неловко"- Я съездил, переоделся и вернулся. Итак, вот начало моей службы. Началась с составления бумаг о выдаче солдатикам теплой одежды. Говорят, прежде сюда назначался Ганенфельд, но оказался мало знаком с русской грамотой. Не знаю, правда ли.

Я ничего не пишу про Иркутск, потому что ничего и не могу писать,—я все дома сижу за неименьем платья. Все хожу только к своим хозяевам, болтаю с приходящими туда немцами. Особенно интересен тут Розен, он много рассказывает про Читу, про амурскую торговлю и проч. Впрочем, про Забайкалье [84]) лучше говорить, увидавши его.

Вторник, 11 сентября.

Вчера дверь моего номера отворяется, входит какой-то офицер: „Честь имею рекомендоваться—Козлов. Я зашел к майору Никонову, только его никогда дома не застанешь. Извините, пожалуйста, что я к вам так вхожу",— и жмет руку.

Я попросил его сесть—разит водкой немилосердно; поболтали немного... „Только вы, пожалуйста, извините меня",— и снова жмет руку до боли. „Я решил переночевать в номере у Никонова, чтобы видеться с ним. Он очень хороший человек; мы были с ним товарищи, потом разошлись в разные стороны, не видались, а он, это его именно рекомендует с хорошей стороны, как только приехал, заехал ко мне, а я вот собрался к нему, да дома нет, а оно все разъезды, денег, батюшка, стоят... Ах, батюшка, извините, не дадите ли папиросочки?" Подали. Опять молчание.— „Ах, батюшка, только вы, пожалуйста, извините", и т. д.

„Помилуйте, очень рад". „Очень приятно было познакомиться, хотя я уверен, что мы с вами никогда не встретимся". „А вы где служите?" „№ 5 линейный бат. Восточно-Сибирский, да вот как ни бьюсь, никакого дела не дают, все, вишь, неспособны", и т. п.

Я отправил его отыскивать Никонова в „Амуре“. Но он вместо того пошел и расположился в его номере, собираясь ночевать, начал постель стлать. Петров спровадил его. Он отправился, как был, без шинели. Через несколько минут приехал Никонов, они разъехались. Но Козлов назад вернулся и расположился у Никонова, который несколько времени посидел с ним, потом поставил бутылку наливки, велел подавать, что спросит, и пришел ко мне в шахматы играть. Козлов окончательно напился и после, вечером, приходил к Metzger, пел у них, глупил, едва спать уложили. Козлов говорит медленно, строит гримасы губами, как пьяница, который собирается залпом выпить рюмку водки. Меня, впрочем, удивила чистота его одежды, белизна перчаток и отсутствие пальто. Несмотря на то, что вчера было довольно холодно, он разъезжал без верхнего платья. И он не единственный; много их тут ходит к Metzger таких, которые запоем пьют и гибнут совершенно. Действительно, человеку, который не трется здесь в верхних кругах, где большею частью только и есть порядочные люди, да который не занимается наукой (таких здесь вовсе нет), очень легко сделаться пьяницей. Правда, порядочные люди есть еще в немецком кружке, но туда им доступ, большей частью, невозможен по незнанью языка, остальные же пробиваются вином и картами; игра идет огромная в „Амуре“.

Козлов опять являлся ко мне, пил тут, пел, очень фальшивил, говорил беспрестанно по несколько строчек из разных русских, французских и немецких стихотворений; насилу выжили его, когда он совсем пьян нализался. Утром, когда еще он не был пьян, он взял меня за талью. „Ох, батюшка, не пейте, ради Бога, не пейте, совсем и в рот не берите. За что я пропадаю? И ведь вот человек-то, кажется, способный, не глупый, а совсем пропадаю; то все ничего, а выпил рюмку, ну, и пошла писать, и пошла писать, так и пью все, и отстать не могу. Об этом знают, и Михаил Семенович [85]) знает, да что же делать. Ох, батюшка, не пейте“.

Здесь страшно пьют; вчера один офицер так нализался, что его положили в колбасную лавку под лавку, там и проспался.

Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь получается до 50 журналов и газет русских, польских, французских и немецких. Приходите в комнату и читаете, ничего не платя. Кроме этой публичной, есть еще частная, откуда берутся журналы и книги для чтения; там тоже есть читальная комната, с платою 10 коп. за вход. Тоже народа довольно. Надо бы только посоветовать в публичной библиотеке, чтобы служащие не мешали своими разговорами, да еще жаль, что подчас из кухни несется чад препротивный. Говорят, что здесь и книга достанется, и карты, etc.

Воскресенье, 16 сентября.

Я еще разузнавал про библиотеку Вагина [86]). Оказывается, что там был в свое время просто оппозиционный клуб, из которого исходили разные уличные демонстрации против правительства, не самого Муравьева, а его приближенных. Там, говорят, и теперь собираются не только читать, но и болтать, и собирается всякого рода служащий народ; тут можно, говорят, наслушаться многого. Надо будет отправиться, только я не совсем здоров и потому не успел еще быть. „Вот, — говорила мне Быкова, — самое лучшее вам доказательство, что предприятие казенное не может итти хорошо, — в публичной (Вагина и Шестунова) всегда есть народ, а в „императорской“ (так названа казенная) никого почти“.

Однако, я замечаю, что не рассказал еще моих заметок про обе библиотеки. Меня удивило, что я вижу в публичной так мало народа, между тем как, казалось бы, чего же лучше, приходи, читай в волю журналов до 50 самых разнообразных. Отчего? Оттого, что приходить читать журналы, и только, — это не в нравах здешнего общества; те, которые приходят, являются только для того, чтобы просмотреть „Искру“, не больше. А вот у Вагина бывает очень много народа. Это оттого, что, во 1-х, условия абонировки несколько выгоднее, можно (платя немного дороже, чем в публичной) получить один журнал в течение 1-го месяца, а в публичной нужно ждать выхода следующего №, и кроме того имеется, кажется, только по одному экземпляру.

Во-2-х, то частная, это—казенная; в той книг больше, и книги выписываются исправнее; в казенной выписано книг на 400 руб. чуть ли не два года тому назад, и они до сих пор еще идут, в частной бы этого не было.

В 3-х, библиотекарь раздал множество книг, которые не собраны, растеряны, и вообще, видно, мало заботился о библиотеке, теперь назначен другой,—хватились за ум.

В 4-х, в императорской, когда вздумали говорить, что вздумалось, то попросили перестать; у Шестунова хотя тоже раз библиотека была закрыта, однако, все еще продолжают собираться и болтать, о чем вздумают.

Чем дольше живешь, тем более убеждаешься в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний; здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная с картежного, кончая высшими, либеральными вполне, напр., около Кукеля [87]).

А Кукель сам восхитительная личность. Он всегда говорит, напр., одну из своих любимых мыслей: „всякое насилие есть мерзость, давайте свободу". Так, он вполне оправдывает человека, на которого общество, конечно, восстанет, но Кукель—авторитет: за ним пойдут многие. Я говорю про некоего Федорова, который увез от мужа жидовку, по собственному ее желанию, и женится на ней. Защита Кукеля, верно, много ему поможет. Он хлопочет, чтобы назначили к „семейским" раскольникам [88]) попа, который исполняет все по их обрядам, упрашивает архиерея замять дело о таком же священнике. При Кукеле читается „Колокол", который получается очень исправно,—не разрозненными нумерами, а всем годом. Встречается ли это в губерниях Европ. России? Далее, начальница института Быкова — женщина, тоже выходящая из ряда вон. Она настояла на том, чтобы принимали в институт девочек всех сословий, чтобы девочек отпускали по домам в воскресенье. Вообще, это женщина очень не глупая, с ней можно, не скучая, проболтать более двух часов, как я на себе испытал, друг Кукеля,—это тоже хорошая рекомендация.

В Иркутске, говорят, была открыта еще 3-я библиотека-„читальня", но кончила существование за недостатком сочувствия.

Вторник, 18 сентября.

Я все писал и читал, вот уже несколько дней, про свое прошедшее, пора же вспомнить и настоящее.

Там я говорил про библиотеку; вот еще сведения: в публичной библиотеке (Вагина и Шестунова) я заговорил с самим хозяином, Шестуновым, он же и основатель этой библиотеки: человек очень не глупый, уже тем, что читает много (преимущественно по части истории), и завел библиотеку. С самыми ничтожными средствами начал он свое дело— с 300 р., выписал журналы, накупил старых у знакомых, отдал свои книги и завел библиотеку. Дело пошло отлично. Было время в 1859 г., когда в сутки приходило туда читать до 120 человек. Теперь число колеблется от 20—30 средним числом (бывает 49, бывает и 11). Но тут собиралась оппозиционная партия, говорили, что хотели, особенно в то время, являлись статьи Завалишина [89]) в отпоре Романову—это живо интересовало всех, и разговоры велись самые оживленные; но библиотеку закрыли, и Шестунов продал все свои книги в Кяхту [90]). Но настали снова лучшие деньки, невзгода прошла, и Шестунов снова начал свое дело, выписал книг, журналов и открыл библиотеку. И вот теперь у него 80 подписчиков и число их увеличивается. Шестунов ведет свое дело с любовью. аккуратно записывает число приходящих, число читателей по билетам, разделяя их по сословиям, получает из почтамта сведения о журналах, и прежде печатал, таким образом, результаты своих счетов, теперь то же хочет делать. Он выписывает книги для продажи, и недорогие детские книги с картинками (издание Вольфа) отлично идут с рук. Вообше, человек занимается делом с любовью,—великое дело. Но, конечно, большею частью читают одни только журналы, а другие беллетристику и немного исторические книги; впрочем, теперь, говорит он, начинают требовать несколько серьезные книги, преимущественно по части популярно изложенных отраслей естественных наук. Еще от него узнал я, что газета „Амур" [91]), вероятно, окончательно кончит свое существование за совершенным недостатком денег; в настоящее время № ее лежит набранный, но не может выйти из типографии за недостатком денег,—вероятно, его разберут. „Сибиряк", говорит тот же Шестунов,—едва ли

пойдет в ход; оно и понятно: во-1-х, издатель его Щукин, который, как говорил Кукель, служит здесь общим посмешищем, человек самый пустой, известный своими корреспонденциями, в которых говорится рядом с рассказами о пароходах на Амуре, о крещении бурят [92]) и после того о привозе кирпичного чая и о цене хлеба, и т. п., в виде каши; во-2-х, журнал чисто литературный в губернском городе, а также и в Иркутске, итти не может, да и довольно бесполезен.

Вторник, 25 сентября.

Я очень давно ничего не писал. Правда, и нечего было. Я все живу там же; те же лица,—новые знакомства мои ограничиваются несколькими перекидываниями слов, не более, за то же их очень много,—у Кукеля всегда бывает куча народа по утрам.

В настоящее время все в Иркутске заняты до чрезвычайности необычайным событием. Верстах в пяти-шести от города приключился поземный пожар. Есть речка Ушаковка, которая течет у подножия невысоких холмов в широкой долине. Она размыла гору и обнажила залежи, если не ошибаюсь, шифера [93]) лиасовой формации. Этот шифер загорелся сам; он, вероятно, богат сернистыми соединениями железа (на прогорающих камнях следы ржавчины) и горными маслами (bitume), что обнаруживает запах при горении, видимое пламя и следы на камнях; горит очень жарко, выделяется много дыма, и перерабатывается в каменный уголь; если это не шифер, то бурый уголь. Впрочем, первое гораздо вероятнее, так как цвета он серого, мелко-зернистого строения, лежит тонкими слоями. Погода стоит прекрасная, днем теплая, ночи холодные, морозы, и вот все иркутские жители едят туда толпами осматривать, что происходит. Вчера, напр., проехало до 200 экипажей, сегодня (а я был не в хорошую пору, пору послеобеденного отдыха, около трех часов) там было до 30 человек, пешие бабы, попы, купчихи, дети, –все это едет смотреть на груду черного каменного угля, из под которого идет дым, а где так горячо, что стоять нельзя, закуривают папиросы у натурального огня (это подало мальчикам-разносчикам мысль принести туда продавать папи-

росы), глазеют и уезжают; отчего же не прокатиться? Но удивительно умна полиция- заливать стала, слишком много рабочих рук. А „для успокоения умов" хотят командировать горного чиновника, чтобы он объяснил, что это, и напечатать.

Чита [94]). *Понедельник, 8 октября.*

Ну, не совестно ли так долго ничего не писать? Просто стыдно. Ну, да лучше говорить дело.

28 сентября, вечером, выехали мы из Иркутска; вечером нужно было быть на берегу Байкала [95]), в Лиственичной [96]), где Кукеля уже ждал Хамиков (иркутский купец, торгует вином), чтобы провожать Кукеля. Едва добрались до нее в $1^1/_2$ ночи, Хамиков уже ждал давно, с чаем, закуской, ужином и вином. Презабавный господин, провожает решительно всех, даже Жуковского. Раскупорил бутылку шампанского (очень хорошого) и непременно настаивал, чтобы мы пили: „прошу покорно". Я отговариваюсь, он слушает, целую речь прочту, что вот, мол, больше не пью. Выслушает, —„прошу покорно", и так настойчиво, навязчиво, что поневоле отхлебнешь. Он содержит пароходы, и потому для Кукеля были все удобства.

Дорога до Байкала слегка гориста, но рассмотреть ее не приходилось, темно было. Но у самой Лиственичной близ берегов я рассмотрел, как горы вплотную круто подступают к Байкалу, оставляя между ним и собою не более, как сажен 15. Они всплошную поросли лесом и перерезаны самыми узкими перпендикулярными долинами; широчайшая из них, близ Лиственичной, не более $^1/_4$ версты. Местами горы обнажают крутые бока, виды должны быть красивы весною и летом, а теперь нехватает главного украшения - зелени.

Утром мы выбрались, вид был великолепный на горы, образующие бухту; они виднелись сквозь розовый туман, который вился по их бокам; солнце выглядывало из-за горы; на противном берегу виднелись снова горы, и снег залег уже по их вершинам, он белелся на солнце, отливаясь удивительно нежным розовым цветом. (Говорят, на западной стороне снега никогда не бывает на горах так рано и выпадает мало, и сдувает ветром). Пароход отвалил. Мне указали на удивительно прозрачную воду; падение берега на

западной стороне страшно крутое, в 80 саж. от берегов лот показал уже 1.800 футов, дальше не хватило лота; после этой страшной глубины, глубина постепенно уменьшается и кончается самыми покатыми берегами, усыпанными мелким камешком.

На этот раз буйный Байкал был удивительно спокоен, чуть-чуть пестрела маленькая зыбь. Байкал в это время бывает особенно бурен; пароход, вышедший днем раньше нас (не в срок, вероятно, любезность Хамикова, чтобы было меньше пассажиров для проезда Кукеля), носило по Байкалу чуть не целые сутки; он должен был прятаться в Голоустную [97]) за утесы. (Простой народ говорит, что Байкал так бурен потому, что обижается за то, что его зовут озеро, а не Байкал - море).

На этот же раз Байкал был так тих, что переезд мы сделали в $7^1/_2$ часов и высадились в Посольской [98]), не более как шагах в 200 или менее от берега, а пароход от Прорвы [99]) до Посольской (пароходы обыкновенно останавливаются в Прорве, а в Посольскую пошли „для финку-с", как объяснил лакей на пароходе—страшный франт, завитой, который приходит и говорит Кукелю: „Извините, ваше превосходительство."—„В чем?"—„Я вас назвал г. полковник"). В Посольской мы подъехали к берегу так близко, как редко удается. Байкал был совершенно тих, солнце заходило, окрашивая в розовый цвет горы и озеро. Долго провозились мы в Посольской, пока перевозили на берег наши вещи и тарантас. На берегу кучи народа. Кукеля ждали, пришли жидовки прогуливаться и показаться нам. На самом берегу стоит часовенька,—это одно из произведений Жуковского [100]); в монастыре посажен новый архимандрит, тоже по его старанию. Кукель пошел в монастырь, мы гуляли по берегу. „Правда, что в Иркутске открылся вулкан?" спрашивал нас заседатель, молодой человек, впрочем, не совсем дальний. „Правда, правда". Вечером мы тронулись. Дорога была не особенно интересна—горы довольно однообразные, снег по их вершинам. Мы едем широкою продольною долиной; долина все расширяется, расширяется и, наконец, к Верхнеудинску расходится в широкую Братскую степь [101]), которая раскинулась на 300 верст. Беспрестанно попадается бурят верхом, гонит корову, там двое едут куда-то, дальше попадается

целая кавалькада, женщины в богатых костюмах едут куда-то на свадьбу. Буряты на станциях торопятся, суетятся, и все-таки долго возятся с перепряжкой. Еще интереснее явление представляют за Байкалом семейские раскольники. У них удивительно красивые женщины, румяные, полные, но не до безобразия, с темнокарими глазами, и прекрасно одеты. Кукеля везде удивительно любят, везде встречают, ждут, но без подлизывания,—здесь народ не очень-то рабский, подают просьбы; один старый раскольник умолял его, чтобы он разрешил открыть их часовню. Это, конечно, не в его власти, но когда он сказал ему, что уже писал об этом, просил, то старик то и дело приговаривал: „ах, ах, ты мой разумный, золото ты мое", и пересыпал это всевозможными славянскими изречениями, кстати и некстати; молодая бабенка преплутовски посматривала на меня и подсмеивалась. Говорят, что когда Николай велел закрыть все их часовни, то это так сильно подействовало на стариков, что некоторые чуть ли не рехнулись. У семейских славные постройки, славные лица, серьезные, без подличанья.

Верхнеудинск [102]—оживленный городок, по крайней мере был таким в этот день, воскресенье; кучи народа на базаре, кучи народа собрались и перед воротами дома, где мы остановились. Собрались чиновники всех сортов и калибров, и мы пробыли в Верхнеудинске около 3-х часов, до 12-ти.

Славная погода, солнце светит ярко, но свежо, вода замерзла в лужах и пересохших ручейках. Кругом все степь, только вправо и влево видны лиловые горы; до них далеко, верст 20—30 и более, но степь обманчива, кажется, рукой подать, несколько верст. Буряты в своих остреньких шапках бороздят степь, да тройка несет нас, летит стремглав. Но довольно степи. За несколько станций до Читы появляются горы—Становой хребет дошел своими отрогами и сюда, местность волнуется, подъем, спуск разнообразят дорогу; потом начинается непрерывный подъем, очень слабый, но вместе с тем очень длинный. Хребет порос лесом, совершенно голым теперь и таким плачевным. Пески, кривые сосенки по сторонам, солнце тускло светит из-за сизого тумана, который стелется из-за хребта. По ту сторону горят леса, их не тушат, потому что не стоит,—лес очень плох.

10 октября.

Я дремал, было уже около 12 час. ночи, мы гнали напропалую, чтобы застать в доме не спящими, но тут последняя станция 37 верст. Я дремал в славном покойном тарантасе.

„Областной г. Чита, — разбудил меня Кукель, — досадно, что туман так силен, что вы ничего не увидите, а с этой горки виден наш дом. Вот речка Чита — совсем пересохла в нынешнем году. А вот направо хрустальный дворец всемирной выставки [103]), прямо — областное правление, налево — дом наказного атамана. Огни потушены, верно, уже легли все спать“.

Я ходил по зале; большая комната, убранная нехорошо — мало мебели, здесь ее не делают, везти трудно. Через несколько минут мы будили кн. Дадешкилиани [104]). Пошли рассказы про мерзости Жуковскаго, Кукель подавал даже прошение об отчислении от должности . . . и как тогда вилял, я воображаю, Жуковский. Еще было одно интересное дело: казаки и крестьяне за Читой дали приговоры, что не желают иметь у себя кабаков. Чего бы лучше? Жуковский ханжа, целый день толкующий о нравственности, об образовании . . . его бы должно это порадовать. Он чуть в отчаяние не пришел, насилу уломали успокоиться, и то послал сказать батальонным командирам, чтобы не увлекались.

Далее правительство в своих сумасшедших припадках стало побаиваться того, что Шелгунов [105]) и его жена [106]), в особенности (очень развитая, говорят, женщина), как друзья Михайлова, поселились рядом с ним в близости от Казаковского промысла [107]), где он содержится. Послали жандармского полковника Дувинга [108]) арестовать его. Появление жандармов за Байкал — дело, выходящее из ряда обыкновенных. Князь Дадешкилиани, ехавший с Дувингом на пароходе, сейчас догадался, что дело идет о Михайлове, и послал с нарочным предупредить его. Оно было очень кстати. Дувинг производил обыск, и хотя, рассказывают, так, чтобы дать понять, что обыскивал очень слегка, однако, я этому не совсем верю. Шелгунова должны были отвезти в Верхнеудинск, но по болезни жены он оставлен где-то, не доезжая Читы. И то еще снисхождение со стороны жандарма. Ужасно! Зашлют

сюда, отнимут всякие средства действовать и все-таки дрожат, трусят, как какого-то фантома, и посылают арестовать, — боятся, что Михайлов и из-за 7.000 верст может быть им опасен, не сознавая, что это есть признание в своей собственной слабости, что и это может быть им опасно. Боже, когда это кончится? Ведь трудно утешаться, как Кукель, что чем хуже, тем лучше. Дадешкилиани прав, говоря, что „хоть кол теши на голове“...

Когда я встал утром и стал рассматривать Читу через окно, я, если-бы не был о том предупрежден, непременно спросил бы: „где город?“ вопрос, обыкновенно предлагаемый всеми приезжими, — до того мала Чита,—несколько деревянных домов, из которых двухэтажные дома можно пересчитать, я думаю, не более пяти, шести. „Площадь перед домом губернатора велика“. Но я вспомнил, что Чита до 1851 г. была деревушка, состоявшая из нескольких двориков, что целый город, новый, стоит теперь там, где за несколько,—семь, восемь лет, было безлюдье, степь, что тут и дом губернатора, и областное правление, и войсковое правление, и тир, и лазарет, и куча частных домов; далее я всмотрелся в общество,—бесцеремонное, несколько образованных и хороших людей, Кукель и его славная семья,—и успокоился. Тотчас же решил я, что тут не будет скучно.

Все представлялись Кукелю.

В 12 часов открытие выставки.

Четверг, 11 октября.

Открытие было и церемонное, и нет. Все собрались в большой тир, где помещается выставка, ходили осматривать и, наконец, пошли закусывать; это закусывание продолжалось и в то время, когда попы стали петь молебен; из офицерства никого почти не было около Кукеля, лишь буряты лезли с большим любопытством вперед, бесцеремонно проталкиваясь. Попы окропили выставленные произведения. Выставка открыта. Исправник (неглупый господин) подпил и горячо ораторствовал, что медалей не следует раздавать ранее недели, хотя никто и не думал ему противоречить. Все разошлись порознь рассматривать, что кого интересовало. Затем опять к Кукелю.

Характеризовать ли лица?

Я попал в славное семейство. Жена Кукеля—сибирячка, хороша собой, смуглая, но удивительно ровная, покойная женщина. В ней много простоты, но простоты серьезной; на балу она „королева", заметил кто-то, но нисколько не горда, напротив, приветлива,—в ней эта спокойная величавость не напускная, а природная. При этом нет гордого взгляда, а в осанке что-то очень благородное, при этом одевается удивительно хорошо, когда в черном,—так обхватывает ее талью черное платье, так хорошо лежит воротничек; лоб высокий, здоровый румянец на щеках, но ни искры воодушевления, энергии, силы, только лоб морщит иногда (да еще как-то весь нос иногда собирает в мелкие складки, когда улыбается; это перешло к обоим ее детям, которые во всем остальном—глаза, мягкие белокурые вьющиеся волоса—удивительно похожи на отца). Ее мать грузинка, простая старушка с удивительно добрым лицом. Удивительно, как она сохранилась,—последний сын ее пяти лет, а у Катерины Васильевны, старшей ее дочери, уже 8-ми-летний сын.

Чита. Воскресенье, 15 октября.

Через день после своего приезда я знакомился с здешним обществом. Визиты такого рода никогда не бывают интересны—несколько слов самых пустых и конец.

В этот день вечером был бал. Оркестр уже отличался на хорах, когда я приехал с Малиновским [109]), но танцы не начинались. Конечно, дамы по стенкам,—не сидеть же посреди залы, когда там и стульев нет. Мужчины во второй половине залы, отделенной чем-то в роде колонн и больших гардин на обе стороны. Лишин—дирижер танцев, он перешел не так давно из гвардии, говорит по-французски, как-то особенно стараясь и наслаждаясь сказанным,—„moncher" [110]), подумал я. Конечно, это не мешает ему прескверно дирижировать, но выдумать новую фигуру ему бы особенно хотелось, тем более это нужно, что старых он не знает. Меня этот господин и смешит, и бесит—бесит его либерализм, чисто гвардейский. Мы читали с кн. Дадешкилиани статью Маколея „Мирабо". Маколей очень дельно говорит в ней о революции, вместе с тем делает замечания относительно ужасов, сопровождавших ее, в душе оправдывая их гнетом, бывшим

до того времени. Чем сильнее давление, тем сильнее будут противодействовать. „Вот бы дать прочесть Лишину эту статью, интересно знать, как бы он понял ее. На него она произвела бы обратное действие: он увидел бы „вред от насильственных мер“, которые ни к чему не поведут, и, пожалуй, сослался бы на современное положение Франции, стал говорить. Дадешкилиани вполне согласился,—c'est le mot [111]), обратное действие.

Потом раз пришлось говорить о преимуществах гвардии. Не решаясь сказать слова о бесполезности, вернее, вреде предположенного сравнения чинов, он стал говорить о том, какие значительные выгоды принесли эти преимущества, собрав в гвардии значительное количество умных, дельных людей, которые теперь так занимаются, что из (каждого) полка заявляли желание итти в академию по 16 человек, что все читают, etc.; что вот, завидя это превеликое скопление умных, дельных людей, правительство и хочет сравнять их в правах с армией, чтобы не было этого прилива умных людей—ведь из корпусов идут в гвардию что ни на есть лучшие.—„Да вы забываете, г. Лишин, что желает сравнения гвардии в чинах с армией Милютин, а не желает этого царь,—жаль расстаться“. Нет, и слушать не хочет. Меня это взбесило. Я стал говорить про гвардейский либерализм, что у всех этих занимающихся людей нет ничего основного, что это либо фразерство, либо желание не отставать, и что эти занятия скорее вредны, чем полезны, потому что они дают этим людям вес в глазах неучей, а умнеть эти люди не могут, потому что их занятия пустяки, а не серьезное дело. Привел либерализм, выразившийся по случаю пожаров. Лишин обиделся, он принял это за намеки на прежний наш разговор о пожарах, но, как не глупый человек, не выдал себя. Спор кончился. Он еще ласковее жмет руку при встрече.

Да, а бал я забыл. Беда быть близоруким. Я не решился подойти к дамам, чтобы не промахнуться, не подойти к незнакомой вместо знакомой... Потом обошлось. Плясали все вдоволь,—в мазурку никто не решался итти, и потому было что-то не более 4-х пар. Мне нравится неразъединенность здешнего общества—все заодно; на балу были и купеческие дочки, и дочь священника, все в белых платьях. Если с

ними мало танцовали, то потому, что они не больно-то красивы. На балу был и главный тайша [112]), Тугулатур Тобаевич с женою и ее сыном, переводчиком, и с заседателем. Все смотрели они на наших, как пляшут, и, кажется, кто-то из них рискнул спросить, только ли будет. Но за ужином мы усадили тайшу и К⁰ за особый столик, и я принялся их потчивать. Тайша, тайшиха попивали изрядно. Муж должен был отнимать у нее херес. На все вопросы, „нравится ли ему это", тайша отвечал, „хорошо, ладно", и прибавлял, что „кто к чему привык, то тому и нравится". Я стал спрашивать про женщин,—тот же ответ. „Да, у нас лучше, больше открыто, лучше ведь?" Тайша рассмеялся грязненьким смешком, состроил масляные глазки и отвечал что-то очень много. Переводчик не переводит. „Да что же тайша сказал?"—„Хорошо, ладно". — „Быть не может". — „Нет, так", — и смеется; мы так и не добились, что сказал тайша.

Вторник, 16 октября.

Но этим не ограничились увеселения; по случаю выставки был концерт. Здесь есть оркестр из казаков, чуть ли не тунгусов и бурят; оркестр этот учится всего два года и уже играет порядочно, сносно. Например, он исполняет польский из „Жизни за царя". „Иль бачио" здесь еще новость, а потому при всех удобных случаях оркестр исполняет его. Одним словом, в два года при всем старании лучшего бы не добиться; капельмейстеру нужно было очень стараться и понимать немного в музыке. Капельмейстер здесь некто Хомяк, из урядников, играет порядочно на скрипке, недурно на кларнете, имеет претензии быть композитором; подчас и у него, конечно, вырвется недурная мелодия, прочее слабо. Этот Хомяк человек очень не богатый, Кукель и советовал ему дать концерт. Сам Хомяк играл с Кукелем, с Поплавской [113]),—недурненькая полька, большая патриотка, до сих пор носит все траур по Польше, неглупенькая и с хорошим сердцем; горячится за добро, рада слушать всегда, если говорят о серьезном, подчас задумывается и очень мило скажет: „да, это вы правду говорите; да, эта мысль справедливая, верная", и еще с г-жей Карякиной (пока для меня безличное существо).

На концерт собралось в собрание все общество, заняло все стулья, даже половину, где находились сами играющие, сбор был великолепен, и Хомяк остался очень доволен.

Суббота, 20 октября.

Вчера было у Кукеля все здешнее общество—все решительно. Народа было много. Первое, что бросилось в глаза, это бесцеремонность замечательная, простота во всем, простоты настолько, что всякий бесцеремонно решался петь, играть,—если б и я сел играть, то и это никому бы не показалось особенно странным... Кукель стал играть—пустились плясать, но танцы не клеились—или охоты не было, или непредвиденность танцев застала врасплох. Как ни хлопотал Лишин устроить танцы, ничего не вышло.

Теперь в Читу съезжается пропасть народу, возвращаются с Амура, говоря о результатах благополучного сплава. Действительно, сплав был удивительно удачен: из 150 барж разбилось всего 2—вышибло череповые бруски, но их тотчас же накренили, и баржи снова пошли. Хлеб был подмочен очень мало, даже скот дошел отлично. Являются и из Николаевска[114]), напр., Ивашевский с женою. Ему, несчастному, расшибло ногу на пароходе с одним колесом позади: когда он ходил на бак, испр..., цепь, которая приводит в движение колесо или руль, прошла 2 раза по его ноге, сорвавши мясо и обнаживши все малейшие косточки. Ивашевский очень много рассказывал про Николаевск,—там делается, чорт знает что: во-первых, женатому человеку, желающему сберечь свою жену исключительно для себя, опасно туда ехать, а, во-вторых, Казакевич[115]) допускает и сам делает ужасные мошенничества; не знаю, насколько известны ему все мошенничества, которые творятся, но, кажется, известны. Напр., вино нельзя покупать иначе, как в магазине Людорфа[116]). Казакевич за своею подписью дает записку, что разрешается купить столько-то вина у Людорфа. Это сделано, говорят, в тех видах, чтобы не допустить в войсках такого большого пьянства, которое могло бы развиться в народе при недорогих ценах на вино. Плутни, говорят, на каждом шагу. Американец приезжает в порт, едет таможенный чиновник с доктором свидетельствовать корабль; сейчас же, как первые,

скупают большую часть товаров и продают втрое дороже, чем самим обошлось. Но на корабле остаются товары: требуют от американца фактуру—список привезенных товаров с их ценами. Через несколько времени фактуру возвращают исправленною с увеличенными ценами для выгод скупивших часть товара. Конечно, американец не прочь продавать по этой цене.

А что до жен, то Казакевич всегда все силы употребит, чтобы воспользоваться вновь прибывшею, если только она недурна. Даже, говорят, употребит в дело свое губернаторское влияние.

Торговля на Амуре, говорят, представляет преудивительнейшие фокусы. Напр., товары, пришедшие через Николаевск, в Благовещенске продаются дешевле, чем в Николаевске. Американец гуртом продает несравненно дешевле, чем в розничную, настолько дешевле, что, прибавивши к этой цене провоз и барыш, можно продавать в Благовещенске дешевле, чем на устье Амура.

Впрочем, я, кажется, говорил про вечеринку у Кукеля, а съехал на амурскую торговлю. Много говорят про нее, но рассказывать все, что слышишь, трудно: в разговоре многое не договаривается, про многое говорится вскользь, многое бывает известно говорящим, а для меня это незнание делает многое необъяснимым.

А потому лучше говорить про читинское общество,—Амур еще впереди и, надо надеяться, не уйдет.

Из приезжих, здесь есть еще некто Рик с хорошенькой женкой, ребенком, недурненьким и вообще очень милым. Она между молодежью производит эффект, между молодыми дамами—тоже, только обратный,—им завидно становится, что некоторые из постоянных посетителей-поклонников переселились к M-me Рик. Она поет,—недурненький контральто, с отвратительной манерой пения,—попросту вовсе не умеет петь. Имеется здесь также Подгурская—хорошенькая дамочка, черненькая, презлая и презавистливая. Ей во что бы то ни стало хотелось подвести Рик, заставив ее спеть, а это очень легко,—Рик после первых упрашиваний поддалась, спела; некоторые нашли, что у нее есть что-то приятное в

голосе, а все вообще порешили, что петь она не умеет, и что Подгурская злючка, за что ей следует надоедать, упрашивая ее петь, хотя всем известно, что она вовсе не поет Ну и порядком надоедали.

Рик ужасный ребенок, довольно глупенький, наивный, но многое ей, конечно, прощается за ее молоденькое лицо, статную талью, хорошенькие плечи и премилые т...., которые так и обнажаются, когда она танцует польку, и все заглядывают туда, туда....

Она очень наивно приходит: „пожалуйста, найдите себе даму, мне хочется танцовать мазурку". Ну и идешь после такой простой просьбы. Здесь даже ходят некоторые анекдоты про ее наивность, когда-нибудь расскажу.

В настоящее время хлопочут в Чите об устройстве спектакля,—мне пришлось быть коноводом, так как я был затейщиком. Взялись за дело с большим сочувствием, состоящим пока только в словах. Действовать приходится мне.

Понедельник, 22 октября.

(Кстати, сегодня только 11 лет, как Чита объявлена областным городом.)

Я говорил уже, что здесь не прочь повеселиться, поплясать. Вчера шли в собрании толки, отдать ли его залу, с тем, чтобы Шлау мог там устроить table d'hôte[117]). Шли толки до 7 час., кажется, согласились, а потому устроили вечеринку. Некоторые отдельные личности, Волков, Лишин, просили дам съехаться запросто, без церемоний, не заботясь о нарядах, ну, и съехались, болтали, играли в карты, танцовали. Дело происходило так просто, что офицерство в расстегнутых сюртуках, конечно, с жилетами. Танцовали до 12 час., потом засели ужинать, пили шампанское в изобилии, а под конец все это, как водится, разрешилось банчиком, штостиком, как здесь выражаются. За все удовольствия—рубль за вход.

Я протанцовал без всякой охоты 2 кадрили, затем отчаянный спор с одним немчиком, Буксгевденом, который отчаянно защищал положение остзейских крестьян, спорил очень горячо битый час, конечно, разошлись при своих убеждениях; меня поддерживали один очень добросовестный

немец Шмит и Педашенко[118]), который, впрочем, первый затеял этот спор с Буксгевденом, а потом оставил меня с (ним) спорить, являясь время от времени поддержать каким-нибудь фактом, — он знает тамошние положения, — что даже заставило Шмита сказать, что он не предполагал, чтобы мы, русские, так хорошо следили за их законоположениями, бытом. Кстати, я упомянул про Педашенко. Личность довольно интересная,—для Читы даже очень. Это господин лет сорока, казачий подполковник, невысокого роста, с медленной походкой, да с выразительными карими глазами.. Вот почему он особенно интересен,—по своему влиянию на Кукеля, который совершенно поддался ему в дружбе... Недавно M-me Volard[119]), гувернантка у Кукеля, выражающая громко свои понятия, выразилась, что: „M-r Koukél ne vit pas du tout pour sa maison,—il ne vit que pour Pedachénko, toujours Pedachénko, toujours Pedachénko, aussi quand je le vois, ça me cause toujours du déplaisir“[120]). Это правда, Кукель убежден, что это превосходнейший человек. Действительно, Педашенко не глуп, убеждения честные, хорошие, не прочь попить иногда, но в меру (в этом сходится с Кукелем, который не прочь посидеть за хорошим вином), любит почитать серьезные вещи. Этакий человек, особенно здесь, должен был особенно полюбиться Кукелю, и действительно, Педашенко его неизменный спутник. Кукель целый день был готов с ним проводить, притом же и служба часто заставляет их работать вместе. Но мне, постороннему человеку, некоторые стороны не нравятся в Педашенко; прежде всего, он все-таки деспот—нет так уж нет, тут и спорить нечего. Далее, страшно самолюбив и нет умеряющего, что при таком самолюбии положительно необходимо. Если чего не знает, то рад то ругать, будет доказывать, что оно дрянь, внимания не стоит, но у него есть ум, который, впрочем, не дает слишком увлекаться. Мне кажется, что если бы дать ему большую власть, то он не был бы хорош,—недовольно теплоты в человеке, сочувствия к брату.

Четверг, 25 октября.

Третьего дня уехал Кукель с матерью жены—Клеймёновою. Старик Клейменов[121]) опасно заболел, и они поехали к нему в Иркутск. Я потому упоминаю об этом, чтобы

сказать о том, как все их любят, в их горе все принимали участие, не участие подчиненного к начальнику, а действительное участие. Все их любят. Старушка—славная старушка. Впрочем, ее, пожалуй, еще нельзя и назвать старушкой, так хорошо сохранилась она. У меня врезалось в памяти, как она сказала на прощанье: „прощайте, князь, желаю вам быть счастливым“,—что-то особенно хорошее звучало в ее голосе.

Вот уже 2 дня, как на себя обращает особенное мое внимание цвет лунного света. Особенно какой-то яркий, желтый. Нет нисколько той бледной синеватости, которая составляет обыкновенно его особенность,—яркая желтизна. Я приписываю эту яркость особенной прозрачности атмосферы; воздух здесь вообще необыкновенно сух, на это все жалуются, в конторах особенно. Жаль, что нет инструментов, чтобы определить степень влажности, а мне кажется, что она оказалась бы очень мала. В комнатах страшная сушь. Надо бы по-настоящему устроить фонтаны.

Наконец, получили газеты от 8-го сентября и следующих дней. Все бросились на них, ожидая чего-то. Многие думали, что вот-де объявят конституцию[122]), милости,—ничего не бывало. Это обмануло самые умеренные ожидания, все были уверены, что объявят, по крайней мере, разные милости—и того нет, полное разочарование.

Пятница, 26 октября.

День ясный. Вечером несколько облаков, но la lune mange les nuages[123]); небо скоро совершенно прояснилось, тепло, без ветра.

Суббота, 27 октября.

Днем ясно, 6 час. веч.—облака, потом прояснилось.

Воскресенье, 28 октября.

Я уже писал, что мы здесь собираемся устроить спектакль. Сегодня должны были собраться у Подгурских[124]) все те, которые участвуют в спектакле. Рассмотрели пьесы, каждый некоторое число, и потом, отдавши отчет, принялись за чтение. Ганенфельд прочел водевиль сносно, как большею частью

все читают. Потом принялся я за свою пьесу. Из всех, данных мне на рассмотренье, оказалась лучшею „Снявши голову, по волосам не плачут“, играна в бенефис Садовского; я и предложил ее; для сцены она не дурна. Я прочел; сперва слушали невнимательно, болтали, но потом и мужчины из соседней комнаты все пришли слушать. Мне единодушно присудили играть роль Садовского-Лукова, пьянчугу чиновника, как самую благодарную и трудную, прибавляя, что я и всякую мог бы сыграть хорошо. Я, конечно, не отказался, признаюсь, я на нее и метил. Ото всех по-одиночке получил я благодарности за чтение, похвалы и т. п.; действительно, местами я читал хорошо; под конец сильно устал...

Сегодня утром я был у Завалишина — личность не из обыкновенных—есть много хороших начинаний, не глуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управленьи, как сам говорит, самой личности,—как говорят другие.

Спор, который он вел по поводу Амура, напропалую ругая все управление Муравьева, очень замечателен. Не мало писал он правды, не мало было и лжи, говорят. Педашенко говорит, что он коверкает факты, и что легко ему глотку заткнуть. Он страшно самолюбив. А потолковать с ним интересно,—я незаметно провел до полутора часа.

Что за погода теперь! Ветер гонит целые облака, буквально, пыли. А так как сухо, луна ярко светит, когда пыль несколько секунд притихает. Ни облачка. А утром воздух был ощутительно сыр, ветер был юго-восточный, нагнал облака, мелкий снежок порошил.

Суббота, 3 ноября.

Только что от Ивашевской. Очень хорошенькая и славненькая личность; мы толковали, между прочим, об Амуре,—она в восторге от его красот: в Хабаровке [125]), напр., говорит, удивительные места, так хороши, что можно прожить несколько недель одной, наслаждаясь только природой. Она, как видно, сильно любит природу, потому что часто решалась ходить и ходить помногу из-за красивых встречаю-

щихся там мест. Есть и скалы, и горы совсем гладкие, и горы, покрытые всплошную черною березою, которая своими раскидистыми ветвями сильно похожа на яблонь. В Хабаровке будет важный торговый пункт, так как там место, куда будет все приходить с Уссури, Сунгари. Катерино-Никольская станица очень большая и будет очень важна. Михайловская станица восхитительно хороша—вся в саду.

Впрочем, увидим, тогда скажем...

Ну, а погода с воскресенья сильно переменилась. Теперь вот уже 4 дня трещит мороз, снега выпало на $^1/_4$ дюйма, не более, так что, где гористо, он уже давно смешался со снегом (sic!). Третьего дня я вывешивал термометр, было—18°. Вчера в 7-м часу вечера—25° R. Воздух страшно сух, ясно, облаков нет, немного бывает иногда на горизонте, в степи.

Среда, 7 ноября.

Вчера было представление Кросю. Он показывал там геологические картины, помощью фонаря, освещенного Друммондовым светом [126]). Картины сняты с Geol. Bilder Котты [127]); к ним составлен текст, переведенный с немецкого. Его начал читать какой-то писарь глухим голосом, совершенно как бы отчитывая покойника. Я сейчас же вздумал „пойти нешто туда“.—„Пойдите“, говорит Недашенко. Я юркнул за занавес, взял у писаря тетрадку и стал читать. Говорят: „вы выручили Кросю, а то кто бы стал к нему ходить при таком отчитывании“. Это может служить, как образчик простоты нравов и бесцеремонности в Чите. Никому не показалось странною моя выходка.

Вторник, 12 (13) ноября.

Снова дорога со всеми ее забавами, прелестями, невзгодами; снова широкая, раздольная, дикая, голая Братская степь: снова старые знакомые, новые знакомства и т. п. Теперь я в Курбе [128]). При имени Кукеля, когда я говорю хозяйке, что вот-це его адъютант, что проезжал с ним недавно, хозяйка светлеет, берет меня за талью и вводит в дверь. Если его любят крестьяне, то гораздо более любят крестьянки,—

он всегда так мил, шутит, болтает, но всегда в пределах строгих приличий.

Холодно, ветрено,—теплее закутываешься в свою доху, натягиваешь на себя одеяло, и еще более мечтаешь, носа не хочется выказать на воздух, да и смотреть-то не на что. „Безлюдье, степь, кругом все бело"—твержу я про себя, и лежа в спокойной перекладной, при гладкой дороге, где ни толкнет, ни тряхнет, я до того замечтаюсь подчас, что сравниваю езду в перекладной с... железной дорогой! Действительно, иногда до того покойно, что это сравнение возможно. Иногда же за то, вот хоть эта самая дорога, до того гладка, что успеешь и промерзнуть, и грудь заболит. Зато сколько наслаждений в этом останавливании лошадей, когда чутьем поймешь, что подъехали к станции. Хорошенькая хозяйка потчует чаем с густыми сливками, болтает: „давно ночь, однако", говорит она, когда смотрит на часы.—„Да уж первый час". —„А ты чего не спишь?"—говорит она своей маленькой девочке, которую приносит ей другая девченка, и прыскает со смеху при каждом слове: „Ах, ты, сука, не спишь..." ласкает мать и нежно, даже грациозно обнимает ее.

Но пора ехать,—скрипит телега, снега очень мало, и по дороге он смешался с песком [129]), трещит мороз, а санной дороги нет, дым прямо поднимается из трубы, ярко блестит остренький рог луны, ярко блестит Орион [130]). Все звезды выдаются как-то особенно резко на темном фоне [131]) [132]).

(С. Кабанск [133]). 19 ноября.

На-днях я приехал в Кабанск [134]). Огромное село с красивою большою каменною церковью. Домики прочные, красивые, улиц довольно, вообще село очень людное. Население его занимается преимущественно извозом. Извозничество в больших размерах. Они ходят до Посольской, до Кяхты, до Читы; у каждого домовитого хозяина по несколько телег и лошадей. Извозничество особенно развилось здесь со времени приобретения Амура. До того, как говорит Сокольский [135]), сходить куда-нибудь за 200 в. было чуть не подвигом,—служили молебен и т. п. Теперь двигаются беспрестанно. Амур,—говорит он же,—имел здесь благодатное влия-

ние, хотя и казалось бы с первого раза, что он должен был составлять тягость. Вот, напр., теперь подрядили везти соль; взялись до Читы по 60 к. Но крестьяне нашли другого за 70 к., чтобы избавиться от этого, так как ему выгоднее сходить в то время, как пойдет в Читу, 2 раза к морю или в Кяхту. Действительно, это есть тягость—по 10 коп. с пуда, но тягость небольшая и вознаграждаемая движением, толчком, данным Амуром.

Интересно бы, однако, узнать, отчего же крестьяне брались за цену более дешевую, чем бы следовало? Да в том-то и дело, что цена 60 коп. на казенном сене, когда он идет себе, ни о чем ни хлопоча, не думая, зная, что на каждой станции есть сено, по цене гораздо дешевле, чем оно в вольной продаже, так что цена оным, действительно, хорошая, и дороже нельзя платить за провоз.

Кабанск—центрик целой кучи деревень. Вчера я ездил в Творогово [136]), село в 18 в. отсюда. Почти всю дорогу, наверное, уже более половины, тянутся деревни, непрерывно по сторонам дороги идут загороди для поскотин; расстояния между деревушками не более $1^1/_2$ версты. Творогово—тоже большое село, как видно, не из бедных. Население здесь чисто русское и говорят правильным, чисто русским языком без ударений, только беспрерывно звучит сибирское „однако“, да „мало-мало“. Типы совершенно великорусские. Откуда они выходцы,—не знаю, говорят, что из Вел. Устюга. По дорогам теперь беспрестанно попадаются телеги с бочками,—забирают соль из магазинов, но, впрочем, соль принуждены везти на колесах, а потому тянутся целые обозы двухколесных тележек, особого устройства, с колесами, в которых бросается в глаза несметное количество спиц и широкий обод. Тут хотя и есть снег (и я прокатился на санях,—езда, как и вообще здесь, самая бешеная, лошади несутся, ну, право, как из лука стрела), но за Верхнеудинском снега совсем нет, и мне пришлось эти 430 верст протрястись на перекладной.

Сибиряк и здесь сохранил свои обычаи, свою оригинальную еду. Вообще здесь много едят кислого. Моя хозяйка в Чите, когда я просил ее давать мне не кислые булки, а

печь что-либо другое, говорила Петрову: „вот погоди, поживет здесь ваш барин, станет есть кислое“, и удивлялась, что это я не ем ничего ни кислого, ни соленого, а все пресное. Ее слова оправдались, — действительно, кислое, особенно живя на крестьянской еде, делается потребностью. Потом и в самом обеде есть кое-что оригинальное. Перед обедом в хорошем доме подают или язык, или желе какое-нибудь, потом пирог с рыбой из пшеничной муки 4-х-угольный, у которого верхняя крышка отделена и разрезана на несколько частей. Вы снимаете кусок теста и едите, доставая рыбу из самого пирога. Это по сибирски. После обеда непременно стакан сливок или молока. Это последнее я заметил и в Томской, и Красноярской губ. Вообще по всей почти Сибири так делается.

Кабанск. 23 ноября.

Вчера я ездил в с. Кудару [137]). Огромное село с несколькими улицами, в котором душ числится до 900. Так же тянутся нескончаемые изгороди. В Кударе большая церковь, которая, говорят, сильно пострадала от землетрясения. Когда я приехал, вошел молодой человек с предлиннейшими волосами, которые косичками вились назад, и очень круглым лбом.

— Учитель здешнего училища.

— Очень приятно познакомиться.

Мы разговорились.

Здешнее училище основано года два тому назад, но дело идет не очень-то успешно. Всего 30 учеников, отдают в частные руки учить и т. п. И может ли итти учение успешно? Училище скверное, ни столов, ни скамеек порядочных, одна печь на большую комнату, холодно или угарно. А учитель? Назначен не по своему желанию. „Я, видите ли, просился в Верхнеудинский округ помощником к бухгалтеру. Ну, отказали, так как при отце должности нельзя занимать, а мой отец там бухгалтером. Вот как основали здесь училище, губернатор и велел назначить из тех, кто просился в Верхнеудинский округ. Меня и назначили. Впрочем, хочу проситься в Николаевск, у меня там родственники“. — „Да там есть ли училище то?“ — „Нет, да я не по этой части, а так на службу, я ведь и прежде не по этой части служил, — я служил в

областном правлении. Скучно возиться с этими мальчишками"...

Что тут прибавлять?

И это делает Жуковский, который всем уши протрещал своими училищами...

Да вот 2 раза представляли к губернатору приговоры, чтобы разрешить сделать в училище доски да столы,—арифметике просто учить нельзя; да так и нет разрешения. Хочу собрать в 3-й раз.

Мы сидели в избе,—в той половине угарно. Вместо стекол везде вставлена „скотская брюшина"; „оно удобнее, потому, что как дверь отворяют, так она хлопнет, и весь снег, что намерзнет, спадет, а стекло так намерзнет, что зги не видно. Это теплей". Старуха прибавила от себя, что „отцы так делали, так, видно, считали лучше, чего ж менять?" При недостатке в стеклах, здесь двойных рам не делают,—двойные рамы составляют принадлежность богатых домов.

Я говорил об угаре,—это повальная болезнь, которою страдают здесь все в продолжении зимы. Печи закрывают так жарко, когда даже головешки не совсем прогорят. Потом при одиночных рамах всегда бывает запах печки. Угорают все в повалку по-временам.

Но запрягали лошадей. Я выехал из Кудары, отказавшись и чай пить, и „закусывать". В Сибири я не слышал слова обедать,—оно всегда заменяется глаголом закусывать.

Ямщик, который меня вез, вероятно, не раз получал расспросы про землетрясение, а потому наметался и сам стал мне рассказывать.—„А вон землю своротило, как эку щель дала, это как ее зачало воротить, так много тоже кое-где поделала щелей, а вон обвалилось. Как! А тутотка был колодезь", — показал он на столб с шестом, — „журавль, да так, как стало песок выкидывать, так его весь и засыпало, а сруб своротило совсем". Наконец, мы подъехали к Дубинской [138]). Щели занесены теперь снегом, а все-таки еще видно место, где они находятся. Да еще дорогой проезжали дер. Инкину; сажени на 3 осела она, вода подступила почти вплотную к избам. Еще землетрясение, и ее затопит совсем. Колодцы большею частью засорены, некоторые избы своротены.

24-го ноября.

В Дубинской я спустился к берегу залива, образовавшегося после землетрясения. Крестьяне до настоящего времени не могут без ужаса вспомнить о землетрясении. „Так земля ходуном и заходила, колодцы засыпало, дома своротило, взломало на море лед, подняло его“, и хлынула вода, затопляя бурятские улусы и топя скот. Скота погибло очень много. Весною начались заразительные испарения, и вынуть его стоило очень много труда. У бурят затопило очень много имущества. Кударинские буряты очень богаты, у одного, напр., было в шубе наложено целых 2 рукава денег. Это погибло. В сундуках еще вытащили деньги, а в шубе не искали, конечно. Удары землетрясения до сих пор еще слышим, но очень слабые и многим часто чудится, что был удар, от страха, „отчего ли“. 23-го был удар. Я его не слышал, так как вел очень оживленную беседу с Марковичем [139] (т.-е. нет, не оживленную, —я говорил очень тихо, по наружности вяло, но говорил ему такие вещи, от которых другому бы не поздоровилось. Ничего — сошло. Я думал, что хозяйке так показалось, но нет, на другой день я был в Кударе на ярмарке, и мне подтвердили тоже.

Ярмарка в Кударе, как и все сельские ярмарки, не особенно людна. Она несколько своеобразна, так как оживлена бурятами, особенно их женами. Бурятихи расфранчены донельзя, пуговиц на них навешено несметное количество, кораллы (особенно желтоватые, нисшего сорта) на шее, и кольца большие серебрянные, привешанные к волосам, с первого раза похожи на громадные серьги. Носят они шапки в роде наших высоких кучерских с кистью наверху, в зубах сигара или трубка большая, висящая книзу, или галца, медная трубочка на две затяжки, надетая на чубук, длиною около 6 вершков. Иные бурятихи из молодых недурны, а потому не мудрено, что они сильно роднятся с русскими и плодятся „каркисы“ (помесь бурят с русскими). Я видел, как обнимаются они с нашими крестьянами, и, судя по глазкам мужичка, надо полагать, что она ему не неправится. На ярмарке я сделал два наблюдения: что наши великорусские ярмарки (никольская, а след., барятинская, мамонск.) гораздо людние: и торговцев, и покупателей, и гуляк больше,

да еще пьяных несравненно здесь меньше. Может быть, это, впрочем, оттого, что кабака нет на самой ярмарке,—но выпивший мужичок все таки-зайдет на пригорку, а тут их было очень мало.

В Кударе порядком повредило каменную церковь. Шестерик на куполе обвалился, продавив купол и оборвав железные шесты, на которых висела паникадила, и продавил пол. Это было 31/XII прошлого года. До сих пор дыра наверху не заделана. Ждут архитектора, чтобы он осмотрел, составил смету, etc. По сие время он не приехал. Заделать просто досками не позволяют попы, разрешение надо, что ли, и потому валится снег и налетают голуби, портят вдвоем красивый иконостас. Ведь так уже стоит оно скоро год. Крестьяне просили позволения заделать тесом да железом, что осталось от купольчика на шестерике, да так ничего и не могут сделать.

Чита. Пятница, 29 ноября. Чита. Четверг, 13 декабря.

Не успел я приехать в Читу, так что даже не успел ничего написать в свой дневник под подставленным заголовком, как снова пришлось скакать, именно скакать в сторону, противуположную той, куда я ездил,—к Нерчинску [140]). Зачем.... не пишу здесь.

Кукель вечером отозвал меня: „Есть просьба, серьезная,— надо вам ехать денька на четыре и очень скоро, если не в ночь, то завтра утром“. Я, конечно, отозвался, что с великим удовольствием. На другой день я поехал. Это было 2-го декабря, 6-го я уже был назад, успел съездить и в Шелапугине побывать, и на Казаковском промысле, и даже повидаться с Ольденбургом [141]).

—

Мерзавец Жуковский все пакостит. Жандармская его натура берет свое. Он приказал одному батальонному командиру следить во всем за Михайловым, назначает следствие, чтобы узнать, кто виноват в данном Михайлову дозволении вернуться на Казаковский промысел, Казач. полковнику, делает себе тайную полицию*). и все это (я говорю на основании данных) делается единственно из желания пакостить без

*) Неясность в подлиннике.

всяких инструкций свыше. Вот в чем, однако, (дело). Михайлов приговорен к каторжным работам и назначен в Нерчинские рудники. Вместе с тем, по освидетельствованию, он, конечно, оказался страшно болен, и начальник горный Дейхман [142]) дал ему дозволение жить на Казаковском промысле у своего брата, кап. Михайлова, который заведует там промыслом. Между прочим надо сказать, что вслед за Михайловым приехал полк. Шелгунов, выйдя в отставку, с женой, и поселился рядом с Михайловым. Их арестовали,—я головой ручаюсь, что во многом тут виноват Жуковский. Но, арестуя, Дувнинг, жандармский полковник, человек порядочный, может быть, отвез Шелгунова с женой в Ундинскую слободу, в 20 верстах от рудника, и там оставил. Все бы, казалось, хорошо. Говорят, спокон века в Сибири так водится; нет, Жуковскому неймется. Он, узнавши, что Михайлов, который несколько времени был в Нерчинском заводе, снова вернулся на Казаковский промысел, наряжает следствие.

Я вернулся очень скоро, слишком скоро, чтобы можно было себе составить понятие о проеханной стране, разве два—три уголка этой красивой местности выдавались мне в великолепном освещении, или особенно чем либо бросившись в глаза.

Чита. 28 декабря.

Вообще говоря, я создан не для женщин, женщины не для меня. Я могу понравиться женщине, заинтересовать ее, но только.... Лидия.... но она потому до сих пор любит меня, что меня нет, что видела она меня 3 недели, а через год еще две, и я уехал в такую даль, она ищет причин этому, милая. Потом это ее первая любовь. Не довольно быть не глупым, не довольно быть подчас и энергичным, и горячо любить все святое,—женщине этого мало. Нужно многое, многое, а главное все-таки физическая сторона должна быть хороша. А я?!... Приходится только усмехнуться,—в усмешке есть что-то утешительное.

Чита. 7 февраля 1863 г.

Как давно я ничего не писал! Если бы писать каждый день, то из этого со временем составился бы очень интересный материал. Но писать каждый день я решительно не имею возможности. Для этого нужно вести другую жизнь. Вече-

ром писать? Но ложась иногда в 5-м часу оттого, что пропишешь до 4-х, или же в 3-м часу, потому что в это время только вернешься домой усталый, уже не имеешь возможности писать. Утром тоже невозможно, так как иногда только что отопьешь утренний чай, как едешь по какому-нибудь делу; да, наконец, и не всегда бываешь расположен.

А между тем был бы очень интересен простой дневник для характеристики здешнего общества и как пособие для описания его со-временем [143]).

Расскажу хоть про сегодня.

Утро просидел я у Кукеля, читали записку о выставке. Давно следовало ее представить — к январю, а она готова только теперь. Что ж делать? Было поручено писать описание Савенке, он чорт знает, что намарал. Пришлось поручить мне. Чтение беспрестанно прерывалось, — дополнения, промахи, все это останавливало. К Кукелю беспрестанно приходит то тот, то другой, то с докладом, то крестьянин с просьбой, и т. п. Он беспрестанно уходил. Педашенко уходил к своим приезжим из Сретенска [144]); из Бликина приехали на несколько дней провести масленицу, конечно, находилось и дело какое-нибудь. Кое-как дочитали с грехом пополам, а надо ехать на репетицию в собрание, и то опоздал; дамы после распеканции, которую я делал им вчера за опаздывание, съехались во-время, ждали только меня (вчера я ждал всех более часу). Начали репетицию. Репетиции проходят всегда весело: играет Рик, Лапина, Мястовская. А мало ли чего не говорится потихоньку, дожидаясь выхода в дверях (громко говорить нельзя, чтобы не мешать). Неиграющие лезут в двери, их загораживают так, чтобы на входящего упали ширмы, как только он отворит дверь, при чем они обрушились на ничем не виноватого слугу у Шлау. Хотя сегодня посторонние не приходят мешать, все же много шуму, школьничают. У Рик озябли ноги, она надевает теплые сапожки, — лезут помогать, она отнимает и передает свои крошечные ботинки положить куда-нибудь. Лапина, получившая с прошлого спектакля название тети, покуривает, сидя на сцене, спустя ноги в пространство; проходя ее, то задевают, то укутывают в платок, хотя она вовсе о том не просит. Рик, избалованная немного с тех пор, как играла в 1-й раз, и когда ее стали упрашивать играть во всех пьесах, каприз-

ничает с Хомяком за то, что он врет, играя на скрипке „Матушку-голубушку“, под которую Рик приходится петь. Я унимаю свою сестричку, они кончили... Хомяк обиделся ее капризами, а также тем, что я спросил его: „что будут аккомпанировать фортепиано плюс скрипка?“—„А коли плюс, так нечего и играть!“ положил скрипку и ушел. Кое-как сошла репетиция, третья, а завтра генеральная, послезавтра спектакль. Надо же что-нибудь делать. Лапина (?) прыгает, вдруг ни с того, ни с сего, потом замечает, что вот де вы с m-me Рик все глазки строите. Действительно, поймала. Хохоту много.

Но пора и кончить.

— Ах, Петр Алексеевич, принесите, пожалуйста, мои ботинки.

— Охотно.

— Мне совестно...

— Вздор какой.

Укутывают и тетю, которая с некоторых пор совершенно нянька при Рик, та совершенно отдалась под ее надзор и таскает ее с собой всюду, и к Кукелю, чтобы подбирать куплеты, и т. п.

Мы остались все почти в собрании обедать. С тех пор, как жена Кукеля уехала, все здесь обедают. В честь приезжих пьют шампанское, прескверное, американское, как его зовут, попросту гамбургское, привезенное по Амуру (все иностранцы, приезжие с Амура—американцы, хотя в числе их 9/10 гамбургских купцов, едва что-нибудь знающих по-английски,—так установилось сначала). Впрочем, все бранят шампанское, а 4 бутылки выпиты, не более как 8-ю—10-ю человеками. Нашелся и портер, который здесь за редкость,—кто-то, кажется, Кукель, сохранил 3 бутылки. Кукель подшучивает с Заборовским, который, кажется, обзавелся любовницей, что ли, и т. п. В течение обеда уже несколько раз заходила речь о почте,—ведь сегодня четверг, почта должна притти. Она пришла, говорят, а потому после обеда все собрались к Кукелю пить чай и почту поджидать. Почта не замедлила явиться,—едет почтальон верхом, везет Кукелю письма и газеты. На почту все накинулись, как голодные волки, впрочем, пищи оказалось мало—всего первый № „Дня“, самый аккуратный. Прочие газеты (теперь должны получиться первые №№ 63-го года) не аккуратны, не прислали №№, а

подписка послана заблаговременно. Зато письма содержат много интересного: Кукель должен ехать немедленно в Иркутск дожидаться приезда Корсакова, который скоро будет, на его место —Шелашников, на место Шелашникова— Клэйль, на место Клэйля—де-Витте. Все это временно, до приезда Корсакова,—что за чепуха, куда же Жуковского, что за причины? Догадкам конца нет,—или Кукелем недовольны? Все просто озадачены, действительно. как снег на голову. Вчера один приезжий говорил уже это, но прибавлял, что Жуковский в военный совет,—это еще имело смысл, теперь..... „Инкогнито проклятое", ворчит Педашенко...... перебирать стали и решили, что не следует думать. должен быть скоро, очень скоро курьер, все разъяснится, а то, пожалуй, как прокурор. что-нибудь будет думать, думать, а потом возьмет да и помрет. Но все-таки все думают, думают.

Я уехал домой.

Кукель ходит по зале с Педашенко, о чем-то очень оживленно толкуют...

Я забежал на почту: Есть письма?—„Уже разосланы порядочно давно". Действительно, дома есть письмо от Саши о вечности вселенной. Родятся возражения. но ответ требуется пообдуманнее, теперь я его не в силах дать.

Я отложил письмо и поехал в клуб,—сегодня концерт Хомяка.

Хомяк ошибся в расчете, зал пуст, первые ряды заняты, очень немного вторых и несколько на 3-х местах, кто-нибудь брал десяток билетов и роздал урядникам и писарям. Впрочем, вольно же и было назначать ему высокие цены: 3 р., 2 р., 1 р. „Общество," „гражданство" не пришло, да ему и не до музыки,—масленица, гуляют, веселей концерта. Концерт идет себе недурно. Наша сцена пошла в ход, только не знаю почему. сняли декорации и оставили рамы, к которым они приколачиваются, и рамы украсили кинкетками по две свечи. Впрочем, зато есть и места на сцене, диван, кресла. ковер. Я подсел к пани Поплавской. проговорил все время. Рядом была Карякина, скоро она ушла... Мы остались на этой стороне вдвоем, лишь разделяет столб от рамы. Разговаривая, конечно, на ушко, под музыку. приходится шептаться за столбом. Поплавская было оглянулась.

— Что вы так оглядываетесь? — „А как посматривают дамы, что мы с вами совершенно одни остались на сцене“.

Ей кажется, Ивашевская сделала какой-то знак. Поплавская, конечно, осталась. Она уже здесь поутвердилась, ей это в вину не вменится. Впрочем, и притти-то обвинение в голову („все-таки неловко“) может не более, как двум, трем личностям.

Кукель кончил играть с Хомяком 2-ю фантазию Львова. Педашенко сзади, что-то взволнован. Только что он кончил играть, как уехал. „Курьер приехал“. Дам задержали потанцовать, осталось их всего 6, составили кадриль, даже мазурку... у меня голова трещит, я уехал.

Пятница, 8 февраля.

Ну, и курьер приехал, а вести самые безотрадные,—то, что вчера сказывалось предчувствием, то теперь оправдалось. Утром я получаю записку от Кукеля: „Приезжайте, если можете, сейчас; во 2-м часу я еду“. Один вид подъезжающего казака сказал что-то нехорошее; такого скорого отъезда, однако, я не ждал. Кукель ходит по зале с каким-то купцом; по разговору, по усмешке, видно что-то нехорошее. Я пошел в кабинет. „Здравствуйте, П. А.“,—и Дмитрий такой грустный, „вот опять один остаюсь в доме“. —„Разве Болеслав Казимирович не надолго едет?“—„Нет, кажется, совсем“. Беспорядок, укладываются. Пришел Кукель. „Ради Бога, извиняйтесь перед всеми, что я ни у кого не могу быть, видите, как скоро еду“.—„Да, вы скажите, хорошо или дурно“.—„Как вам сказать, трудно, хорошего ничего не может быть. Курьер привез официальное предписание немедленно ехать в Иркутск и дожидаться дальнейших предписаний. Частные письма намекают, что что-то неладно, политические дела“. „Больше говорить нечего, очевидно, донос по милости Жуковского“. Кукель взволнован,—жена теперь в какой тревоге. Да, это по-моему, главное Прочее же не так страшно, как кажется. С другой стороны, донос в политических делах (потворство политическим преступникам) примется на слово, а Жуковский сам говорит, что в политических делах нет закона... „Я бы себя считал счастливым, если бы все это кончилось предложением выйти в отставку; фактов, впрочем, никаких нет; но в политических делах нет закона“...

Надо видеть, как вытянулись все лица. Поздороваются и помолчат, и долго молчат.—„Да, батюшка, вот и толкуйте с этими подлецами"... и т. п., только вырвется у кого-нибудь.

Я заикнулся Малиновскому про репетицию, что, конечно-де ее не будет; надо известить, когда. Порешили, что лучше совсем театр отложить (не до театра-де теперь), если дамы согласятся. Все грустны, помалчивают, только крепче на прощание жмут руку Кукелю.

Грустны были проводы Кукеля, и грустны не для него одного,—на всех почти лицах была заметна грусть. Провожать его поехали почти все, составляющие „общество" (не „обществò"). Правда, в этом было и желание прокатиться, но главная причина—вообще увлечение в его пользу. Грустно, скверно. Я чуть не расплакался, прощаясь с ним. И после того я остался с Лишиным. Лишин у окна смотрел на уезжающих и ходил по столовой, пока все не уехали. Лишин еще сидел у окна.—„До свидания, Александр Андреевич." Он крепко сжал мне руку, потянулся поцеловаться, у самого глаза влажные. Что это, Александр Андреевич? Что заставило так крепко поцеловаться? Во имя Кукеля.

Суббота, 9 февраля.

Проводы оказались скорее веселы, чем грустны; впрочем надо сознаться, у многих веселость была напускная. Поехали, кажется, 13 троек; на 1-й станции обедали (я передаю это по рассказам) и уже за обедом несколько подпили. Потом подбавляли. Ивашевская, Поплавская, Рик в один голос говорят, что чувство, вынесенное ими от Ключевской станции, близко к омерзению. Пившие дамы (ездили Лилины, эти три, Подгурские) остались ночевать и приехали только сегодня утром; другие выехали в ночь и были здесь в три; выѣхавшие в ночь хорошо сделали; оставшиеся должны были слушать веселые песни, топот от пляски и проч. Под влиянием вина они уже чорт знает что выделывали, отделившись в другой комнате, в ямщицкой.

Педашенко оставался...

Кукель уехал в 11 ч. совершенно убитый, растроганный,—это до крайности впечатлительная натура, и он рисует себе все в самом дурном свете. Он обещал прислать эстафету с известием, как дела.

Сегодня утром познакомился с Горбачевским [145]), один из декабристов, оставшихся в Забайкалье. Он живет в Петровском заводе и теперь выехал прокатиться, по совету докторов. Он остановился у Завалишина (между прочим, они на „вы“; Завалишин, говорят, не был любим своими товарищами, он чуть ли не фискалил что-то). Горбачевский среднего роста, оброс бородой, лицом, вернее, бородою, немного напоминает Адлерберта 2-го [146]), только лоб очень высокий и крупный. Только что я вошел и был ему представлен, как он особенно дружески принялся говорить со мною. Я привозил ему посылку (карточки декабристов) от его племянника Квин. К. писал ему обо мне, что вот-де человек едет в такую глушь, вот-де решимость. Горбачевский говорит мало, больше слушает, зато трещал Завалишин. Он не умолкал просто, пересыпал анекдотами, рассказывал про сплав (как место сплава постепенно подвигалось с Атамановской [147]) до Сивакова), все это по поводу статейки, помещенной об Амуре в „Московских Вед.“, где говорится про точность Корсакова в его 20-ти-дневном путешествии по Амуру, когда он на просьбы о хлебе предложил по генеральской замашке: „А где же мне взять? Ешьте камни“. И, когда был голод на Усури, не хотел взять на свой почти пустой пароход 300 пуд. хлеба для голодных станиц. Впрочем, я скоро должен был уехать, да и Горбачевский собирался ехать в завод, а в Чите побыть уже на обратном пути. Припоминали также, как в проезде Михайлова у него были Кукель, Педашенко и вечером просидели, читали . . . . и потом все это было известно Жуковскому,—через кого, чорт знает, верно, через почтовых служителей. Говорят, что все, дававшие ему обед в Тобольске, отданы под следствие. Чорт знает что творят! [148]).

Чита. Воскресенье, 10-го февраля.

Ну, что за уморительный климат? После всех этих морозов, доходивших до—38°, вдруг в два дня погода совершенно переменилась. Сегодня так тепло, что я решился ехать даже без башлыка, в кэпи,—до такой степени тепло на солнце. Ветер хотя и довольно силен, но теплый ю.-з. После 4-х часов я вывешивал тормометр на дворе у окна. Он показал (провисевши $^1/_2$ часа)—1°. На солнце снег весь сошел. Я не

мог утерпеть и целый день, вернее, утро, рыскал по городу, заезжая то к тому, то к другому, без определенной цели. Выезжая от Рик, я встретил ее в санях на тройке с Мил. и Лишиным. Рик кричит мне: „Я была у вас и не застала. Приезжайте вечером к Н. А.“ Потом попался Лишин: „Я заезжал к вам с Е. К., подошли к двери, висит замок, она хотела зайти к вам посидеть, а вечером звали к себе“.

Нет, я не в состоянии писать: такие вечера (тяжелые?), чтобы они часто повторялись,—я был чуть не вне себя.

Понедельник, 11 февраля.

Я заезжал еще и к Ивашевским, и к Лишину, и домой, лишь бы пробыть на этом чудном теплом воздухе. Обедал, конечно, в собрании—никого нет, зашел Пауль [149]). „Фу ты, чорт возьми, какая тоска, куда ни сунешься! Не знаешь, куда деваться!“ Это не от него одного я слышал: отъезд Кукеля таким же образом подействовал на многих.

После обеда улицы Читы удивительно оживились. По Большой улице взад и вперед разъезжают несколько экипажей: вот сани тройкой с колокольчиком и бубенчиками, вот бричка на дрогах с невыносимым треском и звоном несется на паре косматеньких лошаденок; небогатый жид запряг пару лошаденок в таратайку, состоявшую из глубокаго ящика на оси, оглобли длинные, а ящик до того глубок, что от сидящих в нем 2-х женщин видим только головы в красных клетчатых платках. Чтобы не отстать от своих подруг, жид надел красную феску. Между этими всевозможными экипажами, в числе которых оказались дрожки контр-бас, которых до того никогда не случалось видеть, и какие-то необыкновенные брички, шныряют бурятки и мальчишки верхом. Они несутся во всю конскую прыть марш-маршем на своих крошечных лохматых лошаденках, шныряют между экипажами. Около двух часов продолжалось это катанье. Да, забыл, интереснее всех был следующий экипаж—сани, очень небольшие, запряжен бык: в санях жидовка, недурна собой. Около саней идет старый жид и погоняет своего вола; за санями следуют несколько детей. После того, как катанье угомонилось, идут прощаться со своими родными.

Мы собрались хоронить масленицу у Ламина, проводить вечер. Я благодарил свою милую сестричку за то, что она

заходила ко мне.—„Да я сегодня с В. В. разъезжала по знакомым,—звать их сегодня вечером, и оставалась в коляске, а к вам я хотела зайти. Я была у Соколовскаго, рылась у него, перерыла все, и еще хотела быть у вас,—2 квартиры, на которых мне хотелось быть.“ Как только я входил, Ламин меня встречает:—„А, ну, слава богу, вот первый; а то барышни на меня взъелись: говорят, что я делаю вечер, и никого из молодых людей не будет“. Это требует маленькаго разъяснения. Ламин—купец, один из первых, начавших торговать по Амуру, построивший себе зимовье на том месте, где Михайло-Семеновская станица, следовательно, хорошо выбрал,—теперь это одно из лучших мест. Но господин этот, во 1-х, страшный плут, во 2-х, необразован и к тому же страшно мужиковат в манерах и в разговорах с женщинами, никогда ни в чем не стесняется; в 3-х, страшно ревнив,—говорят, когда-то он бил свою жену страшным образом; может быть, и теперь, т.-е. в нынешнем году, ей иногда доставалось. Бывали такие случаи, что она бросалась к окну, кричала „караул“, звала на помощь и т. п. Впрочем, говорят, на другой же день их встречали у Юдина выбирающими какую-нибудь (кстати, весьма недорогую) материю и вполне заключивших мир. Вот какой человек Ламин, известный под именем Ваньки, Ваньки Каина и т. п. именами. Он постоянно толкует про моншеров; моншер—это ухаживающий за чужою женою господин. Моншеров, между прочим, он делит на несколько разрядов: петербургских (Лишин, Ивашевский), московских, коломенских (это Миряев, удачнее прочих, с треском моншер, чтобы не сказать, с треском болван, господин, ухаживающий, лишь бы говорили про его успехи, завидовали ему, глуп до чрезвычайности; инженер, занимающийся здесь постройками, промотавший казенные деньги и теперь страшно запутавшийся). В последнее время с Ламиным случилась перемена и перемена сильная. Рик сдружилась с Ламиной; у нее отвратительная квартира, дурак муж, и т. п.; она дома почти не живет, проводит время по большей части у Ламиной, у нее и ночует и т. п., с Ламиными постоянно катается и имеет на него самое благодетельное влияние,—все замечают, что Ванька сделался совсем ручной, зовет к себе других, возится с детьми, с женой обращается гораздо лучше. Что, полюбил ли он Рик, или это сочувствие, дружба,—не знаю, не задумывался над этим

и не делал своих наблюдений. Вот факт, и факт тем более интересный, что Рик всего 17 л., ни капли умения жить, ни капли знания людей.

Между прочим, я разговорился с Ламиным о сроке ярмарки; конечно, коснулись и амурской торговли; отчего, например, не сплавляют по Амуру, чтобы отправить в Шанхай, дерево, лес, масло (доходящее до 60 р. пуд., кажется), кур,—все это будет там продаваться с огромными барышами. Ламин начал рассказывать про препятствия, которые встречает каждый торговец в Николаевске. например, приходят 2 судна: одно получает разрешение итти в Камчатку, другое—нет; одному помогают, чтобы уйти и снарядить судно, другому не удается это; американцы (как зовут всех иностранцев) приходят, зная свои законные права, а наш брат ничего не может сделать,—произвол, крайний произвол во всем, все зависит от правителя дел. Например, Мокеев нанимал за 500 р. Вебера (из поляков ссыльных, что ли?), чтобы тот только назвал груз своим и в силу протекции мог отправить его. Это даже было так удачно сделано, что Ламину велено сгрузить свои товары, а это судно зафрахтовывает Мокеев через Вебера. Не знаю, насколько это верно; знаю только, что много подобных вещей приходилось слышать от разных лиц; тут же был Ухтомский [150]) и поддакивал. Далее, например, по жалобе доверенного Лосева, вдруг Казакович шлет пароход на встречу идущему вниз по Амуру Ламину, взять его и привезти в Николаевск. В это время в верхних станицах голод страшный, и нет пароходика, чтобы послать им хлеба. Затем дело объяснилось, и Ламину всевозможное содействие, и т. п.

А вот, например, операция закупа хлеба из Фин. (?). Это, действительно, было выгодно купить,—привезли и за не дорогую цену. Но надо было приготовить пристани,—этого ничего не было, сгружаться невозможно, судно продержали лишнее время, платя по 600 р. в сутки, и, наконец, прямо сгрузили кули на воздухе под рогожными навесами. Хорош будет хлеб. Говорят, что он прорастать начал. И много, много подобных распоряжений.

— „И вот батюшка, этаких людей держат, а вот как Болеслав Казимирович, —так не годится“. Впрочем, курьер, привезший отозвание Кукелю, повез пакет и Казаковичу, может-быть, тоже отзывают. Но главное то, что это все делается не за пакости

и мерзости (о которых Константин Николаевич должен знать через Мак.), а по какому-нибудь бегству Бакунина.

Сегодня приехал один офицер из Петербурга. Он выехал довольно давно, следовательно, новостей не мог привезти из тех, которые всех здешних интересуют, зато вот, что он рассказывает: Жуковский его спрашивал: „А что тех новостей не слыхали вы в Петербурге, говорят, что в Забайкалье бунт“ [151]). Потом: „А что говорят в Петербурге, за что отозвали Кукеля“? и при этом мерзко, подло улыбается... Прибавлять нечего...

Между прочим, он рассказывал, как все переменилось в Петербурге с тех пор, как он там был, вольности какие. Но интересно узнать было, по крайней мере, следующее: что городовых из гвардейских унтер-офицеров натыкано везде по-прежнему много; что, в гостиницах везде боятся говорить громко о чем бы то ни было „политическом“.—такие разговоры ведутся, держа под носом газету, и 3), следующее: он пошел гулять по бастионам, будучи в Петропавловской крепости, в тех местах, где не сидят сколько-нибудь серьезные преступники, а там, где позволено гулять. Его пропустили. За ним шел какой-то штатский, на которого он не обращал внимания. Когда он намеревался уходить, его попросили к коменданту. Он—формалист, стал отговариваться тем, что не в форме.—„Ничего, пожалуйте, как есть“. Комендант спросил: „зачем вы тут гуляли“? Но посмотревши, что это за господин да Забайкальского казачьего войска, сказал ему: „Ну, вы, я вижу, что приходили без всякой цели, а впрочем, советую лучше вперед не гулять тут, а то можете и остаться“. Все это в порядке вещей,—либеральные реформы иначе и не делаются.

Вторник, 12 февраля.

Сегодняшний день мало интересен, разве только потому, как пересказывала все новости М-me (фамилия не разобрана), или как Ворожцов [152]) объявлял, что так как во всяком общем деле, где он участвует, все идет плохо, а потому, когда он откажется, все пойдет лучше, и вследствие этого хотел отказаться от комиссии, да его жена выходила из себя за то, что он уморил Панину, что это Калмыков-де сосплетничал.

Впрочем, это совершенно справедливо. Надо сказать, что у нее были очень трудные роды-двойни, из которых один ребенок вышел с большим трудом, другой—застрял и умер там. Ребенок умер, и дело было ясно, так как у него сделалась там гангрена, зловоние распространялось страшное, но Ворожцов, призванный лечить, не решился резать и вынимать его. Наконец, Калмыков, за отсутствием мужа, уже пригласил Подгурского и предложил ему сделать операцию. Но было уже поздно,—Подгурский сделал операцию тогда, когда уже ребенок мертвый пробыл в утробе 3 дня; мать заразилась-гной стал всасываться в кровь, и у нее сделался тифус. Тотчас после операции ей сделалось значительно лучше, и она, приговоренная к смерти, прожила еще с неделю, но совершенно слабая, она не выдержала тифуса и умерла. Вот каковы докторишки.

Еще вот интересный вечер у Поплавских. Я в 6-м часу приехал к ней, привез книгу (Тургенев, т. 4) и остался на весь вечер. Был Педашенко. Он принялся читать „Разговор на большой дороге" Тургенева. Я предложил пани удалиться в соседнюю комнату и там кончить начатое „Дворянское гнездо". Таким образом, в двух комнатах шло чтение. Пришли Брун, Лисовский, Андреев, Кроль, Смирнов; чтение не прерывалось и таким образом читали долго после чаю и закуски, до 12$^{1}/_{2}$ час. Это тоже довольно характеристично.

А вот для характеристики торговли. Во всей Чите нельзя было найти (одно слово не разобрано), чернил, а также записной книжки в роде этой, а также большого труда стоит найти писчей бумаги.

Пятница, 15 февраля.

Вчера было заседание комиссии[153]. Члены стали собираться крайне неаккуратно, напр., в понедельник заседание не состоялось, потому что в 8-м часу собралось только 8 человек. Вследствие этого, я напечатал и разослал членам объявления, напоминая, что предстоит решить 4-й вопрос о том, какие учреждения и должности надлежит учредить для управления городом, и поставил большими буквами, что заседание в шесть часов вечера. Намек был понят, и в 7 часов вечера вся комиссия была в сборе. Надо сказать, между про-

чим, что комиссия была составлена Кукелем не совсем так, как ей должно быть по циркуляру министра: он предложил обществу самому выбрать депутатов, а не составлял комиссию сам от себя, как предоставлено циркуляром. В комиссии 24 выборных. Ну, на первых порах члены стали собираться особенно усердно; нужно было составить сведения о населении,—все это сделали тотчас же; Ламин даже особенно возился со своей работой, — видно, занимала. Потом стали охладевать, и, наконец, депутатов пришлось собирать уже насильно. Впрочем, явились все с веселыми лицами. Я прочитал программу. Молчание. Надо было завязать разговоры. Ну, общая дума, иные не так поняли, стали разъяснять, затем явились люди (первый Гомелло), оспаривающие нужность общей думы. Явились и противники им. Споры начались поодушевленнее, спорили очень много. Гомелло все ораторствовал о том, что если в Петербурге на 250 т. населения 250 гласных, то нам на 3.000 довольно 3-х, и т. д. в этаком роде, да где вы найдете 25 гласных. Его оспаривали из мещан Игумнов, разночинец Каргопольцев и т. д. и доказывали довольно обстоятельно.

Есть еврей Либерман, тот все выспросит и пойдет толковать, а подойдешь к нему, он замолчит, хитро выглядывает, а потом скажет: „Как другие, я ничего, согласен“. Много переливали из пустого в порожнее, но полезный результат все-таки был. Понятие о двух думах выяснилось, выяснилось и значение гласных и т. п. Наконец, порешили и пришли мне сказать, вот-де так и так; снова я стал опрашивать, так ли, не лучше ли так, и т. п. Наконец, порешили, и надо будет написать проект ответа на 4-й вопрос. Долго, уже после того, как кончилось заседание, толковали еще о том, чтобы положить жалованье голове. Не знаю, но, кажется, и мещане согласны положить также жалованье голове и 2-м его помощникам, членам распорядительной думы. Вообще, комиссия принесет пользу, хотя бы теми толками, которые она возбудила. Но и тут сказалась бюрократическая наша натура—не могли не наделать постановлений в наказ, по которым выключать депутата, если он не будет на 2-х заседаниях и не уведомит председателя о причине, которая помешала ему быть. На этом основании пришлось выключить двоих, но, впрочем, хоть то хорошо, что никому до них дела нет, а вы-

ключенный Макеев посещает теперь заседания исправнее других, а теперь я даже и не стал записывать, кто не был,—покойнее, а записывать бесполезно.

Сегодня все утро писал, вчера весь вечер тоже—надо было кончить описание выставки, а лень кончать. Какая охота писать про вещи, про которые не знаешь, что писать, и тут много приходится ограничиваться пустыми фразами[154]). Вечером сидел с Ивашевским, мы с ним делились нашими данными, так как у него есть многое, собранное для статистического описания. Я удивлялся тому, что узнавал от него о выставке, а главное, серьезные сведения о городском устройстве. Потом я был у Поплавских. Рик опять говорит: „А мы катались, хотели заехать к вам, но не знали, думали, что вы нездоровы". Действительно, вот уже 5 дней, как я ее не видел. Милое созданье, но сгубит ее жизнь. Ее положение ужасно, безвыходно. 18 лет, муж, которого она не любит, да и любить не может, а тут подвернется моншер какой-нибудь покрасивее, в роде Миряева, которому нет дела до женщины, до ее положения впоследствии, лишь бы теперь заставить ее ему... [155]).

Бедная женщина! А славное могло бы из нее выйти создание — свое у нее так хорошо, это говорю не я один, а даже женщины, которые могли бы по зависти говорить противное. Другие, впрочем, и говорят, но те, которые ее знают, этого не скажут.

Пора спать. Уже третий час, петухи поют; которую это уже ночь приходится несколько раз слышать их пение? Не знаю отчего, но я очень люблю их пение, ночью особенно звонкое; в эту пору оно, вероятно, соединено с какими-нибудь приятными воспоминаниями утра в дороге, кажется, как смутно является в воображении теперь.

Чита. Понедельник, 18 февраля.

Третьего дня я был у Поплавской, читал ей „Дворянское гнездо" и просидел весь вечер. Поплавская, между прочим, показала мне одну бумагу начальнику Забайкальской области из военного министерства. Бумага замечательная: во 1), в ней требуется отчет от генерал-губернатора. В Сибири в суммах, израсходованных безотчетно. Муравьеву было дано

700 тыс. р., отчет имеется только о 290 тыс.. про остальные ничего неизвестно. Конечно, никто не заикнется, чтоб Муравьев себе их взял, но расходовал он их решительно без всякого отчета, раздавая своим любимчикам, выдавая награды лицам, вовсе их не стоящим,—Гвоздеву, топившему сплавы, и т. п. П. (Педашенко?) говорит, что отдать отчет в этих суммах решительно невозможно, а потому придется, пожалуй, поплатиться за это и Кукелю, и Корсакову. Но главное, это тон бумаги, — тон замечательный: выражения отдельные показывают, что дело очень скверно может кончиться,—требуют отчета: „иначе я принужден буду просить высочайшее соизволение на командирование чиновника для обревизования“, и т. п. Поздно хватились за ум,—не надо было давать человеку столько власти, оказывать такую безграничную доверенность, а оказывали,—так не взыскивай, что он не оправдал. Не мудрено было ему увлечься, особенно такой личности, как Муравьев, который ничего не жалел, лишь бы достигнуть своей цели.

Мне жаль, страшно жаль бедного Кукеля. За что поплатился этот человек? Он теперь, несчастный, похудел, жена заболела, — все рушится одно за другим; ведь нападает же такая полоса, что одно за другим будет рушиться на несчастную голову.

Бедный! Еще более жаль его, что знаешь, что при этом жена убивается. Она же такая впечатлительная, даром что с первого разу покажется такая холодная. А какой это человек! Сколько перешло от него денег бедным, сколько небогатым чиновникам выданных в виде пособия, а по настоящему, из его денег. Когда он ехал, крестьяне выходили на станции, на большую дорогу посмотреть, что это за человек, что руку жмет нашим старикам, нас выслушивает.

Вчера я был у Ламина. Он рассказывал, — жена его подтверждала, Ухтомский тоже,—о том, что делалось на Амуре в 1856, 1858 г.г. Если верить, то голод[156]) был таков, что ели людей по жребию, не говоря уже об умерших, из которых съели одного (умершего) юнкера... (пропуск в оригинале), говоря, что дворянское мясо-де лучше, надо попробовать. Голод доводил многих до безумия. Ламин рассказывал, как он встречал идущих с постов вверх по Амуру, так

как на посту было есть нечего и мерли дорогой; как один несчастный, уже выбившийся из сил, был выручен им от верной погибели. Три дня шел он совершенно изнеможенный, и за ним следовал волк; три дня не спал он и не ел ничего. Раз попались люди, кипятившие воду, чтобы варить в ней подошву. И много было таких случаев, и из первых переселенцев не мало погибло на великой плодородной реке, и много вернулось, как только было позволено возвратиться. Теперь Амур не таков,—„жильем пахнет", как говорят [157]).

(На этом дневник прерывается. Через страницу записаны три строки по-немецки из „Фауста" Гете):

Erhabner Geist! Du gabst mir, gabst mir Alles,
Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst
Dein Angesicht im Feuer zugewendet.

На Оникинской станции.

„Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые,
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые:
Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Принят с почестью и славой?
Отчего? Иль силе бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами?..
Это подло и преступно.
Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно,
Не заткнут нам рта землею...
Да ответ ли это? Полно..."

(Далее, на отдельной странице, сделан набросок избы, потом помещено стихотворение):

„Когда б не смутное волненье
Чего-то жаждущей души,
Я б здесь остался, наслажденье
Вкушать в неведомой глуши,
Забыл бы всех волнений трепет,
Мечтою б целый мир назвал,
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти глазки целовал" [158]).

№ 3.

Чита.

С 18 февраля по 30 апреля 1863 г. и 26 мая.

Чита. Понедельник, 18 февраля 1863 г

Я только что из комиссии о городском устройстве. Ефимов просто вывел меня из себя,—чорт знает, что за господин! Во 1), это личность, до чрезвычайности напоминающая своей счастливой наружностью Собакевича. Он здесь прокурором, но на этой прекрасной, независимой должности он ничуть не приносит той пользы, которую мог бы принести. Его заел закон,—на нем он помешан и дальше буквы закона не пойдет. Я мог бы тут рассказать один случай, где он оправдывает полицию, самовольно вызвавшую поселенца или мещанина, и несмотря на то, что сама подтверждает, что с его стороны не было ни малейшего покушения на побег, заковала его и отослала в Верхний Земский суд в кандалах. Он это оправдывает 2-мя статьями закона, говорящими, что кандалы принадлежат к разряду телесных наказаний, хотя тут же есть статья, определяющая, когда могут быть употреблены кандалы. Сердца, конечно, нет, а без этого никакие законы не помогут. Он принялся протестовать против заявленного мною желания, чтобы поселенцы, не имеющие права голоса в собраниях, имели хотя своего представителя в общ. думе, чтобы он мог заявлять об их нуждах, защищать хотя их интересы, не давая на них накладывать тяжелых налогов, если не в массе, то на отдельные ремесла (здесь из 178 ремесленников 106 поселенцев). Он, ссылаясь на то, что их защитник эксп(едиция) о ссыльных, настаивал на том, чтобы они имели члена от короны. Это меня взбесило. Да, мы имеем

право просить о своих нуждах, так будем просить о том, чтобы им дали иметь представителя, хотя и без голоса, но который излагал бы перед думой их нужды. Затем он стал перебирать мои фразы, я остановил его, и так далее. Вот какие господа тормозят всякое дело, внося свою мертвящую заразу во все и занимаясь, между прочим, не делом, а постановлениями об исключении членов, не извещающих записками, что не могут быть. Впрочем, надо сказать к чести остальных членов, что прокурор так-таки и остался без поддержки. Я едва пишу; несколько ночей не доспал, и потому довольно.

Я просмотрел тут про прокурора. После он еще лучше наделал. В последнее заседание комиссии явился с протестом. Вывел все статьи законов, как следует, что-де поселенцы лишены всяких прав, лишены даже о с о б е н н ы х прав; он особенно напирал на это последнее обстоятельство. „Ну что же вы желаете, поправки?". Поднялся спор: к чему поправки. Нет, некоторые поддались на мнение прокурора. „Законы, мы чего? Как по закону, так и мы". Особенно горячились на эту тему Гомелло, писарь Ефимов, один чиновник (Беляев) и 2—3 из мещан поддакивали. „Что ж, мы, вот, не знали, а как по закону, так и мы". Пришлось снова собирать голоса. Слава богу, прошло без поправки. Шумов, мещанин, особенно горячо ратовал. Мы-де подадим особенное мнение. К нему присоединилось было несколько человек: председатель Замошников, Красильников, может быть, еще кто-нибудь. Шумов интересная личность,—он не глуп, читает газеты и еще кое-что, получает „Сын Отечества" и берет газеты и журналы у других; он прожектер, говорит определенным слогом, видно, понимает, что хочет доказать, и сам убежден. Он прожектер и, как все прожектеры, не больно-то практичен. Лучшая мечта его—скопить деньгу и переехать на Уссури, сперва в Благовещенск, оттуда съездить высмотреть все, устроиться и перевезти свою семью. Впрочем, в комиссии прокурор протестовал еще против просьбы о праве быть избирателями мещанам, перешедшим из поселенцев по манифесту 1856 г. Тут тоже пришлось по голосам перебрать. Все уж начинали беситься, личные интересы и

самолюбия примешались, конечно, пошло все чертом. На жалованьи снова сцепились; кончилось тем, что порешили жалованье давать только десятникам да базарному старосте,— пользы мещанам будет от этого слишком мало. Ссылаясь на то, что их десятники будут получать жалованье, мещан будут выбирать и в гласные, и во все нелегкие, а гласным да голове без жалования плохо будет. Стал я составлять протокол, чтобы тут же подписать; составил, прочел. Прокурор уже порядком был взбешен, я тоже злился на него по поводу необыкновенного, лишенного всякого здравого смысла возражения; я с ним сцепился, он мне заметил, что я тут производитель дел и не имею права с ним говорить, а сам завел со мною речь; я огрызался, прокурор ушел. Вообще вся наша неспособность выказалась вполне. И я не прав, начиная с ним спорить, но коли я сначала же так был поставлен, коли они сами же ко мне обращались с возражениями, чуть не как к посреднику,—„не так ли, князь",—коли я сам же проводил целиком какой-нибудь вопрос,—как же было тут не спорить? Впрочем, это ничего,—без этого не бывает, иначе пришлось бы вести глупую и молчаливую роль исполнителя глупостей, а это уж больно плохо; лучше же хоть сделать дело, а там ничего—этакие заметки, тем более, что, может быть, один Гомелло подумал, что прокурор прав. Да, Гомелло, тот лучше сделал: тот в другой комнате, не во время заседания, заметил мне: „Да не понимаю, право, чего вы тут спорите,—вы не гражданин г. Читы, наконец, вы тут и права голоса не имеете, вы производитель дел!"—точно сговорились. Этого я отделал так, что он сам не рад был, что сказал,—в собрании за № газеты я не производитель дел, и вы не член и т. д. Он только ниже стал кланяться, да руку протягивать. И чорт знает,—и я ему протянул; это было на пиру у Поплавской,—как-то весело мне было на душе, не хотелось отвернуться, когда человек протягивает руку: „Христос Воскресе"! Воспоминания детства все-таки сильны,—не даром же Фауст отнял кубок с ядом от своих губ при звуке колоколов на Пасхе. Наша веселая, молодая компания провела свое время на Пасхе весело-весело, если бы не слезы, не злость на бессилие, не отчаяние,—да, и оно подчас являлось.

Суббота, 20 апреля.

Приехал Д. [159]) из Иркутска. Кукель успокоился,—его дело лучше, но здесь он не останется, само собою. старое порвано. Корсаков едет скоро, 29-го, что ли, он будет здесь. Вот человек выказался во всей подлости! Теперь, когда все замаслилось, он пишет к Кукелю, чтобы тот взял к себе на рассмотрение новое казачье положение, а 2 месяца продержал человека в полной неизвестности, что с ним хотят сделать, за что и в чем он виноват. Дело разъяснилось,—оказывается, что поступила куча доносов. Завалишин играет видную роль, только он уже ничего в покое не оставил,—ни злоупотреблений, ни домашней жизни. Кукель ничего не делает, в карты играет. Карпов [160]) женился на содержанке Муравьева, чтобы выслужиться и т. п. В Петербурге назначили комиссию, чтобы расследовать все это. Пока она занималась расследованием, государь не говорил, не замечал Корсакова; тот, верно, шлялся по передним, пока дело не разъяснилось. Корсаков оправдан, надо полагать, и за Кукелем не нашли ничего особенного. Теперь Корсаков едет и ждет в догонку производства, которое, вероятно, будет 17-го, и ему дадут о том знать по телеграфу в Омск.

Д. рассказывает кое-что про Иркутск. Пустота тамошней жизни замечательно бросается в глаза,—вся молодежь рада бежать теперь „хоть свиней пасти", как он выразился. Зато Жуковский и Вакульский [161]) разгуливают на свободе. Вакульский полицеймейстер. Он обложил кабаки данью по 25 коп. с ведра (ведер выпиваться должно, по расчету, гораздо больше 10.000). Он это гласно рассказывает везде, выставляя в этом выгодность акцизной системы для полиции. Про это многие, многие уже говорили. Д. в собрании сказал при большом собрании акцизных чиновников, что он удивляется, как низко упало в грязь их новое учреждение, и обвинял их в этом. Напр., говорят, полиция обложила по 25 коп. с ведра, но полиция не в праве опечатать кабак, теснить хозяина, если акцизный чиновник будет честно действовать против этого. Вакульский тут был, он подошел. Он стал говорить, что он может теснить, прижимать, так за это резонно брать; наконец, он объявил, что ему „разрешено" брать. Тогда Д., опираясь на сотню свидетелей, спросил у Жуковского

разъяснения,—так ли, разрешено ли? Разрешить мог только он да Щербатский, иркутский губернатор. Что же Жуковский? Увернулся,—нет, не до меня касается, я тут временный, и т. п. Говорят, несколько человек писало об этом в разные газеты. Посмотрим. Хорошо общество, нечего сказать! И оно его терпит, везде принят, даже обеды делает, и посетители есть, поздравляют с производством.

А вот еще случай. Один мещанин не заплатил должной платы. Ему не отпустили вина из казны. Он выставил над своим кабаком: „Продажа прекращена по случаю неотпуска вина из казенного склада“. Его потянули в суд, таскали, таскали,—не с тем ли намерением сделал, чтобы вооружить народ против правительства. Жуковский был в своей сфере... Нечего было делать,—мещанин откупился тремя стами руб. И все это знают, все повторяют, и все кланяются Вакульскому.

Рассказы про „Иркутские Епархиальные Ведомости“ тоже великолепны. Там чорт знает что творят, просто перебесились. Напр., ехали Жуковский с архиереем по площади, где построены качели и балаганы для народного гулянья. На этой площади церковь и невдалеке две другие. Вот в „Иркутских Епархиальных Ведомостях“ появилась проповедь, где говорится народу о том, каковы блюстители его нравственности. Вот они говорят, что если прекратить это „идолобесие“, то разврат будет тайный, и народ будет проводить время на праздниках за вином и за развратом. Вот что взводят на тебя блюстители твоей нравственности, добрый православный народ. Щербатский говорит: „Кто же это блюстители нравственности? Административная власть? Следовательно, это возбуждение народа против властей?“. Написали к жандармскому штаб-офицеру, чтобы он потребовал объяснений от редакции. Чем кончилось,—неизвестно. Через несколько времени появилась благодарность от „православных“ за то, что начальство снесло балаганы с площади, где они заглушали своим „идолобесием“. Говорят, намерены потребовать от редакции объяснений, кто такие подразумеваются под именем православных, а то это относится до всех.

Третьего дня я был в Сивакове. Два дня тому назад лед тронулся на реке, воды совсем почти не прибыло, да и откуда ей было взяться,—дождей и снегу не было, лед весь

понемногу растаял, вообще сплавщикам придется повозиться со своими баржами.

Вчера спускали баржи. Воды так мало, что против прошлого года аршина на два меньше. Работы много для спуска, и три партии по 25 человек и, кроме того, рабочие могли спустить только в целый день, работая очень много, 12 барж; почти подо все (9 из 12) пришлось подводить двойные слюзы. А. Малиновский, который едет с первым рейсом в Николаевск, Волков и я спускались на одной барже. Ощущение довольно приятное; особенно когда 13-саженная баржа разом грохнется с поддерживающей ее талки на слюзы и скользит по ним с постоянно возрастающей скоростью, пока не грохнется об воду и разом не остановится поднявшимся валом. Зеленоватый вал во весь борт (они спускаются бортом) встает аршина на два, и потом уж баржа тронется и пойдет по воде, удерживаемая канатом. Работа кипит на расстоянии почти версты; на ту сторону переводят баржи, тянут их, и рабочие в лодках, никогда не бывшие на воде, никак не могут переправиться. Сброд народа в Сивакове замечательный; интересно слышать, как вечером Разин (он там начальник) говорит: „Да смотри, не зевать, отмечать мне прибыль и убыль людей, беглых отмечать". Это нипочем здесь, важно не то, что человек бежит: дело не в побеге,—это вещь обыкновенная,—а чтобы на довольствии не числить понапрасну: раз пропустят, он и будет числиться несколько времени, пока не хватятся. Какая там возня! И воды нет! И хорошо, если на будущий год будет вода, а кто знает,—весьма вероятно, что ее не будет и еще год. Вообще, убыль воды непременно должна быть: в хребтах вырубают леса, следовательно, уменьшение воды постоянное. А теперешние палы? Все леса выжжены,—снег ли, дождь ли, все успеет высохнуть. Количество падающей атмосферической воды постоянно должно уменьшаться, — интересно бы было делать наблюдения над этим. Вообще, дело принимает довольно серьезный оборот. На Амуре у крестьян хлеба нет, да и можно ли им сеять, когда кругом тайга,—надо расчищать леса, да какие! Малиновский говорит, что на Амуре [162]) пашни бывают, ну, с небольшую комнату, и таких несколько клочков, или распахано около деревни на очень небольшом пространстве; общество же сообща не работает, а оно могло бы выкорчевать пни сообща и пригото-

вить хоть 30 дес. ежегодно. Но всякому предоставлено думать о себе, и вследствие этого хлебопашество на Амуре развивается очень туго [163]). Хлеб необходим, а как его доставить? Нет и нет воды. Замечательно сухо: вот целая весна, да что—с середины февраля или с начала марта, смело уже можно сказать, выпал раз снежок, который едва ли на дюйм покрыл землю, и вот с недели полторы выпадал дождичек два раза, один минут десять (maxim.), другой минуты четыре, пять (maxim.).

В хребтах то же самое—совершенная сухость.

Воскресенье, 21 апреля.

Лето было до того сухо, что куры почти в брод переходили Ингоду; зимой выпал снег, вершка на четыре, и к февралю весь понемногу стаял, в марте можно было ездить в горы, и снег попадался только на северной стороне гор, и то не везде, слоями вершка полтора. И это сошло понемногу. Сплавщики унывают, и беда крестьянам на Амуре. Не мешало бы подумать о доставке хлеба кругом света. Это весьма возможно. Казакевичу обошлась доставка хлеба по 90 коп., по 80 и по 70, кажется, средним числом по 75, и, говорят, есть средство доставить еще дешевле. М. ссылался сегодня на черноморскую компанию [164]), где платится кораблям, с грузом ли они или без груза, за известное число рейсов поверстная плата. Теперь эта компания без работы: рассчитывали, что помещики будут отправлять хлеб,—ошиблись; впрочем, ведь оно известно, в каком жалком положении находится Новороссийский край. Но хлеб обошелся очень дорого оттого, что глупо распоряжались. Корабли должны были сдать хлеб с борта; у них должны были принять в известный срок; вместо того, вот что случилось. Корабли пришли, затем из Де-Кастри [165]) дали знать сухим путем в Мариинск [166]) или Софийск [167]), оттуда до Николаевска (300 в.) дали знать с первым пароходом. В Николаевске ничего не было готово. Нечем было сгружать. Насилу кашли пароход „Америку“; кажется, брала хлеб с кораблей и везла в Николаевск. И там сгружать было нечем; взяли баржу Росс.-Амер. комп. [168]). Та сгружала несколько дней; отняли—самим нужна. Тогда стали сгружать с „Америки“ помощью

наших барж. Между тем, по уговору, если бы задержали корабли более известного срока, им платился штраф очень большой. 2 недели почти прошло, пока дали знать до Николаевска о приходе кораблей, — о них словно забыли, — а сколько времени прошло в тройной разгрузке? Штраф был огромный. Между тем все-таки пришлось часть хлеба сложить в Де-Кастри на вольном воздухе в кучах. Не удивительно, что после этого доставка так дорого обошлась. А, между тем, снабжение Уссури и восточных портов едва ли бы не было выгоднее кругом света, чем по Амуру при таком безводии.

Сегодня у П. толковали долго про Завалишина. Говорят, есть бумага в Иркутске об отправлении его в Казань. Каково! Ну, есть ли тут капля здравого смысла? Ну, он пишет доносы несправедливые; ну, положим, он вредный человек; ну, запрети принимать его доносы во все правительственные места,—но с какой стати его, имеющего на шее 90-летнюю мать жены, выгонять в Казань? У него сестра там, но захочет ли она его взять? А каков для него переезд,—ведь ему 60 лет, он столько лет высидел в тюрьме! Но хоть бы и ничего этого не было,—разве он не может быть так же вреден в Казани, как и здесь! Чорт знает, ни капли здравого смысла!

Понедельник, 22 апреля.

Судьба Муравьева в Сибири замечательна. Теперь так редко встретишь человека, говорящего о нем с сочувствием. После всеобщих восторгов (а смело можно сказать, не все восторги были подкупные, были и такие, которые происходили вследствие увлечений), после них началось противодействие,—закон неизбежный. Время середины еще не пришло. А потому теперь иногда от самых порядочных людей приходится слышать самые несправедливые ему укоры, — ничего в нем не было, кроме ума. Мало того,—приводят сюда и бесчестность, и т. п. Взгляд на Муравьева еще не выяснился. Но дело в том, что тут не знают, да и не хотят знать, вследствие каких побуждений, что делалось. Им нет дела до того, что если Муравьев оправдывал, поддерживал своих любимцев, то он делал это потому, что сам в них верил безусловно: наконец, главное обвинение — дело Беклемишева [169]) и Не-

клюдова[170]). Что Беклемишев страшная скотина, что он делал невообразимые мерзости с крестьянами, вот хотя бы в деревне, носящей его имя, на тракте; как он выселял крестьян, запарывал крестьян и т. п., и, наконец, устроил селение на таком месте, как Беклемишевка. Все так, но не мешало бы узнать, в каком виде все это представляли Муравьеву, как он узнавал про это, и что выставляли ему во всем этом. Бесспорно, невозможно оправдывать Муравьева,—деспотизма его управления ничем не оправдаешь, да нельзя же безжалостно кидать в него камнем. Наконец, трудно так разбирать это дело, пока мы фактов не знаем, и узнаем их только из отрывочных рассказов. Еще труднее говорить о пользе и вреде, принесенных Муравьевым,—первой, выразившейся в толчке к жизни, сообщенной Сибири, в некотором искоренении взяточничества и т. д., и в вреде, состоящем в направлении, в характере управления, в деспотизме, усвоившемся здесь, во влиянии личностей и т. п. Это дело нам еще очень трудно разъяснить.

Леса в горах все горят. Одна гора теперь удивительно похожа на вулкан, как я их себе воображаю. На вершине огонь, красный отблеск на дыме... Красиво, но еще красивее было явление на-днях. Петров входит: „Чтой-то, Господи, как хребты горят опять". Я вышел. На сопке против моих окон огонь. Деревья черными фигурами рисуются на красном фоне, красный отблеск, постепенно ослабевая, теряется сзади в соснах. Одна стройная ель, две-три мохнатые сосенки, да два обгорелых дерева, словно два человека, стоящих рядом, рисуются на этом красном фоне; а внизу, под деревьями, огоньки горят и ярко блестят там и сям, разбросанные по горе промеж темных дерев. Там, подальше, повторяется то же, только дымом застилает, и деревья выходят не так отчетливо. По другой сопке несколько огоньков разбросано, красных и матовых из-за дыма. Дым отвратительный. Солнца сегодня даже не было видно утром, а небо безоблачно—все дым закрыл. Да и не мудрено. Я вышел на угол базарной площади,—дома Юдина не видно, а это меньше 300 шагов. И нет дождей... Крестьяне из Верх-Читы сказывали, что они уж и пашут-то так только, по привычке, что как же, де, не

пахать. Новь пробовали поднимать, и что ж, земля сыплется, как зола. Надежды на урожай плохи. Хорошо, что хоть найдутся запасы. Говорят, они есть. Амур, вероятно, усилил хлебопашество, но в нынешнем году закуп хлеба меньше прошлогоднего. На горное ведомство потребуется тоже меньше с освобождением крестьян. 17 апреля нын. года Ольденбург, не выезжая из Бликина, купил 12.000 п. хлеба, по 40 — 50 к. пуд с доставкой в Бликино, теперь вот, весьма недавно. А вода едва ли будет, и сплавить трудно, да и будет ли еще возможно?

Вторник, 30 апреля.

Я съездил за 270 верст и вот по какому делу. В пятницу утром пришел я к Шелашникову [171]), принес ему две-три бумаги. „Князь, у вас нет никаких особых занятий?“.— Сегодня нет, — вот бумагу к Дадешкилиани отправить только. — „Так я могу вас попросить съездить по одному очень важному делу, денька два, не более“.—Извольте, с удовольствием.—Педашенко вмешался: „Да вы даже завтра можете вернуться. Только, князь, пожалуйста, поскорее, я бы просил вас сегодня же ехать“.—Извольте, куда же это?— „Да вот, партию встретить и отправить ее на подводах; она идет сюда из Иркутска. Люди необходимы для погрузки как можно скорее, так отправить их на подводах“. Я, конечно, поинтересовался узнать, как делается эта отправка. „Да нет, об этом вам нечего беспокоиться,—с вами поедет чиновник, он будет заготовлять подводы. Или, впрочем, нет, чиновник поедет особенно, чтобы вас не задерживать, а вы поезжайте скорее, встретите партию, отдадите ей деньги и скажите, что она поедет на подводах, а потом возвращайтесь скорее и скажите, когда она будет сюда“. Я было сказал, что мы могли бы ехать вместе с чиновником. „Нет, он поедет сзади, он будет останавливаться заготовлять подводы; так чтобы вас не задерживать, он поедет сзади“. Одним словом, дело весьма спешное. Но, спрашивается, для чего я-то тут? Что я мог сделать? Даже и поторопить заготовлением лошадей не мог. Но мне выдали курьерскую подорожную на тройку, чиновнику — на пару. Много шуму понапрасну. Вот, между прочим, как безалаберно расходуются сплавные деньги. Я встретил партию на следующий день, в субботу, в 2 часа дня (я выехал в три),

в 270 верстах отсюда. Ведет некто Леонтьев. „Поручик Леонтьев“.—Сотник Кропоткин.—„Очень приятно“.—Очень приятно... Я приехал вам сказать, что партия должна будет ехать, поезжайте скорее, не менее двух станций в сутки, без дневок, и идите в Сиваково (все это написано в бумаге, которую я ему привез). Удивительно глупое положение. Напился чаю, потом попросил собрать партию, посмотреть, в каком она виде, т.-е. не пропиты ли полушубки, целы ли вещи, и т. п. Люди смотрят бодро, довольно весело. Как только я отошел, песню затянули и стали кучками,—просят, чтобы деньги их собственные перевели им в Сиваково, у некоторых довольно большие суммы—130 р.—140 р., у иных 10 и т. д. Народ все больше молодой, идут из Томской губ. По большей части все 1-й батальон, который отправляется во Владивосток[172]). Они сперва дойдут до Хабаровки, там перезимуют, а потом уже пойдут к Владивостоку строить себе дома и зимовать. Я спросил о больных. Только два. Один из них очень трудно болен. При партии есть фельдшер, но не очень-то много он может помочь; да и где набрать довольно знающих фельдшеров, чтобы при каждой партии мог быть один, знающий свое дело. А сколько партий потянется после каждого набора по всем местам, и по каким дорогам придется им итти! Человек заболел; фельдшер преимущественно лечит слабительным да кровопусканием; больной заболевает, между тем, серьезнее. Что делать с ним партионному офицеру? Я попросил „наставление для партионных офицеров“. — Отправлять в ближайший лазарет... и это повторяется несколько раз. Но ближайшие лазареты—Верхнеудинск и Чита — 160 и 270 в. В партии один трудно больной — у него воспаление чуть-ли не в легких. Как помочь? Оставить его в деревне, — мало помощи: хозяева будут на него смотреть, как на страшное стеснение, наконец, он останется без присмотра. Везти за партией тоже трудно,— он едва дышит; выдержит ли он дорогу с перекладками из телеги в телегу и т. п.? Странное положение. Он охает. „Ох, не выживу, ох, не доеду“, оставаться тоже не хочет; просит, чтобы в случае его смерти, жену отправили назад в Томскую губернию... А „наставление“ все толкует о ближайшем лазарете...

Воскресенье, 26 мая.

Тихий, теплый вечер, весна и грусть... Сыро, небо чисто, звезды не зажглись еще, песни несутся издалека, и песня эта не разгульная; и этою бедною природой пользуется читинец — все хотят гулять, на воздухе побыть. Утром шел дождь, заволокло небо, так что и Петербург вспомнил; мелкий дождь, но весной пахнет, но зелень свежее кажется.., Дождь, скоро выходить из Читы, думал я,—и жаль, и хорошо. крестьяне радуются, голод грозит... какие засухи. Но дождик только подразнил их, ведь небо свинцовое, а часам к 11-ти стали ходить отдельные тучки, стало прояснять. К часу небо было уже безоблачное, солнце жгло, ветерок улегся, жарко, но сырость, сыро теперь... Какая бедная растительность; Ивы только распускаются, впрочем, есть два-три кустика цветущей черемухи, а травы нег, да и когда она будет? Все выжжено, все опалено. А в Иркутске когда еще черемуха цвела, багульник розовыми кустами покрыл целые горы. Но как бедна Сибирь! Правда, в жаркое лето выростет и высокая, и сочная трава, но однообразна растительность.

Сегодня приехал Аносов, давно ожидаемый курьер. Он должен был все привезти — и письма, и бумаги, и ответ о сплаве, и ответ Шелашникову на его письмо от Корсакова, и сапоги, и карточки мне,—все с Аносовым. Он ничего этого не привез, обманул все ожидания. Я, конечно, поинтересовался о сплаве,—нет даже ответа Шелашникову на его письмо. „Ну, на словах?“.—И на словах ничего нет.—„Как?“—А вот поручил передать, что он не может официально приказать, но пускай Шелашников делает это частным образом, наряд казаков на сплав... Ну, что тут прибавить? Охарактеризован Корсаков, по крайней мере, в одной чересчур крупной черте.

№ 4.

От Читы до Иркутска и обратно.

С 3 мая по 26 мая 1863 года.

Суббота, 4 мая.

В пятницу, 3 мая, около 2 часов, я совершенно спокойно ехал по большой улице. Навстречу попался Пауль.—„Князь, пожалуйста, когда поедете, отвезите от меня письмо в Иркутск“.—Как в Иркутск?—„Да, вас посылают с донесением о сплаве“.—Странное дело, мне это бы ближе знать, а я ничего не слыхал.—„Поезжайте к Педашенке, это уж наверно решено, вы там все узнаете“. Я еду к Педашенке.—„Ну, батюшка, снаряжайтесь в Иркутск, сегодня вечером или уже позже всего завтра на рассвете. Что делать со сплавом; расскажите, в каком положении дела“.

Отчасти я был доволен поездкой,—в Иркутске Кукель, которого хотелось видеть, наконец, кругоморский тракт [173]) замечателен во многих отношениях. Я стал собираться. Вечером мы отправились до „лясу“, с Я. О., Ив., Шел., Рик. Теплый денек; конечно, гарь слышна в воздухе, и ветер есть, но все-таки денек один из лучших, выдавшихся в эту весну. Время прошло отлично. Вернулись. Педашенко пошел писать бумаги, я—посидеть у Поплавской. Это было около 7 часов. Бумаги через час будут готовы. Я попросил прислать к Поплавским за мною. Уже после закусывания, т.-е. около 12 часов, я пошел к Педашенке. В канцелярии его работают, пишут, но бумаги еще не готовы. Я посидел с $^1/_4$ часа, получил деньги, направился к Шелашникову. У него ничего не готово, даже ведомости не получил, в которой есть цифры, нужные для письма. Мы просидели до половины первого; у Педашенки бумаги еще не кончены, но ма-

териалы он принес. Шел(ашникову) пришлось засесть за письмо и писать его всю ночь. Часа через два, впрочем, он обещал прислать письмо и бумаги. Я отправился во-свояси укладываться, провозился около двух часов, до тех пор, когда ко мне пришел Пауль. Но бумаг все нет П(ауль) успокоивал: „Увидите, Шел(ашников) лег себе спать, думает, пускай и он отдохнет, а письмо до утра оставил“. Совсем уже рассвело, а мне говорили выезжать как можно раньше, чуть свет забрезжит. Мы решили прилечь немного, но и задремать не успели, как Шел(ашников) прислал казака звать к себе. Послали за лошадьми, через $^{1}/_{2}$ часа уже была готова тройка сытых, здоровых коней. Мы доехали до Шел(ашникова) 5 часов. Он все еще писал и не кончил своего длинного письма.—„Вот Ив. Конст. только что ушел, все толковали; да ведомость не была готова“. Мы еще прождали около часу его писем. В 6 часов едва выбрались. Тройка сытая, и 37 верст в $2^{1}/_{2}$ часа считается обыкновенной ездой. Утро свежее, в степи всякой птицы вдоволь, какие-то турманы, огромные тяжелые птицы, журавли, гуси попадаются; горы в сизом тумане; по ту сторону Читы пожары не прекратились, вчера чуть даже марсовский [175]) забор не загорелся. Но какая везде сушь,—вот сколько мы едем, а ни одной травки не видали. Несмотря на то, что жарко, впрочем, утра холодные, и мы едем в теплой одежде и не снимали полушубка; а на ночь, в продолжение нескольких часов перед светом, мы даже дохой покрывались.

Воскресенье, 5 мая.

Становится немного лучше, в Курбе даже травка показалась маленькая, и то только местами, небольшими пятнами. Горы курятся в окрестностях. В нынешнем году истреблено страшно много лесов этими палами. Палы до того сильны, что мы в Чите не видали солнца в течение весны иначе, как в виде красного круга, иногда даже красного пятна. Не доезжая до Онохойской станции, мы подверглись следующей случайности. Лошадей запрягли нам очень плохих, было видно сначала, что едва ли они дойдут до станции. Ко всему этому прибавилось еще то, что коренник с урусом берет себе влево да и только; ямщик стал бить его с левой стороны кнутом, он вскинет задними ногами, да и

забросит их за оглоблю,—поднимай за хвост да и только; мы долго бились без всякой пользы, наконец, решили отпрячь пристяжку; я сел на нее и поехал вперед. Но конь подвигался весьма медленно; бьешь его,—он брыкается. Наконец, имея коня впереди себя, и коренник пошел, не отставая, т.-е. весьма медленно. Трястись на коне было бесполезно, снова впрягли его. Едет навстречу бурят: „Дай, батя, коня, до станка доехать, на водку будет“. Бурят помог перепрячь коней, отозвался, что конь сырой, убьет, и поворотил коня. Я стал говорить, что ничего—доеду. Нет, и слушать не стал, и повернул, не говоря ни слова, и поехал себе. Едет, обгоняет нас русский мужик на двух колесах, попросту на передней оси телеги, везет бурята. Мы уговорили его посадить бурята в перекладную (тарантас, как они здесь зовутся) и довести меня до станка, чтобы выслать коней на помощь Паулю. Парень отговаривался тем, что у него конь устал, он ездил эстафетой и возвращался назад, не кормивши там, но под влиянием обещанного полтинника стал гнать коня вскачь; 10 верст мы проскакали очень скоро, но, Боже, что за тряска! Такой я не мог бы вообразить себе, не испытавши; нужно было больших усилий, чтобы не слететь со своей передней оси. В Верхнеудинске уже везде видна трава, тепло, ходят за город без теплой запасной одежды, деревья начинают распускаться,—не то, что в грустной, выжженой Чите. Из Верхнеудинска мы своротили на Кяхту. Горы самых странных очертаний, крутые, выдавшиеся скалы и степь.

Понедѣльник, 6 мая.

Та же степь, те же горы, те же скалы. Травы почти не видно. Беспрестанно попадаются огромнейшие обозы с чаем, телег в двести; верблюды медленно двигаются, тяжело нагруженные вьюками; наконец, чай идет и на лошадях, на вьюках.

Утром были в Усть-Кяхте. После холодноватой погоды разом попали в жару; ехать в чекменях уже невыносимо жарко,—солнце печет так, что необходимо сделать себе навес от него. Мы так близко от Кяхты, жаль, что нельзя туда съездить. Начались кругоморские станки; едва достал молока на одном; буряты менее и менее понимают по-русски.

Вторник, 7 мая.

Ночь с понедельника на вторник была преоригинальная: вначале было очень тепло, даже душно, покрываться дохой не приходилось, в полушубке уж очень тепло, но в начале первого часа перемена стала разительная. Пауль ехал в летнем пальто, не надевая даже своего мехового пальто. Он заснул, холод разбудил его; он своей возней, в свою очередь, разбудил меня. Снег залег в долинах, разом пахнуло холодом и сыростью, в одной долине снегу хватило бы до колена. И это разом после душной майской ночи. Но, увы, какие здесь майские ночи, и какие вообще ночи! После жаркого, невыносимо жаркого дня—12° не редкость.

Вот она, настоящая Кругоморка. Станок—две, три бурятские деревянные юрты,—и то прогресс—не войлочные; станционный дом—широкая, грязная комната с скамьями по стенам, грязные стекла, грязная печь... После внезапного холода не мешало отогреться. Впереди 7 станков верхом, таких же, еще хуже. Самовара само собою нет.—„Саник“,—предлагает бурят. —„Ну, согрей чайник“. Огонь, конечно, постоянно есть в бурятской юрте,—без него и жить бы нельзя было. Скоро приносят чайник, чугунный, грязный, но внутри приблизительно чистый, так как буряты ничего в нем не варят для себя. Приносят кипяток, вы засыпаете чай, мешать... но на то есть crayon d'artiste Фабера [174]).—Из чего же пить? Деревянные чашки есть на то. Китайские лакированные чашки, которые продаются здесь очень дешево, распространены везде; у бурят непременно есть такие чашки. Чашки являются, лак сошел, от них пахнет салом, но лучше не смотреть во-внутрь. Чай пьется отлично и кажется очень вкусным. Между тем, вьюки готовы. Буряты связывают их с необыкновенной ловкостью поровну на каждую сторону, один сверху. В путь...

Первый станок прошел как нельзя лучше: дикий лес, тропинка в лесу, очень не богатая растительность: ель, лиственница, редко сосна, местами тропинка ползет в гору, местами идет по ровным, немного топким долинам, кое-где болотце протянет. Наш вьюк очень легок, конь под ямщиком попался слабый (т.-е., конечно, не под ямщиком—сперва его нам подсунули, Паулю, но он пересел), пристает да и

только, а мы, где только можно, ехали рысью; на силу вскорабкался этот конь по камням на одну из гор; ямщик видит, что плохо, связал его, бросил на дороге, возьму, мол, на обратном пути, а сам поправил вьюк и карабкается на него.—„Ты что это хочешь делать?“—Молчит или промычит что-нибудь, так ничего и не добьешься. Он сделал свое дело, пресерьезно вскарабкался на вьюк, уселся как обезьяна (кстати, и росту крошечного),—жаль я не могу изобразить его, а то вышла бы недурная каррикатура с натуры.

Снова 2 бурятские юрты, вечный огонек, щели, в которые руку просунешь, на полках несколько винтовок, несколько мисок, над огнем котел с грязным кирпичным чаем,—жалкая жизнь, но они ею довольны,—чего же? Пробовали им дома строить, живут; потом рядом с домом выстроят себе юрту, и в ней живет. Мне говорили, что для бурята нет ужаснее наказания, как арест, и аресту надо подвергать их осторожно,—продержать братского неделю в каталажке, это слишком жестокое наказание, против которого следует восставать с такой же силою, как против розог Маркевича.

Кони оседланы, несколько болят уже ноги, но лишь только сел в седло, как все прошло; впереди 32 версты. Дорога тянется то по бесконечному болоту, довольно еще сухому теперь („тундра не растаяла“), то лезет, лезет в гору; да когда же конец. „Еще высоко“,—говорит братский. Верст 5 как мы уже лезем в гору, все лезем по крутому скату, а горе конца нет. Там под ногами с трудом разглядишь ручеек, который пробегает под горой. Конец горе. Поворот, и снова в гору. И это повторяется несколько раз.—„Да когда же конец?“—„Близко“.—Но и это вздор, снова карабкаемся мы,—кажется, другая гора взгромоздилась на первую, на нее третья,—все выше и выше.

Перевал.—„Ради Бога, оглянитесь назад, А. К.“ Горы легли в 5 рядов, одна за другой, все покрыты елью и лиственницей. Там синеет гора, за ней другая, третья, все синее, все бледнее. А там облако залегло. Снег на горе или облако? Нет, облако, вон какую причудливую форму оно приняло. А впереди? Все те же горы, горы, горы *). Но какие горы?

*) В этом месте дневника помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий трех всадников и одну лошадь под вьюком, едущих по ущелью.

Я радовался, как ребенок, потом молчал, снова смотрел... „А до станка далеко?“—„Далеко, далеко“. Вот грязь начинается. Наконец, и станок показался. Вот речку надо в брод переехать; сердитая, а какая крошечная. Речку на силу переехали, сносит лошадей; ну, выбрались, наконец. Вот и станок.—„Чайник скорее“. На станке встретились проезжие. Пугают дорогой.—„Ну уж дорога в гольцах,—кони так и проваливаются: спешите, спешите, а то с каждым днем хуже становится; да вот пустит ли вас речка?“—„А что?“—„Мы сегодня на рассвете переехали, так и то едва выбрались, а теперь видите, какой жаркий день, воды должно быть прибыло, едва ли переедете“.—Хозяин, старик-бурят, умоляет не ехать: „Кони погубите“. „Ну да ладно, коней погубим, так ведь и сами не выберемся“. Долго толковали они, хозяин приставал, коней не погубите. Мы решили ехать и посмотреть: старый бурят взялся ехать с нами, везти эстафету, которая шла вместе с нами. Старик переедет.—„Худэ, худэ“... и головой покачивает. Однако старик погоняет лошадей, мы отстаем, везде показываются ручьи, со всех вершин бежит чистая, прозрачная, холодная вода; так и хочется пить, а с коней слезать не хочется. Снова перевал и снова горы, горы по всему горизонту. Везде были палы и страшные опустошения наделали. Все соединяется тут против этих великанов-лиственниц: и пал прожжет их, и водою повалит, и ветер вырвет с корнем,—всякие невзгоды; и жалкий же вид представляют эти леса: они не выдерживают борьбы и гибнут, за то молодое дерево снова растет и снова вступит в борьбу.

Проводники погоняют, едва поспеваем за ними,—видно, хотят переправиться и домой оборотить. Впрочем, они на всякий случай взяли чайник, может-быть, придется ночевать на берегу и переправиться чуть свет, а то за день успело прибыть много воды.

Вот и речка, снежная, кажется. Несется с необычайной скоростью. Составить себе понятие о скорости трудно. Но вот что может дать понятие о ней. Громадные горы, полутора-саженные снега. Речка это одна из главных, притоков у ней бесконечное число, с каждой неровности начинается ручеек, из десяти ручейков готова речушка очень порядочная. Со всех скатов, где вздумается, текут такие речушки

три четыре жарких безоблачных солнечных дня, таких, что в одном чекмене жарко. Речку мы переезжаем в верховьях. Покатость страшная, речка не широка. Кажется, все условия, чтобы быстрота была огромная. Вода течет сверх льда, совершенно позеленевшего и опустившегося на дно. Старый бурят несколько раз пытался перебраться то там, то сям, но все бесполезно. Но видно не в первый раз приходилось ему так переправляться. Скоро он нашел хорошее место—в локте (?), но странно, где река суживалась. Он пересел на моего коня, переплыл рукав и вышел на льдину. Коня так и сносит вниз. Осталось еще одно узенькое местечко; старик и то переехал, правда, провалился в яму, но конь, удержанный крепко в поводу ногами, не свалился. Старик вернулся, перевел вьюки, потом перевел и нас—Пауля и меня. Кончено. Котелок отдали какому-то буряту, который пас лошадей на берегу. Все шло хорошо. Но в 5 верстах от станции начался снег... Еще поднявшись на гору перед переправой и бросивши взгляд вдаль, я остановился.—„А. К., снег или облако?“ — „Облако“. Но облако обрисовалось отчетливо, среди него мелькнули 2, 3 небольшие скалы. Снег. Это и есть голец [175]). Громадная гора с кругловатыми очертаниями, вся покрытая снегом, кое-где видны черные полосы *). Снег становился все глубже и глубже, лошади проваливались, падали, делали страшные скачки, чтобы подняться, но передние ноги не находили себе точки опоры, и лошадь опиралась на задние... и задние проваливались, тогда лошадь падает. Соскакивай скорей, бросай стремя, не то ноге может достаться, не скоро высвободишь. И какие скачки делает несчастный конь, чтобы приподняться, и как все это напрасно. Впоследствии я приловчился,—я ехал последний,—где провалился передовой, я удержу коня, и он осторожно ступает, ставя ноги туда, где ушла на аршин нога передового коня. Каково приходится поднимать ноги! Мой конь меньше падал, и я меньше перемок, чем Пауль. С мокрыми ногами, усталые, с измученными конями, мы дотащились до станка. И только 5 верст,—только, а сколько трудов и усталости. Надо было сушиться, греться... А тут

---

*) В этом месте дневника помещен собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, изображающий сибирский горный пейзаж.

беда с бурятами: на станке мало кто понимает по-русски. Напр., юрта рядом, а никого не докличешься. Мы уже после такого рода сноровку взяли. „Ей, Бадма! Сынгэн!“—Бежит кто-нибудь. Эти два имени, особенно первое, особенно употребительны между бурятами, мы этим пользовались. Еще их привычка притворяться непонимающими,—не мало труда стоит уже говорить с непонимающими, а тут еще притворяется.—„Поди сюда“, манишь его,—не идет, приходится пальцами показать, как переступают, и по направлению к себе. Тогда обрадуется, что понял, скорчит уморительную рожу и идет. Ехать было невозможно, мы остались дождаться свету.

Среда 8 мая.

Денек выдался замечательный. Перед нами был станок в 18 верстах. Снегу много, много; худэ, худэ... Чуть свет мы тронулись. Три версты прошли, но как! Снег еще глубже, мы проваливались до паха. Лошадь беспрестанно падает и беспрестанно приходится соскакивать в воду,—под снегом везде вода... Спускаемся с горы: лощина впереди, голец с его мелкими побочными спутниками. Снег глубже и глубже. Вот вода стоит озерком. Сверху рвется с необыкновенной силой по дороге проток. Он промыл себе дорогу между двумя стенами снегу в $1^1/_2$ аршина, даже два, и под снегом везде подмывается.

Приходится спускаться в воду. Лошадь сразу падает, не предвидя такого скачка. Наученный опытом передовых, я своей не дал упасть на колени. Глубже и глубже, ноги в воде, вьюк купается, яма, которой обойти нельзя, и вы уходите еще глубже. Лишь только выбрались из воды, лошадь упала на 2 или 3 шагу, прочие впереди тоже лежат, вьючная упала на снег, снег протаивает, рядом другая стоит по горло в воде. „Спасай вьюк“! Вьюк спасли, но лошадь по шею ушла в воду, а вода быстро рвется с горы вниз с непомерной скоростью, и холодная, холодная, как только может быть, конечно, 0°. Лошадей пришлось бросить и спасаться на снегу. Пауль стоит впереди и зовет меня. У меня твердо. Я пошел, провалился несколько раз. „Переждемте здесь“. Я остановился. Но лошадей вытащить невозможно. Ежеминутно для каждой лошади прибегали к самому радикаль-

ному средству—за хвост, и это средство изменило. Усталые лошади не поднимались. А островок нам начинал уж изменять, — снег под каблуком, подбитым гвоздями, протаял; я провалился, но удачно выскочил. „Больше стоять нечего, мы провалимся через $^1/_4$ часа в воду по пояс. Надо предпринять что нибудь“. — Вперед.

„А если вся дорога такая же?“—Ну, доберемся до дерева, там обтаял снег, подождем.—„Да эти лошади не могут итти. Братский, какая там дорога?“—„Худэ, худэ, це, це, це,“—... „Ну, да лучше там переждать у сосны“.—„Да не доберетесь, провалитесь“.—Мы толковали несколько минут. Пауль пошел

вперед; шаг,—провалился, вышел—провалился, хочет выйти—обламывается; я протягиваю руку, он снова поднимает ногу—проваливается, едва вышел, а грудью снега не проломишь. Тут было по грудь. Нечего толковать—назад... Провалились несколько раз, но итти можно, воду обогнули и по снегу могли перебежать мелкой побежкой, не наваливаясь на одну ногу. Выбравшись на камни, мы могли уже хладнокровно рассуждать, что делать. Солнце печет, а 5-й час утра, что то днем будет. Мы решили бросить коней и назад итти пешком. Поворотят одного коня, прочие выберутся и домой пойдут. Да, забыл. Один конь сунулся по протоку, шедшему с горы; сколько раз он падал коленями на камни, попадая головою в воду, но вставал, отряхивался и снова шел, пока совсем бессильный остановился. Вода бьет чуть не в самую морду, он кладет ее на снег, хоть несколько минут выдержит, а то

в естественном положении пришлось бы держать ее в воде Вьючный конь то же делал.

Итак, на камнях мы держали совет, что делать. Вперед итти по этой дороге невозможно. Мы мокры. Впереди 15 верст такой дороги, лошади плохи, да с ними больше возни, чем одним. Решили вернуться, делать трое саней, забрать бурят и идти хребтами прямо на ту станцию или куда выберемся; коней не брать, вьюк на три части и на 3-е санок. Положение, действительно, затруднительное. Ждать, чтобы вода сбыла,— когда это будет? — пожалуй, неделю прождешь, а там мосты взломает. Вернуться еще на ту станцию и ехать в (Посольское) ждать парохода. Но переправа? И старика нет, а тут 9 мальчишек, не знающих по-русски. Ждать, но у нас 1 белый хлеб и гусь,—улыбка является при этом слове. Гуся мы купили в Погромной, спохватясь, что нет ничего мясного на Кругоморку. И уж досталось же этому гусю. Он весь высох. Хозяйка жарила его в собственном соку. Проехавши 3 дня, он высох, как мумия,—ничего, мы ели его с чаем, выходило, сколько помню, недурно. Припасов нет, а ждать придется долго. Мы остановились на том, чтобы сейчас же вернуться на станок и там заняться выделкой саней. Сказано и сделано. Кони выбрались назад, домой, охотно. Я шел пешком, но Пауль поехал. Он, бедняга, не имел сапог покрепче, а надел обыкновенные сапоги, простые и, конечно, старые. Они налились водою так, что вода в них шлепала, да и подошвы грозили отвалиться. Он поехал. До станка мы живо добрались и, конечно, прежде всего, принялись за сушку ног. Отогревшись чаем, мы подумали о санках, позвали бурят; пришел один из казаков, дожно быть, из соседства, чтобы поднять почту на своих лошадях. Через него мы начали переговоры. „Надо санки делать“. — „Не из чего“.— „Неси топор, скамейки годятся, мы расписку дадим и озаботимся о высылке их при первой возможности“. Они почесались, подумали, переговорили. „Нет, дорогу пойдем прокладывать, со всеми братскими со станка. Проложим новую дорогу, тогда проедете“. Мы согласились. Действительно, через несколько часов они вернулись, поели буды, и мы тронулись. Проклятую трущобу прошли спокойно,—воду они отвели в другое место. Сладить с нею было нелегко, пришлось сделать довольно большую запруду и в сторону пробивать дорогу

для воды. Но только что мы миновали запруду, как снова застряли. Конь пустой впереди не мог пройти, он ложился несколько раз. Лошади, измученные переездом 3 раза через воду, ложились, и не было возможности их поднять,—хвост и тот не помогал. Навстречу попался почтальон, он сбил нас с толку. Надо 7 верст непременно пешком идти, и до станка можно дойти пешком,—речек нет, а 7 верст и сами устанете, и коней измучаете. Мы послушались, бросили коней и ушли вперед, велевши им выбираться, как могут. Мы понадеялись на старика, который обещался вывести нас на голец, если мы дадим 3 рубля. Снег также глубок. Как трудно было итти до гольца, в гору! Право, трудно рассказать, потому что я бы не представил себе всех трудностей при рассказе другого лица. Мы проходили 200 шагов и шли, выбирались на прогалинку под лиственницу с корнями, поросшими мхом и выдающимися на поверхность, садились на какой-нибудь выгнутый корень, отдыхали, чуть не высовывая языки, как собаки, и снова шли в путь. Вот и голец. Слева поднялась какая-то громада с закругленной вершиной, вся засыпанная снегом, кое-где уже виднеются, впрочем, прогалины, солнце ярко отражается на белой горе. Жаль, что оно так сильно печет, что везде под ногами журчит вода, что между всякими камешками пробивается ручеек, что лиственницы зеленеют. Природа имеет неопределенный характер, а для таких гор неопределенность некстати, не идет. Вот когда хорош голец, когда, весь засыпанный снегом, он, испещренный миллионами блесток, синевато светится при луне. Да... Летом он не может быть хорош. Раскаленные камни, выжженная богом пустыня, нет... Зимний наряд идет к этим ущельям, горам, лиственницам (4.000 фут. над Байкалом). Да, но тут он давил бы своею пустынностью, дикостью, а тут обновляющаяся природа,—обновляющаяся, да для какой жизни? Летом на гольце должно мертвым пахнуть. Зимой та же пустынность, но эта пустынность—величественность, а в величии этом красота.

Мы отдохнули и прошли мимо. Почта отдыхает. Кони с мешками золота щиплют ветошь,—как должно давить их это золото и серебро. Все это едет в Кяхту. Мы, испорченные люди, подумали: „а кто мешает ямщикам распороть мешки и уйти себе?“... „Куда?“ Мы невольно улыбнулись. Мы сделали

еще более 2-х верст, и у Большого Камня сделали большой привал. Воды все больше набирается, мы чаще и чаще проваливаемся, но под гору легче итти. Мы с полчаса уже сидели, как пришел нанятый нами старик; лошадей бросили, вьюки принесли на руках к гольцу, хотели просить, чтобы почта обратная нас свезла, только та не знает, когда вернется, не берется нас везти.—„Да ты обязался нас до гольца доставить".—„Ну, и доставил".—„Да разве так доставляют, на чем же мы дальше пойдем?" Старик просит хоть рубль.— „Нет, мы заплатим, когда кони сюда придут с вьюками". Старик стал говорить, что бог нам судья, мы его обидели, что если отдадим его 3 рубля ямщикам, они не передадут, просит хоть рубль.—„Доведи сюда, получишь и еще прибавим". Старик выканючил 3 рубля и уже не возвращался. Мы долго не знали, что делать. Вьюки на гольце, лошади в воде в 3-х верстах от станции Лемкарун. До Хундабани 12 верст,—дойдем, но какова там дорога, а реки, а воды! Итти вперед без вьюков опасно,—пожалуй, так и останутся там; ямщики, верно, вернулись, поручив подобрать их почте. А уж холодно стало в одном пальто, а мне в чекмене. Костер мало помогал. Мы решили ждать до 7 час. и итти тогда на голец, там дождаться лошадей, надеть теплое платье и ночевать или итти вперед. Но до 7 часов ждать! Пауль уговорил меня уйти раньше,—он прозяб. И снова пошли мы назад той же мерзкой дорогой, но не прошли 2-х верст, но каких 2-х верст! Отдыхать—холодно; в гору я выбивался из сил; но вот показались кони,—стой, я дальше не иду; я задыхался, и мы сразу пошли скоро... И для чего мы шли, не дождавшись 7 часов, когда они должны были притти по нашему расчету. Идут кони обратные из-под почты, последние везут наш вьюк, там полушубок,—как я ему обрадовался; ввалился на коня, и с мокрыми холодными ногами поплелись мы вперед. 7-й час, свежеет, темнеет, дорога все так же скверна, еще несколько верст (версты 2), мало-по-малу она перешла в грязь.

Прихотливо вьется какой-то поток, не менее прихотливо вьется за ним дорога, переходя с одной его стороны на другую, переходя за ним из одного ущелья в другое. Круто, тесно высятся горы над потоком; мы спускаемся, и какие спуски,—при длинном поводе и спущенной руке приходится

нагибаться или еще вытягивать руку, чтобы не задерживать лошади *).

Что-то в роде этого, и вслед за таким спуском дорога сейчас же поворачивается вправо, потому что за этими перилами под размытым обрывом в 3 сажени ревет сердитый поток. Дорога все идет коридором, глухим, между столетними лиственницами. До какой степени они громадны, трудно себе вообразить, не видевши. И идет дорога коридорами, поворачивающими под прямыми углами, и такая темнота в этих коридорах...

Среда, 15 мая.

Наконец, вчера ночью выбрались из Иркутска. Этот город производит на меня в высшей степени тяжелое впечатление. Чорт знает, что за глупая жизнь. До 12 часов может быть еще занимаются своим делом, но с 12 часов начинает таскаться молодежь по всем домам, звонить у всех квартир; у Клейменовых постоянно приходят, потолкаются, расскажут свежих новостей—и в другой дом; обедать собираются, говорят, у Шульца—благо кормят; тут все рассказы, тут и служебные отношения, т.-е., вероятно, дела поважнее обсуживаются тут с застольною легкостью, а формальностей никогда не упустят. Я утром и не рассчитывал ехать, но Пауль, едущий на пробном пароходе, раззадорил меня,—мне захотелось в Читу, которую я теперь люблю еще больше прежнего. Бумаги,—но весьма вероятно, что они еще и не поспеют к субботе. В субботу идет первый пароход, на нем должен ехать курьером Аносов, пускай бумаги (возьмет). Я так и объяснил Шульману [176]),—пускай де говорит Корсакову, что у меня дело есть, а бумаги могут итти с Аносовым. Шульман так и передал... „Ну, а если бы М(ихаил) С(еменович) не успел как-нибудь, в случае чего всегда будет оказия, потому что теперь поедут много туда, всегда можно успеть написать". Что же, я вернусь дураком? Они ждут хоть какого-нибудь ответа, а я приеду,—Аносов, мол, везет. Спасиба не скажут. „Так, но что же писать?" — Ну, меры какие-нибудь при-

---

*) В этом месте рукописи помещен рисунок, изображающий двух лошадей, спускающихся с горы.

няты. „Это может принять местный губернатор“.—Хотя бы успокоили чем-нибудь, и того нет. Присылают курьером, скачешь. Прискакал после чорт знает какой дороги.—„Зачем вы приехали?“—За тем-то.—„Очень нужно, верно, в Иркутск хотелось!“ Затем никакого ответа,—с Аносовым будет, а нет, так после можно, а вы можете ехать, даже и откланиваться не надо. Последнее всего лучше; на улице откланялся Шульману, и конец. Этому я рад больше всего. Ночью я выехал. Скучно было расстаться с милым Кукелем; он и вся их семья — одно из лучших воспоминаний в теперешней жизни моей. Такие люди, конечно, не годятся для них,—им нужны Муравьевы (адъютант Корсаков), эти пойдут и сделают свое.

Ну, да дождемся и мы, быть может, своего праздника. Когда? Не скоро,—вот все, что можно сказать.

В $12^1/_2$ час. ночи мы выбрались; в $6^1/_2$ час. идет пароход из Лиственничной (60 верст), но кони добрые (мошор-хэ), доедем и хорошо. Действительно, в 5 с чем-то мы уже подъезжали к пароходу.—„Поезжайте в гостиницу, ишь какой ветер“.—Ветер дует с Сев. Байкала, следовательно в лицо. (Волны с пеной, следовательно, на том берегу буря сильная, итти трудно, а пристать будет невозможно.

—„Поезжай в гостинницу“,— и это имеет свою хорошую сторону — выспаться можно. Мы выспались хорошо. Чай, обед, в первом часу выбрались. Теперь уже и Голоустную миновали, идем поперек Байкала прямо на Посольскую, но льды белеют впереди нас,—как еще пристанем? Если не удастся пройти, направимся в устье Селенги, там, может-быть, проберемся. А нет, так назад. Это уж скверно, но делать нечего. Этот пароход только пробный, от него и требовать ничего нельзя. Холодно, руки зябнут, и каюта не может согреться, особенно при нелепом устройстве дверей. От утреннего ветра, даже бури, развело довольно сильное волнение, качка боковая и довольно сильная. Пауль, Кл. и З. не вытерпели: мы пили чай,—они убежали на палубу спасаться от рвоты. Вот от этой качки дверь беспрестанно отворяется, и нет решительно никакого средства удержать ее, нет никакого замка, никакой завертки. Для шкапов не нашли луч-

шего средства, чтобы они не хлопали, как забить их гвоздиками. Вообще пароходы не отличаются ни хорошим, ни толковым устройством. Например, диваны жестки, насколько возможно дивану быть жестким; неужели ремонт может стоить так дорого для Хамикова, купившего все за 44.000 р. и выручившего в первый год за расходами 35.000? Барыш для него огромный, так как все едущие за Байкал и оттуда, с мая по конец октября, не минуют его пароходов; все чаи, едущие в Россию,—тоже. Каков должен быть доход? Рассказывают, что пароходство принадлежало компании из 3-х купцов. Раз за обедом они бросили жребий — Решетников, что ли, вытянул узелок, — пароходство его. Он подарил все пароходы, здания в казну. Догадались, что казенное управление не будет выгодно, стали продавать. Хамиков купил за 44.000 руб.. Теперь с I/VI по октябрь он с почты берет по 1.000 р. в месяц. В летние месяцы идут арестанты еженедельно партией в 200 человек почти. С арестанта берется плата 2 р. 85 к. за эти 100 верст. Дрова дешевы... Барыши должны быть огромные [177]).

А вот пример устройства пароходов. Чтобы тянуть якорь, везде принято делать ворот, здесь десяток рабочих тянут громадный якорь собственными руками... Ничего, терпят [178])..

№ 5.

1-я поездка на Амур.

16 июня 1863 года. 8 сент. 1863 года.

Суббота, 16 июня, в дороге.

Все горы, горы да горы! За Читой сейчас почти заметна перемена в растительности. Там ель, только ель, редко береза, соснового леса ни одного нет (нет, один есть, к Верхнеудинску), а тут пошли леса сосновые, в них березы много. Сосны, впрочем, не очень-то большие. Дорога все по хребтам, подъемы крутые, лошади скверные, сена нет, а травы еще мало. В одном месте делаем объезд, прежняя дорога идет прямо в гору, новая делает поворот в болотистое ущелье. Дорога будет великолепная, усыпана галькой, сверху дресвой и оттого становится твердою, как паркет, колеса почти не оставляют следа, — славное шоссе. Буряты (до 150 человек) пригнаны сюда с Аги, чтобы ладить дорогу. Именно пригнаны.—это их рожи (совестно лицами назвать) говорят.

Я не раз замечал, что у старых бурят умное и хитрое выражение лица довольно часто. Отчего у молодых этого нет? До такой степени тупоумные лица у всех, что ни на что не похоже. Смотрят с невыразимою глупостью на проезжающих; лица, обожженные солнцем, тряпки на голове, халат на голом теле, отрепья на ногах, и какие бессмысленные глаза. Что же это? Убивание их нашею цивилизациею? Не иначе. Ямщик весьма хладнокровно рассказывает: „с Аги пригнали". Впрочем, кто-нибудь из этого выведет, что „население хладнокровно смотрит на это насилие". Нет, во 1-х, ямщик такой хладнокровный попался, 2) ямщики не „население", 3) на братских вообще смотрят довольно презрительно; им часто приходится получать разные милые эпитеты—„скотов" и т.п., главным образом, за нечистый образ жизни.

Дорога, вновь проложенная, стоила немалых трудов. Скалы идут так*): *a* надо было взорвать, и рвали порохом на громадные расстояния, камни перетрескались ромбоидальными кусочками и предико торчат стеной вдоль дороги.

Все по горам, изредка по лугам; правый берег Ингоды все роскошнее травою и березняком, чем левый. Правда, березовых рощ и там нет, а мелкий березняк порастает и выгорает периодически—рощи из него не выйдет.

Бликин. 17 июня. Утром.

Шилка красиво течет между гор, берега живописны туда вдаль, а под Бликиным удивительно безобразные горы [179]), все отрогами, срезанными почти вертикально,—не ледниками ли давнего времени? Зато за Бликиным к Стретенску [180]) виды лучше, напоминает Россию, только степная растительность разнообразнее, лилейных больше. Ирисы торчат из воды и подле воды, очень красиво. Дорога идет по плоским возвышенностям и беспрестанно то подымается, то опускается между двух рядов пологих холмов. Затем прямо спускается (не круто) к Шилке, и вдали виднеется Стретенская гавань. Опять дорога прошла под самою горою, над самою рекою; рвать, видно, пришлось не мало,—гора просто на голову нависла. Дорога отличная, но двоим нельзя разъехаться; местами есть впадины, тут проехать кое-как можно. Шилка широкая катит свои мутноватые от дождей волны. Как речка горная, она быстра, и волны образуют струйки на ее поверхности. Горы смотрятся в ее подвижное зеркало. Клочки пашен; горы слева; лоза, густо заросшая над самою рекою справа дороги. Горы на той стороне, в противоположность этим, одетые сверху донизу лесами, широкие воды Шилки; солнце греет, в воздухе свежо, хорошо пахнет. Кони несутся шибко. Вот забелел ряд крашеных домиков, дамба из покосившихся вертикальных бревен — Стретенская гавань в затоне на повороте Шилки. Вот деревушка, еще долина очень хорошенькая, дорога под скалой, спуск; само-

---

*) В этом месте рукописи сделан набросок, на котором помечен пункт литерою *a*.

лет еще не починен; карбас тронулся. Как обыкновенно, ползет по тому берегу много, много, ползет, и ну перебираться через реку; снесло сажен на 25, не то на 30, и снова на шестах ползем вверх, до пристани. Операция длинная, и я в бинокль успел рассмотреть с. Стретенское. Не даром я не считал Стретенск за город, и недавно узнал, что он село Стретенское, а не просто Стретенск. Это городок и городок гораздо красивее Читы. Хоть бы одни горы напротив, да красавица Шилка, да горы туда вниз,— но и домики хорошенькие, —видно, Шилка располагает строить их красивее, или мне показывали их красивее, чем они есть на самом деле.

Стоит на том берегу пароход, около пристани; на пристани работа идет. Далее судно какое-то, баржа, народ на берегу. Вот, напр., домик батальонного командира, крашеный с красною крышею, архитектуры обыкновенной, и был бы казенной архитектуры, да прилепилось как-то еще строение под прямым углом и тут же балкончик с навесом, и домик вышел миленький. Вообще Стретенск произвел на меня очень приятное впечатление. Я остановился в гостинице; довольно чистый номер, окно на Шилку, под окном стоит пароход, который завтра уйдет на Амур.

17 июня, вечер.

Сегодня, в 10-м часу вечера, я в первый раз видел явление, которое очень хотелось видеть,—радугу от лунного света. Страшная туча висела вправо от меня в горах. Налево уже очистилось небо, и выглянул ярко из-за туч месяц во 2-й четверти, близкой к полнолунию. Радуга хотя слабо, но хорошо заметным полукругом образовалась на туче.

Перед дождем еще мы ездили с Заборовским [181]) в Муравьевскую гавань (с $1^1/_2$ версты от Стретенска). Гавань очень порядочная, прочные шлюзы, удачное пользование 2-мя речками, чтобы поднять горизонт воды, ввести пароход, поставить на станок и воду спустить на время починки; все это хорошо достигнуто помощью заворота. Здесь зимовали в нынешнем году 3 парохода и очень удачно. Строения прочны, чисты. Строится механическое заведение, очень просторное, но из которого пока ничего не выходит, так как

машин нет, а Писарев ничего не знает, как велики будут те, которые ему пришлются.

Не знаю дня, ни числа.

Ну, первый блин комом, первая попытка сплава неудачна, и как неудачна. Третьего дня в половине второго я вышел из Стретенска; две баржи, которые нагружены одна мукой, другая солью, и груз для третьей баржи, кот. (два слова не разобраны).

На двух баржах, соляной 4.540 пуд., мучной 4.100, лодка на буксире у баржи 560 пуд. и вперед ушла лодка с 1.600 пуд. муки. Все шло хорошо. Но в нескольких верстах от Стретенска я увидел, что баржа течет, вычерпывать нечем,— 2 котелка, шайка, которая скоро рассыпалась, и больше ничего. Я взял лодку с мучной баржи (задней) и выехал к Лончакову, купить шаек. Купил, но как ни гребся, а барж догнать не мог. Около Ломов я мог бы догнать их, но я вышел на берег звать Лисовского провести меня. Лисовский не поехал. Я попросил у него народа и этого не получил. Причалить к Ломам не решился, не надеясь на своих людей.

Скверная история, и писать не хочется.

Р. Амур. Пятница, 12 июля.

Вот и не думал и не гадал, а снова пришлось итти с баржей. В прошлое воскресенье, 7-го рано утром, я приехал в Стретенск. Оказывается, что в Стретенске оставлено несколько тысяч пуд. муки, не взятой Парфентьевым, что эту муку надо отправить, а потому снаряжают баржу, с которой я должен догонять Волкова [182]), а там догонять Михаловского на лодке. Я отговаривался, но надо было итти. Волков вышел 4-мя днями раньше меня. Весь расчет в том, что ему нужно итти с 15-ю баржами гораздо дольше, снимать их с мелей, раньше приваливать и позже отчаливать, чтоб иметь время выспаться. Дали мне кандидата по судье, чтоб провожать и находить лоцманов; на каком основании кандидат по судье, хотя бы и смотритель почтовых станций, обязан делать это,—не знаю. Лоцманов доставали из почтовых ямщиков, иногда, кажется, из жителей; тоже на каком основании,—

не знаю. Есть опасное место при устье р. Черной; вот кандидат в деревушке перед Черною берет 4—5 человек „для провождения баржи“ мимо утеса. На каком основании,— не знаю. И много найдется таких „мелочей“, вовсе не мелочных в рабочую пору,—великая река Амур много наделала зла беднякам казакам. И долго ли продолжится такое состояние казаков? Работают точно над каким-то новым положением, но не знаю, что из него выйдет. Конечно, нельзя кричать, как кричат завистники, что казаки обеднели единственно вследствие этого, чтобы Амур разорил их. Нет, но скольким несправедливостям он подал повод. Теперь уже втянулись все в это. Приезжает в станицу, старшего требует,—сделай, то-то, весел найди и т. п.,—а главное, что требует этого; ну, старший ведь казак, а тот офицер,—ну, разве тут нет принуждения. Правда, что если старший поленится, то он очень ловко и плутовски отделается, но этого недостаточно; не со всяким отделаешься плутовски,—от Бруннера, Моллера [183]) и др. не скоро отвертишься.

Итак, я ехал на одной барже; десять человек хорошей команды, немножко знающей, но, главное, работящей и говорящей, не забитой. Плыли хорошо.

На Шилке недаром прославилось одно местечко,—устье р. Черной (о ней я Саше подробно писал). Все боятся страшного утеса против самого устья этой речки, о который ежегодно бьется столько барж. Побоялись и мы, но напрасно. Шилка была очень высока, не давала Черной бить баржу. Зато другая беда,—въехали на косу и застряли там. 10 человек команды,—что с ними сделаешь,—пришлось народ собирать. На другой день подъехал Малиновский. Тот с народом; еще разгрузили баржу,—она тронулась, пошла.

Затем все уже шло хорошо; казаки еще не начинали покосов, следовательно, время было почти свободное; им поднесли по большой чарке водки, и дело с концом, они разошлись довольные, да... их это не бесит, за что их тревожат. Только одна жалоба вырвалась.—„Эх, проклятое местечко,—нас никогда не минует баржи сымать; вот Олгорюйские в стороне, знать ничего не хотят; грубияны этакие, никогда не придут,—на покосах, мол; знаем мы их покосы“. И жалоба-то даже в виде зависти.

Вот справа открылась цепь гор, подходящая под углом к тем, которые провожают Шилку; впереди местность открытее, ровнее.

Горы словно стушевываются, отходят вдаль; они придут потом, но уже не такие высокие, не такие крутые; не будут спирать реки в узенький проход между утесами и каменьями; трава гуще и выше, больше лозняка, больше сорных трав, высоких, густых, приволье видно. Вот ст. Покровская[184]); на вид недурна, видно, что жилье,—заселяется. Народ выходит на берег, казаки в кучке посиживают у магазина, а лень-то видна,—ведь можно бы дома что-нибудь „робить", а они сидят себе да болтают. Нам надо было купить себе весел, молока, крупы думал я найти. Вместо того ничего не находится, т.-е не то, чтоб его не было, а: „нет, батюшка, нет"—т.-е. проваливай-ка, дружок. Торговая неразвитость? Пожалуй. Но она, должно-быть, от того происходит, что на Амуре слишком уже в ходу 11-я заповедь: „не зевай". Да и замечательный народ бывали по большей части сплавщики,— не мудрено, что хозяйки стараются не подпускать их. Наконец, тут пароходы грузятся, разгружаются, нанимают народ в поденную работу, наконец, и кабак есть, и деньги есть.

Суббота, 13 июля.

То же вот почти и Свербеевой, но уже слабее. Сперва то же недоверие, но поговоришь,—ничего, не грызется хозяйка, даже чайку предложила испить (кирпичного) с „забелкой"; оно не худо, хотя и без сахара. Наконец, хозяйка даже огурцов предложила. — Огурцы? Да давно ли они у вас?—„Давно, батюшка, только вот все продаешь, так не дают выростать". А в Стретенске и по Шилке и понюхать этого не пришлось. Что ни говори, а если бы огурцы так хорошо родились в Забайкалье, то, небось, не поленились бы их разводить. Во дворах много собак.—„Да нельзя же без них, тоже ведь на охоту ходить". Собаки простые дворняги.—Как на охоту?—„Да белкуют, так собака это укажет; ну они и стреляют".

Огурцы оказались по копейке (не торгуясь).

Жарко, небо безоблачно, по ночам свежо и пыльно, страшный туман. Но я плыл уже в лодке, — баржу сдал

Волкову, которого нашел в Свербеевой; ну, а в лодке „по экой воде“ можно плыть всю ночь по течению, один, сидел только на руле.

Воскресенье, 14 июля.

Утром рано пришли в Албазин [185]), сотенный штаб 1 полка 1 сотни. Станица большая, деревянная церковь построена недавно, простенькой архитектуры. Я пошел на почту прописать подорожную и взять ямщика. Станок, конечно, казенный, старший неграмотный,—пишет за него писарь, немного выпивший (4-й час утра), пишет, и сам тоже малограмотный; я сам прописал подорожную. На окне валяются шаньги, 5 стаканов, я стал торговать — нельзя. Неужели старший так живет. Вернулся на лодку. Добрынин показал бутылку спирту—70 коп. Купили еще крынку молока, простокваши (кстати, во всей Сибири я слышу „простокиша“ вместо простокваша, как привык слышать в России). Потом нанесли до десятка горячих шанег—ватрушки с начинкой из гречневой каши, вареной на молоке; шаньга большая (диаметром в эту раскрытую книжку [186]), стоит 2 к., кринка молока 6 коп., коврига хлеба (фунта два с половиной)—10 к. Разговорился я с ямщиками—горбиченские; тогда всех оттуда взяли, да первых и переселили,—живем ладно, привольно. Косим на той и на нашей стороне, покосов довольно.—А пашни где?—„Да здесь ничего, добротно, пашня верст 5, а есть и ближе, под самой деревней (везде видны огороды, огурцов вдоволь, только уже очень большие, отходят, желтеют).—„А вот по иным станицам, так пашня далеко, трудно“. Станица большая. Далее я спрашивал, нет ли добровольных переселенцев.—„Есть, Воскресенская“. Станицы понемногу заселяются. Вот напр., Амазар: показано дворов 2, а их около 10. Почти везде так.

Привалили мы еще к одной станице, кажется, Воскресенской; приходят казачки, продают огурцы, молоко.

Я все расспрашивал про луга, про пашни. В этих станицах не жалуются.

Время от времени попадаются манагры [187]); на маленькой лодке плывут себе вверх по течению, привалят, построят шалаши, и странствуют таким образом, продавая по станицам и сплавщикам холстину, рыбу и др. дрянь.

Откуда вы?—„Все с Горбицы, из первых переселенцев“. Станицы все почти построены или на выходе из леса, или между берегом и сосновым бором. Сейчас за дворами и за огородиками начинается сосняк, сосняком же кончается улица. Домики, по большей части, маленькие, в два окошка, с окрашенными белою краскою каймами.

Да, забыл. В Покровское пришли манжуры [188]) на большой лодке, почти судне; пришли, стали повыше деревни (осторожны), раскинули шатры и милости просим. Продают дабу, грубую бумажную ткань, буду—просо, араку—водку. Торговля завелась порядочная.

Понедельник, 15 июля.

К станицам нигде не приваливали, а потому ничего не могу сказать про все их, до Аносовой. Знаю только, что чаще и чаще попадают манагры на лодочках. А то видны шалаши в лесу,—рубят лес и плавят в Благовещенск. Амур все шире и шире, разлился версты на 2, местами и гораздо больше; протоков куча.

Вторник, 16 июля.

Ночью предстояло ехать мимо Белых гор, но оно бы еще ничего, кабы ночью, а к утру, когда обыкновенно станет так туманно, что не видно ни одного берега; даже если идешь возле самого берега, и то не видно его в нескольких саженях.

Мы шли так в тумане (ночью лодка идет обыкновенно сама, не гребут, один только правит кормовым веслом), шли в тумане, греблись, вдруг оказывается, что лодка что-то трудно идет. Пустили щепочку, смотрят — видят, что лодка идет вверх по течению, что они вверх гребутся; пустили, повернулась и пошла вниз; а уж сколько раз она шла по кустам, шаркала по камешкам, ну да ничего, — сидит всего 4 вершка.

В том станке, на котором находятся Белые горы, находится утес Круговорот, как он назван. Если баржа или лодка попадет на Круговорот, то ее так завертит, что будет стоить страшных усилий, чтобы стащить ее, разве вода сама ее стащит. Мы взяли ямщика и пошли; прошли очень

хорошо в самый туман, только жаль, нельзя было рассмотреть этих гор,—только видно было что-то беловатое, много осыпающихся белых камней, обнаженные белые утесы и много тени под утесом. Течение тихо, но во многих местах пену так и крутит.

Амур все разливается, все шире, попадаются и орочоны [189]) на лодках, едущие вверх.—„Ханшины [190]) надо?" Конечно, я отказываюсь. Я уже столько разговоров слышал про эту ханшину, что надо будет непременно расспросить про нее и попробовать; говорят, что из-за нее многие просадили кучу денег,—выпьет 3, 4 чашки и на неделю пьян, на утро будто трезв, а выпил чашку чаю... ну и опять пьян.

Расспрашивал я ямщика,—жалуется, что у них в ст. Ермака плохо. Покосов нет, ну и косят у манчжуров, а сено велят свезти, как скосил, а скоро ли его свезешь. Ну, а нам косить негде на своей стороне. Вот если бы высшее начальство запретило им зверовать на нашей стороне, так они позволили бы косить.—Да они у себя будут зверовать. „Где им там зверовать. Ни почем не станут, потому—жить нечем будет; а зверуют они все на нашей стороне".—Ну, а пашни?—„Да той мало, мало есть".—Далеко?—„Нет, есть и близко, на этой стороне, только малость. Да оно место-то худо, вот в Кузнецовой не так живут—приволье, одно слово, станица богатая, покосов вдоволь, пашни богатые. А нам поди-ка, — станок 50 верст, ну, а зимою подводы доходят. Всего нас 17 человек; ну, 5 человек беспременно на службе в Благовещенске; подводы держат человек десять, не более. Ну, а десять-то подвод скоро выйдут. Вот почта придет, так бывает на 25 подводах; ну, половину отправили, половину оставили; как пришли, так сейчас покормили, снова запрягай,—нет, доняли нас эти подводы. Вот это Аносова,—да эти все станицы, так тем житье, а живут ровно братские,—дома пустые совсем".

Мне надо было заплатить ямщику прогоны 1 р. 33 к., я дал 3 р. и послал разменять. Брант проходил более получасу и вернулся с бумажкой. Я пошел сам. Старшой нашел разменять, да он и должен найти,—невозможно же проезжему возить 15 пуд. меди, а у них есть всегда медные деньги. Старшой стал говорить: „были, да в сотенный штаб представили". Конечно, медные деньги нашлись. Я просил

простокваши или молока.—„Нет, ваше благородие, скот весь перепал. Вот пало 30 голов рогатого скота, да 17 лошадей весной в прошлом году, мы вот послали своего брата в Забайкалье за скотом,—пригонит, только его еще нет".— Неужто у одного хозяина пало 47 голов?—„ Сорок семь, в. б. Да, у нас в станице сто семьдесят голов скота было". Перед двором ходит штук 8 волов, лошади довольно сытые.

После, когда мы плыли, Брант уже рассказывал, что он пошел менять деньги к купцу; у двоих был,—один казак, а другой таки купец. Ну, он и говорит ему: открыт ящик целый, ром тут, мадера, говорит, бери мадеры либо рому, ну, разменяю. Я уж, говорит, хотел рубашку взять; 1 р. 40 к. спросил, ну, отдавал за рубль двадцать, ситцевая, шитая, совсем готовая, сейчас надевай."

Продаются и платки бумажные, американские, 30 к. Меня удивило это,—видно, хорошо живут.

Среда, 17 июля.

Ветер мешал итти всю ночь; немного же мы отошли: все прибивает к берегу, не отобьешься, ну и затащит,—не всегда отобьешься без весел.

Ночью мы проезжали мимо какой-то скалы Карсакова,— преоригинальная скала; против нее какое-то строение, кажется малогира [191]), у них какая-то лачужка и два столба с орлами около нее по бокам *).

Они теперь попадаются очень часто; кричат что-то, часто просто или зовут: „Поди сюда".—Купить. Рыба есть? „Не, буди купи".

Утром привалили к ст. Карсакова [192]) (на известной кривулине). Я посылал покупать молока. Молоко просто кислое нашлось, но хлеба не нашлось, посылали во многих местах.— Отчего у вас хлеба нет?—„И, батюшка, у нас его совсем нет".—Что так?—„Да вот 2 года неурожаи были, так ничего не собрали".—Чем же жили?—„Да все больше у манягров брали, уж у них все брали, и ячмень, и буду, да и пякут так, что-то вот, пожалуй, найдете, да есть не станете". Брант подтвердил, что, действительно, ему предлагали какой-то хлеб из буды, с ячменем пополам, да он сплюнул.

*) В этом месте в рукописи имеется рисунок.

Пришла баба продавать огурцы. Медных денег не было.— „Да у вас продать чего не найдется ли, сухарей нельзя ли, оно бы нам лучше".

Да, действительно, значит хлеб в редкость.

— А вот зато ноне так такие хлеба, что благодать, только полегли уж, дал бы Бог сухой погоды.

Если не будет каких-нибудь особых обстоятельств, то урожай будет великолепно хорош, „таких и в Забайкалье не знавали".

А где у вас делись Кучумяхи?

„Кучумяхи-то, да сюда переселились все. Нас там всего было три двора". Ну, этто, приехал Карсаков, сел на берег, ковер разостлал, самовар поставили. Ну и спрашивает: „Как вы, братцы, живете"?—Ничего, мол, ваше высокопревосходительство, только вот покосов нет, пашни далеко.—„А ну, переселяйтесь ко мне, в мою станицу".—О, в. выс., переселяться-то таперича, которые это огородики есть, так их бросать, что ли, домишки опять.—„Ну, я вам народу, говорит, пришлю". Вот по сию пору и посылает".—А давно здесь, в Карсакове, селятся?—„Да седьмой год пошел".—А пашни у вас далеко?—„Нет, а есть и верст 12".—Ну, а покосы?—„Покосы эвона, близко, вот в Кучумире бывало нет, так у меня жур косят; ну, первый раз жгли, теперь ничего".—А ваши не косят там?—„Пошто не косят, косят". —Ну, а манджуры?—„Ноне это ничево, не жгут".

В двух местах попались новые переселенцы—пришли на паромах, построили землянки; а бывает и так, что новые переселенцы ходят и милостыню просят.—Да кто ж вам велел переселяться?—„Да не отставать же от стариков".

Какие здесь идут богатые луга по обеим сторонам, но время от времени это перерывается сопками, и нет дороги иной, как по Амуру, а дорога по Амуру очень непостоянная,—она хороша в большую воду, а случается, что пароходное сообщение прекращается в июле; тогда уж худо, тянутся на лодках вверх; груза уже доставлять невозможно; впрочем, и в такую плохую воду, как прошлого года, можно было дойти пароходу до Покровской [193]), следовательно, оставалась только Шилка. Но зато как пойдет (в конце сентября) лед, сообщение становится премерзейшее до того времени, как Амур вскроется. Амур становится очень неровно, ну, и проезд очень труден.

Четверг, 18 июля.

Я сбился числом, 18 июля.

Утром я никуда не заезжал, греблись до 2 часов, чтобы поспеть сегодня в Благовещенск. Сплавщики все уши прожужжали, как они купят себе то или другое, и зарок давали ханшины не пить; Благовещенск кажется им чуть ли не обетованным городом,—правда, они получат здесь разом порядочную сумму денег за сплав (они нанялись за 15 р. и ничего не взяли вперед, кроме одного); кстати: перед тем, как отчаливать, они все приставали, чтобы им выдать деньги и отпустить купить кое-чего, напр., нужен табак, сапоги и т. п. Я хотел отпустить с вечера до 3-х часов утра, но кончили нагрузку поздно,—нечего давать денег, теперь ничего не купишь. Я хотел отпустить их утром, до 8 час., приставить часовых к кабакам, или их отпускать с конвойными. Заборовский говорил, что положительно отпускать не к чему.—А табак?—„Ничего не нужно. После вас же благодарить будут. А то буд т то же, что в прошлый раз,—все перепьются“. Я, наконец, согласился; они говорили, что „как же так, ничего и не купили“; но оказался фунт табаку на всех, и довольно, „в дороге купите“. Они поворчали, но слабо. После они сами напомнили мне это и благодарили,—„а уж вы хоть бы 10 часовых поставили да конвойных давали,—ничего бы не сделали, напились бы, потому у себя, знакомые нашлись бы“.

Да, итак, все толки про Благовещенск,—и когда придем, и что сделаем, как придем, и как бог привел на Амуре побывать, после хоть можно будет сказать, что был на Амуре.

Селения манджур, китайцев попадаются беспрестанно, хоть по-одному, по-два домика; лают собаки, огонек, а днем кучка деревьев, из-за нее выглядывает домик, аккуратный, чистенький; домики разбросаны; это не русская станица, где домики аккуратно один в один вылеплены, выровнены, поставлены на полувзводную дистанцию и кругом ни деревца, хотя бы станица была поселена в лесу,—„пошто ходить далеко, когда лес за избой“.

Селения и на русской стороне становятся гораздо чаще,—деревушек очень много, да и как не заселить этих богатых мест,—это лучшие места по Амуру. Что за трава—в аршин!

Почва богатая, сила страшная. Амур широко разливается на много протоков. Сегодня три парохода попались, Амурской компании с баржей, „Карсаков", „Зея" и „Ингода", под самым Благовещенском.

На берегу (на нашем) попались 2 стада скота,—табун лошадей и стадо быков, славный скот.

Вот еще несколько деревень и Благовещенск[195]). Городок раскинулся на берегу, на рейде куча барж, идет разгрузка; жизнь видна, и много жизни. Сам Благовещенск плохо виден. Напротив китайская деревушка, довольно большая—Сахалин.

Я причалил около катера Малиновского. „Буссе уехал, являться не надо, а вот поедемте в гости к китайцу, дело есть". Ладно. Поехали на узенькой лодке, и то было трудно, даром что Амур тут так широк, а очень быстр,—надо чорт знает сколько заходить с лодкой вверх, чтобы переправиться (на 4 веслах). У китайцев на самом берегу идет работа, возят бревна, пилят и тешут. Пилят не так, как у нас: бревно ставится наклонно и закрепляется*), нижний пильщик сидит верхом на доске и пилит так, что опилки не могут уж сыпаться ему в глаза,—и бревно наклонно, да и он может сидеть подальше. Пила не такая, как у нас, а узенькая, с большими очень зубцами и устроенная, как маленькая одиночная пила (почти). Пилить очень хорошо и не трудно, я сам пробовал, зато, говорю я, дольше будет пилить; бревно липовое, сырое, в 3 сажени, в $^3/_4$ арш. диаметра,—в 7 рядов) (6 досок и две плахи) пилит 2 дня. Не знаю, как скоро идет пилка у нас, знаю только, что пилка считается у нас самою трудной работою, у них она легка. Далее тешут бревно. Топор на длинной ручке, так что не надо нагибаться**); тешет очень аккуратно и чисто.—„Но зато, должно-быть, очень долго".—„А зато русский плотник 50 копеек в день, а я пойду в Благовещенск за 25 коп., сам пойду и другой пойдет".—Вообще во всем малоценность труда, бездна трудолюбия и низкие цены, оттого богатые живут хорошо, но

---

*) В этом месте рукописи помещен рисунок, изображающий наклонно поставленное бревно.

**) В этом месте рукописи имеется рисунок, изображающий топор на длинной ручке, вонзенный в бревно.

рабочие живут в нищете, бедно и грязно. Во всем много практичности и отчетливости. Шляпа соломенная с широкими полями, с узеньким колпачком, чтобы не находила на лоб и лба не терла. Снасти для сети устроены: в двух шагах от берега веревка, которую надо бывает потянуть; русский непременно шел бы в воду два шага, а у них все это аккуратно и дощечка есть, и опять такие дощечки, не жердочки, а толстые, „как следует быть, настояще“. Лодки очень чисты, прочны, замазаны какою-то очень прочною белою мазью; вода не бежит; крыши крыты в грядку превосходно; цыновка чистая: аккуратно сплетена и удобна, — мягкая. Много можно найти таких мелочей.

Мы зашли к знакомому китайцу Иоганишу. Малиновскому было до него дело,—быков купить. Иоганиша не было дома; мы вошли в лавку, поговорили с прикащиком.—„А много быки купить?“.—Много. Я в прошлом году 60 купил.—„И теперь 60?“—Да, и теперь 60.—Тогда он послал за хозяином, а пока попросил в комнату. Хозяин живет не так, как все остальные. Комнаты у него более аккуратны и с большими европейскими замашками,—напр., тюменьские ковры на лежанках, американские стулья, дорогие, самовар. Наконец, четверо часов стенных. Часы каждый китаец считает долгом купить. У него, напр., четверо, и все четверо стоят. Садись, кури; ганзу он сам не выпускает изо рта; чтоб зажигать ганзу, есть постоянно огонь, горят тонкие фитили коричневатого цвета, твердые, они же употребляются при богослужении; фитиль горит в коробочке с железным решетом. Шкаф очень прочный, удобный; стены оклеены: одна—русскими обоями, другие три—китайскими. Большие банки зеленого стекла, русские, налиты водой и в них плавают маленькие рыбки, в дюйм величиною (из Амура). Это так, для забавы. Мы зашли в лавку,—картонная картинка висит на стене, лежит китаянка,—само собою, за этим кроется похабщина,—вся одежда снимается,—работа очень грубая; купили бамбуков,—отличные, в сажень длиною, по 50 коп. (не торгуясь, а они всегда запрашивают). В лавке много безделок, из них много русского или американского происхождения,—пуговочки и т. п. дрянь. Пока ждали, пошли осматривать хозяйство,—все это делается очень бесцеремонно,—иди и смотри, коль нравится. Около дома кухня. Повар в

одних штанах и обуви, курит ганзу. Род плиты, тут же несколько корчаг, замечательной работы, по 2 арш. длины, 1½ арш. ширины, 1 арш. высоты, с дырой по середине; они сплетены из ивовых прутьев и выклеены внутри бумагой: держат масло отлично; в кухне деревянный стол, нож, в роде косаря, два котла, и только, все чисто. Повар надел род белого пальто, очень чистое. Огород великолепен, ни одной травки, грядки трехугольные,—посеяна редька, редис (очень крупный. круглый, в роде репы, 3—4″ диам., слаще редьки, напоминает репу), морковь, кукуруза, бобы (обе в цвету), фасоль (готовая), огурцы, картофеля не видел, но он, кажется. есть. При нас сеяли что-то. Китаец, старый, с зобом, проводит лопаткой борозду[196]), баба очень скоро проходит всю борозду и кидает семя. Работники в удивительно жалком состоянии, ободранные, в лохмотьях, грязные; хозяева чистые, в хорошей одежде.

Телеги с очень тяжелыми колесами; в колесе четырехугольное отверстие, оно вертится вместе с осью, на которую накладывается тележка. Замечательны их глиняные кадки. ведь лесу здесь почти нет, а годный для поделок сплавляют сверху, потому надо было что-нибудь придумать. Бочки из муравленой глины большие и прочные. Перенять бы это не худо.

Женщины в одежде из синей дабы, вовсе не такие, как мы их обыкновенно знаем, ну, да это. впрочем, и не Китай, а просто в халате; ноги у всех, как мужчин, так и женщин, очень маленькие, у мужчин обуты в башмаки черные на толстой войлочной, что ли, только плотной подошве; надеты на бумажные толстые, немного жесткие чулки, подвязаны шнурками; штаны не на все ноги, а з...... не закрывают, у иных халат. у других род рубашки; шляпы соломенные; в таких костюмах ввалилось человек шесть; когда пришел Иоганиш с ганзами в руках, с очень размашистой походкой. пренахально расселись и заговорили (я вспомнил о чухнах в Токсове, под Петербургом. которые придут. рассядутся по лавкам и молчат; пройдет много времени. кто-нибудь что-нибудь скажет. другой ответит.—тем и кончится). подходит, здоровается за руку. Подали чай по-русски, т.-е. в стаканах с блюдечками и ложечками и с сахаром,—это уже вовсе не по-китайски. Иоганиш—один из честнейших китайцев; гово-

рят, на его слово вполне можно положиться, а это редкость; наконец, он джентльмен, не нахальничает, не харкает у вас в комнате, покуривая ганзу, не разваливается на стуле так, что стул затрещит (садятся они все нога на ногу, и я чаще видел их в этой позе, чем поджавши ноги).

Вечером мы вернулись в Благовещенск; все время гремела музыка, не знаю почему,—так себе, видно, гуляло довольно народа. Когда приходят баржи, Благовещенск оживляется, т.-е. базарная его часть, сплавщики получают много денег, кормовых и т. п.; на первый же день они все пропивают. Наемные отправляются на казенном пароходе, но они все пропивают, все до последней копейки, на пароход тоже не попадут и должны ждать следующего без гроша в кармане. Стоит им выпить чашку или две ханшины, и тогда их обирают дочиста; беспрестанно приходят такие сплавщики ко мне просить денег, так как все пропили и жить нечем до парохода. Пьянство и воровство страшное,—пропивают некоторые по 60 руб.

Благовещенск. Пятница, 19-го.

Рано утром я пошел посмотреть город. На берегу бульвар, т.-е. ряд жиденьких березок, пространство между ними заросло травою. Прежде всего бросился в глаза губернаторский дом, очень хорошенькой постройки, одноэтажный, но с красивым фасадом и, вероятно, большой и очень поместительный; строили, конечно, казаки, и сколько они уж настроили домов, сотенных правлений, канцелярий школ и т. п. Как только поселились, церковь строили и с проклятием бревна возили. На берегу же большой двухъэтажный дом (вернее, $1^1/_2$-этажн.) Это был прежде дом губернатора, потом батальонного командира, теперь канцелярия,—тоже казаки строили.

Далее очень хорошенький домик батальонного командира, большой с внутренним балконом (от которого перенято почти во всех домах так), аккуратно выкрашен, собственный дом; говорят, верно, строен не по наряду. Городок небольшой, меньше Читы, вытянулся вдоль берега; сказывают, что он, удивительно застраивается, да и теперь заметно, что очень много новых построек.

Заходил в магазин Людорфа покупать сигар; оказалось, что Розен (в Чите) брал в Чите, даже в Покровской на ящик 2 и 3 руб. барыша (сигары здесь в 5 руб., продавали за 8 руб., потом семь).

В Благовещенске я ни у кого не был, обошел только город с базаром в полукитайском вкусе, где очень много китайских лавок, потом письма писал.

Часа в четыре отчалили, оставив лодку дождаться пьяных людей, и велев нагонять нас; ветер все противный, низовой, катер трудно идет, приходится все итти на гребях.

Вечером пристали (чтобы дождаться лодки) около какой-то маньчжурской деревни. Китайцев сперва пришло только 2—3 любопытных. „Что купи? Огурцы купи, ханшина купи?" Мы пошли в деревню, мальчишки гоняют двух страшно разъяренных быков и никак не могут загнать их домой. Дома китайцев во дворе, открыты во двор, в полстены; эти окна закрываются летом тонкою сеткою; они так устроены, что на солнце не выходят, а потому в комнатах всегда прохладно. Зимою окна залепляются бумагой и в комнатах тепло. Потом в комнате по 2 сторонам ее всегда устраиваются сиденья или лежанья довольно низкие (немного ниже стульев), покрытые цыновками, и под этими лавками проведены дымовые трубы из печки, потому зимою тут всегда тепло (как говорит Малиновский, который был зимою). Крыши далеко выдвигаются над домом и закрывают от солнца, вообще в этом отношении великолепно устроены, и летом удивительно прохладно. Мы таскались по нескольким дворам,— почти везде есть цветы, везде отличные огороды, но довольно побывать в одной фуре, чтобы знать устройство всех остальных; затем идут особенности, связанные с характером, жизнью хозяев, а этого не узнаешь из простого рассматривания; плуг у них удобен, прочен, нет отворачивающего ножа, а сошник вот какого рода [197]); плугов на колесах я не видал *). Странно, неужто не догадались? Упряжь волов неудобна, зато упряжь лошаков для мельниц удобнее, кажется, наших хомутов,—короче, нет шлеи, а две палки, которые накладываются и завязываются; для быков упряжь— веревочная.

*) В этом месте рукописи помещен набросок плуга.

У катера начался торг: в деревне не могли ничего купить, а сюда натащили всего, чего нужно; покупали уток, кто-то купил утку за старую рубашку; попробовали купить на мешки. Мешки провиантской комиссии, не очень-то новые, — один с заплатой, другой с дырой,—пошли каждый за утку. Уток продавали: хорошую—за 25 коп., поплоше—за 20 коп. Их набралась такая куча, что уж надоедать стали.

Суббота, 20 июля.

Утром пришли в Айгун[198]). Причалили к тому месту, где базар на берегу. Мальчишек набралась куча; торгуют, продают, как взрослые купцы, выучились немного по-русски говорить. Вообще я замечал, что у них мальчишки рано развиваются, да и, наконец, нет того, чтобы при старших они не смели рассуждать; напротив того, они горланят с вами, пожалуй, громче старых. Курят трубку, и ни разу мне не довелось слышать, чтобы кто-нибудь из старших остановил разболтавшегося мальчишку; нам с непривычки очень странным кажется видеть такого мальчишку лет 10-ти с длинной ганзой, разбитного, торгующего и очень хорошо (плутовски) торгующего. Один из таких мальчишек повел нас к юрте амбаня[199]); мы хотели сделать ему визит, посмотреть на китайские церемонии. Жилье амбаня далеко, огорожено высоким частоколом с вырезами в роде крепостных, не имеющими никакой цели, так как сзади стоять не на чем; в воротах выступ, против них помещается раскрашенное зданьице. Тут обогнал нас верховой на лошаке, — он ехал известить о приезде к берегу лодки; попался какой-то нойон[200]) из маленьких, — он слез одной ногой с лошади, честь отдал; нойон пошел с нами; дошли до какой-то караульни, много народа; около нее нас и оставили,—делай, мол, что знаешь; посмотрели, учат солдата луком стрелять. Мы поймали какого-то нойона маленького и настойчиво велели к амбаню вести. Ввели нас в канцелярию; сиденья по 3 стенам,—за 3 столиками пишут писцы, как-то особенно держа кисть, пишут ужасно медленно. Сидит какой-то нойон, уже с голубым шариком. Поклонились.—Минду (?), здравствуй; сели, посидели, дали огня, закурили.—„Толмач нету, Гантимур“ (в Благовещенск, что ли, уехал). Жалко. „А нойон

знай мало-мало русски“. — Нет, а потом говорил несколько слов. Расспросы: куда едете, зачем, с чем и т. п. Посидели. „Мы амбаня хотели видеть“. Молчит. Ну, посидим, покурим, да и пойдем. Посидели, покурили, да и пойти собирались, а потом решили все же добиваться свидания с амбанем; входит другой нойон, постарше, помоложе и умнее на лицо. Сел ,подали ему ганзу, закурил, спросил, куда едем, зачем, кто такие; переводчика нет, говорит; помолчал, посидел, покурил, опять помолчал. Мы покуриваем. „К амбаню“. Молчит. Пришел переводчик. Белый халат, черный плащ, черная шапка. Поклонился. Они поговорили с ним, помолчали. „Что же, М. О., ничего не добьемся“. Говорим переводчику, что к амбаню хотим итти засвидетельствовать свое почтение. Помолчали, и мы помолчали.—„Чтож, амбаня можно видеть?“—„А какое дело?“—„Засвидетельствовать свое почтение“. Помолчали. Я уже настойчивее спросил еще раз.—„Если бы казенное какое дело, а то сегодня голова болит, сегодня нельзя теперь“. Повторили еще раза три, хоть мы и не спрашивали. Еще раз спросили, кто мы. Майор? Да. А этот сотник. Перевели: начальник всех барж.— „Мы их прежде смотрели, все что везут, теперь не смотрим“.—„Да“.—„Ну, амбаня нельзя будет увидеть“. Как бы выразить, что мы хотели вежливость сделать, а это уж невежливость от амбаня. Да переводчик не передаст. Погодите. Я сказал переводчику, что у нас, в России, закон; когда приехал в город, так надеваешь все это,—эполеты, и идешь к старшему, так вот мы хотели тоже так. Он начальник всех барж, ну, приехав в город, хотел к старшему пойти. Польстило, рассмеялись даже от радости. „Хорошо, можно будет после. А мы прежде все ваши баржи смотрели“. Да, ну, а теперь начальник всех пришел вместо того и спросил. Да хорошо ли прошли, может-быть, солдаты худо делали и т. д. Можно, можно. А все-таки посидели и еще покурили. Наконец, встали. У дверей колясочка, двухколесная, шелком крытая, ковер раскрашенный и т. п. Мы пошли к амбаню. Дорогой помощник амбаня спрашивает: „У вас есть медведь на лодке?“—„Нет“. Засмеялся: врешь, дескать.—„Лисица у вас есть?“—„Лисица есть“. Какова мелочность. Помощник губернатора знает, что у какого-то приехавшего офицера есть лисица, и это доносит ему казак, дежурный на берегу.

Наконец, дошли до двора амбаня; комната, как и все другие; попросили подождать в передней. Вышел амбань. „Здравствуйте. Садитесь“. Сели. Малиновский говорит: „Скажи, что Корсаков ему поклон прислал. Говорит,—и бо здоровье приказал узнать“. Покраснел и засмеялся от удовольствия. Подали чай желтого цвета.—„Извините, по-китайски без сахару“. Думаем, ничего, желтого цвета, — желтый чай можно и без сахара. Оказывается, такая отвратительная бурда,—простой скверный чай желтого цвета, — просто - запросто кипяточек без всего. У Иоганиша так подавали, по крайней мере, какие-то фрукты в сахаре. Я едва допил стакан из приличия. В ответ на наши любезности, нам несколько раз повторили: „Вперед просим быть знакомы“;

В комнате стоит полковник, тут, верно, живет, прочие в соседней комнате.

Посидели и ушли, спросив позволения посмотреть город и острог, и все; с переводчиком и ушли.

Только что вышли, вышел и амбань; у дверей налево стоят 2 солдата на коленях, чиновные, потому что с шариками; амбань распекает их. „Маленько украл, амбань сегодня сердитый“, поясняет переводчик. Амбань долго кричал, те кланяются.—„Ну, разжаловать, шарик снимай“. Тише, тише,—амбань простил и пошел, чиновники за ним, кивок головой и ушел налево.

Мы простились с чиновниками и пошли по городу. Вошли в полицию. „Вот кандалы“,—какая-то маленькая палка, длиною около аршина, с тремя крючками мутовкой, чтобы „полиция ловить вор“. Палки в роде весел, чтобы сечь [201]). Мы спросили про доски. Нас повели в отдельную хижину; на лавке сидит человек, на шее у него доска дубовая, толщиною пальца в два с половиной, в аршин квадратная, весом полтора пуда, вырез для шеи неширокий, доска сдвинута и заклеена бумагой с печатями и подписями; выйти ему из избы нельзя, доска не пустит. Кушанье стоит, уксус в чашечке [202]). Дают столько, чтобы не умер. „Так спать нельзя?“.—„Нет, можно“. Вытянули такую дощечку на веревках, на ней что-то в роде подушки [203]). Оказался камешек (из снисхождения), чтобы доска не так давила. „И долго он так сидит?“—„Нет, этот не долго,—три месяца,—он маленько украл. А большой украл—три года“. Оказалось, что есть одна доска на двоих,

на троих, и держат так 3, 4, 5 лет. Это возмутительно. „Ему можно пятаки дать". М. дал рубль. Надо было видеть его радость, его поклоны с доской на шее.

Зашли на мельницу. Сушится пшеница на полотнах,—намочена. мыта, верно. Пшеница великолепная. Мельница устроена очень скверно. Один человек с 2-мя лошаками может смолоть и просеять в день 4 пуда муки *). Будь обить 15 пудов. Таскались по городу,—то же самое, что и во всех деревнях, лавок только больше. Были в божнице, и в одном я убедился, что китайцы не очень-то богомольны. по крайней мере, говорят про своих богов и смотрят на них совсем бесцеремонно. Бурханы огромные, есть страшные уроды, с собачьими и с птичьими головами. множество свечек, фитильков. литавры и больше ничего [204]).

Ниже Хабаровки. Пятница, 5-го августа.

Ничего не писать с самого Айгуна! Нехорошо, но сперва не до того было. потому что принялся письма писать, потом тоже не до того было. из-за мерзости и гадости нас окружавшей. Тащимся невыносимо медленно. Дождь, холод, страшная сырость и противные сильнейшие ветры,—вот что сопровождает нас с Михайло-Семеновской. а противные ветры с самого Благовещенска. Один только день выдался порядочный, — сперва было тихо, потом подул попутный ветер, как следует. Мы чересчур ему обрадовались,—и мачта сломалась. Так дотащились до Михайло-Семеновской и должны были простоять всю ночь, делать мачту, благо рей с Акциза нагнали и были плотники. Потом пять дней до Хабаровки; это просто непонятно, как продолжаются постоянно такие не ветры, но бури. Что сказать про все станицы ниже Благовещенска? Есть станицы богатые, огромные станицы как, напр., Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская [205]), Иннокентьевская, Константиновская, — хорошие пашни. хорошие луга, живут хорошо. Я заезжал в Иннокентьевскую. Попал на что-то, в роде вечорки. Приезжие из Константиновской, ну, идет угощенье, песни. Хозяин зазвал нас, покуда

---

*) На этом листе рукописи имеются два рисунка, изображающие ручные мельницы.

другие пошли покупать молоко. Я был с Колписом, нарочно пускал его вперед, чтобы на меня не обращали внимания (ну и задали хозяйке затруднение, кому подавать прежде вино, чай). Угостили нас вином, т.-е спиртом, разбавленным теплым чаем,—страшная мерзость, потом чаем крепким, очень крепким, без сахару. Заговорил я об их житье. Теперь что, хорошо, хвалят. Вдруг встает очень толстая баба (в немецком платье, как и все), встает: „А ну-те-ка, каково оно на Амуре,—споемте“, и запевает разбитым голосом, с телодвижениями в роде перекачивающейся пляски:

Кто на Амуре не бывал,
Тот горя не знавал,
Кто на Амуре побывает,
Тот горе всякое узнает.

Песня длинная, не помню ее, но расскажу содержание:

Как плыла по Амуру лодочка, приставала к берегу, и на берег выходили офицеры и раскидывали себе палаточку. И как сидели офицеры в той палаточке и раздавали топоры да лопаты, и заставляли казаков копать ямки да канавы. Тут только казаки узнали, какое оно горе на Амуре. И копали казаки ямочки, „копали, Амур проклинали“... Наконец

Забайкальские казаки
Запросили плату,
Офицеры им совали
Топор да лопату.

„Песня очень длинна, я вам и половины ее не спела“. Жаль, было некогда, катер уходил, а его догнать трудно, я должен был уехать. „Да, так вот оно каково на Амуре; виноваты как офицеры, так и знайте, как про офицеров поется песня“. Это говорилось с маленькой досадой. Подвыпившая баба была очень мила в это время. Все ей дружно подтягивали, но как она фальшивила, то долго не могли, она не конфузилась и продолжала одна, еще громче выкрикивая песню.

Наконец, мы въехали в Хинган [206]), предмет стольких песнопений и восторгов. Действительно, он очень хорош. Амур сперт горами и уже не разливается на десятки протоков, а идет одним узким руслом. Горы эти—не Шилкинские утесы, на которых заросла ель да лиственница, а по-

ними видна только глина да гранит и самая бедная травяная растительность. Горы Хингана гораздо положе, все формы круглее, они заросли сверху донизу лесом; растительность удивительно приятного колорита: мягко зеленого, то темного на дубах, светлого на березах, осинах, орешниках, местами синевы хвойных деревьев; лес не так густ, чтобы в просветах нельзя было разглядеть травы, напротив, светло-зеленый фон, по которому раскинуты деревья с крутыми красивыми очертаниями,—фон, который отчетливо выдается между ними, делает горы Хингана удивительно красивыми. Кто бывал на юге, говорит, что они имеют совсем южный характер; судя по рисункам, могу и я сказать то же. Появление таких высоких гор на протяжении каких-нибудь 200 верст, после которых начинается тундристая гладь и ширь, действительно, замечательно. Расследовать эти горы: направление главной цепи, геологическое строение, растительность, в глубь, а не лишь только по берегам Амура, было бы весьма интересно, и, должно быть, были бы полезные результаты. Наши же ученые не отваживались (проникать) в глубь Хингана и удивлялись только богатствам, представляемым им по берегам Амура,—действительно, камни, удивительно роскошные породы насекомых, растительность,—все достойно удивления по роскошности форм и красоте их. (Говорят, Радде [207]) за 1 бабочку получал в Париже по 25 руб., до такой степени они красивы.) Вот бы где собрать хорошую коллекцию насекомых. Нашлось бы, я думаю, много незнакомых видов.

За Хинганом ровные места, тундры довольно часты, попадаются иногда горы, но редко.

Встречаются гольды [208]). Лодка небольшая [209]), величиною в роде 4-весельной шлюпки, конечно, манчжурской конструкции. На ней 2 женщины, 3—4 собаки, кибитка, покрытая какой-то цыновкой, 3 детей, лет 7—8, гребут тонкими веслами; тут вся утварь,—едут на Уссури. Впереди берестяная лодка, для одного человека, глухая; сидит поджавши ноги, рядом 3—4 остроги, чтобы ловить рыбу, очень хорошо и отчетливо сделанные,—железный наконечник соскакивает и на длинной веревке может быть привязан к бревну, если гольд один не может справиться с рыбой; бьет острогой и днем в заливах, речушках. Гребет он одним двойным веслом,

то справа, то слева, или же двумя лопаточками, которыми он может отлично править тихо, не шумя, и даже держаться против течения на одном месте; вероятно, может и ходить вверх. Тут у него все имущество, даже черепок с огнем для ганзы. Лодка удивительно легка, ходит скоро. Он променял нам дикого гуся за мешок старый и за чарку спирта, — это было, впрочем, в придачу, также и сухари.

Хинган мы проплыли в одни сутки, не причаливались даже, да и на берег нельзя было выезжать, так как катер шел очень скоро.

В Екатерино-Никольской заходили к полковому командиру Чесноку; живет в маленькой комнате, у казака, дома своего не имеет; это редкость,—везде прежде всего дома батальонным и полковым командирам строили.

Михайло-Семеновская очень большая станица, широко раскинулась, есть и лавки, живут очень порядочно.

Пришли мы в Хабаровку только 2 августа. Хабаровка расположилась на высоком, очень крутом берегу,—нужно было делать лестницы, чтоб подниматься. Здесь стоит 3-й лин. батальон и недавно пришел 1-й. От этого Хабаровка очень заселилась,—много строений, казармы, дома офицеров и, наконец, особая улица Купеческая с красивыми домиками и лавками. Нам хотелось отпустить Осипа, поэтому не варить обеда и отобедать где-нибудь. Расспросили, где Юзефович,— уехал; еще кое-кого,—тоже не было. — Пойдемте к купцу Чердымову. Скажем ему, что у него обедаем.—Ладно, пошли. Купец Чердымов имеет очень порядочную лавку, хорошо снабженную всякими товарами, и ведет вот какого рода торговлю. Как только станет Амур, он посылает приказчика, который умеет говорить по-китайски и на этих наречиях, на собаках с хлебом (будой), с кое-какими припасами и водкой; тот меняет это на соболей на Уссури. Торговля выгодная, к этому же, так как товары выбраны у него хорошо, не то, что пакостные Людорфские товары, то он ведет свои дела очень порядочно и поднялся что-то очень скоро.

Чердымова дома не оказалось, сидели в лавке долго. М. заказал соболей; стали расспрашивать, где, кто, — оказалось, что в Хабаровке есть один знакомый Малиновского—казначей Финкстен. Пошли к нему без всякой церемонии. Я по-

знакомился. Бабст, Дубинский, Дор, потом Аносов [210]). Большая комната, красивая, выбеленная, пианино (Людорфом отдано на комиссию Веберу), — все, одним словом, очень хорошо, чисто; хозяин, аккуратный немец, напомнил мне Карлушу, но много хуже его. Живут, как видно, в довольстве; и была бы потребность, могли бы иметь более книг, чем Военный Сборник. Может же Финкстен проигрывать по 200 рублей.

Вторник, 6-го августа.

Я сперва было думал писать про хабаровских знакомых, но едва ли того стоит. Про Бабста, как только назовешь его имя, прибавляют: „отличный человек, хороший очень“. Действительно, человек он безвредный, да, говорят, полезный для своего батальона потому, что не ворует, не дерется и не дерет без толку, — впрочем, так как и то редкость, то Бабст отличный человек. Аносов получает от казны 1.2000, кажется, с тем, чтобы искал золото: ищет на правах частного человека. Так как содержание большое, а он, выходит, человек богатый, то считает долгом страшно ломаться и воображать, что перед ним все склоняется; в манере, в разговоре страшная наглость и привычка к тому, что все слушают чуть не с подобострастием. Впрочем, чорт с ними.!

Хабаровка при устье Уссури [211]) и потому сюда приходит вся уссурийская растительность. Там есть утес, над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный по удивительно-разнохарактерной растительности. Это невольно поражает и впоследствии: рядом с осиною, очень рослою и толстою, стоит толстая же береза, белая и изредка черная. Тут же растет орешник, покрытый кистями огромных орехов (грецких), тут же клен, орешник (казанские орехи) [212]) Вид с утеса великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плёсом, только островки виднеются по краям, влево Уссури, впадающая в Амур, острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде. Жаль, что шел дождь и не было соответствующего освещения. Весь день мочил нас дождь и ветер дул.

Среда, 7 августа.

Выехали мы из Хабаровки 3-го на рассвете. Отошли станка два, не более, ветер все завывал, дождь все дул. Амур широкий, расплылся весь, острова да острова, покрытые то тальником, то мелким леском. Дождь и скверность, команда мокнет, поварчивает и припоминает все старые счеты. Некоторые по 3 года не получали ничего из казны, т.-е. ни жалованья, ни одежды. Они так пошли на сплав, у других, 1-й батальон, батальонный командир отобрал одежду батальонную на том основании, что она неимоверно рвется на сплаве, с него будут взыскивать, если одежда на солдатах рваная. А так как, имеется в виду не то, чтоб они не мерзли и не болели, то оно и признается резонным.

Четверг, 8-го.

Дождь только вчера начал переставать, ветер тоже утихает, есть надежда, что можно будет ночью итти. Люди обсохли и не нарадуются сухой погоде. Все 4-е и 5-е мы простояли на одном месте. Такая буря выла, такие были валы, что мы могли едва спрятаться в устье речки, поднявшись несколько вверх на парусах, но и тут стали заходить валы, так что мы должны были уже уйти в самую речку. У берега обдавало как постоянным дождем,—это волны бросали такие брызги. Скука, холод, сырость, все промокло, сырость доходит до самых костей. (Вот разговор, который я слышу на палубе: вот 11-й станок. Да, а год словно шли 11 станков!). Самые кости побаливали, ревматизм в плече давал себя знать; до такой степени было все скверно, что ни за что не хотелось взяться. Выйти на берег и то невозможно,—сапоги промокают, как губки, переменить нечем, и за удовольствие потаскаться по лесу, да и то без цели, пришлось бы поплатиться. Я все валялся на постели или дул чай по пяти, семи стаканов, чтобы согреться. Читать и то даже не мог, разве перечитывал Фауста да Геца. 5-го, наконец, дождь перестал на время; мы решили итти в деревню, версты три от катера. В лесу великолепные грецкие орехи [213]), медвежьи пушки в полтора дюйма в диаметре, а тут же рядом осина!.. Немного подальше, верст 5 во внутрь страны,—

сосна, ель, лиственница... а, нет значит разницы в уровне. Добрались до деревни. А вот вам пашня (вятский станок № 3). Клочок земли в 150 шагов длины, столько же ширины. На нем гораздо более 100 пней, беру minimum. Тут посеяны рожь, ярица, овес. Другой клочок такой же, пней немного меньше, —рожь озимая и ячмень. Вот и все. Изба красивая, крытая тесом, много построек около нее прочных и хорошо сделанных. Вошли в избу. Отличная работа, чисто, хорошо вытесана. Семья из хозяина, 4-х сыновей, жены его, 2 девочек и грудного ребенка. Была невестка, да умерла. Купили молока (кстати, не знают, что такое простокваша и как ее делать, а ставят молоко в печку, топят его, и только. Так приготовляют масло. Просили научить, как делать, научили). Вятские, вятского уезда, пришли сюда в 60 году. Хозяин, видно, хлопотун, сыновья работящие, сами обо всем заботятся; 5 работников,—трое, чуть ли не четверо, могут пахать. И при всем трудолюбии и работе—2 десятины. Там, дома, не было сенокосов, да лесу не было, ну и худо. Пожелали сюда итти, ну, избавление от податей на 16 лет, от рекрутчины на 6 наборов. А теперь так сами не рады. „А переселился бы куда-нибудь?“—„Вот наши все просятся на Уссури. Да и я, так только говорится, жаль постройки, а то переселился бы, здесь ведь во веки хлеба не дождешься“. Расспрашивали о переселении. Хвалят Гвоздева,—хороший человек. „Как привезли это нас, высадили,—лес кругом, берег крутой, лес да лес. Даже этого места не знали долго, вот где дом стоит. Ну вот какой был лес, что вот видишь всю постройку, так вот тут все и вырублено. Окромя только избы. Та из паромов. Дали это лесу, ну, прикупили у соседей,—у кого бревно, у кого два, вот и построили. Деньги есть, но хлеба нет и не будет. Что могут дать такие два клочка? И это у самого лучшего, самого богатого хозяина. Что же у остальных? Паек! Пайка на 20 дней только хватает (из месяца), ну на 10 ден покупать должен. Я вот как пришел, так цалковых на 50 уж купил хлеба-то. Ну, все уж тут идет—и рожь, и ярица, и ячмень, и овес. Ну, потом прикупаешь у соседей, у кого остается от пайка, потому на малых ребят тоже дается.“ Сказали мы ему, что им в нынешнем году хлеб везут на полный комплект. Призадумался старик. Худо, ведь и купить будет негде; то покупали по рублю, теперь и ку-

пить поди нельзя будет; благо еще деньгами запасся. Вот на пароход уж поставили сажень 25 (по 1 руб. 30 коп. на частные и 1 руб. 20 коп. на казенные). Вот теперь хоть знаем, что деньги платят, а то прежде велено ставить, ну а за деньги ли, так ли, не знаем, опосля уж вышли, на другой год, деньги. Теперь, это, дают квитанции. Ну, вот хоть этим поддержка. Ну, вот тоже пароход снизу идет, всегда заходит; ну, продашь молоко, яйца, денежки тоже есть. „Да что, здесь денег много, в Рассее рубль ассигнациями так уж много стоит, а тут серебряный рубь ничего не стоит,—вот кошек купил на рубь восемьдесят серебра, за Ваську рубь отдал, да за кошку 75 коп. А то уж бурундуки [214]) да мыши одолели, а уж сколько их было, так это упаси боже. Ну, купил кошек, это ничего, слава богу, меньше стало, а то бывало так весь хлеб и съедят". Заговорили о покосах. „Да оно что, кое где сено-то, это, есть, сено тоже хорошее, только уж беда, как нет. Ну, снесешь и начнешь пособирать в лесу; а его вчетвером в день боле двух возов не пособираешь". Посоветовали им лабазы строить, класть на подставки в сажень вышины и того довольно. Приняли к сведению. „А после-то пни одолели. Ну, и копаешь, это, себе пашню промежду пней лопатой. А скоро ли ее выкопаешь. Эх, хлеб одолел. Кабы было хлеб где сеять... не то бы было. Ходили, это, во внутрь искать,—тундра, болота, а то лес".

„Вот я одна только... не с кем позаняться, была невестка, да умерла". — „Что ж ты сына не женишь?" — „Да молоды невесты уж очень. Да и нет их совсем почти, все по 14, по 13 лет. Ну, да оно бы ничего. Просто страсть смотреть на каких женятся, — ребенок, как есть ребенок, — ну, 12 лет. Приезжал преосвященный, это, разрешил". (Видно, решил, что довольно развита для супружества, толк знает). — „Уж мы тут высматривали по берегам, нет ли местечка, да нет, нигде нет. Место бы и хорошее, леса нет, а зато, вот поди, топит, все топит. Уж наши за Уссури прошлись и у Карсакова просились, — нет разрешения".

Спрашивается, какая была цель поселить здесь этих несчастных? И никакие усилия ни чему не помогают, никакие просьбы: не хотят сознаться в сделанной ошибке.

Вчера ходили по лесу. Смородина (ягоды), черемуха, виноград, орех, тальник, дикая конопля и очень густая трава.

Наконец, сегодня выдался хороший денек, — довольно свежий, попутный SW [215]), катер так и несется.

Пятница, 9 августа.

Вчера вечером расположился было писать. Приходит Малиновский „Едем рыбу лучить". Поехали. Это один из родов охоты, который довольно мне нравится. Сел я на весла грести с одним человеком, Малиновский на руле. Берег все скверный; отъехали версты с 2, наконец, въехали в узкую протоку, начали бить острогой спящую рыбу: Малиновский бьет очень порядочно, и если бы вода не была так мутна, то мы набили бы порядочно рыбы. Между тем начался дождь, а мы все еще не хотели бросить охоту, а протока все тянется и нет ей конца. Час уже десятый. Насилу расстались и стали грестьcя. Протока тянется чорт знает как долго. Вдобавок Малиновский, на основании своих нелепых рассуждений, чтоб оспорить мое мнение, порешил, что надо итти в такую-то протоку, а не в такую-то. Впоследствии уже, когда мы прошли версты три, и я пересаживался с кормы снова на гребь, заметили, что лодка идет вниз, и что мы греблись вверх против течения. Течение еще было довольно слабо, — из какого-то озера. Насилу выбрались на Амур. Дождь не переставал, совершенно перемочил нас, ветер резкий, так что под конец мне и на гребле становилось холодно, —сил не было, чтобы навалиться со всей мочи, и если бы израсходовать скоро силы, то было бы потом худо,— впереди ничего, кроме самой подлой неизвестности. Хотя Малиновский уверял, что впереди должна быть дер. Мылка, но он же уверял, что надо итти в ту протоку и завел против течения. Одним словом, было очень скверно. Я предложил даже остановиться, вытащить лодку на берег и лечь под лодку. Но огонь у нас погас, а скоро ли разведешь его из мокрых сучьев. Наконец, в первом часу ночи (мы выехали около восьми вечера) увидали какой-то огонек, причалили, потом увидали лодку.—Деревня! Ура! Обсушились, завалились спать и все забыли.

Вчера, когда плыли, увидали баржу разбитую на берегу и бревна от крутого (?), чтобы барж не било. Через несколько времени еще баржа, разбитая же. Малиновский поехал туда. Оказалось пол-баржи воды, но пол-баржи муки, овес сухой; рейс Лончакова. Вероятно, ее разбило ночью и унесло в протоку. Что тут сделать? Заводить баржу вверх, чтобы после перейти в протоку,—это стоило бы неимоверных усилий, особенно там, где разделяются протоки: с нами случалось, что занесет в протоку и потом выгребаешься, выгребаешься из нее, даже парус натянешь (при слабом ветре) и все-таки не выйдешь. Для баржи это было бы делом очень трудным; понятно, что Лончакову пришлось бросить эту баржу. Наконец, этого мало: вчера расспрашивали в деревне, когда проходили баржи. — „Со скотом прошли, а рейсы Малиновского 2 и Лончакова не прошли. А вот, сказывали гольды, свечи ловили, на том берегу.—Бочку поймали, с под мяса, да воняет так-то (солонина в нынешнем году для продовольствия сплавщиков, действительно, плоха, уже портится; немудрено, что такая и сильно испортилась). А то тут поймали бочку в 6 пудов солонины".—Какие обручи?— „У той деревянные, у этой—железные,—значит с рейса брата (Мал.), значит в двух рейсах разбились баржи". Поймали также ящик с медикаментами. Плохо. Как нарочно, пошли мы протокою ближайшею и разошлись с рейсами. А барж много видели, вот приезжал пароход, топограф на ём. Они там, у озера, мерят, широко ли, глубоко ли. Как это его зовут, делают...—Телеграф? — Да, да, он самый, для телеграфа, а для телеграфа еще прошел пароход. Телеграф, а крестьянам есть нечего, переселяться не позволяют! Как бы пригодились эти пароходы, чтобы переселять крестьян.

Мы остановились сперва у одного крестьянина. Но изба тесная, повернуться негде, хозяевам неудобно, да и нам сушиться негде,—печка крошечная, в четверть аршина в квадрате. Мы перешли к старшему. У него же почтовый станок. Дом большой, просторный; дал нам комнату, обогрелись, обсохли.

Хлебà, было, выросли отличные, да вот какие-то слабые, совсем не держатся, попадали, да обсыпаются, да уж пташка одолела, ничего не сделаешь, такая ее куча... стрелять пробовали, перелетит, рядом на пашню сядет. Пашня! Громкое

имя для клочка земли в 70—80 шагов длины, 50—60 ширины, раскопанного лопатой между деревьями в лесу.

Вот каково несчастное положение дер. Мылки 21 5): [1]) a-b) берег- галька, c) огороды, d) покатость, падение около 30°, e) болото, f) горы, лес хвойный и осиновый, g) гора, покрытая прежде лесом, теперь пашня с отдельными деревьями, клочки даже на покатости в 30°! Всех пашен десятин 15 на 30 дворов; вплотную за домами и иногда между ними впадина, в дождь—болото, мелкий кустарник, был орешник, сквозь который, когда пришли на берег, прорубались топорами, в 1861 затапливалось водою. Пароходы пристают не всегда,—место скверное,—в бурю так и бьет. Следовательно, дров берут мало,—в нынешнем году 50 саж. не взяли. Сенокосы на таком месте, что прибудь вода на аршин, все затопит.

Понедельник, 12 августа.

Как все скоро меняется. М. собирался ехать в Хунгари, разыскивать баржи. Но заболел и порешил ехать 10-го. 10-го утром показался сверху пароход. М. просил меня съездить туда, уговорить капитана причалить. Я поехал на большой шлюпке; буря так и качала ее, как мартынку (птицу). На пароходе Дризен.—Где Малиновский (2-ой)?—Ушел ко дну целый рейс, и он, и Лончаков вместе, а вышли Хабаров, Сафронов и Мамонтов.—Как целый рейс?—Так, целый рейс, ни одной баржи.—Пароход причалил. Капитан выехал со мной на берег. Разбиты рейсы совершенно, только щепки плавают. У Лончакова одна баржа цела, была в протоке; тысяч семь спасли всего. Худо. Малиновский совсем растерялся, запустил руку в волосы, ходит. Крестьяне заметили, что он переменился, впрочем, он, действительно, несколько болен,—простуда после ловли рыбы. Поговорили, что делать. Порешили так. М. едет в Николаевск требовать пароходы, я еду в Иркутск и Читу сказать, каково положение сплава, просить Буссе послать хлеба крестьянам, крестьянский хлеб сдать в Николаевск и т. д. К часам двум мы собрались. М. поплыл на „Лене“, которая взяла катер с дровами на причал,

---

[1]) В этом месте в рукописи помещен неясный рисунок, изображающий соответствующий план.

я поплыл вверх на гиляцкой лодке разыскивать баржи. Плохая дорога предстояла впереди, тащиться на лодке вверх со всеми удовольствиями. Наконец, по станкам нет крестьян, надо было бы итти по „гольдам", т.-е. нанимать гольдов, а они, вследствие приказаний исправника, что они никого не обязаны возить, кроме исправника, попа, доктора, пожалуй, не повезут, и т. д., и т. д. Одним словом, утром я плыл в Николаевск, к полудню плыл в Иркутск.

Я выехал, кажется, 10-го. Вечером ночевали где-то. Разговорился с крестьянами, которые меня везли. „Уж так-то плохо, так-то скучно здесь, не знаешь, что делать. Хлебушки уж, видно, нам не дождаться своего". Действительно, менее пятнадцати десятин на 30 семей. Пайка же не хватает. „Мы вот теперь посеяли свой хлеб. Вот сами видели, каков он". Действительно, весь хлеб пророс. Вот я теперь еду на пароходе; мы только что отчалили от мели № 11. Один из стариков-пассажиров приносит мне колосок, который весь пророс, зерна горькие и мягкие, и это, заметить надо, из сжатаго хлеба.—„Поела пташка, и кто ее знает, откуда это столько пташки налетает,—ничем ее не сгонишь. Стрелять пробовали, ничего не помогает,—слетит, рядом же тут и сядет".—А позволь вам теперь переселиться, найдутся ли охотники?—„И, что вы, в. с., как можно,—все до одного готовы итти сейчас".—Что же вы не проситесь?—„Ох, уж просили, просили; вот летошний год Корсаков был, просили, это, его. Ну, думали, назад будет, ждали его, как Христова дня, а вместо того проплыл мимо, это, деревень и не видали его. А вот Лутковский проезжал, не заходил—нет, так под тем берегом и прошел. Вот теперь трое из наших ушли самовольно, значит, в Благовещенск к генералу Бусеву просить, чтобы позволил переселиться. Ну, он принял прошение, обещал похлопотать. Один, это, вернулся, ну, адмирал хотел его наказать сильно, однако, покаялся; ну, ничего, простил. А те двое так бросили здесь своих жен, без билетов ушли, там и теперь остались. Так, слышь, сказывают, что по Заветной, это, они, ну, десятин двенадцать распахали.—А Казакевич был у вас?—„Был; как только высадили на берег, объехал пашни, был еще раз недавно, посмотрел, это, всходы, ну, сказал, трудитесь. Я не требую от вас, чтобы вы там столько распахали, и трудитесь, распахайте сколько можете".

Крестьяне прежде не умели нисколько обращаться с лодкой, теперь отлично умеют обращаться. Все лодки куплены у гольдов, с которыми они живут дружно,—берут, например, у них рыбу, котелки и хоть бесплатно. Мы так останавливались вчера обедать у гольда. Наши пошли туда; один говорит немного по-гольдски, спрашивать может (пишет он порядочно: сперва записывал; гольдский язык очень находит нетрудным, учатся легко и из четырех человек двое говорят несколько). Взяли у них рыбы, котелок, чашки, сварили, и хозяйка невесть как обрадовалась, когда получила за четыре больших куска белуги и за хлопоты 30 копеек,—ходила и всем показывала. Крестьяне теперь плавают в такие валы, что мне приходило вчера, как мы перегребались через широкие протоки Амура, на мысль, что бросить, мол, сумку, легче плыть. Сегодня тоже подъезжали к пароходу. Ничего,—только припихнуть, да рулевой режет вал. Я смотрел со стороны, как в такую волну кидает лодку, плыли два гольда, еще мальчишки, но гребли и без паруса [217]).

Сегодня у Маэ мы насмотрелись, как привыкли к этим лодкам мальчишки и даже девченки, лет 12-ти им кидали бутылки,—они ловили и, чтобы поймать бутылку, даже сцепились на лодке, чтобы отбить друг у друга. Впрочем, девченки воспользовались спором и три раза плавали за бутылками, сажени по-три. Смотрел я, где пашни в Маэ. Тоже история,—молока вдоволь, огурцы, репа. Теперь я плыву на пароходе „Граф Муравьев-Амурский"; плыл бы хорошо, но у капитана белая горячка,—бросался в воду два раза. Едва спасли саженях во сто; поэтому довольно беспорядка, все неладно. Вчера к вечеру я приплыл к Малиновскому 2 и Лончакову на место, где разбиты баржи.

1-го августа вечером причалили на это место 16 барж Малиновского 2-го, совершенно тихо и хорошо. Затем ночью поднимается противный ветер, баржам итти нельзя. Они стоят. 4-го ночью поднялась страшная буря. Я знаю, какая была это буря, мы в это время стояли у ст. № 3; буря выла, попасть с баржи на баржу невозможно, потому что входни попадали, а баржи поднимаются на сажень. К полуночи стало еще хуже, со всех сторон прибегают. „В. б., на нашей барже не могут воду отлить. В. б., у нас вода одолела" и т. д., и т. д. со всех барж. К утру все баржи затопило. Думали

вытаскивать груз, но буря все выла, выла; баржи стало ломать окончательно. Бывало так: баржа поднимается серединою на вал и разломается посередине. Нос отурит (оторвет?), и он несется на другую баржу, там его поднимает волною и бросает на другую баржу. Были случаи, что оплеухи (плаха в семь сажeней, толщиною вершка два, шириною семь—восемь) попадала внутрь баржи, у которой сорвана крыша. Есть одна баржа, у которой целый борт снесен и положен около[218]). Наконец, есть днища, перевернутые вниз **кокорами**. Мы видели такие днища у Мылок, другие на месте разрушения, а то было, что **ухваты** **вырваны** из баржи и плавают на канатах. Канаты все целы. Диски на стыках все ходили, кокоры ломались там, где дыры для нагелей просверлены вкось. Тогда уже стали ловить преимущественно бочки, которые плавали на воде, ну, и спасли тысячь семь пудов, не более. Стали спасать муку у Лончакова; возьмут комок разобьют, внутри мука и сухая; спасли тоже тысячь семь, преимущественно в мешках, которые плавали на воде и выкинуты на берег.

Среда, 14 августа.

Где-то сами теперь? не говоря...

Вчера в Доле. Тоже плохо. Скот-то еще есть, хлеб весь пророс. Я шел сливок покупать.—„А вот наша пшеница". Куча навозу и только,—все сгнило.—„А вот ярицу сеяли, да трава заглушила". Трава в аршин, хлеба и не видно. Работают, трудятся, бьют землю родом лопат[219]).

А вот еще из разговоров с крестьянами, когда я плыл. „Вот теперь топоры, взять не откуда. Купил я, это, американский топор. Эх, богатый топор, крепкий, хоть что хошь руби, только уж пообтерся маленько[220]). Три рубля дал, купил у солдата, только точить не на чем, уж мы искали брусков точильных. Камню нет нигде. Казенный, это, вышел весь, купили, значит, американских подпилков; ничего, берет хорошо спервоначалу, потом, глядишь, весь протрется".

В Доле старик плачется, рассказывает об своих горестях,—уж и не знаем к кому доходить. Лутковский[221]) нигде, повидимому, не заезжал, даже тем берегом проехал. Я вот уже в 4-х деревнях спрашивал, в Маэ № 11, в Доле № 8, в Малках

№ 16 и в Вятском станке № 3. Бедняки говорят, ко всякому бросаются с теми же жалобами, особенно к военным, а пользы все мало. Умоляют, чтоб их переселили: „Худо, худо туто, хлебушко не родится“.

Суббота, 17 августа.

15-го пришли в Хабаровку. На рейде 2 парохода телеграфа: „Гонец“ и „Телеграф“ и пароход „Механик“. Я дошел до парохода „Телеграф“, узнал, что они не сверху, и пошел к фон-Котену. С ними же отправились к Романову[222]) просить, если можно, парохода, чтоб свести груз Малиновского 2 и Лончакова. Он говорит, что не может быть полезным, потому что должен итти на Уссури, а пароход его поднимает мало груза, прицепки же нет. Пообедавши, я ушел. Потом оба парохода отправились. Оказывается, что „Телеграф“ служит единственно для удовольствия Романова.

Я, было, написал бумагу на пароход „Сунгари“, который стоит на 23-м станке, ждет нас, штаба Казакевича, с просьбою итти вверх и взять груз, сложенный в Степановой[223]) Сафроновым, но пришел Бессонов[224]), говорит, что там ничего нет и т. п.; я взял бумагу назад. Во время обеда пришел Бессонов с 4 баржами; привез Е. К. Рик. Они насилу взяли ее у мужа, когда увидали ее на своей вытащенной из воды барже в сырости посреди гниющей муки, после того, как мы и без того 4 дня прожили на острове под дождем и открытым небом, возле разбитых двух барж. Бессонов и Кв. наняли ей квартиру, вечером мы ужинали у ней и просидели весь вечер. Вернулся я на пароход, услыхав, что идет снизу „Амур“, Он пристал в 1-м часу ночи. Рано утром я поехал на „Амур“, потом пошел к Рик. таскался к Мухину ругаться и т. п. В обед пришел Сафронов с 2-мя баржами и 1 баркасом, потом Рик с 3-ей баржей—остаток рейса. Пришлось таскаться на эти баржи. Постройка плохая, и баржи порядком пострадали. 7 кулей муки высыпали к носу, чтобы избавиться от течи. Решили, что „Граф Амурский“ идет 17-го вечером, а „Амур“ 17-го же рано утром. Я переехал на „Амур“. Потом еще таскался к фон-Котену с Риком, в лавку и пр., и пр.,—устал как собака. Поздно вечером, во 2-м часу, возвращаясь на пароход, я никак не мог попасть на него. 3 раза проносило, Наконец, попал, но носом ударился в колесо, и лодку зато-

пило, едва успели ухватиться за конец. Люди вылезли, я остался сзади, но лодку затопило совсем, а я удержался на канате, пока подали шлюпку. Жаль пальто кожаное,—унесло.

Ст. Петровская. Воскресенье, 18 августа,

Вода страшно прибыла, везде все затапливает, сено, местами даже хлеба затопила.

27 августа.

Мы уже подплываем к Амуру. Целый день „Амур“ провозился, снимая у Куприяновки с мели „Успех“. Наняли „Карсакова“, тужились вдвоем, но ничего не сделали,—так плотно сесть редко удается. Вчера я пересел на „Карсакова“, так как он опережает „Амур“, который, пожалуй, и не станет проходить Зейский бар.

Тут, с Куприяновки и около Благовещенска, еще сносно,—хлеб не топило, да он и не пророс, а то везде, по всем низовьям хлеба затопило; Амурский батальон остается без хлеба. 24-го мы встретили Буссе; плывет вниз на катере, плыл сперва с „Успехом“, да как тот сел на мель, Буссе поплыл один, да велел из Благовещенска выслать себе пароход! А теперь они так нужны; говорили ему, нельзя ли хлеба отправить, нельзя... нужно вот 25.000, надо отправить в Амурский батальон. Из Забайкалья тоже не могут прислать, только 10.000, там все затопило.

Суббота, 31 августа.

„Гольтепаки“—слово, которое часто приходилось слышать. Теперь пришлось познакомиться с ним. Во всяком гарнизонном батальоне набиралось много „сволочи“, а в Сибири рабочих рук мало; вот Муравьев и предложил послать в Сибирь всю „сволочь“. Ее и прислали. Муравьев, конечно, мечтал, что из них выйдут хорошие рабочие, и порешил поселить их между казаками—„сынками“ к хозяевам, но побогаче. Целую жизнь свою прожили эти люди, не имея никакой собственности, кроме казенной, не работая ничем, кроме ружья для приемов. Попадались в чем-нибудь, их драли, драли, драли. Не помогает. Тогда только отдавали

человека под суд, гоняли сквозь строй и махали на него рукой. Затем—провели через Сибирь; кто знает, сколько времени обворовывали его всю жизнь,—ну, и вышел из этой школы человек. Люди вышли разные: кто молчит да ворует, да не молчит с начальством и уж чорт знает что говорит этому „начальству“: какое бы оно ни было винное или безвинное, всякое ругает в глаза, хоть и, вероятно, много типов. Этих людей,—сынков, гольтепаков (более употребительное) и еще как-то зовут, бузуи [225]),—послали в Николаевск.—рабочие были дороги. Ныне в Николаевске они не занадобились,—посадили их на пароход, дали им офицера, которому нужно было ехать в Россию, но никак не заниматься гольтепаками. Дали провизии и, слава богу, сбыли с рук.—в Благовещенске, мол, разделаются. А в Благовещенске уже получили предписание отнюдь не принимать сих гольтепаков. Что делать? Кормить в Благовещенске шайку воров, пьяниц и ничего не делающих людей—нечем (так как из них половина таких, то ясно, что прилагается ко всем без разбора). Ну, и отправить их в Забайкалье, до Сретенки.—там нет ни казарм, ни готового продовольствия; но ничего. „Карсаков“ пришел 28-го очень рано, утром же рано я пошел к Савичу [226]), отдал бумаги. Старая карга прочел их (я отыскал его на работах, после двух верст прогулки). „Надеюсь, вы будете добры (не ловко же сказать мальчишке „так добры“) зайти ко мне за открытым предписанием“. Очень хорошо, и снова двух-верстная прогулка. В бумагах писалось, что придут на „Амуре“ 120 гольтепаков из Николаевска, что их и благовещенских надо отправить вверх на „Карсакове“; ничего не делается. 29-го утром пришел „Амур“. Стефаницкий (при гольтепаках) идет хлопотать по своему делу (об своих прогонах и отпуске, конечно); об гольтепаках забыли. 30-го царь имянинник, да Александр Петрович, и т. д..—надо женить, и пароход сегодня не идет, завтра... ну и завтра не успеть. А мы хлопочем, чтобы скорее итти. Пойдите к Языкову, он отправит их. Дома нет. Еще раз. Тоже и не жди, не будет. А пароходу надо итти и мне ехать, а я,—не моя персона, а человек, который едет с нужным делом. Ну, хлопотали. В 5 часов вечера назначили приемку людей, но Языков гулял за городом,—нельзя же; ну, в девятом часу приехал; темнеет; сделали перекличку,

так себе; темно совершенно. Ступай на пароход. Зги не видно (мы еще ракеты кит. пускали); гонят гольтепаков на баржу, натащили добра, отвели баржу и сходни сняли, конвойный там. На утро часть их съехала с баржи (. . . . . было) и конвойные ничего не сделали, сплыли на берег, разбежались частью. Ночью, по обыкновению, было несколько попыток воровства, но в городе уже были настороже, потому что „Амур“ привез сынков. Действительно, сынки составляют страшную тягость,—каждую ночь бывали воровства, пьянство страшное; одним словом, кто-то говорил, что он охотно даст 60 рублей, лишь бы не было сынков в Благовещенске.

1-го сентября.

Вчера я ездил с капитаном парохода к Языкову (батал. ком.) просить о скорейшей отправке. Он ссылается на Стефаницкого, что все сделано. Стефаницкий на него. Сынки собраны на барже, но им не дают провизии,—так, на вчерашний день они не получили; они подняли крик под окнами у полицмейстера. Стали ругать его всячески и тому подобное. Дело в том, что им не выдавали провианта в течение восьми дней тотчас по пришествии „Лены“ и посадили на гауптвахту. Наконец, они думали, что им дадут провизию разом за восемь дней,—не дали. Ясно, что они озлобились на начальство; и подняли же они ругань, когда пришел к ним Языков. Дело могло кончиться для него худо, но заковали из них трех человек, тем и кончилось. Я долго говорил с этими тремя скованными. Чтож, они правы. Конечно, они незаконно требовали, потому что с камнями в руках (не фраза) не полагается требовать себе провизии, но что же, и их выводили из терпения всю жизнь целым рядом несправедливостей. Один из них, нет, пожалуй, все трое, очень неглупы, один особенно; начитался „пункт 1. XI ст.“ и т. д. нового закона; говорит, что за дерзость, ну, на три дня под арест на хлеб и на воду. Но и подлый же, должно-быть, господин. Я говорил ему, что он должен требовать провиант за восемь дней, но что ему невыгодно так требовать с руганью, „что ваша жена, а не жена, так ваша курва ела сегодня, а нам не дали провианта“,—и это полицмейстеру, который ни в чем не виноват. Но для

него полицмейстер начальство,—ну и довольно этого, он и ругает.

8-го сентября.

Медленно же мы тащимся, сегодня только дошли до . . . . [227]). Сынки не слушают нисколько своего начальника Стефаницкого, впрочем, он им и не приказывал. Придет старший сказать, что сынки не идут грузить. „Пошел вон, глупости говоришь“, особенно шикарно начальническим тоном. „Чтоб вышли сейчас!“ И все-таки никто не идет; наконец, нашлось 20—30 человек поселенцев, которые постоянно грузят за всех. Отчего шеф не идет к ним и не заставит их грузить дрова, или предложить итти пешком партией? Наконец, я убежден, что можно и без насильственных мер добиться того, что будут грузить. Но сперва я приписывал это его лени, а теперь оказывается, что „рыльце-то в пушку“ и у него, не только у благовещенского начальства. И пока идем тихо, так же тихо, как тихо грузятся дрова. Бекетова небольшая станция, дворов 10, в лесу (береза, листв., осина), пашни где-то в 3-х верстах на лугу, топило у некоторых, у других же нет, живут хорошо,—если свинская жизнь хороша,—довольствуются малым, хлеб есть, скота тоже будет, следовательно, молоко будет, ловят рыбу (икру купили 4 ф.,—только и было,—по 25 к. и то не свежая); огородишки маленькие, амбаришка нет, а седьмой год живут [228]).

№ 6.

От Иркутска до Чинданты и от Благовещенска до Николаевска.

12 февраля 1864—19 июля 1864.

> Теперь гонись за жизнью дивной
> И каждый миг в ней воскрешай,
> На каждый звук ее призывный
> Отзывной песнью отвечай.

Иркутск, 12 февраля 1864.

Вчера приехал в Иркутск [229]). Конечно, по сибирскому обычаю, не нашлось номера в гостинице, так к знакомому офицеру, поселили у него. Прием Корсакова был преинтересный. С 3-го слова: „А вы статьи пишете?“ — Да, корреспонденции в „Московские Ведомости“.—„И всех задеваете?“ — Кого я задел?—„Лутковского, как же и т. д.“ [230]). Все это говорилось с неудовольствием, легким. Впрочем, тут был Кукель, следовательно, надо было сдерживаться. Расспросы, конечно; впрочем, ответы были все для него успокоительные, следовательно, прошло хорошо. Мне говорили, что за обедом он опять об этом говорил, что он, впрочем, выразил только, что „молод“. В его шуточках, впрочем, неудовольство заметно. Зато в Иркутске уже чорт знает что говорят про мои амурские письма. „Царский адъютант“, как называли крестьяне Лутковского, слышишь ото всех. Ивашевская говорила даже, что она слышала, будто и „статья“ моя озаглавлена „царский адъютант“. Меня просили дать эти письма, так как их достать здесь не могут. Интересно и то, что обратили внимание не на письма, а на то только, где напечатано про Лутковского, а потому все говорят о какой-то загадочной моей статье. Лутковский же в Петербурге в восторге от Восточной Сибири. Еще бы. Его здесь так принимали, поили,—как сыр

в масле катался, и проводы ему устраивали в собрании, и т. п. Еще бы не быть в восторге; впрочем, действительно, много сделано хорошего в короткий срок, хотя и много есть неурядицы и скверности.

Иркутск такой же; сплетни, слово, сказанное сегодня, завтра знает весь город, с толками и пересудами, в роде статьи под заглавием „царский адъютант". Впрочем, здесь, говорят, веселятся, устроили семейные вечера в клубе, где все очень просто, и очень весело проводят время... Посмотрим завтра. Иркутск также жаждет новостей, с жадностью бросается на меня, выспрашивая новостей, которых я, между прочим, очень мало привез.

Иркутск. 4 апреля.

Сегодня расстреливают здесь двух крестьян, да в Иркутском саловаренном заводе еще двух. Они долго вчетвером сговаривались ограбить одного богатого крестьянина. Убить его они считали лучшим средством для достижения цели. Убили целую семью с невыразимым хладнокровием и обдуманностью. Двое резали, один стоял на подчасках, третий выходил смотреть, как бы часовой не убежал, и на вопрос, как идут дела, отвечал: „Отлично, порешили, только храпят еще". Улики все налицо. Сознался же только один крестьянин, который сознался только, впрочем, тогда, когда его уличили, что вещи у него. Вообще закоренелые люди. Судила их целая комиссия, судили военным судом, так как, чтобы скрыть убийство, они потом подожгли дом. Корсаков придрался к приказу прошлого года судить военным судом поджигателей, и их судили так, что заранее весь город знал, и они сами знали, вероятно, что их расстреляют. Двух расстреливали здесь, за острогом, чтобы весь острог вывести смотреть на экзекуцию. В саловаренном заводе то же будет. Думают этим устрашить народ, прекратить подобные вещи на будущее время. Едва ли.

Весна вступает в свои права не без борьбы с зимою. То теплые дни, невыносимо теплые, то вдруг снова снег, мороз. Скучно.

Пятница, 10 апреля.

Вчера в ночь выехал из Иркутска. Еле двигаюсь от усталости. Байкал заставлял торопиться. Но когда я приехал в

Лиственичную, то узнал, что даже почтовые станки не сняты; переезд через Байкал я сделал великолепно, правда, немного скучно ехать такой длинный станок, но вообще без опасности, хотя рассказывали уже в Иркутске, что худо переезжать. Всего попались три или четыре щели не более аршина, следовательно, такие, которые легко было перескочить коням. Впрочем, говорят, что хорошо, что так было холодно, когда я ехал; сильный северный ветер, пронзительный, сквозь доху и полушубок пробирался, зато теперь выяснилось, и снег, напавший за эти дня два, верно, примется таять и на Байкале. Дорогу испортит. Крестьяне получают за пару триста шестьдесят рублей, гонять было выгодно, но братские сбили до 250 р., и вследствие этого они должны отказаться: невыгодно,—держи на этакий станок 9 лошадей, а 9 лошадей 500 п. хлеба съедят, да сено, да 2 работника не менее как по 25—30 р., в результате невыгодно, а братским, верно, выгодно, хотя крестьяне говорят, что они уж из самолюбия сбавляют цену.

Посольская произвела на меня очень выгодное впечатление, веселенькое местечко. Кругом Байкала горы, они все еще в снегу.

Верхнеудинск. Суббота, 11 апреля.

Утром я переехал через Селенгу. Селенга широкая река, течет в горах; горы круто падают с левого берега к реке, состоят из сланцев, растрескавшихся на большие ромбоэдры; пласты наклонные перемешаны с крупным песчаником, мелким хрящем, потом снова сланцы, темно-дикого или красноватого цвета. Вскрытие ее, как большей части сибирских рек (кроме Ангары), происходит постепенно. Целый плес тронется и начнет его ломать, лед разбрасывает по берегам; местами же есть плесы (верст 5 ниже города), где лед держится еще сплошной массой, и переправа происходит наискось, версты 2 приходится итти по льду. Перевозчики берут цены по одному рублю с частного проезжающего, по два рубля с воза в 7 пудов, с проезжающего по казенной надобности,—что пожалуете. Весь труд перевозчика при перевозке возов это протащить по мосткам, которые наложены ими сажен на 5, потом идут уже сами; тоже и при высаде на другой берег. Беспорядок страшный. Переправили на

этот берег, лошадей нет; должны были послать верхового в город, да кроме того и верховые-то не едут,—все насилие нужно, крик, брань, угроза. Добрался до города; почта выезжала навстречу, да тут и засела; лошадей нет; нашел вольных за 3 рубля ($33^1/_2$ версты), и то благо,—собрались двое, один и боялся дорого просить, чтобы не отбили, да и то чего-то не едут. На Селенге был какой-то крестьянин Батков, тот брал по 7 руб., 13 руб., чтобы довести только от Селенги до города. Все жалуются, что с них дерут большие цены. Одним словом, общее плутовство.

И вот во 2-й раз приходится мне писать в свой дневник: бедная русская женщина! Тут сидят проезжий офицер, инженер Г. с женой. Они закусывали. Перед закуской принесли „живительной влаги“, как он выразился, и во время закусывания он не давал ей спуска. Жена уговаривает, молодая, очень недурна, ему лет 24, не более, если не менее. В ответ: „Молчи, $^1/_4$ рюмки выпил“.—„Какой $^1/_4$ рюмки?“—„Ну, наливай“ и т. д. Кончилось сценой. Повздорил с приятелем. Шум поднялся. Жена уговаривала, прикрикнул. Смотритель вмешался,—нельзя-де шуметь в казенном доме. Поколотил его. Жена упрашивать стала. Конечно, и ей досталось. После она, заплаканная, выходила подать милостыню проходившему под окном нищему. Совестно чужого человека, не глядит. И так с 20 лет. А дети пойдут?

Братская степь тянется, в горах все же снег виден, только меньше, да и вообще после диких гор селенгинских стало как будто теплее. В степи всегда хороша дорога. Даже и теперь, когда она не совсем просохла, есть колеи, выбоины, и то она сносная. Я из Верхнеудинска нагнал Кондратьева. Часть пути, 3 станка, ехал с нами старик, болтали о нелепостях, предложенных Корсаковым в военном совете зимою нынешнего года, когда боялись войны, именно—летом очищать посты в гаванях, уходить, а зимою двинуться в ту гавань, которую займет неприятель, и выбить его. Мера бы хорошая, если бы была выполнима. Дело в том, что зимой пройти отряду там, где вовсе нет дорог и тропинок, где

еще и птица, может быть, не перелетала через Сихотта-Алинь двигаться отряду по крайней мере в 600—1000 человек с припасами на вьюках, по тропам и пр. просто невозможно. Еще кстати, при тамошних пургах, во время которых в Николаевске нельзя перейти улицы (не фраза, а действительная обстановка). И в это время двигаться отряду по компасу. Кукель, конечно, был против, другие поддакивали. Или еще,— в случае войны, захватить Сянь-Син-хо [231]), Сунгари [232]) и часть Монголии [233]). Это к чему? Разбросаются во все стороны со своими ничтожными силами. „Графа Монгольского захотелось“, как сказали в Петербурге на проект завоевания Монголии. А эти проекты их не покидают. Я уверен, что и при моей поездке имеется в виду эта цель, хотя она и не высказывается, и приняты все меры, чтоб даже заподозреть не могли его ни в чем. Таким образом, в бумагах не остается даже и следа моей командировки [234]). В бумаге мне сказано: отправляйтесь в Читу, а там получите указание от атамана. А атаману написано конфиденциально самыми темными выражениями о цели моей поездки. Шульман, смотря на карту, говорил мне: А вот бы хорошо этот кусочек. Мало терпят теперь Забайкалье или Амур.

Дороговизна провоза, недостаток сена, насильственный закуп.

Онинский станок. 12 апреля.

Опять сижу и жду лошадей,—не могу добиться, чтобы меня везли в Онинский дацан верстах в 12 от дороги. Обывательский ямщик не везет,—бланка нет, почтовый тоже,— в контракте этого нет,—ну, и кричишь: вези да и только. А они копаются, время теряют. Такое нежелание везти, при плате 2-х прогонов, верно, имеет свои причины: запрещено или дерут с них много ламы, когда они приезжают в дацан.

Чита. 14 апреля, вторник.

Я съездил тогда в дацан. Пришлось сделать верст 15, чтобы до него добраться; в степи все залито: в глубоких местах вода стоит с весны в огромных непроезжаемых лужах. Надо было их объезжать, там, где они соединялись в род временной речки. Дацан, приход, род небольшего монастыря,

состоит из одной кумирни, нескольких домов, где живет ширет и 12 лам, ничего не делающих. Когда я спросил у одного бурята,—не пашут ли они землю, он чуть ли не обиделся и с гордостью ответил: „нет, он только молится, книгу читает". Я зашел к одному ламе: шаг вперед против бурята, дом, а не юрта. У передней стены бурхана возвышение, от которого идут 2-3 ступеньки, установленные разными бурханами, преимущественно намалеванными, за слюдой в 4-х-угольных коробках. Тут всякие есть: и шигемуний, главный бог теперь, и мать бога (не знаю, есть ли сын бога) зла и добра и т. п. Медных литых бурханов нет, вероятно, лама не богат. Несколько чашечек с ярицей, павлинье перо во что-то вставленное, 2 чайника для кипятка и еще какие-то безделки. По бокам две низкие скамьи, на них тоже чашечки, табакерка, какой-то сверток молитв, которыми лама благословляет бурят по лбу, после того, как он войдя 9 раз поклонится в землю. Около скамеечек войлоки, чтоб сидеть ламам. Дацан сам сильно напоминает архитектурой православную церковь, стар, не красив, с высокой деревянной крышей; окна без стекол, закрываются ставнями, и чтоб отпирать их, в верхнем этаже устроена галлерейка. Стены довольно толсты; поднимаются по овальной полукруглой лестнице, очень грубо сработанной из кирпичей, внизу дикого камня. У дверей сделаны раскрашенные слегка барельефом два зверя, похожие на собак. У других дверей род дракона с собакой. Внутри дацана: 2 ряда деревянных тонких колонок, лавки около них, навешано много лент, сшитых из кусков цветных сукон, (синего, желтого, красного), прямо против входа 3 истукана, кажется, глиняных, позолоченых. Шигемуний, довольно красивый, слева у него другой бог, тоже красивой наружности и хорошо сделан, справа бог зла (Malhu Alila [235]), так, что ли с собачьей физиономией, около них горит постоянно огонь в лампадке, налитой застывшим жиром, и тлеют свечечки желтые. Навешаны тоже молитвы на шелковых лентах. Потом впереди еще несколько бурханов—целая коллекция под стеклом, затем место для ширета, около него столик с громадным колокольчиком, чашечка и т. п. Он сидит спиной к богам, лицом к народу, который и видит и ему поклоняется. С другой стороны место для другого какого-то ламы, боком, лицом же к ширету. На ска-

мейках от алтаря к дверям сидят ламы с обеих сторон алтаря, далее книгохранилище (книг 50). В храм входят без поклонов, чрезвычайно бесцеремонно обращаются со всеми; опять повторяю, религиозности мало заметно. Уважение к бурханам поддерживается только влиянием лам. Слева в одном отделении стоит белый деревянный слон. „Раз в год,— говорил переводчик,—братская компания мало-мало идет кругом дацан“. Кроме литых и лепных бурханов, много нарисованных на холсте очень грубой работы. На верху, во 2-м этаже, в который поднимаются по крутой витой лестнице, то же самое, в чрезвычайно бедном виде.

После осмотра меня один лама позвал чай пить; подают по-русски, даже вытирают стаканы какой то бумагой. Я отдарил их красным сукном, пуговицами, меня—лентой шелковой,—всегда дарят гостям. Я приговаривался купить бурхана, надеясь получить такого в ответ за подарок,—„не продает“.

Запрягли мне коней от дацана, и я уехал. Да, около дацана 2 пол... из кирпича,—один для сожигания угля, другой с дерев... с одним образом. Построила „братская компания“.

Дацан выстроен лет 50 тому назад братскими, строил мастер из Иркутска по указанию одного старика тайши.

Около дацана несколько домиков, отдельн..... в одной из них 6 уг. штука, набитая молит..... кот. вертят. „Господи помилуй“, поясняет лама.

Чита. 15 апреля.

В прошлом году большую часть сена унесло у крестьян, в Забайкалье был недостаток и в хлебе, потому в нынешнем году закупили большую часть хлеба в Иркутской губ. с платою по.... коп. за пуд и 85 к. за доставку с места до Читы. Такая цена не цена, а пародия на цены; вольные цены свыше 2 руб. до Читы, а от Верхнеудинска 1 р. 15 к. или 1 р. Закупка произведена Сиверсом[236]) по старой методе—насильственным росписом по душам. Крестьяне обязаны везти, их принуждают вывозить из Иркутска, везти по дороге все земскою полициею; и везут бедные крестьяне, сена нет и купить не на что, и гибнут лошади; м(ежду) Погром(ной) и следующей станцией валяются 3 издохшие лошади; за-

мена прежде делалась так, что если он не довезет всего, то продают лошадь, телегу. Спасибо, теперь этого не делают и решили выдать им по рублю на подводу, чтоб дать возможность выбраться из Читы. Милостыня за их же добро!.. Возмутительно!.. Кажется, насильственные закупы не скоро, видно, еще выведутся. И сколько таких налогов потерпело Забайкалье!.. Один бог знал бы, если бы мог знать...

Чита. Среда, 15 апреля.

Здесь в приюте теперь 70 мальчиков и девочек, и то по положению 14-ти летних сейчас выключают Кроме того, у Струнникова (мужа смотрительницы) еще 16 мальчиков и девочек учится за деньги. Учат их истории, географии.

Вторник, 28 апреля.

Большой промежуток и было что писать! [237]). Спектакль отнял все время. Сошел он хорошо. Мне приятно было играть. Здесь есть одно довольно милое существо. Мешает, чорт возьми. Никонов [238]).

Воскресенье, 17 мая.

Старо Цурухантуевский караул [239]).

От Чинданты [240]) степь сперва довольно ровная. в двух-трех местах попались лесочки сосновые,—и только, потом вовсе их не видно. Зато степь становится уж не так ровною, вся она перерезана холмами. вдали виднеются хребты горы Ара - Булак, — славится своими топазами, тяжеловесными бериллами. Здесь найден громадный берилл, перед которым Гумбольдт, как говорят, стал на колени, как перед чудом природы,—длиною кристалл был около четверти, без малейшей трещины. Холмы, которые попадаются, очень мелки до (кар.) Цаган-Ола. Караул расположен в домике между крутыми хребтами, из голых камней, которые теперь совсем выветриваются и лишаются земли, она же, смытая, образует великолепный грунт в неширокой, но длинной долине, по которой идет дорога от караула. Почва, должно быть, очень плодородная, но хлеба на ней вовсе не сеют. От непривычки, от лени, кажется. Впрочем, говорят, прежде сеяли, перестали

только после того, как под ряд было несколько засушливых годов. Но в эти же засушливые годы, особенно в последние, они испытали, каково без хлеба,—его нигде не было, цены стояли высокие, да и торговля контрабандой прекратилась после 1854 г., и не было никаких источников дохода. Но и чушь же говорили, что хлеб не родится. Некоторые зажиточные хозяева не бросали запашки и круглый год жили своим хлебом. В прошлом году лето было мокрое, во многих местах подняли залоги, и теперь весной почти все стали засевать по 1, по 2, кто по 5, 6 десятин. Вообще нынешний год этим отличается; прежде в Чинданте, говорят, вовсе не сеяли, теперь,—о диво!—можно было проходить между 2 рядами пашен. Прежде было здесь много разных источников дохода, которые теперь все ослабели, напр., золото. Горные, которые прежде (до Муравьева) были действительно царями здесь (не понравится кто, хоть чиновники, военный,—вспорят, и нет на них ни суда, ни расправы), постоянно сбывали за границу золото. Ясно, что это отбивало всякую другую торговлю,—какая нужда монголам покупать скот, когда за дешевую цену можно купить золото,—а у других ничего не покупают, хоть с голода умирай. Стада и здесь огромны, только скот здесь гораздо крупнее верховских караулов (у монголов скот тоже гораздо крупнее, чем у здешних казаков. Причина та, что телята питаются всем молоком матери,—коров не доят). Но вообще всякий этот скот куда как мелок сравнительно с порядочною русскою коровою зажиточного крестьянина.

Кстати, о скотах. Вчера вечером мы гуляли по окрестностям,—вдруг страшный рев в куче коров. На рев отозвались другие, наконец, весь скот во дворах,—все коровы, (в том числе и одна лошадь), бывшие в поле, с ревом сбегаются. В особенности одна черная корова с особенным азартом ходила по одному месту. Оказалось, что они наткнулись на кровь убитой скотины. Видно, не вздор то, что говорится, что когда толпа волнуется, то первой крови достаточно, чтобы в высшей степени разъярить ее.

19 мая.

Вчера приехал Петров (переводчик), ждавший нарочного из Читы. Привез стереоскоп с похабными картинками. Надо

было видеть, в какое удивление и азарт приходила хозяйка, когда я, в отсутствие Буксгевдена стал показывать им эти картинки. Первое слово: живая, да какая, королевна, красавица (картина изображала женщину с обнаженными грудями, белую и очень полную). В азарт пришли: приводили мальчишку маленького (лет 12) смотреть картинки, просили показать девушке и т. п. Чувственность здесь страшно развита, оттого люди удивительно рано стареются, в 30—35 лет седой (они все черноволосые с бурятским типом) и на вид старик. Во всем похожи на „мунгалов“[241]).

Мунгалы постоянно шляются здесь. На той стороне реки стоит караул пограничный,—просто голь. Вот сегодня приходил сюда один. Вот он и весь тут, тут у него и зимняя, и летняя одежа, все тут. Ободранная шуба и ободранная же шапка—все его имущество. Ходит себе по казакам, у того попьет чая, хлебца поест, тем и живет. Правительство неаккуратно снабжает их всем. Они получают, кажется, при выдаче провизию: кирпичный чай и буды, рису, а потом по два лала ($^{1}/_{5}$ ф. сер.) в месяц, но и это до них не доходит,—остается у чиновников.

Но затем наибездельничайший народ эти мунгалы—в целое лето палец о палец не ударит, целый день сидит и буквально ничего не делает. Напр., начальство принуждало их косить сено на зиму. Они русских наняли. Те взяли да накосили им узкую, в три размаха, полосу, но длиннейшую. Те уж ахали, да как мы насобираем все это, довольно, довольно, много с нас и этого, не нужно, собирать надо. Вот братские, те на них не похожи,—те сидят да хоть плетут корзинки, в которых носят аргал (кал), здешнее топливо, колеса делают и т. п. Братские, те теперь нанимаются и пахать, потому что лучше их пахарей трудно найти: заупрямится вол, русский бац его по морде, а братские те уж очень к скотине жалостливы и, конечно, их слушает. Но иногда и они безжалостно обходятся со скотиной.

В Чинданте я видел, как „укрючат“ лошадей. Огромное стадо в 1.000—2.000 коней подводится поближе к той юрте, где будут клеймить скот, молодых жеребят и некоторых кобыл. Всего я не застал, но хозяин для нас велел укрючить двух кобыл. Садится „укрючник“ на бойкого, резвого коня с длинным шестом, тонким и легким, на конце его аркан[242]).

Затем пускается за выбранной лошадью. Та удирает во всю прыть, но конь под ездоком не отстает, нагоняет, накидывается аркан, тогда кобыла начинает скакать, беснoваться, бросается во все стороны, и если конь отстает, то просто выдергивает из седла укрючника, но он крепко сидит, да к тому же приснoравливается ко всякому движению кобылы и носится за нею до тех пор, пока она не устанет; он ее обгонит и станут en face[243]), тогда он очень ловко стаскивает укрюк с ее шеи, а другие буряты, пешие, накидываются на кобылу, кто-нибудь схватывает ее за хвост и бежит, пока ему не удастся так ловко дернуть ее, что она грохнется; тогда все на нее накидываются, двое садятся верхом, один держит за хвост, трое-четверо за гриву, и стригут гриву ножом,—это идет на веревки. Затем одну зануздали, бурят сел на нее,—и что уж она ни выкидывала,—сидел, непомерно колотил нагайкой. Так он целый день ездит на измученной кобыле, пока она не усмирится. День, когда укрючат, есть истинный праздник: собираются и женщины в юрте, хозяйки бурятки надевают свои мозираны, которые нещадно бьют ее по лицу... и женщины принимают во всем живейшее участие,— они такие же, как и мужчины, знатоки коней, и так же, как они, увлекаются достоинствами, пороками коней и т. п. Участие их ограничивается не только этим,—они прекрасно ездят верхом. В Дорунгуле мать сотенного командира, напр., всегда ездит на запашку за 30 верст взад и вперед верхом, и теперь раз ужасно обиделась, жаловалась Буксгевдену, что сын предложил ей доехать до запашки в телеге,—„старые мои кости (ей 80 лет) растрясти, что ли, хотел, надоела видно“. Чиндантская „матушка“ в свое время была замечательная наездница. Теперь ее дочь, лет 15, тоже наездница, с пола поднимает вещицу на всем скаку и т. п. Не мудрено после этого, что у солотов женщины охотились, а я в этом усомнился.

Никонов пишет из Читы, что 5/V пришел из Сретенска пароход. Новинка всех забавляет,—происходят катанья с музыкой по Ингоде. Пароход пришел за делом,—брать баржи. Но так как это, очевидно, невозможно, то он возьмет Корсакова и его будет катать. Пока на нем катаются читинские красотки в ожидании их высокопревосходительства.

к приезду которого будет устроен базар в парке, в тени дерев (сосен в 3 арш. вышины). Так это поэтично. Потом их в—во поедут прокатиться по Амуру, тоже на пароходе, может быть, пойдут по Сунгари... им д' станется честь первому пройти по новой реке .. Сердце захлебывается от восторга за их в–во.

Благовещенск. 15 июня 1864 г.

Пакости, которые со мною делаются. Вчера был у Черняева[244]), утром с Софроновым[245]). Прием чрезвычайно любезный, простой, судя по этому только, выходит, человек порядочный. Теперь только я успел хорошенько рассмотреть, что за громадный дом Буссе. Канцелярия тут же. Казаки говорят,—целая деревня бы вышла. Сад хорош, а на бульваре худо разрастается. Заметное увеличение Благовещенска, много домов, землянки скрылись, но и их куча за городом. Целый город солдатами выстроен. (Амур против города в среднюю воду—400 саж.). В магазинах пустота, ничего нельзя купить, в одном только магазине сахар, и тот не свой, на комиссию: по 40 коп. сер., в голове! В Благовещенске, когда в Николаевске сахар был 8 руб. пуд., стеарин здесь 24 р. пуд, соль и свечи 16 или 20 р., фотоген вытесняет,—хорош. Бумага дрянная, все ждут хорошей. Сигар у Людорфа несколько ящиков -20—25. Торговля с Манчжурией. Овес 5 к., за коровью шкуру 50 мешков. Русские купцы поднимают цены, теперь 22$^1/_2$ коп. в казну, было год тому назад 40 и 45 к. Греча—25, кажется. Пшеница в зерне 50—60 коп., молотая в казну 1 р. 10 к. (майза). В нынешнем году много пользовались у манчьжур. М(анчьжурские) деревни на русском берегу выселились, потому что архиерею место понравилось. Переселенцы, 40 семей что ли, сказали. Воронежцы, не знают, где место отведут,—бравый народ. Сидят, потолковали, встали, один сел, другие после, один унтер старый с ними. Садоводство разведут, не казаки, которые удивлялись вдоволь, когда Буксгевден стал сад разводить. Молокан хозяин сажал яблони, привил, растут хорошо. Груши не выдержали, просил своих малороссийских баклажан и пр. Затруднение в семенах, трудно им выписывать по почте, долго, и деньги наличные нужны. Выставка, Читинская выставка, так и не состоялась от лени, некому взяться.

Благовещенские гостиницы из рук вон плохи. „Амур“ без стульев, „Николаевск“ без обеда,—громадный домина, где жили доверенные Юдина. Плачевное состояние магазина Амурской К⁰,—ничего нет. Или пароходов еще нет.

Низменная. 16 июня, вторник.

Посевы хлеба хороши. Благовещенский собор красуется на берегу. Далее выселенная станица,—отняли под город. 3 раза переселяются. Маногиры бродят зиму и лето, рыба в нынешнем году что то худо (ловится) от половодья. Манчжуры всячески, говорят, распугивают. Снасти, невода, сети, мало корзинки. Пароходы пугают, рыба бросается в снасти. Перевоз манчжур раззоряет казаков. Теперь в Низменной вовсе мужчин нет (18-й день как ушли верст за 300 (150) рубить лес для постройки бригадного штаба... строят, строят, и вот уже 18-й день в отлучке. Как только придут, должны итти в сотню для лагерного сбора. Все уж недовольны этими сборами,—многие гречихи еще не посеяли, другим нужно залоги поднимать.

Ст. Пояркова[246]*), 17 июня, среда.*

Низменная напрасно получила такое название. Когда во всех станицах топило огороды, там ничего. Местность от Низменной вниз—та же степь, иногда попадаются деревья, черная береза и мелкие дубы, большею частью высокая трава, остатки прежних русл, отчего земля идет уступами. Высокая трава,—впрочем, влияние людей выказывается,—далеко не такая, как было прежде, судя по той траве, которую видел на островах в прошлом году. Цветут лилии,—голубые здесь замечательно темно-фиолетового цвета,—преимущественно желтые, мало красных, те горные мельче и худенькие, „сарана“ (?). В нескольких местах остатки городков, теперь саж. $1^1/_2$ вышины, а ров уже зарыт, только следы видны. На каждые 10 саж. курган на вале. Таких городков по Амуру много. Между Неожиданной и Благовещенском даже идет постоянный вал. В Константиновке видна мельница, ветряная; 3 казака построили. Действует хорошо. В других местах у зажиточных казаков конные мельницы. В Низменной долго ждал попа,—хотел вместе везти, чтобы не тратить лошадей.

Гоньбы (распределяется) между (дворами); подрядчиков не могут найти. Давали 600 руб., но на Неожиданной нужно взять 1200 руб., говорил хозяин; полагается 2 тройки или 6 человек; но на таком станке, чтоб не задерживать проезжих,—а нельзя же задерживать,—надо держать по 3 тройки, вмест 1, следовательно, 1200 руб., как раз в меру, и станок большой. Кресты по дороге на валах. Поверье об крестах. После Константиновки, особенно после Сычевки, дорога уже не так хороша, низовая, заводная, эта кочковатая, очень тряская. Переехали в Сычевке речку, потом под Поярковой; завитая, быстрая, до безобразия извилистая речка, быстрая; утонул мальчик 15 лет. В Сычевке жалуются на дороговизну в деревне. Тоже и здесь. Дикий кот в Айгуне стоит 1 р. 80 и 2 руб., здесь продается за 2 р. 40 и 2 р. 30 коп. Кирпич большой 1 р. 30 к., малый 80 к., а без них жить нельзя. Сбор (учебный), который в городе; турят казаков, чтоб жили в лагере и варили там. Аммуниция очень неудобна: ружье, шашка, пика, он с ними справиться не может, длинные стремена, седло, все неудобно. Мишень, стрельба плоха, тяжелые ружья. От кого назначен сбор. От Савича?—Здесь очень обрадовались вести о своих. Старуха приходила. Недостаток женщин. Девочка 14 лет имеет уже женихов. Огороды порядочные, большие. Вчера, вечером, разговаривал с 2 казаками. Амур имеет и почитателей, и недовольных. Один ужасно жалел о невозможности иметь 1000 голов, о том, что скот вовсе здесь держаться не может, нет солонцов, гуджира, скот не может быть так жирен, а ему нужно такого жира, чтобы выбирать кусочек синего мяса, а то сплошной жир. Кони на станках хороши, возят скоро—8—12 верст. Гермафродит в Константиновской.

Бараны, говорят, родятся все зобастые. 7 родилось у хозяина, только 3 живы, но привыкнут 3 пока, пойдет хорошо, Так думает и хозяин. Братан яростно спорит: что за скот. где гуджиру нет.

Трудность заводить лодки.

Избы строили солдаты. Хозяева недовольны постройкой. Еще бы—плохи, но строили по уроку иногда люди, никогда не бравшие топора. Здесь выстроено 18 домов. Столько же и по другим станицам. Остальное строили сами.

Как скоту нужна соль! Я выходил м...... Быки лежат на дворе, — сейчас двое поднялись и пошли ли-

зать мою мочу. Я был у сотенного командира. Он, поп, вот и все общество. Книг никаких, живут по-скотски, ничего, видно.

Пояркова. 18 июня.

Вспомнил: когда я приехал сюда и вошел в избу, в которой теперь живу, то хозяйка извинялась в том, что изба не топленая. Действительно, она была прохладная, так как в ней не жили, но только в ней и можно было сидеть и заниматься,—сколько-нибудь прохладнее.

Вчера и третьего дня очень жарко, небо безоблачно. Сегодня пасмурно; вдали гром гремит (11 часов).

Амур сильно прибывает, речки тоже, но не так сильно. Дожди были на Шилке и Аргуни. Как кажется, соболиный промысел в Бол. Хингане не был велик. Говорят, что тамошние орочоны ежегодно ходят в М. Хинган, по Бурее, Завитой, Зее в хребты за соболями, затем осенью на р. Маланге бывает ежегодный сбор орочон; приезжает чиновник и берет ясак по 1 лучшему соболю с орочона, черному, затем он платит им какое-то серебро, не за соболя ли? Только редко достается это серебро орочонам,—или остается у чиновников, или переходит к даурам [247]). Дауры держат их в своих руках,—за все с них дерут непомерно. Обыкновенно орочон забирает аракою в долг, с тем, чтобы принести, напр., 5 соболей. Не посчастливилось, — он откладывает, но уже 10 соболей, и т. д. crescendo, пока не оберет всего орочона, ружье, лопотишку. Впрочем, то же делали с ними и русские казаки, так же обирали. Здесь проходила артель, 5 орочонов и 1 даур, везли несколько пантов [248]), одни о 6 отростенях, 30 ф.; казаки давали коня, не отдал даур. Здесь убили изюбра; панты, 1 отростень, продал в Айгун за 2 бычков. Напрасно не купили в Хингане за 3 р. сер. Есть орочоны богатые. Тут, на Маланге, 5 братьев, 3 племянника, живут хорошо, до 50 голов скота, кони, ружья, все есть (ружье палка). Здесь, кроме соболей и изюбр, выносят сохатых (лось), выдр, рысь, тут убили на льду 2 сохатых, живых изрубили. Коз очень много. Зимою выходят, потом уходят, воспитывают индигашек (Р. где мж. перевоз м. Неож. и Блг.—Ханин куриган, баран-барашек). Они становятся ручными, ходят по станице, и собаки не трогают, но на будущий год показалась свежая трава,—бегут.

Рассказы про хохлов: необщительны даже между собою, ни за что не попросят у соседа долота. Говорят, что мы бы раньше пришли, обобрали бы вас.

Дворы, много нагорожено. Кучи навоза понапрасну пропадают.

Сегодня ждут архиерея из Благовещенска. Старик постоянно разъезжает. Теперь — в Николаевск, в Аян, назад верхом, через Якутск, и очень бодр и добр. Рассказ юнкера, ездившего на воды, который взял от архиерея 50 руб., потом Кукеля заставил заплатить в гостинице 29 руб., и не совестится рассказывать. Теперь архиерея ждут сюда. На берегу ходит сторож. Для чего? А как же, — приедет, всех баб и созовут под благословение. Да и сами бы пошли из любопытства, только не разом. Религиозности вообще мало, внешней обрядности тоже.

Хозяин рассказывал, как в нынешнем году один сынок ехал полковником, проехал из Забайкалья в Николаевск, оттуда ехал без бакенбардов. В передний путь остановлен у Черняева [249]), ругал, бил ямщиков, и когда занимался этим на одном станке, пришел гарнизонный солдат и говорит: „Что вы даетесь ему: он такой же варнак-сынок, как и мы". Донесли сотенному командиру. Он ночевал, ночью сжег все свои бумаги, подорожную и теперь ничего не говорит. Утром его арестовали.

Здесь у хозяина из 5 мальчиков 4 учатся в школе, пишут порядочно, всякий вздор, выписки из законов.

Пояркова. 19 июня.

Все то же. Нет ни Савича, ни архиерея, ни чорта. Сегодня все сидел и писал. Вечерком ходил в лес. Какая бездна разнообразнейших насекомых, тут много нашлось бы подтверждений для вопроса об изменяемости вида. Вчера дождь пошел сильнейший, гроза гремела во всех сторонах. Сегодня жарко утром, пасмурно, к вечеру безоблачно. Все просохло, в лесу даже и следов нет дождя.

Хозяева все жалуются на невозможность иметь погреба, — везде, в подпольях даже, вода и всю зиму стоит, картофель в холодной избе держат. Амур очень высок, но перестал прибывать.

Когда привезли сюда казаков, так тут был голый густо лес, ни изб, ничего. Солдаты принялись строить им избы,—они — пахать залоги, подымать пашню под озимый хлеб Сперва так и не знали, что такое за озимая рожь,—бывало, прошу Петра Ефимовича: покажи ты мне, какая это рожь озимая.

— А как она против ярицы?

— Родится лучше, да и в печеньи лучше, белее и черствее. Ну, было, что и поплакали тут вдоволь. Сильно приуныли, боялись даже в глубь ходить. А тут принялись огороды копать, хлеб сеять. Да что это, который уже год мы здесь, не можем поправиться против Забайкалья. И никогда не поправятся против Забайкалья. Вот один молодой казак говорит: „Что это такое, паши, робь (работай); в Забайкалье жили и в жизнь не знали пахать,—выехали себе с икрюком, да поезживай". Жалуется, что вчера их помочило в бараке. Худо, видно, покрыли. Порядочно покрыли бы берестой, не мочило бы. Да что это,—в Забайкалье выйдешь в лагеря, совсем как дома,—каждый молока, сушеного мяса навезет, да еще иргона гонит. А тут вон корову заколет, да и привезет продавать на хлеб, чтобы осенью отдать. Кто это? Такой-то, да какая скотина,—вот тебе голову дали, жиру ни 1-й осьминки нет.

— Ну, коли осенью отдать, всю разберут. Да, об лагере. Я сказал, что чего оно стоило-то их построить в Забайкалье.—Да мы и здесь готовы их построить.—Видно, время у тебя много свободного?—Да здесь умереть—время не будет. —А лагерь хочешь строить? Хозяин сильно костит, но, видно, бездельник.

Вчера говорил с одним сынком; приходил за водой. Говорит, что $3^1/_2$ дес. имеет пашни. Конопли, льну 10 ф. посеял. Нитки все свои. Привыкли казаки к дешевым дабам и бабы вовсе не ткут ничего, а очень могли бы. Лен отличный здесь родится, конопля тоже, но мало ее сеют, и кажется, худо унавоживают поле; вообще здешний навоз из дворов не хорош, без соломы и не перегорает. Сынок этот, кажется, из матросов, сапожник, семейный и, вероятно, будет жить хорошо.

— Вот,—говорит хозяин,—хорошо, здесь, по крайней мере этого воровства нет.—Да всякий сам понимает, что каково

оно на новом месте, а тут еще воровать. Разве сынки?

— Нет, у нас в Забайкалье и без сынков немало его было.

Ночь очень холодная.

Куйтун-байна. 20 июня, суббота.

Савича все нет. Хозяйка еще вчера весь день приговаривалась, как когда ушли у них в Низменную Норбликов и Красильников; они делали вечорки с водкой. Сегодня снова те же рассказы: как Красильников делал через каждые 2, 3 дня, потом, что у них и теперь, как праздник, так и вечорка, ребята делают, с чаем больше. А вот когда страда начнется, так тогда помо́ги бывают.—Ну, пригласят суседей, коли нужно,—так весь караул; нет,—так если людно нужно, так людно; не очень людно,—так не очень людно, и поедут все верхом, каждый с серпо́м. Поработают, все успеют—так все, нет—так сколько успеют. Потом вечером назад все к хозяину. Тут „бывает вечорка со спиртом, с водкой, с чаем, с сахаром, как кто может. Казаков, значит, спиртом угощают, для дам — водка, девицы собираются, пляшут“. Так вот „теперь каждое воскресенье, как не учатся в лагерях, бывает вечорка. Вот завтра не знаю уж как. Пустят ли, нет ли“. Едва ли, пожалуй, не пустят.—„Ну, да уж парни к девицам убегут, хоть и командер знать не будет“.

Через несколько минут я заговорил, что скучно вот ждать парохода. Хозяйка так и обрадовалась: а вот бы вечер устроили, девицы бы пришли, повеселили вас. Я отговорился работой. Не знаю я их обычаев, буду церемониться, да и скучно одному, да и работы куча.

Если бы здесь были порядочные книги, верно бы, много читали. Вот хозяин каждый день читает вслух какую-то книжку про Суворова. Дать бы хороших книг, как бы читали.

Вот я сегодня писал об орочонах. Казалось, чего им еще нужно для улучшения материальной обстановки? Все-таки одного мало. Черн. говорит: „Дайте им средства, читать

выучатся они сами". И средства есть, все же одного этого мало. Учатся, конечно, несравненно более русских крестьян, все же мало читают, а спанье предпочитают чтению. Но, само собою, где увидеть у русских крестьян, чтоб в 9 часов вечера сидели еще за книгою,—давно бы спали, после целого рабочего—и какого рабочего—дня, да и свечи-то нет. Здесь это легко достается, в Забайкалье сами всегда льют, когда бьют скотину, или макают. Сало великолепное. Яманье сало немногим уступает стеарину низшего сорта.

Славные здесь дети, не забитые дикари, как большею частью у нас, хотя бы в „благословенном" Никольском.

День холодный, много дождя до самого заката. На закате прояснило, все же свежо.

Хозяин бывал на Далае. В его время это было большое озеро, полное воды; в 1862 году—лужа грязи. Керулюн даже без воды. Рыбы было несметное количество: в обыкновенное время по колено воды в Мутной пр. Пошла рыба, — выше пояса сигает, салаки—несметное количество. Далай только и снабжал Аргунь.

21 июня.

Сегодня утром проплыл Савич. Еще на солнцевсходе прискакал нарочный сказать, что он ночевал в Куприяновке (2-й ст. отсюда). „Чита"—славный пароход, не мудрено, что он так хлестко ходит, скорей всех, чрезвычайно узенький и неглубоко сидит. Он догнал „Карсакова" только в Хабаровке,— все на курьерских ехал, заезжал, может быть, в 2 ст(аницы). В Хабаровке задержало его дело об убийстве маньчжур и гольдов гольтепаками, а то бы и тут пронесся на курьерских. Казакевич выезжал встречать пароходы! Савич осмотрел кавалерийское ученье, в котором ничего не смыслит, и уехал. Ждут полкового, который 2 дня поучит стрелять и распустит. Стоило собирать. Я был сегодня вечером на стрельбе казаков на 200 шаг. борозды (?),—худо. А из своих винтовок отлично. И притом их вовсе не учат, лишь бы заряды выпустить. Вчера вечером плыл катер Романова. Уморительная сцена: поп, который ждал архиерея, вышел на берег. Кричит, зовет Романов в претензии на Корсакова, вероятно,

за пароход „Гонец“. „Странное дело,—я телеграфирую, что еду, а они думают, что я шучу“. Я остаюсь ждать „Константина“, новый пароход, который скоро пройдет вверх, оттуда назад; поеду в Николаевск.

Сунгарская экспедиция [250]) состоится без Корсакова, слава богу. Пойдет нойоном Черняев. Вчера убило громом хохла с конем, на пашне раздробило березу, убило коня, но осколком березы. На Золотой уж который человек теперь, а все перевоза не могут сделать, лодок не могут держать; хоть бы одного человека нанимали от всей станицы при лодках. Чорт знает, что такое!

Говорят, вчера во время дождя одна женщина доила корову, и вдруг молнией ей опалило губу, а ударов молнии вблизи нас не было. Чудно что-то.

Архиерей проплыл, вышел на берег, согнали народ (нельзя же не итти—все говорят), принарядили детей,—благословил народ, дошел до церкви, которая тут строится, и поплыл дальше.

День утром очень жаркий, вечером свежо, ходят тучи на с.-з. Ветер з., несильный.

Пояркова. 22 июня.

В 1-м часу пришел пароход „Константин“, большущий, ведет одну трехмачтовую баржу, другую 2-х мачтовую, 3-й катер. На передней барже много народа, наполовину женщин, идет скоро, скорее „Амура“, пожалуй.

Пояркова. 24 июня.

В самом деле, должно быть, здесь не совсем хорошо казакам. Они сами говорят: чем не житье здесь, почему бы не жить, только порядки здешние одолевают. Хорошо, я живу теперь у богатого крестьянина, да он чуть ли и не самый богатый в станице, у него брат в прошлом году приводил 70 голов скота, теперь у них скота таки есть; а вот, напр., братья Перебоевы: у одного было 3 быка, продал одного, надо же обуть семью, потом один пал, и остались они оба брата каждый при одном быке да при одной лошади. Ну, много ли можно сделать на этих 2 скотинах? Прогнал подводу,

надо сено везти, привез сено, дрова. Весной пашня, вози дрова на пароход. А дрова положили возить на семью (намокшие?) на 3 бр. по $2^1/_2$ саж., потом еще по 1 саж.

До сих пор за 7 лет, что они здесь живут, им только 2 раза платили за дрова. У них много накопилось уже и квитанций по подводной гоньбе, за которую до настоящего времени деньги не отданы. Собрали это все, хотели представить Корсакову, а он, вместо того, мимо проплыл. Теперь просили полкового. „Спасибо, он взялся хлопотать. А то бригадный, беда, ужасно туго деньги выдает. Ну, если бы у нас и полковой такой же, как бригадный, беда бы, пропадать совсем", и это говорится с такою горечью. Видно, наружность Черняева обманчива.

Вчера на рассвете проходил пароход „Карсаков" с баржей „Полковой." Чеснок приехал на конях во время ночевки Карсакова, (посмотрел) стрельбу, ученье и велел вечером распустить казаков. Все разъезжаются скорее по домам. Вечером хотели вечорку сделать, да поздно хватились. Сегодня все уехали на пашню, остался из 5 мужчин 1 только. 1, кажется, поехал промышлять. „Вот если бы не эти ученья да работы, как не жить,—поехали бы промышлять, все бы пофартило, так панты бы убил, вот и оболок бы всю семью. А то за лесом проходили. Без малого рассчитывали мы, что по рублю обойдется казаку лесина. Да вот сотенное правление, мы считали, 200 р. стоит нам. А теперь недели 2 или 3 проходили за лесом, мука, шутка ли?"—Да что вы (прервали)?—„Вот теперь осенью примемся школу строить. Вот теперь дрова на пароходы ставим, спасибо, частные пароходы берут, так берем с них по 3 р. за сажень".

Я писал—раздался свисток, сверху. Пароход. Я побежал на берег. Оказался „Николай" — идет со скотом, 730 голов, купленных у маньчжур для Николаевска; идет тихо; оставил скот в 10-ти верстах, утром пойдет за ним. Потом постоит дня 3 кормить скот; ведет его на 4-х баржах. Пароход в 50, что ли, сил, Людорфа. Пассажиров нет, да и помещение для них не совсем удобное, в 2 яруса, в общей комнате. Чтобы попасть в кают-компанию, надо перелезать через ось парохода. Для дам 2 конурки, в которых повернуться нельзя, раздеваться надо в общем коридоре. „Константина" встретили в Благовещенске вчера, в 4-м часу вечера. Я просил

свечей купить; за 1 фунт взяли рубль; американские, warranted for tropik climats [251]), а текут в руках. Продали дров; по уговору меньше 3 р. не брать. Споры, зачем старшой не понужает довозить дрова, следующие в казну. Очень вежливо ругаются.

Житье матроса не весело: день на руле или в машине в адской температуре. Пришли теперь дрова,—грузи. А ночь, спать бы давно пора.

Должно быть, жжет мало дров. 9 саж. мало на целый день.

Ночь такая тихая, теплая, звездная. Так хорошо. А днем часа в 4 налетела разом гроза, крупный летний дождь полил, недалеко где-то разразилось 2 страшных удара.

Хабаровка. 27 июня, суббота.

25/VI я сел на „Читу", идет с курьером. Ныне курьерам (к Корсакову) предоставляются отдельные пароходы. Пароход идет очень скоро, станицы так и мелькают перед глазами, останавливается редко. Заходили в станицу Сагибову; попал на ужин—щи, каша, белейшая, немного темнее бумаги, а не на молоке. Потом еще грузились в одной днем, но это маленькая.

Вчера вечером в Михайло-Семеновской зашли к Бабсту. Там архиерей в полной форме и все так же. Старик очень понравился мне: прост, не ломается, как обыкновенно попы, прямо к водке, без благословения, и рейнвейну рюмку выпил. Странно, впрочем,—еще с прошлого года отказался от животного царства. Впрочем, он такой полнокровный, ему, оно, пожалуй, нипочем без мяса.

Архиерей просил взять его катер на буксир до уссурийской протоки. Взяли, к счастью, хотя и был противный ветер, но недолго. Поэтому, вместо того, чтобы притти в Хабаровку в час, пришли в шестом и остались ночевать. Рейд очень оживлен. Пришел еще „Амур", починившийся после полома; итого на рейде 4 парохода, катер Малиновского, несколько десятков барж; тут же „Поселенец", на котором Розенгейм идет вверх по Сунгари до Сянь-Сина торговать; имеется в виду торг скотом и съестными припасами. Тут же миссионер Du Baye [252]), который зимовал chez les Tartares [253]); идет из Сянь-Сина, проповедуя христианство. У него на лодке

3 крещеных китайца и один payen [254]), идут к лодке. Теперь просил „Успех“ взять его лодку до Михайло-Семеновской. Потом, дней через 5, поедет на „Поселенце“ с Розенгеймом. Говорит, что Сунгари река судоходная в Гирине de la largeur de la Seine à Paris [255]), а там ходят пароходы, сидящие 6 ф. Сянь-Син—маленький городишко, без амбаня. Амбань в Сан-Чу, который лежит в изгибе Шира-Мурени, при впадении ее в Сунгари. Лет 12 тому назад один французский офицер спускался по Сунгари и начертил à la main [256]) карту реки. Он обещал дать ее Малиновскому счертить. Одет он как китаец, с косою, с усами и черною бородой. Здесь 2 года, выучился говорить по-китайски, пробывши у кого-то на выучке 1 год. Через 8 месяцев уже говорил по-китайски. Мало-мало знает по-русски. Другой его собрат p. Boyer [257]) теперь в Николаевске. Его взял довезти Нелединский до Николаевска. Boyer в Николаевске остановился у одного поляка. Казакевич разругал капитана, велел полиции присматривать за ним,—боится польских козней. В Гирине, говорит du Boyer, множество скота, бык—7, 8 руб., а тут очень немного, да и народа мало. Сянь-Син среди ненаселенной местности, только посты на расстоянии 10—12 льё; которые из китайских эмигрантов, тем предоставлено пахать земли, сколько хотят, за то они обязаны передавать пакеты мандаринов. В Сянь-Сине соболь порядочный стоит от трех до 6 лигатур ожногов (?) [258]),—немного дороже 3—4 руб., вернее, между 3-мя и 4-мя. В Сянь-Син вскоре съезжаются все гольды et C-ie, которые продают своих соболей за буду. Тут на постах какой-нибудь божко явится и берет у него лучшего соболя, платя 2 лигатур ожногов. Китайцы очень нерелигиозны. Главный бог—бог богатства, Шень-Фу. Les Tartares [259]) религиозны, с ними лучше дело иметь. Начнет он проповедовать китайцам,—во всем согласны, а своей религии не переменят. Les Tartares,—те лучше, простые люди, и когда уж примут христианство, то ни весть как верят во всем слову своего духовного отца,—все готовы исполнить.

Проводники, пересылка писем, payens нельзя доверять, русских хвалит за гостеприимство. Орочоны.

Хабаровка, грязь. Мухин, поляки, стрижка парика. Ответ Казакевича и Корсакова ему: „Подавайте в отставку“. Из Хабаровки зашли грузиться на 4-й ст.

Софийск, 29 июня.

Вчера, след., зашли на 4-й станок. Я вышел на берег; много телеграфных солдат на работах. Так как праздник, так гуляют в деревне. Бедность, те же пашни посреди расчищенных пней на верхушках утесов. Хлеб высок, уже отцвел, но еще что будет, трудно сказать. Да и много ли его? Семена получили поздно, казенные, раньше того ездили в Долю за ними. Или сами не ели, приберегали семена. Отчего они пришли, поздно? Были и пароходы, и лодки, могли раньше выслать из Благовещенска. А пароходы так же безумно гоняют из-за пустяков.

Вдруг слышу голос позади себя.—„Ах, это тот, любознательный“. Оказывается, хозяйка, у которой мы в прошлом году жили на Вятском станке. С нею девушка лет 15. Оказывается, сноха. „Вот сына женили“.—Это осени-сь?—„Нет, зиму-сь женили, а то осени-сь так другой был. Ноне трое уже женатых“. Девушка, право, странно женщиной назвать, недурна, но вся в веснушках, рыжеватая. Полное равнодушие ко всему, что вокруг нее говорится.

Пошли дальше. Еще раз дров нехватило; зашли на 11-й ст. Маэ. То же самое. Крутой берег под утесом, в который сердито бьется Амур, те же телеграфные солдаты, те же крестьяне, тот же недостаток хлеба, пашни уж и бог знает где лепятся, иногда просто в огороде.

Затем плывем скоро, деревни так и мелькают перед глазами, и рассмотреть-то их трудно. Так, как мы плыли, только немножко скорее (уж два раза среди бела дня не берет дров), плывет Корсаков; напрасно везде ждут его и крестьяне, и казаки.

Вечером пришли в село Орловское № 14. Около него есть протока, в коей стоят дрова и в которую заходят пароходы. Тут спокойно можно проночевать, не боясь волнения. Перед деревней уже качается один пароход—„Гонец“, который в нынешнем году ходил киселя есть в Читу. Вскоре подошел другой телеграфный пароход „Сторож“. На нем Де-Витте, которому поручено осматривать телеграфные работы. Корсаков хочет во что бы то ни стало кончить в нынешнем году телеграф до Хабаровки. Рабочие идут, ставя столбы, партиями в 200 человек. Пароходы, которые свободно могут

проходить через всякие протоки, перевозят их с места на место, возят материалы и т. п. Вообще эти пароходы—чрезвычайно миленькие вещи. Они длинны, соразмерно узки, (соразмернее „Читы“—130 футов длины и 12 футов ширины—ну да этих пароходов и назначили в курьеры), каюты в них чрезвычайно малы. Устройство в роде катера—лодка, на ней сруб. Входишь в каюту, направо place d'aisance [260]), крошечное, налево—буфет, каюта—для двоих, в случае нужды—для шестерых. Прямо зеркало, над—камином?—нет, шкапом в роде камина, вправо, в углу для умыванья; 2 дивана, которые в случае нужды обращаются в 2-х ярусное помещение. Чрезвычайно мило, чисто, опрятно. Окна часты, вдвое чаще обыкновенного, следовательно, светло. Очень мило. Сидят они не более 1 фута; 14 сил. Таких пароходов у телеграфного ведомства три: „Сторож“, „Гонец“, „Часовой“, 4-й—„Телеграф“—побольше.

Де-Витте не сообщил ничего особенно хорошего; мне—неприятное известие: Корсаков из Хабаровки пошлет курьера. Неужели меня? А оно вероятно, с ним только Смиттен. Тогда не удастся попасть на Сунгари; как жалко будет. А Бороздин [261]) поехал в Японию, чорт уж знает зачем, так что больше никого не предвидится.

Сегодня идем очень скоро; в 6 часов по Николаевскому времени были уже в Софийске (с утра 310 верст), и если бы не почта, то очень бы скоро отчалили. Но из-за почты простояли $2^1/_4$ часа. Наконец, после того, как свистели раз 20 или 30, явился пьяный почтальон с почтой. Теперь почты вообще очень большие. В Николаевск везут чуть ли не 150 пудов.

Софийск—город. Казарма, 16 окон. Церковь грандиозная, саженях на 12, если не больше, но недостроенная и предоставленная гниению в виде почерневшего сруба. Рядом—другая, миниатюрная, но миленькая церковь—достроенная; большие затеи оказались не к лицу для города, в котором, кроме весьма немногих служащих, никого нет.

На горе (город на 2-х отрогах, между ними болото, за ними густейший лес,—лиственница и мелкий березняк,—этим все сказано) красуется 2-х этажный домина с красивой каланчей, с мачтой, шестами и веревками, видно, для сигналов—кому? Пристань лучше, чем в Благовещенске. Там вовсе ее

нет, и дров нет на берегу для казенных пароходов, потому что неловко же в таком городе, на берегу, на первом плане,— дрова. Впрочем, это не мешает дровам Амурской компании лежать тут же на первом плане.

Сегодня выше Софийска мы проезжали громадный хребет (тот самый, через который Корсаков хотел посылать Буссе выгонять англичан [262]). Крутые, высокие хребты, относительная высота которых больше всех на Амуре. Но горы в значительной части голы: трава, а не то лиственница и мелкий березняк. На берегу видны чистенькие постройки— деревни — жертвы амурских нелепостей. Густой лиственничный лес. Посреди его дома. А пашни? Тут же и пашни, в лесу между пней. И таких станиц много. Что я видел в прошлом году, то были цветочки,—вот они, ягодки, но какие горькие. И таких станиц не мало, до Софийска 30 станков от Хабаровки. Впрочем, к счастью, не все деревни, есть и просто станки. Слава богу, не те ли это, которым позволили итти на Уссури? Горы, которые мы проходили, очень высоки; и хорош же должен быть в них климат. Теперь еще лежат в падях снега, местами площадями в несколько сот кв. сажен, большею же частью узкими полосками по дну падей.

Де-Витте говорит, что там, где он заезжал, к концу года страшная тайга.

Мариинск прежде предназначался быть городом. То же самое в роде Софийска, — впрочем, одна дама с мужем, за то и единственная. Я не выходил на берег [263]).

30 июня.

Николаевск встречает нас обычными мерзостями. Вчера солнце закатилось в густой, не то облако, не то туман. Сегодня (как) 31 (?) сентября в Петербурге,—мелкий дождь, ветер, мерзость.

Я забыл записать в Хабаровке. Ниже ее случилось убийство четырех или более манчьжур и гольдов, в том числе 1 штаб-офицера; зарезали сынки. К Корсакову пришли нойоны в огромном количестве; смотрели на это, как на какое-то начало резни, которую мы будто бы хотим начать и т. п. Требовали — голову долой Дьяченке, то-есть нойону, равному по чину убитому. Насилу убедили их, что нельзя этого по нашим законам. К сожалению, не знаю подроб-

ностей переговоров. Кончилось тем, что следствие было уже сделано кое-как. Корсаков нарядил военный суд, созвал аудиторов, и через 12 часов приговорили 4-х к расстрелянию. Чорт знает что такое! Верю, что для поддержания дружбы с китайцами надо было их расстрелять. Но нельзя так скоро этого делать. Разве сами признались?

Сейчас проехали одну деревню Михайловскую. Большая и, кажется, одна из лучших. Вот сюда-то в прошлом году заезжал Лутковский на протяжении от Хабаровки до Николаевска.

Николаевск. 2 июля.

Портовый город встретил нас сильным ветром и славною качкой. Капитан (он очень хладнокровен) подумывает даже, удобно ли будет повернуть пароход, подставляя ветру борт. Ничего, оказалось. Но волны гораздо длиннее и существеннее тех, которые были на Амуре, когда, например, я ехал к (Михайло-Семеновской?) Во время бури ничего нельзя было рассмотреть.

Николаевск раскинулся на высоком берегу, напротив горы.

Около Хабаровки. 8 июля.

Я ничего не писал в Николаевске, да и некогда было писать. Впрочем, я думаю, оно и лучше. Я замечаю, что писать мог в дневнике обратно писанию писем Леонтьеву. Теперь плыву на „Чите" вверх. Вышли мы сперва с „Зеей" (Корсаков), но он после первого дня предложил итти вперед, и мы через несколько часов оставили их так далеко, что уже не видели. К тому же капитан, для поддержки чести своей и парохода, идет как нельзя скорее. Да и пароход — славный ходок,—14 верст в час вверх.

Сегодня болтали: Кондратьев рассказывал, как Попов [264]) все боялся войны, Макаров [265]) тоже. В прошлом году он величайшие глупости творил: „Америка" меняла котлы в Нагасаки. Он торопил, бросил чорт знает сколько денег понапрасну, постановка котла обошлась 3 тыс. долларов, переделка страшно много. Он послал „Америку" под начальством Збышевского на парусах осматривать ее подводную часть в Шанхае. Збышевский растратил данные ему 20—24

тысячи, с остальными бежал. „Америка“ вернулась без капитана. Снова поступила к Болтину, неспособному человеку. Попов чорт знает как его ругал, — теперь представил, не знаю к чему. Казакевич тоже.

Попову все чудился неприятель,—чуть было по своим не стрелял. Наша эскадра в Тихом океане. Назначение—ловить купцов и удирать от военных судов.

Между прочим, „Америка“ чинилась в Нагасаки. В Николаевске нет средств для капитальных починок.

Скоро выйдет из Николаевска новый пароход.

Наши пароходы на Амуре:

„Чита“	35 — 40 сил.	Почтовые.
„Ингода“		
„Зея“	40 »	
„Онон“		
„Амур“	100 сил.	Буксирные.
„Уссури“	40 »	
„Сунгари“ [266]	40 »	
„Лена“		Паровая баржа.
„Успех“		Инженерн. буксиры.
„Польза“		
„Буксир“		
„Телеграф“		Возит буксы.
„Сторож“	14 сил.	
„Часовой“	14 »	
„Гонец“	14 »	
„Константин“ б.	100 сил.	3 фут. Буксир.
„Корсаков“	100 »	Мелкосидящий.
„Надежда“		2 фут. Буксирует.
„Механик“		Разломан.
„Шилка“		
2 паровых баркаса.		

Частные:

„Гр. Амурский“	100 сил.	Амурской К°.
„Нечаянный“		
„Николай“		Людорф.
„Поселенец“		
„Казакевич“		

Мы изредка заходили к крестьянам. То же, ничего хорошего. Письмо из России. Шло 14/XII—4/III.

Уссури. 21-й станок. 15 июля.

Проехал 6 верст от 22 станка верхом по пашням Эльдорадо,—худо. Лучшая станица. Пашни довольно, но мелки. Ярица, хлеб редок,—семена поздно пришли,—местами дубовый лес, дубовый и ореховый—щетка, это на релках пониже жеребья,—логотинки, поросшие травой, бледной-бледной, следовательно, непременно жидка растительность, и почва не очень-то плодородна.

Но есть в 2—3 местах распаханная и щетка слабая. Чернозем очень мал, пашни не глубоки—2 в. и уже глина или супесь. Чернозем не совсем черен. Травы—гежухи, пырей. Пашни 21 станка лучше: посевы ранние гораздо лучше, и хлеб гуще, и колос больше. Но странно: хлеб, посеянный в апреле, еще только что отцвел,—странная медленность; говорят, был целый весенний месяц холодный, но на Амуре тоже, верно, был, а в Поярковой 26/VI рожь уж наливалась. А здесь необыкновенно жаркий и влажный климат,—скорое гниение весной. Гречиху сеяли очень поздно: вчера, напр., и это здесь поспеет: ранних морозов нет. Виноград мал. Говорят, где-то в 7 верстах есть покрупней, а то с мизинец. Уссури очень извилиста.

Гольды,—один переходит в христианство, конечно, чтобы избавиться от китайских нойонов—ужасно обирают. Гольдов немного. Этот на нашем берегу сеет ячмень, пшеницу, просо, кукурузу. Очень хорошо родится. Посев 2 пуда, не более, соберет около 2 овинов, не менее 60 пудов. Сам 30 (ячмень). Пшеница при влаге обещает отличный урожай. И такие урожаи везде, даже на черноземе. Пахали сохой, большей частью руками. Иногда, редко, соха на собаках,—потеха! Двор, направо амбар. Все инструменты развешены, нарты, во дворе собаки, пашни тут же; позади, на берегу, кумирня маленькая. Остроги, невод,—наши никак неводом не заведутся,—мало конопли сеют. Сегодня в станице весь народ в сборе—праздник Кирика и Улиты. Грамотность,—и тут школа, в 23 станке тоже; 12 мальчиков, 8 девочек; книг недостача.

Скот очень худ, не может отъедаться—мошки, (лес?), оттого; тоже и от мошек не разрабатывают лучшей в этих местах земли, где заросло дубовой щеткой (гольдов поощряют). Щедрые подарки Казакевича скотом.

Недостаток в одежде. Нравственность — простота нравов; старуха берет себе сынка, девушка.... без церемонии (или с глазу на глаз переговорит, а потом подружкам и одна хвастает)........... в чужой избе, девушка попросила запросто хозяев выйти, рубль дала им. Капитан смешил этими рассказами и своим китобойным способом. Дело велось на кабаньей шкуре,—«со щетинами», похвалился перед тем капитан, выхваляя кабанью шкуру.

Огороды великолепны. Их значение здесь. Сынок—огородник.

Черепахи,—я никогда не видал таких,—более $^1/_2$ аршина длины один щит. Много их, в морды весной десятками попадают. Яйца кладут штук по 40. Огромнейшие пауки с паутинами крепкими, ну, право, почти волос.

Какие ночи! Часа в два хоть в рубашке сиди. Но что за духота днем: + 28° в тени, почти даже в пасмурный день, как сегодня утром. Звезды так ярки и так хорошо отражаются в Уссури. Тот берег зарос нависшими низами. Больно мне, нехорошо. Но жизнь кругом, увлекаешься, беспрестанная перемена места, скорбь, жалобы их; тут пьем чай с сдобными булками, они подходят, смотрят, особенно ребята. Что они думают в эти минуты? Читал «Христиане в Турции». Возмутительно! Что делать? Не то я делаю, что бы нужно. С кем переговорить? Саша [266-а]),—и его нет, да и знает он мало.

Вздор. Работать, итти на Сунгари теперь, прокладывать путь,—неужели для новых переселенцев, для новых мучений? Нет, это немыслимая чушь. Жара так невыносима, что писать не могу. Прощай. Кто?

Уссури. 16-го июля.

Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят хоть христиане в

Турции,—боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им— и что же я делаю, чем приношу? И умру я, видно, ничего не сделав, и все мы помрем, проживши также бесполезно. Дети? В силах ли мы детям внушить ненависть, омерзение к этой силе, которая давит их. Мы, да, мы сами их давим! Чорт знает, что это!

Сегодня, например. Муж, жена, девочка лет 11. Изба аршина 2 от земли, полтора даже. Сидят под крышей на открытом чердаке. Муж заболел со святой. Кашляет, бледен, худ. Несчастный! Утешается тем, что надорвался, оттого болен. Чахотка! Смерть,—и куда денется мать с девочкой? А на груди носит теплый нагрудник,—видно, грудь болит; кой чорт надорвался.

Еще сегодня вдова с маленькими детьми. Изба—потолок проваливается; глаза такие впалые, синие. Как она пробьется? вот 4-й год здесь;—муж умер вскоре по приезде. Куда денется?

Проклятый монгол, переводчик, целый день любуется похабными картинками в стереоскопе и теперь лезет к самой свечке, так и впился в ключик с микроскопическим изображением. А чей это ключик, чей стереоскоп? Мой.

Для китайцев, маньчжуров, вернее,—им туда и дорога, их ничем не переменишь, все равно, рано или поздно вымирать. А зачем вымирать, мучиться из-за несчастной жизни этим беднякам? Из-за чего, наконец? Из-за заселения Амура. Какого им чорта нужно было в Амуре?

Хабаровка. 18 июля.

Пришли в Казакевичевскую, ждали курьера,—нет его. Это взбесило Корсакова. Вести доходят очень плачевные. „Поселенец“ не мог пройти бара на Сунгари. В Зее такое мелководье, что пароходы не могут выйти из Благовещенска; на Шилке тоже. Странно, а гольды ждут ноне большой воды. Теперь мы идем в Михайло-Семеновскую, сегодня же, там, может быть, подъедет курьер. Мы все не ложились спать до Казакевичевской, ждали газет, писем; разочаровались. Куда как неприятно. Шли мы по Уссури очень уж скоро, так

и не заезжали никуда. В Казакевичевской взяли 2-х тигров, один чучело, и все его кости очень хорошо препарированы, другой—шкура. Корсаков заплатил за того 40 руб. с костями со всеми. В Буссевой (23 ст.) с нас просили за шкуру хорошего тигра 25 руб. сер. монетой. Кстати, говорят, если в Благовещенске покупают на рубль, то серебро мелкое берут рубль, крупное—по 1 р. 40 к. за рубль, а бумажки—80 коп. за рубль. Не знаю, насколько это верно, я продал серебро за 1 р. 40 к. на бумажки, а говорили, что можно было продать за 1 р. 45 к.

Хабаровка представлена в города, здесь будет Уссурийский округ; топограф снял план Хабаровки, будет распланировка и разбивка улиц, назначение мест для казенных зданий.

Соболя здесь есть, но очень дороги. У купцов 5, 6, 8 р. за среднего соболя, а Малиновский купил у выезжавших к нему гольдов по 4 руб. превосходных соболей.

В Хабаровке на берегу расположены лодки и около них палаточки Китайцы или манчьжуры продают ханшину, сидят, курят, самое для них житье.

В Уссурийском батальоне 5.000 жителей, мужчин немного более $^1/_2$. Способных выйти на службу около 1.400 (преувеличено). Телеграф проводится, теперь готово 280 верст, вероятно, впрочем, без проволоки, надеть которую будет нетрудно, особенно имея возможность в любом месте подвести ее на пароходе.

На пароходе вечное писанье, количество исходящих из одной путевой канцелярии несметное,—до 600 №№ менее чем в 2 месяца. Это только по путевой канцелярии, а в главном управлении теперь сколько выпустили?

Петровская станица. 19 июля.

Одна из переселяющихся станиц Амурского пехотного батальона. Берег постоянно подмывает и скоро станицу совсем смоет, для чего она и переселяется вглубь. Пашни на лугах все топит, на релках [267]) лес, расчишать надо, а он хоть и редкий дубняк, но не легко. Одна баба, бой-баба, зазвала нас к себе. Ее учили броситься в ноги генерал-губернатору, просить помощи; она предпочла зазвать к себе,

угостить и поболтать. Толстая туша, прикидывается слабой,— нужно поднять скамеечку в 2 фунта, кряхтит, чуть не охает; говорит, что ее обидели, заплатив 50 коп. за 65 огурцов. Болтали долго. Что за язык! Куча диких слов.

Залезаю в чайник, когда пить чаишку хочется.

Непоморговали — не побрезгали [268]).

Но, боже мой, какая скука
Скакать курьером день и ночь;
Повозки дребезжащей звука
Ничем избавиться не мочь.
Ни с кем сказать не мочь ни слова,
Спешить на станок... — Отдыхать?
Нет, для того, чтоб только снова
Скакать, скакать и все скакать.
Лишь в сутки раз остановиться
Обедать, ужинать и с......,—
Все разом, после завалиться
На сутки целые мечтать.
Мечтать.... Об чем же? Про былое
Вспомянешь ли под час,—
Вдруг — „Тпру“. — Что там такое?
Оглобля та оторвалась.
Вот, перепугавшись, как сети,
Идут обозы под горой.
— „К одной, к одной, вы, сучьи дети,
Кульер, мать вашу так, к одной!“
Но бесконечные обозы
Не слышат криков ямщиков,
Вот перепутались два воза,
Не разойдутся без тычков.
И вот пять дней одно и то же,—
Все тот же резкий визг саней.
А впереди, о, боже, боже,
Таких еще 13 дней.

Екатеринбург, 28 января [269]).

№ 7.

От Михайло-Семеновской до Прорвы на Байкале.

С 27 августа 1864 г. по 9 октября 1864 г.

Ст. Михайло-Семеновская. 27 августа 1864 г.

Часто приходилось мне жалеть, что я не записывал рассказов про те курьезные личности, которыми прежде, да и теперь, хотя менее, изобилует Восточная Сибирь.

Вот, например, вчера говорилось: был здесь поп, как поп; жил хорошо, пел обедни и молебны, разводил кур, пил, не то, чтобы уж слишком много, но закатывал же. Вот раз он отправился в Хабаровку в гости к другому попу; начался кутеж по сему благоприятному случаю и великое винопитие. Кончилось тем, что Михайло-Семеновский поп стал до чортиков напиваться; вот он нализался, да и вообразил, что дьячок зарезать его хочет,—насилу уложили его. Вдруг ночью вскочил, дело было зимою, бежит по Хабаровке в рясе без шапки. Попался солдат.—„Куда вы, батюшка?"—„К батальонному командиру".—„Да 12-й час уже, он спит. Да что вы?"—„Дьячок убить хочет". Потащили попа в казарму, очистили койку, насилу уложили. На другое утро или через несколько дней дьячок уговорил его ехать домой. Поехали, только заблудились: дьячок с ямщиком пошли дорогу отъискивать, поп и вообразил, что они пошли сговариваться убить его,—в кусты. Пришли они, ищут попа, насилу отыскали, а поп лезет на дерево.—„Нет, нет, не обманешь, он мне .... отрезать хочет", и лезет на дерево. Еле уговорили; привезли на станок, у каптенармуса уложили под образами, на особой половине; поп расставив все, чаши, евангелие и разложив подрясник и т. п., заснул. Понадобилось же бабе свечу достать из-под образов. Услыхал это поп, как вско-

чит: „Черного ворона, говорит, пустили в чашу,—ехать сейчас“.—„Да помилуйте, батюшка, что вы! ночь“.—„Нет, ехать“. И поехали. Наконец, привезли в Михайло-Семеновскую; перестал он пить,—поп, как следует быть попу, рюмки вина не пьет.

Рождество. Идут по деревне с образами; заходят к каптенармусу, в этот раз ротному; только вошел поп, повернулся назад,—„он мне черного ворона пускал“.—Насилу потом дьячок уговорил зайти к Александрову, так как это был ротный каптенармус, а тот, у которого ночевали,—батальонный, или наоборот.

А то тут же был почтмейстер. Были у него какие-то неприятности с Бабстом из-за того, что тот не хотел отправить почты, так как не было почты на пришедшем пароходе. По просьбе Бабста, почтмейстеру сделали выговор из Благовещенска. Пошло все отлично. Приехал Буссе. Бабст уступил ему свою квартиру,—жил в почтовом доме. Его именем зовет всех на пирог. Зашел прежде прочих, без церкви, Буссе. Ходит по комнате тут же Болховской. Болховской жалуется: дом холоден. Буссе обещает 3 железные печки. Ладно. После завтрака пьют порядком, болтают. Буссе рассказывает про сумасшествие кого-то в Камчатке. Вдруг Болховской поднимается.

— „Извините, ваше превосходительство, я, ей-богу, не виноват. Я очень хорошо понимаю, к чему вы это говорите“. Насилу уговорили. Вечером входит в комнату Бабста. —„Я очень хорошо понимаю, к чему это говорил его прев.: 3 печки — 300 розог — хочет дать. Слуга покорный“. На другой день подает прошение об отставке. — „Вы-де, в. прев., не простили меня; А. К. (Бабст) простил меня, а вы нет — 300 розог и т. д.“ Насилу любезностями Буссе уговорил его не выходить в отставку, а перейти в Благовещенск. Пожелал сортировщиком. Уговаривал остаться. Нет. Наконец, уезжает, зашел проститься к Бабсту. Тот говорит, что глупость вы сделали, Болховской, переходя в Благовещенск, здесь содержание хорошее, дела нет. — „Нет, А. К., лучше мне уж в Благовещенск отправиться, там будут удерживать от пьянства“. — „Ну, ваше дело. Прощайте“. Простились. —„А 300 розог, 3 печки,—это уже слуга покорный“. С тем и вышел. Теперь он спился и умер.

28 августа.

Не лучше этого попа был поп в Екатерино-Никольской. Тот ехал раз; он пьян, дьячок из гольтепаков тож, ямщик тож. А все им мало. Поп пожалел, что не захватил из станицы. Ямщик вызвался,—есть-де, да в туезе, как пить станешь?—А из колокольчика.—Ладно. Отвязали колокольчик и натянулись. Ямщик стал подвязывать колокольчик на место. Тычет, тычет, никак не попадет, а попал лошади в морду, конь обиделся, понесли; спасибо на торос наскочили,—тут остановились, опрокинули сани; ямщик выскочил и со страху полез на утес, так и не дозвались; дьячок попал ногой в веревочные постромки, потерял сапог и ногу заморозил; поп растерял крест, евангелие, чашу с дарами. Насилу разыскал. Зовет ямщика, а тот все дальше на утес лезет. Поп отрезвился, укрыл дьячка, да пешью и вернулся на станок.

А то тот же Михайло-Семеновский поп наелся раз до причастия до-сыта. А причастия настряпал ворох. Приобщался Плотников.—После, говорит, в алтарь приходи.—Пришел. Дает ему поп ложку, другую, третью, так всю чашу и заставил съесть.

Да, немало здесь курьезных, спившихся личностей. Например, Лукин с Сибиряковым на Байкале. А из неспившихся—Ротчев, который Баснину из милости уделил фунт табаку из посланного Баснину полпуда, воровал с уликой с собственным сознанием; и теперь, после того, как общество офицеров по суду предложило ему выйти в отставку, уволен в отпуск на 4 месяца с сохранением содержания! Здесь не редкость и поп, разъезжающий с любовницей, с племянницей, и с образами, при чем племянница берет непомерные поборы; и поп, который лишал женщину причастия за то, что она детей не носит, ... с мужем По этому поводу у Черняева возникла официальная переписка.

29 августа.

Парохода все нет. Прошел вчера „Муравьев-Амурский“, да вниз, и тот даже не остановился.

Невесела жизнь в Михайло-Семеновской для живущих в ней. Быть может, и могла бы она быть лучше для них же,

но немного. Теперь они с утра дуются впятером в ералаш, добиваясь до того, чтобы в день сыграть 25 робберов.

После обеда спят и рады сну. Читать? Получают, по мере возможности, „Отечественные Записки“, „Русский Вестник“, „Иллюстрир. Газету“ и „Сын Отечества“, выбирают подешевле. Специального и вообще даже порядочного образования никто из них не получил.

Чем заниматься, да еще при недостаточности средств? Впрочем, средств хватает на то, чтобы кормить и угощать целую ватагу, как нас теперь, а предрассудок не позволяет брать с нас что-нибудь. А на книги мало остается, главное, поди, разом нехватает такой суммы, чтобы больше книг выписать. Все полученное проглатывается в первые же дни; впрочем, серьезные статьи,—Пролетариат („Отеч. Зап.“, IV) и т. п. не разрезаны. Что же делать? Мудрено, что такие люди еще не изопьются, не из... И это громадная заслуга. Но можно представить себе зимнюю скуку этих людей, когда носу показать некуда и делать нечего. Чорт знает, что такое. Мудрено ли, что попы и пр. спизаются? Кстати, попы сильно теснят лам. Явится малейшая пристройка в дацане, попы вмешиваются, хотя это дело земской полиции, увещевают. Но как? Приедет в улус. Каждый день требует к себе какого-нибудь заседателя из бурят и увещевает. Тот, вестимо, отмалчивается и слова пикнуть не смеет: обжалуешь, еще взыщет, пожалуй, начальство; а уже попы за себя постоят. А то, например, сожгли эту часовню на Байкале,—чуть бурят не взбунтовали. Семейские,—те с ними короче расправляются, а они и к ним подбирались; ведь посадят же такого фанатика, как Вениамин, в миссию. А был здесь Евсевий (впоследствии ректор петербургской семинарии, издатель „Духовной Беседы“). Того буряты уважали,—они, даже ламы, подходили к нему под благословение. У них, например, существует уважение к Николаю чудотворцу и Иннокентию. Мы читали сегодня письмо Батурова, некрещеного бурята, к своей возлюбленной,—сестре жены, „матери дитяти“, как он пишет. Как нежно он пишет ей о подробностях: сшей себе беличий салоп; дитяти, зимой, думаю, лисий сделаем; покупай сало для топки, учись работать с пользой, учись по книгам, читать и писать; зимою приеду, займусь; я видел во сне, что ты ворожила,—какие чудные упреки по этому

поводу! А я меньше стал водки пить, поправился, помолодел...—И такие тут мелкие, нежные подробности

Потом:—молись каждый день, каждую ночь, молись Николаю чудотворцу и Иннокентию угоднику.—Это некрещеный бурят! Между прочим, Шишмарев [270]) говорит, что один монгольский князь, его друг, просил его достать нашего бога, который, говорят, на море спасает, от болезней лечит; потом прислал несколько слитков серебра в жертву этому богу. Если попы не будут вмешиваться, постепенно будет распространяться оседлость, за ней христианство. Кстати, хотели забайкальского архиерея сделать вместе и Хомбой-Ламой. Каково? „Ну, не мило ли это?"—сказал бы Тер. Семеныч.

Пароход „Константин". 2 сентября.

Амур! Верен себе: 2, 3 недели не бывает парохода, но зато пришел один, повалят другие. Так и теперь: 30-го проходил сверху „Амур" с почтою, как и подобает 100-сильному пароходу. На другой день снизу „Гонец" с Романовым, тоже как подобает телеграфному пароходу развозить телеграфное начальство, а сплавному пароходу „Константину" развозить телеграфную проволоку. 1-го утром пришел, наконец, давно ожидаемый „Константин", ведя 3 баржи и один большой катер; первая баржа нелепейшей (Николаевской) конструкции, деревянная, до-нельзя тупорылая и плоскодонная, на ней грузу тысяч десять хлеба, посланного из Благовещенска и не принятого в Николаевске. Каково! Разжирел! Не принимает гнилой муки! Мука мерзлая, хлеб сырой (от манчьжур или крестьян?), не мололся, тогда его смачивают водой, выставляют на мороз, он твердеет, как кость, и его мелют. Овес пророс, ядрица idem; все это и вернули, благо есть в Николаевске хлеб кругосветный; затем — вторая 3-хмачтовая баржа, деревянная, но лучшей конструкции, с 300 людьми для сплава будущего года, наконец, баржа „Карсаков", 1-мачтовая, берет 6.000 груза, и, наконец, большой катер амурского губернатора. Все население до 400 человек. Куча пассажиров. Пароход остался ночевать в Михайло-Семеновской, так как амурский батальон, не имея хлеба (дожди и, того и гляди, наводнение), не так прихотлив, как Николаевский. Взяли 2.000 муки. Сдача продолжалась довольно долго

(одни весы), а потому решили ночевать, а вечером бал на пароходе, благо есть 3 дамы на пароходе и 2—в Михайло-Семеновской. На „Константине“ кают-компания в 27 фут. длины (в ширину парохода) и фут. 16 ширины. Тут и устроили танцы; нашли 2 скрипачей, состряпали треугольник,—вот и оркестр. Охотники, а тем более охотницы до танцев, конечно, нашлись: попадья, дочь одного зауряд-офицера, пароходные дамы, один ярый провиантский чиновник, топограф Андреев, Кононович, я, даже Бабст. Кадрилями нельзя же удовольствоваться,—польку-тремблян, польку-мазурку неизменную, валец... Но валец не состоялся ладом: музыканты не знали другого, как в три па, удобный для танцев с трубкой в руках или, пожалуй, с кружкой пива,—можно быть уверенным, что при таких медленных движениях не расплескалось бы. Дочь зауряд-хорунжего неутомимо вертела кринолин, как-то особенно бросая его во все стороны. Бабст попытался вступить с нею в разговор: „Отчего вашей маменьки нет?“—„Они ходили сегодня на заимку, устали, ноги отекли“. Ясно, что приходилось вращаться в этой сфере, но.. „барышня“ обиделась бы, пожалуй, что с ней только о сене да о соломе говорят такие молодые люди, как Бабст etc. Он пустился в похабщину, объяснил (при чем благосклонно был выслушан), что теперь дамы этого не носят (речь шла о панталонах, по поводу отсутствия оных у одной барышни), а потом пожелал остаться зимовать в Михайло-Семеновской, чтобы зимою по грибы ездить (смеху на $^1/_4$ часа), потом объявил, что нет ничего приятнее, „как этакой белый грибок гладить так по головке“ (жест). С другой стороны—худо скрытая улыбка, опускание глазок, etc. Кончилось тем, что, предлагая десятый тост за здоровье „пассажирец“ парохода „Константин“, Бабст окончательно нализался, его под руку довели до квартиры; там опять попойка. Усольцева [271]) вырвало; меня с 3 бокалов этого омерзительного, теплого шампанского так тошнило, что я должен был палец в рот вставить. Наконец, Бабст пустился в пляс со мною и, порешив, что проводит нас на пароход, велел позвать людей с фонарями, хотел сесть в стол из канцелярии и так шествовать; насилу отклонили эту мысль и в 4 часа разошлись. „Лена“ обогнала нас в 5-м часу, ночь темная, ни зги не видно, а она идет. Сдала почту в Михайло-Семеновской и пошла дальше с нами, но

на другой день обогнала. Сегодня мы шли по 4 вер. Баржа страшно буравит воду, так что порешили в Пузино ее бросить с тем, что возьмет ее „Шилка“,—новый 80-сильный пароход, переделанный из старой „Шилки“,—и пошли дальше. Тем более это основательно, что в Малом Хингане мы пошли бы по 2 в. в час, а груз этой баржи вовсе ни для кого не интересен, между тем как груз—солдаты для сплава; нужно скорее доставить, иначе им придется пешком итти в верховьях Шилки, что скверно для них уже само-по-себе, и вдвойне скверно потому, что может не быть средств везти провиант. Итак, Михайлова с его баржой оставили, несмотря на просьбы довести хотя бы (до) Екатерино-Никольской, так как тут течение уж очень быстрое.

3 сентября.

Сегодня идем Хинганом очень хорошо, шли всю ночь и довольно быстро подвигаемся на своем „Great Eastern“ [272]); „Константин“ 150 фут. длины и 51 фут. ширины с кожухами (т.-е. 7 фут. более „Америки“, морского судна), 24 фут. между кожухами, диаметр поршня [273])..., т.-е. около 200 сил, хотя заказан во 100 сил. Говорят, была готовая машина на заводе. Все в нем огромно, начиная от ширины и вала, образующегося у носа (около 2 фут., до каюткомпании и последней матросской кожуховой каюты и ватер-клозета).

Теперь в Хингане с 3-мя подчалками идем 6 верст. (Кстати, на Уссури подчалками зовут несформировавшихся девчонок).

Солдаты линейного батальона получают из телеграфных сумм по 16 к. в день на человека. Из этих денег строят им лишнюю одежду. Так, чирки(?) хватают на два месяца, и т. д. в этом роде; платят доктору 50 р. в месяц, Дризену [274]) et C-ie за присмотр над рабочими 10 р., офицерам по 15 к. порционных, а Де-Витте говорит, что на просеке просто каторга,—болото и комары, и осы в несметных количествах. Кроме того, солдаты получают по рублю в месяц от прав. ком. и один рубль за участие в работах Приморской области. В нынешнем году на сплаве, говорят, раздавали армяки и т. п. солдатам бесплатно. Слава богу; Заборовский бывал ведь на Амуре, знает, каково оно сплавщикам.

В Благовещенске, к удивлению, все кончили очень скоро; порешили, что следует везти дальше гнилые сухари вместе с други1 нужным сплавным грузом; собрали солдат и, поместивши 300 человек солдат линейного батальона на одну баржу, длиною в... и шириною в... [275]), отправили их на буксире у „Карсакова". Канаты, якоря и т. п. заняли ген. губ. катер. Как сельди в боченок, как мех в ящик, залихивались мы, женатые и холостые, в маленькие каюты „Карсакова" и снялись с якоря на 2-й день после прихода „Константина"! Замечательная быстрота, благодаря хлопотам и неутомимой беготне в продолжение двух дней Крымского и Куркина [276]), которые идут с солдатами 1-го и 3-го линейных батальонов. Кроме того, отправили строевую роту, которая должна содержать караулы при новом нерчинском ком(енданте). Кстати,—до времени Ник. возобновляют. Обвинения Корсакова в слабости с политическими преступниками, слышанные мною от Буткова [277]), нашли подтверждение в назначении из Петербурга нерчинским ком. генер. М. Денег-то, денег, и для чего? Что могут здесь сделать поляки?

Итак, со всеми этими людьми, которые едва стоя помещались на палубе баржи (спят внизу и на палубе), двинулся „Карсаков" довольно скоро. Делаем по 70—80 верст в сутки, темные ночи и туманы мешают делать больше; сегодня, например, и этого не удалось сделать из-за тумана. Дни чудные, теплые, так что сегодня (так как был маленький ветерок в корму, на пароходе совсем не было ветра) пришлось надеть китель. Зато ночи холодны до-нельзя, мороз каждую ночь, и к утру собирается густейший туман, который сегодня продержал нас утром до 8 час. Говорят, что на Шилке был сильный дождь, потом снег, потом опять дождь. Это рассказывали на „Казакевиче", который попался нам 3-го дня. Между прочим, он сообщил, что нечего ждать парохода сверху. Там 4 парохода, но 2 попались ему еще на дороге,—никому не хочется делать еще рейса, а те, которым назначено зимовать в Благовещенске, не хотят ни за что дойти до Благовещенска и отговариваются поломками в машине. И это каждый год кампания кончается в августе.

И для чего устроили место начальника отряда в Благовещенске? Он не имеет права ничего делать, ни приказать, должен просить, и то не сделает ничего капитан. Сменить

не может, а должен, если потребует чего-нибудь от капитана, переносить всякие дерзости.

Как-то в одной из станиц делали вечорку, очень незатейливую, но девушки были очень рады поплясать, сидели на коленях у штурманского офицера, Рюля и др., но—увы!—все это оказалось бесполезно, никто из них ничего не получил. Танцы—род кадрили под звуки „барыни", потом род казачка, который отхватывал молодой матрос со всеми „дамами" по очереди,—вот взопрел бедный, в своей синей шерстяной рубашке, но это еще что! Каково другому франтику в полушубке? Нравственность здесь своя особая. Нужно чиновнику девку, говорит „старшому", и „старшой" любую приведет, а то и прямо к родителям адресуется; они даже больше любят это, чтоб не через чужих получали девку, а через родителей—„без огласки", по крайней мере; и это начинается с тех пор, как девка только может......, хоть с 14 лет.

Половина станции, выше Купоров[278]).

Вчера в ночь выпало около $^1/_4$ арш. снегу. Сегодня весь день лежит в горах и не тает. Холодно страшно. А переселенцы из Пермской губ. попались сегодня на паромах, плывут в Благовещенск. Конечно, не дойдут, разве если уж им особенное счастье повезет,—нигде на мель не сядут. Но это едва ли вероятно. А между тем, как же было остаться хоть в Чите, чем жить. Но что они сделают со своим скотом в Благовещенске? Сена не будет, и где добыть? Я окрикнул их: Откуда? Куда? — В Благовещенск. — А успеем доплыть?—С богом, авось доплывете.

Прорва. 9-го октября 1864 г.

Вот уже двое суток сижу на Байкале, в ожидании парохода, и мало хорошего впереди. Пароход пришел еще сегодня утром (привез нерч. ком.) и пошел «для флаку-с» в Посольскую и там сгрузил его. Там и простоял весь день. Теперь только (около 6 час. вечера) пришел сюда, но нет конторщика, шлюпку не шлют, и мы сидим в полном смысле „у моря и ждем погоды". А между тем погода почти благоприятная, т.-е. большие валы, но все-таки можно бы ехать,

и сказали, что поедем, да чего-то копаются, разве уж ночью удастся перебраться. Этакая скука, в 150 верстах от своих, и нельзя переехать. Только-что узнал, что и почты еще не сгрузили в Посольской. Чего же они целый день там стояли? Ведь для того здесь и устроены пристань и гостиница, что когда в Посольской большое волнение, то здесь можно высаживаться, волнение меньше. А пароход там стоял. Удивительно! Наконец-то, здесь устроили что-то в роде гостиницы с 4-мя или 5-ю №№, где можно хоть иметь отдельную комнату и избежать столкновений с разными пьяными золотопромышленниками и купчиками. Но и это—пародия на гостиницу. Так, рамы вставлены с щелями, сквозь стены дует, не могли проконопатить, чорт знает что! Например, стеариновых свечей нет, подают сальные, а щипцов нет. Ждут с этим пароходом из Иркутска щипцы, вилки, ножи и т. п. Неужели не могли привезти этого в течение лета! И ведь везде, во всем так. Сквозь потолок песок сыплется нескончаемой струей из некоторых щелей. Но мы невзыскательны, и за это благодарны, даже за холодные дни, в которые приходится греться около железной печки в коридоре, а печи в коридоре не топятся,—нельзя, угар будет. Ну, спасибо, пассажиры топят сами железную печку.

Романов ехал впереди меня в большом тарантасе шестеркой и 5—по курьерской подорожной, с женою, сыном вчетвером. Впереди его поехали его люди, платят на пару, куча вещей; да, наконец, по распутице следует на тройку. Кричит, ругается на всех станках и грозит генерал-губернатором. И это, говорят, всегда. Еще он имел дерзость просить следствия, когда Завалишин говорил в одной из статей про курьеров из Японии в больших экипажах с грузом японских вещей. Я уверен, что это тот же тарантас, а он тогда просил освидетельствовать его тарантас в доказательство того, что он так легок.

№ 8.

Иркутск, берега Байкала до Кадильной. Тунка и до Алиберовского прииска.

Февраль—май 1865 года.

Наконец, это становится невыносимым,—с каждым днем хуже, а выхода не вижу. Специализирование занятий постоянно вертится на уме. Так, но если я к нему неспособен? Не так давно я утверждал—математика, физика. Да, но закралось сомнение: не напускное ли это? Мне пришлось много позаняться в последнее время в корпусе математикой. Меня увлекла стройность, логичность математического мышления, те горизонты для анализа, которые открылись при занятиях. Приятно было сознать, что вот какой громадный арсенал оружия в моих руках,—только умей прикладывать. Так, но теперь-то я и стал в тупик,—к чему?

Поехал я в Читу. Некогда, положительно некогда было пользоваться своим оружием, и оно окончательно заржавело, негодно стало; теперь я читаю, встречаюсь с дифференциальным уравнением и не могу дальше итти; наконец, положим, проинтегрирую его, да что пользы. Но, нет, и не проинтегрирую самого простого. Между тем, мучительно хочется заняться, изучить вопрос о физических силах, о перемещениях частиц в телах, подвинуться и подвинуть на палец решение вопроса о внутреннем строении тел etc.

Средство для этого есть. Стоит изучить все написанное по этому предмету; но пойду ли я дальше, сделаю ли вывод? Нет, нет. Остается, следовательно, одно, après s'être mis au courant [279]) всего сделанного в этой отрасли, самому приняться за исследование. Но pour se mettre au courant [280]) нужно очень хорошо знать все то, что я прежде знал в ма-

тематике, да еще многое, многое пройти. Берусь за Lacroix[281]) и через 5 стр. бросаю его, берусь за свои записки дифференциального исчисления,—тоже. Оружие, оказалось, пришло в негодность, нужно снова приняться за изучение, а если прежде оно далось так легко, с таким увлечением усваивалось при содействии Каминского, теперь стоит труда, великого усилия и труда,—и 3 года взяли свое,—не гожусь на этот труд. Есть более лестное объяснение,—душа не лежит, но есть причины не принимать его. Проще будет, что уже неспособен. Ведь и цель тут видишь, а и цель бодрости не придает. Без предварительного труда и долгого труда ничего невозможно.—Да неужели я так-таки окончательно неспособен на этот труд? Чорт знает, что такое.

Сам себе любишь потакать, говоришь,—да если 3 года пролежали книги, дававшие средства приняться за этот труд, пролежали без употребления, видно не было в них потребности. Не совсем оно справедливо,—в Чите, где я работал до 2 час. ночи ежедневно, нельзя было за них взяться, правда, но есть же и доля правды, — значит, напускное? Что же не напускное? Ничего нет?

Вот недавно накинулся на геологию. Однако и это напускное. Не вижу тут цели,—не может же быть целью изучение данной местности, а завтра изучение другой, третьей и т. д. Это либо средство, либо побочная работа. А без цели нет и интереса. Одним словом, так скверно, что уж не знаю, чем это кончится. То же самое высказалось и в прошлом году в Чинданте, хоть не так отчетливо-скверно. Ведь в том то и беда, что есть боль, да неведомо, где эта боль,—тогда бы, пожалуй, придумались бы средства ее лечить.

Где же исход?

Такая скверность, ей богу, хуже еще в жизни не было.

Лиственничное, 23 апреля.

Мы выехали из Иркутска с желанием проветриться и придрались к случаю проездить в пещеры на Кадильном мысу. Дорога из Иркутска, конечно, ничего интересного не представляет; где-то (вблизи порохового магазина) жгут смолу, дальше полицейский везет воз розог. Больше ничего

интересного. Серенький денек, дождичек накрапывает. Одним словом, прелестная тема для корреспондента „Голоса".

Виды чем ближе к Байкалу, тем красивее: горы становятся выше, круче и суживают долину Ангары, чтоб в воротах у Байкала спереть окончательно даже русло, на котором торчит Шаманский камень [1]).

Образования долины Ангары наносной формации.

В Лиственничном нас не пустили на обывательскую квартиру и не дали обывательских лошадей до Кадильной. Они, впрочем, были бы бесполезны, так что всячески пришлось бы нанимать. Ну и наняли за 10 руб. до пещер и обратно. Нас, конечно, стали пугать дорогой. Ничего. Выехали в $6^1/_2$; я делал наглядную карточку этой дороги; не было ни буссоли, ничего,—означал направление по положению солнца. В 60 верстах от Иркутска такая тайга, что еле проберешься. За пароходною пристанью своротили в падь р. Малой Черемшанки (Большая Черемшанка находится за Лиственничным мысом, за прежней пароходной пристанью). Падь узкая, с крутыми скатами, заросла лиственницей, березою, пихтою, елью, сосны мало. После 3 верст мы начинаем подниматься вправо, и после 3 вер. ходу в подушке, все вверх, по снегу (фирну) [282]), наконец, поднимаемся на гриву Байкальских гор. Вправо крутые, весистые скаты к морю, влеве тоже, но вдали вид на Ангару, видна даже фабрика 1 тальд (?). Во многих местах торчат камни, — гранит нескольких сортов, дальше много пегматита, очень много галек. Так едем мы по гриве хребта Байкальских гор до вершины пади р. Черной. Тут сходится Черная с Крестовкой (у Лиственничной). По Черной мы спускались не менее 4 верст. Спуск очень, очень крут, затем по пади дорога плоха, так что ямщик было подумывал, как бы спуститься в Солонцову падь, хотя туда нет даже тропинки. Выехали у Черной к морю, и оттуда едем где каргой, где утесами над морем. Эти утесы напоминают шилкинские, хотя не так страшны,—горы покрыты лесом, гальки у моря чрезвычайно разнообразны. За Черной дальше начинаются конгломераты, составляющие слой в несколько сот фут. Конгломераты из самых разнообразных

---

[1]) На этом месте рукописи помещен рисунок, изображающий план какой-то местности; под ним надпись: „Страна пещер на Кадильном мысу".

галек, чрезвычайно плотно спаянных, так что когда разбивают, то иногда разбивается пуддинг не по зернам, а самые зерна. Там, где кончаются гранитные горы, падающие круто к берегу, там, кажется, начинается возможность ехать берегом. Но, впрочем, говорят, и ниже можно проехать тоже низом.

У пади Б. Коти фабрика Сибирякова, стеклянная; топят печи, завтра пойдет в ход; приготовлено несколько десятков... [283]) для стекол в оконные рамы. Стекло зеленовато. Гужир [284]) возят из Баргузина [285]), кварц, вероятно, здешний. Завтра намерены посмотреть ладом. За Б. Конганом пришлось снова ехать горой, крутейший спуск и подъем к М. Котани, так что пришлось пешком итти. Затем в пади Варначке спустились к морю и в море, водой объехали 2 утеса до станка. Станок возле разрезов бывшего Белоголовского прииска в п. Сенной. Два красивых домика. Сторож живет только с женой; коней нет. Он попался нам у фабрики и вернулся пешком гораздо раньше нас, пока мы поднимались пешью и спускались в Варначку; должно быть, оттого и шел, что спуск хорош. Соболев мыс (конгломерат) объезжали долго и с трудом, я зачерпнул сапогом (сверх голенища). На наше счастье, в ночь на 24 был сильный низовой ветер, лед угнало в море, и у утесов было чисто. Кони идут очень осторожно в воде выше брюха, и вскачь когда . . . . [286]) мой раз чуть не свалился. Кроме того, боясь забираться в воду, они жмутся к утесам,—того и гляди ноги раздавят. Утесы подмыты волнами и нависли над морем, следы которого видны выше, особенно если внизу порода помягче; тогда в некоторых местах образуются небольшие пещеры, вернее cavités [287]), в которые Байкал наносит щепки; кажется, кости есть. Но хотя они и достигают подчас глубины 1—2 саж., но очень узки. Заглядевшись на такую cavité, я забрался вправо в глубь и зачерпнул воды, Рыжко еле выбрался. За Соболевым мысом образовалась губа, в которой находится утес Чаячий. Мыс Чаячий показан на карте Шварца гораздо ближе к Лиственничной, но там такого мыса, говорят, не знают, но этот так испокон века зовется. Нашему проводнику мудрено бы было ошибиться, он сам Голоустенский, живет в Лиственничной и уж очень хорошо должен знать и помнить этот утес за его дорогу горой. Утес весь разрушается. Громадные пласты конгломерата, поднимающиеся до страшной высоты, все

разрушаются, оставляя шпицы, изрытые дождями, в которых гнездятся в изобилии чайки. Вероятно, утес, нанесенный на карте Шварца под этим именем, так назван им потому, что на нем неимоверно большие накопления гуано, которого изобильно на этих утесах. В Чаячьем утесе чрезвычайно острые ребра, стены со шпицами и прочее. Внизу, как описано выше, только поглубже, чем возле Соболева мыса, объехали с большим трудом, но горой,—говорил ямщик,—еще хуже; и действительно, когда мы сегодня ехали горой, то пожалели не раз об объезде водою. Потом мы ехали вдоль гор. Нечего и говорить, что езда на большой высоте над морем, по тропинке в $^1/_2$ арш. шириною, возможна только для тех, у кого от страха при взгляде вниз, в бездну, лежащую hart an deinen Füssen [288]), не кружится голова.

Конгломераты кончились, за ними метаморфические сланцы, серые, в роде грифельной доски, но тверже, светло-желтые, красные, желто-красные. Эти сопровождают Байкал почти до Кадильского зимовья.

Кадильский мыс выдался далеко в море. Строение его—метаморфические сланцы и далее сюрьгорные известняки ?) [289]) Граниты лежат значительно в глубь страны, а потому скаты гор тут положе гораздо, и Кадильский мыс кончается не утесами, а полянкою, усеянною обломками сланцов, покрытою небольшим слоем чернозема и заросшею лесом (много березы). Тут на лугах, в лесках пасутся кони из Голоуши, и в зимовье живет старик сторож, который с другим глухим и глупым стариком караулит скот. Впрочем, кроме зверя, составляющего главную их заботу, есть враг—крутые горы. Так, на обратном пути мы поехали карнизом; тут попалась свалившаяся с горы корова. Зверь ее, видно, ел нынешнею ночью (25-е, вечер), что заставило пса на зимовье поднять страшный лай, а стариков бегать по лесу с страшными криками, а Палибина (страшно) ворчать на них трех. Вороны, должно быть во избежание конфуза, выклевали ей сперва глаза, а потом принялись за ж . . . , да за брюшину, вытащенную волком.

Переехавши р. Кадильную, которая впала на мысу, мы поехали по луговине, про которую я только-что писал, версты 2 $^1/_2$ вдоль берега, до ручья Малого Кадильного. Тут мы выезжаем влево, в ее падь. Через $^1/_2$ версты или $^3/_4$ падь

раздвояется; по правой льет ручеек, который в устье пади теряется в лугу под почвою, левая подушка суха. Наш ямщик знал, что есть 2 больших пещеры—в левой пади и в правой. Правая—с костьми. Но тут, говорили, есть голенький моряк, россыпь; по ней подняться, тут вправо пещера. Не знаю почему, но он стал искать голенького моряка в правой стороне левого берега пади. На левом видны были пещеры, но он не смотрел даже на них, ища моряка на правой стороне. Там, где раздвояется падь, на разделе торчит высокая гора, вид чрезвычайно хорош. Серые известняки образовали чрезвычайно прихотливые колокольни, они все истыканы дырами, известняки разрушаются, россыпи, круто, круто лезет утес и вверху торчат эти прихотливые гребни. Вправо и влево две узкие подушки, лиственница покрыла их; правая сторона правой подушки покрыта теми же прихотливыми колокольнями. К тому же солнце заходило за горы (в 5-м часу), и освещение делало падь еще красивее. Мы поехали по правой подушке. Все нет пещеры, дыр очень много, но пещер не видно. Ямщик полез на одного моряка, поднялся на гриву, ходил целый час,—ничего нет. Хотели съездить за стариком,—поздно было; решили подняться до одной пещеры, которая виднелась очень высоко. Полезли. Намучились мы, лезши в наших высоких сапожищах с непромокаемыми подошвами, которые даже не гнутся. Ямщик в мягких сапогах карабкался как кошка. Лезли, лезли; в одном месте, где нет ни травы, ни кустов, (круто), просто хоть волком вой— ни взад, ни вперед. Я полез по правой стороне россыпи, потом на левую не перебраться; фонарь, термометр. Ямщик забрался по левой (я не мог) и дошел до пещеры. Очень не глубока, сажени $1^1/_2$ и только, кости, несколько палок, и все. Во время первого своего лазанья ямщик перебывал еще в трех дырах. Все небольшие отверстия только.

Измученные, мы вернулись.

Наблюдателю не усталому представилось бы много восточного в этих двух стариках, в их копотне, которая наше внимание обращала на себя только тем, что спать не давала. Зимовье—изба с дырами, вместо окон. Как старик обрадовался, когда мы дали ему бумаги, которой могло хватить на окно! Крыша почти плоская, покатая в одну сторону, загородь для скота, вогнутая в сени,—вот все неинтересное в

той зимовейке на берегу Байкала. Самовара не было, чайника тож; спасибо, топленого горячего молока в изобилии. Тухлое мясо, похлебка со сливками и пр. удовольствием.

Первая пещера, в которую мы попали сегодня утром, была № 2 [290]). Лезть до нее в гору пришлось не очень много. Зато по самой пещере было очень трудно пробираться. Дыра при входе достаточно широка, чтобы можно было бы войти прямо, но до этой дыры надо добираться по палкам, проложенным ее, как видно, частыми посетителями [291]).

Мотская [292]). 12 мая.

Дорога не особенно интересная. Кайская гора, крутой спуск и, наконец, широкая котловина. Тут Смоленцы [293]) и еще дер. Новопереселенная (Кадетова); в последней из ряда домов в 2 окна все были пусты. Котловина, хороший лес,— береза, лиственница и проч. Иркут течет в котловине. Местами болотисто. Дорога хороша.

Введенщина [294])—большая станица, есть слободка, тоже кадеты; пусто все, и дворы, и колодцы-журавли, все только окна заколочены, точно язва прошла, да и то язва, говорят.

От Введенщины все в гору полпути, другая половина в узкой пади под гору, дороги убийственные. Там раньше чинят, т.-е. делают канавки; тут бы чинить, впрочем, время теперь не такое,—холодно все было. Только теперь удалось за посевы приняться; поздно,—пожалуй, опять позябнет. В прошлом году позяб по деревням хлеб, просто есть нельзя, липнет, испечь не приноровишься; покупали в Иркутске по 1 р., временно однако. Казачество тяготится очень. Вот их 3 бабы, 1 мужик, через 2-й 3-й, а то и через год очередь. Это 150 рублями пахнет. Наняли казака, сторожил, бедность одолела. Прежде платили свои подушные, а теперь что это . . . та форма, та не форма, Господь их знает. Действительно, сотенные смотрели сквозь пальцы, тут под боком ни весть что творили. Уж скорее мы согласны подушные платить, чем этакую тяготу. Они из поселенцев. 3 года жили приписанные к волостям, потом поселились. Выбирали земли ради тракта, иначе никто не забрался бы в эти горы, где так часто все зябнет. Тунка-матушка кормила — прежде, не теперь. Бедность; как пришло нанимать наемщиков, спасибо(?)

Тюменцев дал. Теперь лес ему и валят: 3 и 4 саж. пополам, 7—8 вершков, 40 коп. с доставкой в Введенщину. Все его должники; немудрено, что он устроил такое смоленско-крупичатое и проч. заведение. Его муку очень хвалят?

В Тунке [295]) торгуют с мунгалами. Дархоты [296]) хоть и доят коров, а их скот куда крупнее нашего. Торговля бы ничего, „два купца обижают" в Тунке. Чепуха. Ходят осенью.

Хлеб из магазинов выгребали, действительно, в казну; теперь будто полно; просят, кроме посевного хлеба, еще на пропитание.

Рыбу лучат. Лес плавят. Что за народ такой! Привели лошадей, запряженных просто в крестьянскую телегу. Все это, конечно, потому, что барин смирный. Я вышел, разругал. Предложили фаэтон.—Вещи не уложатся. Бывает, что укладываются.—Я обещал учинить мордобитие и отправился на станок записать жалобу. Явилась повозка. У ямщика ось передняя сломалась, но передки есть вдоволь. Только надеть надо. И так сойдет.

В Смоленской много пеньки, возят продавать в Иркутск.

Больше-Глубокая.

Дорога убийственная. 5 часов ехали 27 верст, каменисто и гористо до-нельзя, дорогу размыло; как только посеются, сгонят бурят и хрюстян (крестьян) чинить ее. Намаются бедняки.

Горы громадные, в несколько рядов, особенно высокая Каменная, на которой торчит из лиственного леса камень в роде избы en face [297]). Граниты преоригинальны, все с ясными горизонтальными наслоениями. В одном месте торчит из горы в таком виде [298]), совершенно как приподнятые пласты. От него образчик № 3. Это очень распространено. Только уж подъезжая к Больше-Глубокой, встречаете пласты 7, 8—10 [299]).

Култук.

Дорога очень плоха. Цел ли еще бар? Постоянно то в гору, то под гору. Но так камениста! Вдоль дороги сделана высокая довольно гряда из больших камней, оттасканных от дороги и положенных в стороне, чтоб удерживать воды, qui charrient [300]) весною леса с камней. Интересно видеть

эти глыбы, эти вороха деревьев, корней и пр. возле дороги. Я сперва уже думал, не ледники ли наворотили эти массы каменьев, с довольно еще острыми ребрами, если сообразить выветривание, но деревья убедили, что горные потоки. Место отвратительное для поселения, пади все большие, мало того, сами хребты, даже мшистая тундра и чаща такая, что чорт ногу сломит, не только конь. Преимущественно лиственница и богульник еще в цвету ближе к Байкалу, откуда дует свежий воздух. Култук—большая деревня. Пашни почти нет. Только сенокосы, ... Тем и живут от проходящих обозов, а хлеб покупают преимущественно в Тунке. Теперь везде зяблый, испечь нельзя. Байкал очень недавно очистился, улов рыбы плох. Еще бы, безжалостно истребляют. Теперь икру . . . . . . впрочем, каждый день едят.

У р. Быстрой.

От Култука вверх по пади р. Култужной. Эта широкая падь болотиста, вода так и сочится из-под травы, так что сделала бы честь петербургской местности. Только у Синюшкиной горы представились обнажения, сперва известняков сероватых, потом какого-то жирного камня (talk shifer?) [301]), прорезанного кварцем. Если судить по этим прожилкам, идущим параллельно, то пласты сланца к СЗ под углом от 35—40° и делятся вертикально на ромбоэдры. Далее кварц (или прозрачно розоватый известняк); затем переезжаем в р. Ильгу. Тут спорный вопрос: не было ли это ложем Иркута. Скажу одно,—когда переправились через р. Ильгу, которая играет через мост, и поднялись влево на гору, то все кажется галька (если она не навозная снизу). Верхний слой почвы везде глина и разрушенные породы. Затем опять пере(ход?) в падь Быстрой. Горы гораздо шире, пади ниже, заросли лиственницей и иногда довольно толстой березой. Теперь Быстрая так разыгралась, что нет возможности переехать. Решил переночевать. Благо есть тут Тунка, к которой едут продовольствие, хлеб на Больше-Глубокую.

Торск. 13 мая.

В 4 часа переехали речку. Она сбыла на $^1/_2$ арш. Положе горы, наконец, котловина, гольцы. Песок. Березы и сосны.

Котловина пологая слева, крутая справа. Саян и Белки. Буряты. Пашни по $1/2$ дес., 1 дес. (30 ?) в одном поле. Пашню легко уж очень пашут, — счастье или скот выколачивает.

Тунка [302]).

Этою котловиною мы долго едем. Юрты повсюду разбросаны. Тут же степная дума. Станок держит тайша, у которого всего скота считают до 1.000 голов; потом переезжаем Иркут на карабасе (бурятск.) и едем ближе к гольцам. Самый привычный глаз, предупрежденный, сам знающий, что тут обман, поддается их впечатлению. Так и кажется, что они тут вот, рукой подать. Я знал про них, рассудил, как далеко, так деревьев не видно, и то поддался, подумав, что это другие. Так обманчиво. Хотел на Торской рисовать их, но туман сухой и пыль, несшиеся к В., помешали.

Затем поднимаемся в гору Бычью [303]), где видно, как круто падают в Торскую котловину пласты. Потом яловка (диориты) и опять высокая, кажется, степь, поросшая лесом (березняк), и Тунка. Большая деревня, до 350 домов; говорят, буряты, 2 церкви, 2 попа, сотенный и пр. Сотенного озадачили, — я мылся, как он явился в полной форме, зазвал к себе, а у меня, кроме поддевки, ничего нет. Жена, очень высоко поднимающая кринолин и показывающая большие ноги. Вот все, что про нее можно сказать, так как редко приходится ее слышать. Должно быть, очень доброе существо. Муж любезный до крайности, несколько советов полезных и проч. Тут есть бурятский дацан, ширетуй. Их образа не те, что у окинских бурят. Какие? Сойоты живут лишь в одном месте, в стороне от дороги. Карагассы [304]) живут южнее ее. Тоже не попадешь к ним. От Окинского караула ходят вниз, до Аляра. Тут живет тайша Банзаров. К нему гоняют скот. Мало того, зимою выезжают на зиму за хлебом, т.-е. ездят иногда осенью вершно (верхом?), возвращаясь зимой. Торговля с мунгалами довольно деятельная, только все мелочники, — поедут, возьмут самую малость товаров и там меняют на быка, барана. Земледелие заметно уменьшается вследствие этого. То легче, но зато больше голодуют, как в нынешнем году при дороговизне хлеба. Вот теперь повезли в Больше-

глубокую продавать по 1 р. зяблый пополам с хорошим. А то тут, в Тунке, нельзя, говорят, было купить меньше 1 р. 10 к. и то пополам, настоящий с зяблым.

14 мая.

Был только дома, да у сотенного. Звал он к себе заседателя, да не пришел, жена не пустила.

Вода в колодце у сотенного с сероводородным газом. В Ахалине имеет свойство, когда на самоваре накипь, очищать ее. Ключ у церкви тоже с газом или минеральный.

Развалин крепости и не существует. Самый древний остаток,—два дома правления (которое называли казаки Казачьим отделением), которые были построены Толстым, ссыльным (не 26-го ли года?).

На дорогу от Култука до Иркутска выгоняют теперь 1.000 человек поправлять. Каково? Проклянут ее.

Буряты беспрестанно наезжают наведаться к сотенному, не буду ли я покупать лошадей, скота, а потом спросят,—что нового? И сюда тоже наезжали.

Ветры преобладают восточные, к вечеру большею частью утихают, чтоб с новой силой задуть с утра. Вороха песку наносят [305]).

15 мая.

Ездил на так называемый здесь п р о в а л близ Талой. В Тунковской котловине выступили лавы, повидимому, из трещин. Слухи о таких лавах и дырах заставили заподозреть существование кратера. Между тем, это едва ли кратер. Из ровной поверхности степи выдается овальная возвышенность исключительно из лавы. Теперь лава разрушается, обращаясь во что-то в роде глины, и, наконец, покрывается слоем чернозема, и на этом овальном возвышении теперь деревня Талая (. . . . . [306]) от реки тоже Талой. На этом овальном холме 2 высшие точки, издали вид следующий . . . [307]), на нем обсыпавшееся углубление *в* и кратер *а*. Кратер не что иное, как дыра в 4 квадр. аршина, не более, если не менее. Она очень круто идет вниз, так что спускаться без веревки невозможно. На глубине около 2 саж. небольшая комнатка, затем к NO узкая дыра. Теперь в пещере накопился лед, который обратился в фирн, и спускается совершенно как ледник; он

занял бо́льшую часть дыры, так что можно пролезть только на брюхе и опустивши голову, и то пролезть. Спускали меня на веревке, обмотанной вокруг тела, так что я всею своею тяжестью держался на ней. Изредка ноги находят упор в острых камнях лавы. Щель извивается, поворачивая на N, круто падая, наконец, кончается комнатою, в которой набросаны камни и известняки. В углу ключ. Но ключ ли это, — это вопрос. Быть может, это только вода от таянья ледника. Несколько лет тому назад „по просьбе преосвященного" туда спускался здешний дьякон и достал воды из ключа. Она, говорят, имела какой-то особенный вкус, и архиерей увез ее в Иркутск. Теперь она была замерзши. Лед не имел никакого вкуса. Пузырьки в нем не более бывающих во всяком льде. Я разрубил лед, там вода, тоже обыкновенная. В пещере очень холодно, я думаю не меньше—2—4° R; к сожалению, не было термометра. Кроме лавы, здесь есть, повидимому, известняк, судя по накипи на камнях. Если это правда, то это еще лучше опровергает мнение, что это кратер, а уж форма вовсе не кратера. Конечно, всего вернее предположение Башкевича, что лава выступила из трещин. Только эта трещина не прямая, а в виде полумесяца. Из лавы же состоит ряд виденных мною холмов, составляющих этот полумесяц.

(Буряты. Пашни. Ясачные, бойкость, употребление „ей-богу, слава богу" и проч., работящи. Любопытство, грамотн. крест., грам., каз. земли, количество, крестьяне, жалобы, торговля с мунгалами, чай, казаки, вновь переселен. дома до 50 р., кар. дома, приг. 56-й, и теперь провиант, 300 верст Окин. водоп., братские, пещеры, кам. постр., чудь, леса не б., ... дорога с гр. на Оку, по Оке лодки, зим. п. на зиму. Горы). [308])

16 мая.

Здесь много бурят и ясачных, т.-е. крещеных бурят [309]). Они очень много занимаются хлебопашеством. Разрабатывают кто одну (мало), кто 4—5, до 8—10 дес. Особенно поразила меня бойкость ясачных. Это выйдет очень хороший народ. Они все, конечно, болтают по-русски, очень порядочно, очень любят употреблять слава богу, ей-богу, господи благослови и проч. Это население, пожалуй, лучше будет наших тунков-

ских казаков,—удальство, веселость, решимость. Все они, конечно, черноволосы, черноглазы, тип бурятский, но мне кажется, что они немного красивее их, глаза открытее. Они очень трудолюбивы. Когда я ехал на Талую, то не встретил одного крестьянина в поле, ясачные и буряты все работают, городят изгородь и очень хорошо (прямую). Любопытство бурят вообще, конечно, безгранично; мы ехали, и, завидя нас, они уже издали спешили на дорогу, чт бы допросить. Грамота у них довольно распространена. Но только между состоятельными, эти учат детей кто бурятской, кто русской грамоте. У крестьян хорошая школа, 10 учеников, не больше.

Земель для хлебопашества здесь очень много, но казаки и крестьяне недовольны своими землями,—мало и хуже, чем у братских. Действительно, я видел земли братских по покатостям лавных холмов, где самые удобные (сами удобряли). Крестьяне тоже недовольны. Покосов ни у кого нет в достаточном количестве. Есть такие, которым приходится ставить только 10 копен, потому нанимают, и за луг, где можно поставить до 100 копен (3 на воз), платят в год до 5 руб., иногда до 8 руб. Сотенный говорил, что крестьяне всегда жалуются; спрашивал: не жаловались ли мне?

Торговля с мунгалами больше мелочная, притесняют купцы, они отдают товары гораздо дешевле, чем могут отдавать казаки, так как закупают гуртом. Я, шутя, посоветовал составлять артели и посылать кого-нибудь. Здесь это невозможно. Брать чужую лошадь никто не захочет, чтобы не отвечать. Мало того, всякий сам по себе знает, как он с чужим конем или товаром обращается, и не даст другому. То же и за Байкалом. Чай, конечно, достают от мунгалов, так как здесь большой кирпич стоит 60—70 коп. У них скот не дорог, но незначительно дешевле здешнего, говорят. Выгодно продавать им панты; впрочем, не выгоднее, иркутский сотенный за большие панты о 6 отростках, хорошо приготовленные, заплатил 45 р. Надобно взять 60 р.

Вновь переселенные и тут подгадили. Домов до 60-ти им строило общество, а каждый дом здесь обойдется не менее 50 р. со всем, следовательно, обществу до 30 р. (3.000 руб.?). Но тогда заставили строить. Так тогда же заставили чуть ли не Моллера дать в 56 (году) пригов., что построят дома на караул. Теперь дома стали там куда как плохи; сотник донес.

Дума приказала руководствоваться приговором 56 г. (?) Казаки теперь отказались на-отрез.

Эти караулы вообще пребессмысленная вещь. Жалованья казаки получают по 84 р. в год, на 5 караулов 20 чел. Стоит, значит, чего-нибудь. Провиант получают отсюда, за 300 в. по-очереди сюда приезжают. Теперь сотенный на свой страх отпустил им на полгода. Магазинов нет на половине пути, а кажется в Туране.

Разговаривал сегодня с хозяином. Окинские водопады, действительно, существуют: один на Джомолоке, другой—ниже, но вовсе не так высоки, саж. 20, не больше. Лава. В верхней Джомолоке такая воронка, кристаллы есть, быть может, кратер погасшего вулкана. Кроме того, интересно, что, действительно, в старину жили в пещерах. Доныне есть постройки, вырытые немного в земле, потом накладен камень в виде свода, отверстие вместо двери. „Чудь, сказывали, жила здесь". Она и повырывала эти ямы,—леса тогда не было,—теперь эти постройки завалились.

Сойоты живут в стороне от дороги к югу. Карагассы—к западу от Оки; сойоты попадаются только по дороге к Алиберовскому прииску. С прииска есть дорога на Оку, верст 50—60 крюку будет. По Оке плавают на лодках; казаки, которые ездили на зиму, говорят, что спокойнее плыть, чем по Иркуту, а по Иркуту Томилов плавал на карбасе. В Окинском есть баты, лодок нет, братских много.

Вчера по дороге на Талую переезжал Харой-Арабок, приток Тунки; горизонтальное напластание глин, песку, мелкой гальки. До гольцев не особенно далеко, меньше 30 верст. Там, под гольцом, в пади есть 3 мельницы, принадлежащие казакам и ясачным, на Талой тоже 3 мельницы, 4-ую промыло и не чинят. В Талой хорошо живут. В доме у мельницы дети все буряты, как есть, мать не братская. Ясачные строят дома с печами, зимой иногда живут, летом не удержать, живут в юрте.

Казаки рослые, носят синие халаты, как в Забайкалье.

16 мая.

Сидел все дома, определял магнитное склонение и выверял часы. Наблюдения все, кроме одного, довольно близко

согласуются. Магнитное склонение, среднее — В, $1^1/_2$°. Жара была невыносимая, тихо. Вдруг с SW шквал, повалил цветы с окон и поднял вороха пыли. Потом обедал у сотенного. Все то же. Виделся вечером с дьяконом, который лазал в пещеру. Он насчитал 24 саж., потом говорит 22 или 23,— не помню. Зал показался ему достаточным для помещения 100 конных. Не понимаю. Да выше итти положительно было невозможно, да и дьякон говорил, что другого зала не было, после изворочения прохода I зал. Тут и ключик, и мы нашли ключик. Дьякон-то не прочь зашибаться, может быть, с пылу и показалось.

17 мая.

Утром ездил за 20—25 верст в падь реки Жемчука. Верст 20 проехали долиною, исключительно allu.... [310]) образования. Ближе к Саяну она поросла превосходным березняком, а раньше все луга да пашни ясачных. Их очень много, особенно по подгорью Саяна и Тунк-альта. Тут же, вблизи пашен, и летники, куда буряты выкочевывают в конце мая. (Буряты) ясачные все-таки остались кочевыми, но кочевыми в очень тесных пределах. Часто летник всего в 10—20 вер. от зимника. Тут скот пасется, выедает траву, потом там выест, и идет таким образом довольно удобно для народа, у которого все хозяйство складывается на несколько вьючных коней или на 1 одноколку. Дома их, как зимники, так и летники—вернее, юрты,—редко где встретите дом с окнами. Большею частью юрта 4—8-угольная, покрытая либо дерном, либо хворостом и землею. Вверху дыра, сбоку дыра, вот и все. Загороди крепкие, в стороне высокие кучи навоза, который пойдет опять на подстилку коровам. Они, говорят, держат скот в тепле, не по-сибирски, но по-забайкальски. Все жалуются на то, что лучшие места у братских. С ними ведут торговлю здешние купцы; верят им плис, красный товар, мелочи, а потом собирают с них скот и прочее. Вследствие этого, у здешних купцов дома 2-х-этажные и еще с мезонином. Кроме того, отдельная лавочка (у двух). Выстроили им род гостиного двора на площади (как раз на ветру), но теперь они тут не торгуют, а больше по домам. Оно им удобнее, всякую штуку легче сделать—не на виду. Торговля их с мунгалами вследствие этого идет хорошо (возят крас-

ные товары, табак, мелочи), получают скот, но торговля казаков сильно стеснена, потому что „мунгал тебе говорит, почем ты брал товар“. Купцы ездят не только на северный берег Косогола [311]), а и гораздо дальше. Принимают хорошо. Когда ездил Пермяков, то он очень хорошо с ними познакомился, его отлично принимали везде, и до сих пор вспоминают с удовольствием; вероятно, его рассказы большею частью справедливы; зато Будог.... [312]) со своими казаками и ружьями напугал их. Да нойон. Да чуть ли не больной.

Белкуют многие. Белки много. Лучшая к Саяну, где преимущественно лиственница. Там белка черная, между тем как белка на южном склоне Тунковских гольцов, где преимущественно сосняк, красновата. Раздел Иркута и Танка — только. Сколько приходится на ружье — трудно сказать; хороший охотник с хорошей собакой бьет нередко 100 и более, есть и такие, которые бьют по 40 и 60. Все зависит от собаки. Белка строит себе теплое гнездо высоко на дереве, иногда в $^1/_2$ дерева. Гнездо из моха; оставляет только маленькую дырку, чтоб войти. Цена на белку 13 — 18. Один год (3 — 4 тому назад) доходила до 20 — 25. Продают большею частью либо здешним купцам, либо в Иркутске. Кроме белки, много бьют кабанов, и их окорока, которые в хороших ледниках очень хорошо сохраняются (до года), очень в ходу.

Ехали мы степью, переехали Иркут с песчаными берегами, потом превосходные березовые леса с бурными речками; первое похоже на Россию; затем полянка и летники бурят. Лес гуще и падь Жемчука, которая, вероятно, получила свое название от множества камней, навороченных на берегах, совершенно белые, как жемчуг (гранит, сиенит, гнейсы, кристаллические сланцы, немного древнего песчаника?) [313]). Затем въезжаем в падь. Склоны к котловинам везде не больше 15°, редко 20° N. При входе в падь торчат граниты, разворотившие № 39. Этот склон падал и к N [314]), но, вероятно, или размыт, или выветрился. Конечно, здесь встретилась глубокая котловина. Иркут, вероятно, наполнил ее, как Байкал, и нанес все это. Следы размывов представляются на правой стороне (левый берег) пади в $^1/_2$ вер. и в $1^1/_4$ вер. от у(стья) пади. Ясны следы воды, которая размыла пласт, образовав глубокую впадину, и округлила громадные

куски [315]). Очевидно, что не выветривание. Гранит везде прорезан жилами, местами лег и на них. Строение очень различно. Непосредственно над № 39—43 [316]). Он идет с 3/4 версты, может быть, и далее. Обнажения версты на 1½ очень ясно видны; далее не поехал, пожалевши некованных коней, которым доставалось по камням. Падь Жемчука до 16 шир. Далее крутые (поросшие хвойным лесом) отроги Саяна, еще далее — сам Саян, снеговой хребет. Альпийская страна, в роде Большого Хингана. Дно пади — кочкарник, бывшее болото, бывшие большие грязи, — не продерешься. Правый берег гораздо положе, — гранит, выветрившийся и покрытый травою и лесом.

18 мая.

Ездили в старую казачью церковь на берегу Иркута, возле развалившейся древней крепости. Теперь ее всю занесло песком, целая гора. Церковь очень стара, оригинальной архитектуры, помещение для сторожей под церковью темное, хуже пещеры Кадильной. В церкви образа очень старинные. Лучше всех Никола с Косогола [317]). Лицо совершенно бурятское, волосы назад зачесаны. Украшения в монгольском стиле, привески. Одет в какую-то куртку, потом в малиновую ризу с крестами. На шее висит крест и что-то очень оригинальное, овальное (см. рис.) [318]). Все это очень свежо, лицо будто старее. Риттер [319]) говорит, что в ламаитских храмах на стенах были образа, покрытые лаком. Не из них ли переделанный? Или сделанный братскими.

Другой Никола в серебряной ризе, тоже довольно широкоскулый, с расставленными руками. Уморительный. Надписей не видно.

Образа все препотешные. Один: Иисус Христос, ребенок, держит перстень, а Мария держит за руку Екатерину в короне (с крестом?) и заставляет, повидимому, Иисуса Христа надеть перстень Екатерине [320]). Рожи все препотешные. Затем Ной с сыновьями. Иисус Христос, привязанный на цепочке к стенке, сидит с плачевной рожей. Лицо круглое, жирное.

Церковь имеет очень богатую ризницу, надгробные камни с глупейшими надписями и прочее. Вид с колокольни красив; видна Талая, затем дома, каждый со своими телятни-

ками (в 1-й раз вижу). Домов до 350 разбросано по обе стороны Иркута. У церкви оштукатурен только шестерик. Штука для даров совершенно католическая—стиль, статуи, ангелы и прочее.

Казаки рады бы перейти в крестьяне. Разорительно иногда,—вдруг очередь всем мужикам итти, хоть одних баб оставляй. А то однодушки. Муж, жена, 5 детей. Муж на службе в карауле. Жена умирает. Дети одни; и так далее в этом роде, а уж нечего и говорить про разные удобства, подводы, наряды и прочее, и прочее.

Сынки—язва, с каждым годом все хуже и хуже. Дома голые, лошади, коровы—все продано. Как приходит весна,—есть нечего, не выходят из прихожей сотенного.—Кормите, не то воровать пойдем,—и, действительно, воруют, либо зарежут скот, либо амбар подломают; беспрестанно требуют сотенного,—осмотрите след, и т. п. Особенно крестьяне,—вражда постоянная. Из 180 сынков только 6 занимаются хозяйством и живут хорошо, но зато так, как дай бог старому казаку. Конечно, если привести такого в пример,—говорят: „его сам чорт на хвосте носит". Теперь они почти все ушли к Шацу на работу,—за 5 летних месяцев 20 руб.,—и получили по 10—15 рублей вперед; все пропито; придут, опять жить нечем, а в город их не позволяют увольнять на заработки,—воруют. Здесь же заработков мало и трудны. Конечно, могут наниматься копать огороды, косить (много можно заработать), „но мы, говорят, к этой работе непривычны". И правда. Думают, что им все дали, если дали материальные средства. Учение-то о свободной воле сплоховало. Способности не дали. Вернутся, а им нужна обмундировка, а ее нет. Не знаю, как выворотятся, разве что половина перемрет; интересно бы знать цифру умерших в эти годы. Вообще здесь всякий норовит увернуться от работы потяжелее. Вот сторож в церкви получает 6 рублей в полгода,—летний, а у него дом, хозяйство. Не понимаю, какую выгоду находит.

19 мая.

Надписи на береговых утесах Оки, действительно, есть, на утесе Монгол, но только заплыли и трудно разобрать.

Пашен на Окинском никогда не бывало; пахали под картофель, но мерзнет.

Медведь живет постоянно в вершинах Тисы Сенца etc. Темный и буроватый.

Dsarin — олень холощеный (мужик), зверь, употребляемый для езды; коней мало, только с появлением русских.

2-й водопад на Сайлоке, тоже левом притоке Оки, верстах в 3-х от Джомолоки.

С Алиберовского прииска на Окинск по Тустуку, потом по Сорохо и на Оку. Если Сорохо велика, то через голец с Окинска. То же, что назад ворочаться.

Шинки. 20 мая.

40 верст отъехал и должен сидеть. Вчера в горах был снег, и теперь речки прибыли, нельзя перебраться через Зингачан, надо ждать до завтра. Заезжали в одну из юрт Хорбятского улуса и купили сумки за три рубля. Юрты снаружи хоть невзрачны, внутри очень порядочные, просторные, теплые и сквозь щели не дует. Дует только в отверстия, сделанные в стенах. 8-ми угольные юрты очень употребительны, они и просторнее. Вверху широкая дыра, куда идет дым. Меня тотчас угостили кипяченым молоком, а потом принялись ощупывать, рассматривать, расспрашивать о ценах, напр., на сапоги, не серебряная ли оковка на ноже, etc.

Живут вообще, как видно, не бедно, — горка вся обставлена бурханами: один из них Будда, другой Яростиний, третий сидит прямо, руку вниз, левою держит шар, а на голове шапка, совсем как у древних сирийцев. Таких богов очень много в дацане. Бурятки одеты хорошо, на шее навешаны серебряные рубли в медной оправе, 20 коп. и проч. Возле юрты разное надворное строение. Дацан деревянный, архитектура в роде этого [321]), но не похожий на Окинский, напр., большое крыльцо. Сам дацан внутри очень тесен и беден. Не знаю, где народ помещается, вероятно, по галлерее и на крыльце [322]. (Кстати, в Иркутске (?) строили церковь. Ее строитель сам пристроил галлерею, чтоб буряты могли помещаться во время большого стечения народа. Ему не позволяют, — вероятно, напоминает дацан . Он состоит из 2-х отделений: в нижнем большой дацан с креслами для ширентуя и лучшими

образами, вверху малый, в *a* пустота и в середине 4-хугольный сруб, пустой. На среднем месте помещается большой бурхан майдура, стоит и держит в правой руке длинный желтый свиток, в другой—большой цветок с зеленью, одна из задних рук, вероятно, тоже держит и в правой ветвь с цветком. Рядом с ним Будда(?) и что-то в роде египетского памятника, который я срисовал; слева Будда же другого же фасона и злой бог, попирающий человека. Далее развешены образа, из которых некоторые совершенно китайские и в китайских башмаках на толстой подошве. Справа висит большая красная маска с разинутым ртом и кругом мертвые головы. Между прочим, в числе образов есть один, на котором боги зла топчут человечество: один на тигре или на

льве, другой на теленке, третий на быке. Человечество топчут вообще очень многие.

В верхнем дацане образ Цаган-Убукгуна, единственного с большой белой бородой. Ширетуй [323]) говорил, что однажды Цаган-Убукгун пошел и встретил бурхана, который и спрашивает: „Куда ты направляешься так далеко при твоей старости?"—„Бога искать". Вот поэтому он и стал богу угоден. Но только он не святой, а очень уважаемый старик.

Затем образ, где одного большого Будду в мидийской шапке окружают семь таких же и 8-й бог зла—или 21 Будда. Кроме того, один с сиянием, совсем как рисуют Иисуса Христа в овале, кругом—малые боги. Затем иные имеют около себя по два других господина с палками, в роде католических пасторских жезлов. Есть литографированные образа; там наверху тоже пастыри, тут уж трудно что разобрать. Все идут из Китая. 2 господина на многих образах; так, около Цаган-Убукгуна, над ними два солнца: одно белое,

другое красное. Вся нижняя кумирня увешана белыми тряпками, шелковыми. Бурханов всего 5, затем 2 так стоят, один в цепях корчится, другой - обыкновенный Будда. Больше рисованные образа. Затем рядом несколько кумирнок, одна с курдой. За оградой большая куча хвороста—обо [324]). Вверху длинная палка кончается чем-то в роде птицы. Над кумирней croissant [325]), увенчанный шаром и маленьким шариком. Вот оно—происхождение croissant под русским крестом, а Poulain [326]) объяснял победой православия над Турцией, а я ломал голову, когда это. Ширентуй был в Шинках. Он зашел ко мне. Неглупый человек, довольно симпатичный, рассказывал про Оку. Трудно проехать по Оке на лодке, только от Окинского караула до места соединения трех Ок,—Средняя Ока, Урду Ока и Хайти Ока. Там хорошо, а то между Джунбулаком и Бельчиры (место соединения 3 рек) вышла гора и у нее пороги. Можно ли спустить лодку, не знает,—советовал обратиться к Галсану (Халзану) [327]). Дед ширетуя был русский, но он по-русски очень мало знает, так как все русские знают по братски, а братские вследствие этого не учатся по-русски. Когда его прадеды жили здесь, пришли русские; первым поселенцем был Зверев, который выкопал себе землянку и жил, распахав пашню; от него и пошло теперешнее население. Он хорошо лечит, ссылаясь на волю своих бурханов, что не мешает русским лечиться у него; „многие за него бога молят". С ним бурхан, читает немного по-русски, и хотя бурятской веры, но после чая крестился два раза по русски.

Ужасное смешение; воображаю, что будет, когда еще католические миссионеры распространят свои образа по Китаю и повлияют на китайских иконописцев. Ширетуй пускался толковать о том, что вот какие-де русские, все знают, ездят и проч., – это почти неизбежная фраза у всех их. Он получил диплом на звание члена совета сиб. о. [328]) и не знал, куда с ним деваться. Сотенный его успокоил.

Белки здесь добывается много, ходят больше на одну речку в верховьях. Нужна особенная любовь к этому промыслу, чтобы ходить на него. Нужно купить пороху и свинцу,—1 ф. пороху и 2 ф. свинцу на ружье, платят иногда 1 р. 50. В прошлом году выписывали из Иркутска, и стало 90 коп. Нужно ружье, лошадь, собаку, иногда все это кортомуют [329]),

а набьет 100, иной до 150, иной несколько десятков, но все-таки около 100 вертелось в последние года, а когда меньше, тогда цена выше, и наоборот. В последние года давали в Иркутске 13 коп., здесь до 9 коп., следовательно, положим, продает за 11 руб. сотню. Это в месяц, большею частию $1^1/_2$ иногда 2; лошадь 3 руб. в месяц, порох $1^1/_2$ руб., собака—не знаю, положим 50 коп. Ружье. Заработная плата во всяком случае, слишком ничтожна и вдобавок неверна. Разве что это время совсем свободное от работ. В Саяне на китайской стороне очень хорошая белка, но туда не пускают (?) [330]. Тунковская белка очень хороша, одна из лучших. Там в верховьях тоже хороша очень, особенно соболь, которого ловят, наживляя „рябцами", в какой-то мешок. На Голопяти ловят белку ловушкой, наживляя сушеными опенками, которые нарочно собирают и сушат летом.

Пашни подготовляют следующим образом. На больших деревьях делают круглые зарубки до древесины. Дерево истекает кровью, засыхает. Его рубят, пень обкладывают хворостом и зажигают. Он выгорает. Большинство пашен по покатям, наносимым сверху. Перед посевом их выжигают,—лучше чем давать гнить. Везде загороди.

Дорога до Шинков, 50 домов казачьих, чрезвычайно красива в некоторых местах, превосходный березняк, леса очень красивы, только береза корява. Далее болотисто. Кумирня, кажется, на берегу высохшего озера.

Около Туранского караула. 21 мая.

Дорога вся в холмистых лесах. Леса очень хороши. Березняк, сосняк. Грунт между Зангисанами [331]) только и можно было видеть в обнажениях у дороги. Все очень мелкий песок, чистый... 2 зангис... 2 против одной большой реки. Они катятся по дну из очень крупных камней (гранит, красные сланцы, лава). Прибыль и убыль замечаются скоро. Вчера нельзя было переезжать, к вечеру до потников, сегодня тележка 2-колесная проехала свободно. Река Хорбят шла, когда мы ехали [332]). Наш обратный ямщик не мог уже попасть, должны были ночевать; переезжали до потников. Вот как постоянно должны здесь бороться с этою природою. Одна сторона разовьется, другие шаг за шагом постоянно убиваются. А тут

еще начальство, которого так боится всякий бурят, и его родственник—казак. Где тут развитие?

Горы все суживают падь Иркута, который уже (по дороге в Нилову пустынь) плюгавая речушка; есть карбас, но ездят в брод. Он „в соку", а все-таки очень страшен. Очень быстр. Долина его холмиста выше дороги уже на 27 дюймов в Ниловой пустыне, и само собою. хлебопашество все труднее и труднее. Тут по дороге видны пашни, но разбросаны клочками по подгорью. и только вблизи „жителей", не доезжая 5 верст до Туранского караула, раскинулась хорошая поляна, где пашут и пасут скот. Общая физиогномия домов все та же, в пище разница только та, что рыба заменила мясо. И этот общий характер лиственничных домов с неровной безобразной крышей повсеместный. В постройке внутренней тоже не заметишь отличий, кроме большей или меньшей роскоши в мелочах. Но славный народ образовался из ясачных бурят. Росту хотя они и малого, но довольно плотные, бойкие, куда лучше казаков.

От Шинков до Туранска пришлось ехать на 2-колесной телеге, кроме того, сухари и мелкие сумы взял под себя бурят, ясачный старшина,—вахтенный, который ездит из Тунки в Туранск отпускать хлеб, и ямщик с сестрою ехали впусте. Сестра с бурятским типом, но довольно красивая. ехала лучше мужиков верхом с сумами, таким молодцом, как нельзя лучше, на бродах,—хоть куда. Оно преоригинально—бурятский тип, русская одежда, новенький красный платок развевается на голове,—и лупит себе рысью. Во всех Шинках нет кованых колес, нет телеги,—еле-еле нашли одноколку с нековаными колесами.

Нилова пустынь[333]).

Из Туранска мы ехали верхом. От Туранска до Ниловой п. сперва назад, вниз по долине Иркута, мимо больших лугов, носящих следы вчерашней прибыли речек; везде они промчались, неся всякий сор, и сегодня уже сухи, только мокры мосты, которые они покрывали вчера, да вода сбегает.

Переехав Иркут, мы потащились по ущелью Ихэ-Угуна (большая речка). (Большая река, fleuve[334]); не мурэнь, а мурун, поправил ширетуй). Между высоких гор пробито узкое, узкое ущелье, и там прыгает по камням Ихэ-Угун, рвется с

быстротой непомерной, поворачивая лошадь. Когда вы выезжаете, то кажется, будто ужасно высоко вверх забираетесь; если смотреть вниз, немудрено и голове закружиться. Его переезжали 2 раза; прежде были мосты, но теперь все снесло, только бревна торчат. „Пустынский батюшка“ городит теперь дорогу,—хочет заставить Ихэ-Угун промыть русло левее, а тогда и проведет дорогу под утесом и избегнет переездов. Это будет хорошо, а то хорошая дорога (ладят буряты), и, все дело портят переезды, в телеге нельзя,—надо верхом ехать.

(Разрушается м. воды, temp.[335]) $+34\frac{1}{2}$°R..., купальни, гостиницы. Причетник, пещера, гранит, мосты, прежние купальни, попадья, вода для самовара и питья *).

Минеральные воды Ниловой п. $+34\frac{1}{2}$° R. Устроен над нею колодезь, и это плюс, в закрытом колодце. На вкус неприятная; на железе, меди дает белый налет с розовым отливом. Говорят, что она особенно хороша в самоваре,—„хоть целый самовар выпьет один человек, все ничего,—легка очень“. Посетителей только 5 семейств; многих, я думаю, удерживает трудность дороги, неизвестность. Для помещения устроена гостиница с 4 нумерами; тут же купальня, через которую струится вода, как из хорошего самовара. Когда нужно купаться, выпускают воду из колодца, где она накопляется немного. Вообще, значит, ключ очень мал и дает воды, как два хороших самовара. Дно—мелкий кварцовый песок, гальки, амфиболиты гранита, кварца, слюда. Глубина 1 аршин. Вода прямо из колодца, где пьют, пробегает в купальню. Видно, что прежде было все устроено, затем пришло в упадок, теперь опять возобновляется. Так, скамейки по утесам, лестница к пещере, мосты. Теперь достраивают дом, где живет попадья, доканчивают верх. Землю берут из разруш. бел. гл. (см. выше)[336]). Церковь очень красива, ряд маленьких колоколен (деревянных), но монахов нет ни одного, это очень хорошо. Сибирь вообще молодец на этот счет.

Теперь продолжаю про Туранский караул. Казарма и магазин одни стоят среди луга на правом берегу Иркута.

---

*) На этом листе рукописи имеется рисунок, изображающий внутренность пещеры; под ним надпись: „пещера около Ниловой пустыни“.

Для чего живут здесь казаки, этого они и сами не знают. В окрестности буряты — хлебопашцы. Давно ли стали ими? Ежегодно выходящие 20 казаков, получающие от казны около 84 руб., должны себе амуницию запасать. Шинель стоит 5—6 руб. Очень плохи, не выдерживают года носки. Вообще теперь сукно очень плохо. Пользы от этих караулов, конечно, никакой. На Хан(гинском),—это остаток древнего острожка, должно быть,—пали, несколько строений; он ина левом берегу Иркута, возле самой реки.

Борохтуйские озера. 22 мая.

Дорога сперва все по подгорью. Сланцы кристаллические, прорванный гранит, местами известняк. Большею частью все идет п долине Иркута, изрытой протоками и заросшей лесом. Пади и вершины, углубления . . . болотисты. Лиственница, сосна, paconia, мар... кор... мало, акации в цвету. Эти пионы в первый раз тут встречаются. Вообще южные склоны этой долины с чрезвычайно хорошей растительностию. Но зато дальше в горах болота да болота; дорога делает большие извороты, чтоб придерживаться к краям болота, заросшим лесом.

Туранский караул. 22 мая.

Дорога немного другая; пришлось проехать по болотным кочкам (верхом?), грязь довольно большая, кони спотыкаются. Спуск у 2 моста аршин до 2-х, тот же сланец. Гранит торчит большими глыбами и вертикальные утесы. У 1 моста, сланец которого образцы в сумке (снаружи). Беличий промысел, конь корт. за 3 руб., на промысел соб. 1 руб. Конь на год 5 руб., некоторые богатые братские на (зиму?) дают даром.

Караульная казарма, казаки, молоко, пашен довольно, братские кортомуют у казаков.

Теперь продолжение до Борохтуйского озера.

Обнажений попадается на дороге очень немного. Верстах в 4-х от караула попалось обнажение извести, которая, повидимому, падала в долину Иркута, за ним через $^3/_4$ версты видно, как выступила лава, должно-быть, тоже из трещин, так как она куполовидными холмами опоясывает скаты

гор. Затем верстах в 10 от караула дорога идет над самым Иркутом. Тут обнажения зеленых сланцов, которые тоже опоясаны лавными котмами. В 18 верстах над самым Иркутом, падающим к SSW, под углом до 30°, размытый Иркутом род слюдяного сланца № 66. (Лава (выше) местами очень плотная, далее красно-желтее, разрушается в глину). Последние пашни попадаются ближе Борохтуйского озера, именно в месте, называемом Нурой. Это между горами, лежащими возле самого Иркута и следующими, образующими падь, по которой рассеяны бурятские пашни, а местами готовящиеся под пашни тем же способом.

Хангинский караул. 22 мая, веч.

От привала все по пади р. Борохтуй. Падь болотиста, заросла лесом, но везде кони шлепают по грязи. Наледи на ней остаются, и до сих пор так крепки, что держат коня. Затем переваливают 4 дабала [337]) и идут в р. Хmajelga, вверх по ее пади. Становится холодно, чаще и чаще снега, накипи. Затем опять на дабал, а тут Хара-Нур, и перед ним накипи,—лед лежит в котловине. Тут за Хара-Нуром—Шулу-Сапшаш, „будто рубили“ каменья. Тут она выходит из гольцов широкою падью. Мне кажется, судя по рядам острых еще, не выветривающихся и очень, очень мало оттого округлившихся каменьев, что это остаток ледника,—совершенно боковые морены [338]). Тут уже трудно сообразиться, какая это гора кажется влево, все еще отроги тех же гольцов, судя потому, что там повод... извести и здесь, на 1-м дабале.

В верховье Борохтуя было одно обнажение гранита с огромным количеством роговой обманки (см. прилож.) [339]). Когда мы перевалили через верх Желги, показалась во всей своей красоте М. С. [340]) - куча гольцов, покрытых снегом, но не сплошная куча, а с полосами гранита и пр.

Тут мы были очень недалеко от верха пределов растительности,—Iary [341]) да багульник в цвету—главные гости.

Слияние 2-х Иркутов, казенная юрта.
23 мая, веч.

Возле Хангинского караула Иркутская долина расширялась. С левого берега котловину у Хангинского караула со-

ставляют конгломераты. Они же сопровождают левый берег как только выехать, образуя ровное до 40 саж. валы (?), повидимому, лежащие прямо над гранитом. Что это наносы, очевидно, позднейшие, доказывает тожество состава с теперешним дном реки; несплоченность,—прямо рассыпаются, цемент—белая и красная глина, держит их очень непрочно,—куда не похоже на Байкал, где галька, разбив цемент, держится. Ясно, следовательно, что некогда ложе Иркута было гораздо выше. Эти конгломераты попались далее и по правому берегу Иркута. Так как ближайшие породы составляют гранит и кристаллические сланцы, известняк, то очевидно, что эти конгломераты несравненно моложе их. Падь Иркута очень сузилась. Кроме того, ясно еще становится, что отнюдь не образуют для Иркута готовой трещины, по которой он потек. Нисколько. Но произошло поднятие гранитов на М(унку) С(ардык), и, вероятно, лучи, образовавшиеся от него, поднялись по трещинам гранита, приподняв известняки и этот красный камень и поставив их на ребра. Но из ручьев образовалась большая речка, пробила известняк и стала наносить гальку. Потом, по общему закону, что все речки постепенно углубляют свое верхнее русло, и Иркут углублял свою падь etc. Далее. Есть ли еще Саян отдельное, не единовременное с Тункинскими Альпами, поднятие, и есть ли долина Иркута эта самая трещина. Нет. Падение пластов по склонам Саяна от Иркута, далее в верховьях оно заметнее, как . . . те же породы и лежат не в долине Иркута, а вдоль нее. Таковы известняки возле самых иркутских верховьев. В одном месте поразило меня количество натасканного камня с вершин известковых гор. Впрочем, каждая падь прорезывает гребень известняков, а то было бы непонятно то количество и разнообразие камней, которое есть в этих россыпях из острых крупных каменьев. Конечно, накопиться могли они не иначе, как с помощью ледников или наледи, иначе стерлись бы углы и потом их направление и выпуклость.

Дорога, вообще, очень порядочная, кроме одного места. Переехав Кубухой, пришлось ехать горой; тут поднялись на утес и спустились за ним, так как Иркут не пустил бы низом. Бурят не совсем хорошо знал место и провел нас на такой спуск, что еле спустились, держа коней в поводу. Затем все низом по долине Иркута. Лиственничные леса

образовали непролазную чащу, пожары повалили etc. На утесе багульник, непременный спутник дрянной растительности, тут эта кол. . . . . . (не Vaccinia ли?), которой так много по дороге в Нилову п., цветет белая орхидея, колючки и род висячаго моха. Горы известковые) все истыканы пещерами, ровно и красные, но добираться до них трудно, много времени. На том берегу Иркута местами обнажения, но они довольно высокие, и нельзя переехать. Важность подробного геологического исследования местности, М. С., узел, от него (или Н. Д. [342]) падают все горные породы. Возможность исследования, но в 3 раза более времени нужно. Все нас пугали, а мы проехали пока так хорошо. Действительно, бывает иногда в снежный год, когда бывает больше снега зимою или выпадает в апреле,—тогда переезд очень труден, но теперь очень хорошо. Можно ехать; несколько дней раньше меня выехали казаки.

Заезжали в один улус. Картина преоригинальная: бурятка стрижет овцу, которая неподвижно лежит. Около матери вертятся человек 5 бурятенков, совсем голых, двое в шубах, — контраст недурен. Наш ямщик в прошлый раз был в шубе. Он ее и зимой и летом (носит), и „братский куда против русского: теперь если взять в большой мороз русского и братского, то русский скорей околеет“. Хозяйство небогатого казака в Шинках—4 лошади, 4—6 баранов, 2—3 коровы.

Б. (Белый) Иркут несется с непомерной быстротой. Он не более как 2—3 сажени ширины, но, прежде чем переезжать его, невольно задумываешься,—волны так быстро прыгают по камням его белой воды. Если она хватает до стремени, то редкий конь в состоянии выдержать—повалит.

В красной известковой породе на том берегу Иркута пещера. Она не особенно велика, попасть в нее трудно,—нужно еще раз переехать Иркут, а брод неудобен. Горы все известковые, как по правому, так и по левому берегам Иркута. Ночевали в казенной юрте; очень хорошо, довольно тепло, только кр(ыша?) загорелось. Мы переезжаем громадную наледь. Она едва ли через месяц растает. Эти наледи наворачивают каменьев остроребрых, но это те же ледники.

Юрта около Окинского озера.

24 мая.

Около самого ночлега предстали обнажения бело-красного известняка. Желтоватого тоже. Вообще подъем весь—это желтоватые и желто-серые известняки, лежащие на граните. Самый крутой 1-й подъем и спуск, также и 2-й подъем, на котором русская часовня,—все известняки. Затем подъем на одно куполовидное возвышение, тоже известняковое. Тут мы остановились определить высоту барометра, думая, что это высшая точка перевала. Оказалось после, что после спуска мы полезли еще выше. Тогда на возвышении, образованном головою пласта аспидного шифера, который составляет высшую точку перевала, мы остановились во 2-й раз определить высоту барометра. Третий перевал—через породу, образовавшую прорыв. Она имеет вид вроде следующего [343]). Плоскости *a* совершенно плоски и гладки. Неровности их только настолько, насколько могло произойти от выветривания. Зато поля все усеяны несметным количеством валунов и обломков гранита, с слишком острыми ребрами, чтоб можно было приписать их присутствие внизу воде. Я отправился искать на этих плоскостях *a* следов полос, сделанных ледниками. Они есть, в огромном количестве параллельны, идут большею частью по линии наибольшего падения, местами пересекаются под острым углом другими линиями. Камни внизу наворочены на плоскости слишком не круто, под углом 10—15 градусов падающих, чтоб можно было приписать это процессу выветривания и оседания вследствие силы тяжести. Я убежден, что некоторые вершины Н(уху)-Д(абан) были тоже покрыты ледниками. Правда, нигде я не нашел следов морен, кроме одного указания, впрочем, слишком неясного. Затем, спустившись в широкую котловину, где еще остались следы покрытого льдом и снегом альпийского озера—Иркута. Тут, кажется, есть след боковой морены, впрочем, теперь заросшей травою. Да царапины на льду невозможно смешивать с трещинами, напр., они идут так на гладкой поверхности гранита (в роде финляндского), но они уже не острые царапины, а от выветривания полевого шпата усеяны кристаллами

кварца. Мы остановились для определения его высоты. (В окружности не более 1 в.—$1^1/_4$ в.). Не успел я убрать барометр, как с ю.-з. налетел сильнейший шквал с дождем и грозой. Холодно стало, насквозь прохватывало. Мы добрались до казенной юрты и стали. Тут и заночуем. Благодеяние—эти юрты; жаль, что их только две на дороге. Конечно, сквозь щели пролезет собака, но все-таки хоть отчасти закрыто сверху от дождя.

Сегодня мы восходили на несколько сот футов выше зоны вертикального распространения лесов. Последние следы ее остались в виде отдельных деревьев раньше первого подъема. Это были тщедушные, нераспустившиеся лиственницы. Теперь мы версты 3 спустились ниже Окинского озера, и все-таки они еще не распустились. Выше всех, кроме мхов, серых, черных, зеленых и красных лишаев, забирается голубоватый колокольчик, за ним фиолетовый цветок (крестов . . . .) и, наконец, брусника (?). Два первые цветут. Кроме них, никаких не только цветов, но и зелени, видны остатки травы, да редкие экземпляры остатков злаков (ветоши). Прочее все—мшистое болото, в котором из под ног коня сочится вода, скопляющаяся в ручейки.

Озера Иркут и Окинское (но больше высоты его не определяли, так как несся сильный ветер с дождем и сронил бы барометр) (сто раз пожалел я, что поскупился обзавестись палаткой) отделены небольшим болотистым мшистым увальчиком, заросшим лиственницею; от Окинского идут округленные вершины гор с болотистыми падями, по ним сочатся крошечные ручьи,—один из них зовут Окою. Через 150 верст это будет большая река, через которую нет больше бродов. Вот это заставляет задуматься,—не есть ли это другой хребет с другим характером, чем Тунковские Альпы. Всю дорогу, во время переезда через голец, красовался влево от нас Мунку-Сардык. С острой конической его вершины, вокруг которой во все стороны улеглись снежные гольцы с глубокими морщинами, на С.З. спускается сплошная масса снега, в других местах крутые падения, и выступы пестрят эти белые массы темными бороздами. Тут сплошная масса белого снега, идущая треугольником от небольшой шапки, которою кончается голец. Те гольцы, которые мы переезжали, так ничтожны перед ним, и их круглые вершины так некрасивы перед коническими верхушками тех гольцов.

С каким шумом несутся Иркуты, я вспомнил. Здесь безмолвие полное, только кукушка кричит,—я сосчитал у одной 71 раз, а она перед тем кричала что-то очень долго. И это с двумя маленькими перерывами, меньше $^1/_4$ мин. Кстати, отчего люди стали спрашивать кукушку,—сколько лет жить,—от безделья. Думать не о чем или не хочется, и спрашивают. Получают ответ, и воображение начинает работать над новою мыслью.

На вершинах первого гольца (около 2-й т.) множество валунов и галек гранита, слюдяного сланца, зеленого аспидного сланца, серого и белого известняка. С гольца рвется Горхон, подмывающий гранит и далее аспидный сланец; должно быть, это жила или место соприкосновения гранита и сланца.

— Буряты стрижка овец; теперь закупают. Льготные казаки, ехали затем не хангинские казаки. Таежная жизнь, сиденье у костра и длинная ганза, конечно, медная,—закуривает прямо, переносливость (босоногий ходит в дождь при + 8°R) но рядом с переносливостью—слабосильность.) Жизнь без содержания, любопытство.

Юрта—шалаш из лиственной коры, как свыкся с лиственницей; костер на всю ночь, дерево, добывание огня, важность, бережливость относительно трута; плащ с капюшоном от дождя. Казаки-буряты куда хуже,—первые слова, которым учится обрусевший казак: однако, мало дело, маломало, надо быть... Здесь говорят немного иначе, чем прежде,—би затея байна, арба—не арбум и т. д. Тишина здешних лесов, птиц очень мало, только по вечерам чиликает какаято. Трава очень плоха на этом склоне, оттого скот и молоко плохи. Молока вообще много, торговля молоком выгодна, — сюда приезжают закупать.

Чай в последнее время стал дорожать в Иркутске,—в IV (апреле) был 50 коп., теперь самый плохой сорт, — черный 55 коп., получше—60 коп. У мунгалов мало чая,—сами купят. Везут по Кругоморке осенью на санях, и только на очень хорошего коня—5 мест. Параллель между бурятом и его конем—переносливость и слабосильность. Лучшие кони—белые везде у бурят.

Причины?

Норин-Хоройский караул[344]. *25 мая.*

У самого ночлега белый гнейс, 89, который залегает на далекое пространство, и на 3-й версте сменяется гнейсо-гранитом № 90.

Вскоре после ночлега переехали р. Ишун, которая так-названа по траве, растущей у ее берегов. Теперь видны только волокнистые дудки этой травы, которая обыкновенно употребляется бурятами вместо или в примесь к чаю. Растительность до-нельзя бедна; правда, теперь и судить трудно, но видно по остаткам. По мере того, как мы спускались по Оке, лиственница немного одевалась зеленью, а то все мшистое болото, по которому сочатся 1.000 врем. ручейков, местами речек. Так Ишун гораздо больше ручейка, называемого Окою. Ока так быстро увеличивается, что можно сказать à vue d'oeil[345]. Возле нее в пади лежат снега накипей, которые до сих пор могут держать коня. Ока бежит широким руслом (саж. 2) и у Гаргана до 5—6 саж. и неглубоко. Воды ее шумят, но нет той быстроты, которую вы видите в Иркуте, особенно в Белом. Первые две породы, 89 и 90[346], идут по их берегам вплоть до Жохоя, сменяясь иногда гранитом. Так, на правом берегу торчит куполовидное возвышение гранита, на левом же видны обнажения известняков. Ниже Жохоя тоже гранит из розовых полос и темных, сероватый кварц и белый сланец, а в следующих рядах видны известняки, которые. сперва серые, потом красноватые, заступили левый берег. Самая долина—болото; края ее — валуны с галькой гранита и кристаллического сланца. Эти наносы образовали большие возвышения, идущие грядами вдоль берегов. Они поднимаются более 100 фут. над долиною реки. Их присутствие положительно необычайно. Местами они очень закруглены и заставляют думать, что натащила их река, но во всяком случае не такая Ока, какою мы теперь ее знаем, а несравненно более высоко текшая, несравненно шире и, главное, несравненно сильнее. Правда, и в теперешнем Окинском русле есть большие валуны, но не в несколько аршин в диаметре. Во всяком случае, Ока, конечно, пробила себе русло, но большая сила ее воды наводит на мысль о большом количестве снегов, следовательно, опять прихожу к ледникам. Понизились ли эти горы, или нет, трудно ска-

зать,—едва ли. Правда, местами пласты сильно исковерканы по всем направлениям, но общее их падение, вдоль Оки вниз, совершенно естественное. В одном только месте попались изогнутые, выгнутые пласты серого известняка, но изгиб так ничтожен, 1½—2 фута в диаметре, что скорее назвать это скорлупою; возле—жилы, которые в таком изобилии прорезывают эти породы. Затем против пади р. Талой, на правом берегу, серые, красноватые известняки. На той стороне белеют обнажения тоже известняков. На тех и на других лежат красновато-желтые известняки, близко подходящие к Норин-Хоройскому караулу. Караул, возле которого разбросаны юрты бурят, находится в расширении долины. Посреди ее возвышается футов на 70 насыпь, теперь округленная и состоящая из гальки и земли. Происхождение ее, несомненно, искусственное. Но кем и когда она насыпана, не добиться. Русские не предпринимали никогда, по самому своему характеру, да и никогда не в силах были бы предпринять подобную постройку. Следовательно, вернее всего отнести ее к тем же силам, которые воздвигали гигантские валы на Аргуни, по кит., на Амуре. Только соединенные силы тысяч людей могли приняться за такое дело. Сам караул ветхий. Разрушенные пали свидетельствуют об его древности. Амбар весь исстрелян пулями. Тут когда-то стояло 18 казаков, вероятно, давно, когда эта забава была еще в ходу (теперь этого не случалось видеть), и пробовали все свои винтовки на 50—100 саж. Метко стреляли, должно-быть. В падях влево и впереди видны покрытые снегами гольцы. Какой это хребет? Жогойская вершина,—только и добился.

Тайга—слово не русское, не сибирское, а получившее право гражданства в сибирском наречии—Эргило-Таргаки. Тайга скорее татарское имя.

С час стою здесь, все жду лошадей. До сих пор нет. Старшина объявил, конечно, не мне, а потом казаку, что нойон не ихний, не (земский), и лошадей давать не обязаны. Я поехал к нему. Он спрятался. Ну, и ищи тут.

Р. Тагархой, юрта около Алиберовского прииска.
26 мая.

Сегодня прошли 8 верст по Оке и потом по Каштаку. От Норин-Хоройского караула все идут известняки серого (цвета).

которых отличишь только в легких оттенках цвета. Весьма возможно, что в них можно найти отпечатки, но искать их— потребовалось бы слишком много времени. Эти известняки сопровождали нас до сего места. Они являются в обнажениях по правому и по левому берегам Каштака, и, наконец, на перевале к озерам Дабан-джелга до р. Тагархоя. Долина Оки некогда была тоже гораздо выше,—свидетели гальки, круглые по бокам долины, образовавшие гряды в 150—200 футов. Они же есть и на Каштаке, на высоте 100—120 футов над теперешней рекой.

Местность все болотистая, начиная от самой Оки, на которой наледи до этого места; все тундра, мшистое болото, по которому сочатся под мхом ключи в реку. От этого Каштак с самых верховьев уже порядочная речушка, впрочем, броды везде есть. На Оке, за Норин-Хоройском, местами появляется береза, в виде отдельных особей среди лиственничных лесов или отдельных групп. На перевале же исключительно низка (не более $2^1/_2$ саж.) lurix [347]), да желтые мхи и черные и зеленые лишаи, красные только в 2—3 местах. В вершине Т а г а р х о я есть другое хвойное, 5 пней красноватых стволов. Из цветущих только голубые колокольчики.

Болото такое, что невольно заставляет задуматься, как попал сюда человек. Бурятский промышленник принес Черепанову кусок графита. Это и послужило к открытию, наделавшему столько шума, а теперь 4-й год мертвого прииска. А видны все затеи: на перекрестках кресты, к которым прибиты указательные руки и надписи „на Монху“, „на Гир“, зим., лет., etc. Юрта, в которой мы теперь, с нарами, род трубы, навес, скамейка—и все мертво. Обидно просто.

Буряты (50 зв. 5—10 зуб. в год, олени, сохатые. Продают купцам. Куркутов из Тунки. Верткость, глаз). Цветок, который забирается так высоко. Луковичный корень, краснолиловый, 5 тычинок, листья мягки очень [348]).

Алиберовский прииск [349]).

Только что мы выехали, как хватил сильный дождь грозою и бурею. Деревья валились, кони поворачивались от ветра; чтобы усидеть, все нагибаются в сторону ветра,

и это с сильным холодным дождем. Хотя ветер был все время с запада, шквал налетел с с.-в. Потом мы ехали под сильным западным ветром, который на гольце пронизывал до костей. Дорога идет сперва по кедровому лесу, потом все выше и выше забирается на болотистый кряж, наконец, уже лиственница, наконец, на Ботуй-гольце вышли из пределов растительности. Дорога до него трудна, (мало-мальски) сильный дождь делает всюду ручьи, грязь. Особенно бурлит Кашигол возле гольца, а с западной стороны его обтекает Ботуй-гол, от которого зовут и голец. На высшей точке гольца крест, ниже—вторая вершина (тоже крест; крестов неимоверное количество для указания дороги), на которой шахта и жилище Алибера. Жалко смотреть на этот прииск,—столько затрачено капитала! Все так хорошо, прочно выстроено, и осталось, как будто завтра воротятся хозяева, вчера его бросившие. Тут скатерть оставлена, там термометр снаружи. Все так мило выстроено, удобно, кажется. Графита лежит несметное количество, набросанного всюду, частью напиленного. Весь он марает сильно пальцы, легко чертится ножом, но большинство следов (рыжие?). Впрочем, таких отчетливых образцов, как в Сибирском отделе [350]), здесь нет. Шахта отперта, завтра полезем, а то сегодня так промерзли, что не до нее было. Известняки сопровождают нас до самого гольца; только перед гольцем, выше по Кашиголу появились металлические сланцы. Самый голец тоже известняковый, по . . . . . больше, но попадаются и гранит, и красный сланец, нельзя сказать наверно. Тут действ. неправ. по . . . ., в 7 часу вечера солнце падает на него. Флюгер правильный, и западный ветер постоянно, должно быть, преобладает, так как от него устроена стена.

Алиберовский прииск. 27 мая.

Сегодня спускался в шахту. Сперва она идет прямо вниз, имея в ширину до 15 арш. шир. (!) 12. Она пробита в камне № [351]); мало того. Местами, как черный свод, входит в состав самого этого камня. Или графит растительного происхождения, или нет. Что он растительного, может доказать рисунок, наконец, образцы в Сибирском отделе etc,—все, кажется, согласны. Но как же тогда мог он войти в состав

плутонической горной породы—гранита? Сильное противоречие. Вернее лишь, в таком случае, что есть гранит не плутонического происхождения.

В середине шахты—2.2°. Затем спустились в самую глубину, которая достигает глубины . . . . [352]). Тут на дне большое количество льда, но не совсем чистого; он образовался от накоплений сверху, течи и т. п. Шахта широкая и открытая сверху, должно быть, сильно подвержена атмосферическому влиянию, а потому камни значительно охлаждаются за зиму. Немудрено, что они имеют такую низкую температуру. Termometre [353]), пролежавший голый на камнях около 20 минут, показал—7°R, и то я не ручаюсь, чтоб он не понизился еще. Повешенный на воздухе, он показал—5,4. На высоте 3,3 мет. от дна главной шахты идет отделение на З. и отлого падает вниз. Везде поделаны лестницы. Горные породы все № . . . [354]). Тут мы спустились еще на . . . [355]), приблизительно, судя по вычислению количества и средней вышины ступенек. Наконец, ступеньки превратились в деревянные дощечки, вложенные в камне [356]), заменяющие лестницу. Наконец, и этих ступенек нет, и полого вниз идет. Тут, кажется, графита нет, впрочем, при свете свечей трудно видеть. Везде есть лучи боковых ходов. На глубине этой главной шахты, достигающей от вершины гольца, от начала шахты глубины . . . . я нашел—5°R. Постоянная ли это temp. [357]), или нет, трудно сказать. Крыжин [358]) в VII нашел тоже. Но так как она может быть менее 120 футов от склонов гольца, так как ее скат положе, то, может быть, зимою в ней еще менее—5°R. В боковых отделениях хранятся припасы. В одном из них мясо, в другом несколько туезов с брусникой, голубицей, ящик с лимонами, сухой творог. Лимоны совсем высохли и очень легки. Яблоко совсем высохло. Постройки везде прекрасные.

Глубина главной шахты 61 фут. Снега—3—4 фута.

На высоте 11 футов от нее начинается вторая, боковая. По приблизительному вычислению, 120 футов, может быть, 140 футов, но отнюдь не больше.

Очень полого.

Показания term. [359]) Алиберовского, действительно, надо исправить. Точка О приходится на—0,5, между—0,33, нужно

бы перенести ее. вернее, на полградуса ниже, тогда средняя температура была бы—4,5 R; впрочем, деления так малы, 50 = 1,°88, что трудно вывести поправку вернее (след. 1° = 0,37").

Падь р. Тустука, близ у Дабани-Жолга. 28 мая.

Сперва мы стали спускаться с гольца. Спуск очень хорошо устроен. Полого идет вниз, извилинами по горе. Так как он сделан на зап. стороне, откуда преимущественно дуют ветры и заносят снегом, то на всякий случай устроено несколько спусков. Так идет он верст 6 или 7 до заимки, где устроена усадьба, загородка для коров и посреди двора прочная, просторная, высокая юрта, где теперь обретается караульщик сойот с семьей. Язык сойотов тунгузский, тангутский, как объяснял Пермяков, но, как говорит наш вожак, сойот свой язык потерял, говорится по-братски. Они, по крайней мере, те экземпляры, которые я видел, совсем похожи на бурят. Девушки также носят множество кос, ездят верхом, замужние также заплетают две косы, те же черные волосы, те же карие глаза, домашняя утварь та же—котел (горшок от русских), та же длинная деревянная ложка, все в юрте напоминает бурят. Боги тоже,—бог зла, Будда (окруженный сам сиянием и голова тоже) по середине и еще что-то, чего разобрать нельзя.

На картинке Будды внизу 3 памятника, в роде того, который я срисовал. Ниже пять медных торчков с завитушками, еще ниже чашечка с жертвоприношениями.

Заимка расположена на самом берегу Ботуйгола, который потом заворачивает вправо и идет в Ханшу, в которую впадает верстах в 7 от заимки. Выше заимки один из тех трех ручьев, которые составляют Ботуйгол; пришел с запада. Потом идет тропка, протоптанная окинскими бурятами, которые ездили на прииск. Они же наставили кое-где овонов, маяков, наложенных из плиты сланцев, сопровождающих Ботуй. Так все поднимается вверх до самых вершин ручейка. Болотистая падь, горы, восходящие из вертикальных пределов распространения древесной растительности, россыпи крупных каменьев, которые там, где они легли по естественному откосу, зарастают оленьим мохом, темнозеленым мохом, а каменья покрываются лишаями. Все до-нельзя одно

образное повторение того, что мы видели по дороге на прииск.

Наконец, ослепительно белые горы загородили дорогу. Впереди нас лежал старый снег, в котором кони завязли бы; мы поворотили влево и полезли на голец; древесная растительность осталась гораздо ниже. Снег, под ним мох, каменья и страшная крутизна. Вот так еле-еле взобрались на голец из металлического сланца. Оттуда спуск; нечего и говорить про крутизну. Извиваясь десятками изгибов, еле-еле можно спуститься в падь Хохюр, затем по этой пади, представлявшей то же самое, без варьяций. Так до Тустука, уже широкая речка (саж. 3), потом еще шире и разливающаяся по пади. Окрестные горы—россыпи, мшистые болота. Теперь мы остановились в пади Тустука и строим шалаш для ночлега. Прошли никак не больше 30 верст. Горная порода все металлические сланцы, которые подняты, вероятно, гранитами, судя по куполообразной форме некоторых вершин. В вершине Тустука, к сожалению, нельзя было составить себе понятие о том, что выше—наш перевал или Китайские стены (Хитей по-здешнему).

Хохюр-джегла, где лес выгорел. Кач... (2-я падь) кедровая, Дабань-ж. из гор.

Растительность на гольце, еще забыл, можжевельник (вереск, арса по-бурятски), который покрывает южн. склон гольца. Здесь очень много дичи, и здесь Jagdgebiet[360]) бурят и сойотов, с которыми буряты живут очень дружно, взаимные браки, с карагасами далеко не так; их Jagdgebiet за Хойта-Ока, и как те, так и другие не пропустят никого, — отберут ружье и проч. Вероятно, бывали и схватки. Теперь, говорят буряты, у них границы хорошо проведены.

Наши проводники убили—один 400, второй 120 белок. Оба очень небогаты, у Павла четверо ребят маленьких, а то бы можно было разбогатеть; у него, впрочем, два коня, восемь коров, 4 мужичка, баранов не помню; это из очень небогатых.

Карагасы говорят другим языком, их не всегда понимают. Но их язык непохож ни на уранхайский, ни на дархатский.

Р. Тустук. 29 мая. I.

Горы, породы до-нельзя однообразны,—все глиняные сланцы, то серые, то немного зеленоватые. Кажется, в нем не должно быть отпечатков, но если они и есть, то я их не искал,—съемка отнимает много времени и задерживает на 15—20 мин. на каждую точку. Да еще для верности не слишком долго останавливаешься. Долина Тустука все такая же, местами болотистая, обильная зверем. С реки Доялока пришла тропка, которою буряты ездили из Окинского караула вверх на Аларь (на Хороль). Пади все имеют свои прозвища. 1-я, например,—по гладкому моряну, 2-я Бер...—по сопке, имеющей вид головы, 3-я—по лесу. Река Лихачева, как говорят старики, оттого, что какой-то Лихачев, поехавший здесь, не послушав ямщиков, в большую воду сунулся в речку и чуть не утонул. Здесь промышляют довольно много зубров, которых рога в двух местах видели, брошенные промышленниками. Горы поросли лиственницею и кедром. Тустук течет широкою полосою, саж. 10—15, довольно гладко,—куда до Иркута; в нескольких местах только род порогов. Олений мох на горах уже исчез, но падь—кочковатое болото.

Р. Ока [361], юрта. 29 мая. II.

Сперва мы шли все по Тустуку; большею частью болотистая падь, в которой несется широкая (саж. 15—25) река Тустук. Горы довольно низки, только с приближением к Сороке они становятся повыше, спирают реку, которая становится порожиста. Наконец, у Сороки мы решили выйти лучше на тракт, до которого оставалось не более версты, чем итти через голец. Грязь и теперь большая должно быть, судя по тому гольцу, который мы переваливали, а еще может пойти ненастье,—тогда совсем скверно, на вершине верст 15 болото, в роде Нуху-Дабан. Только что показалась падь Оки, показалась и береза, как будто в подтверждение предания, что она следовала за русскими. Ведь в 2-х верстах по Тустуку те же климатические условия, то же направление пади, а между тем ее нет, в Оке она есть, даже выше Каштака. Что за причина?.. В особенности лепится она

около дороги. Не проехали 2—3 верст, как показались обнажения вертикально стене черного порфира, прорезанного жилами гранита. Во всей красе явились те роды failles[362]), которыми любуешься у Л.; даром что порода не слоистая, тут видно превосходно и clivage. Гранитные, в несколько кубических саженей, куски отрываются и нагромождаются внизу, блестя белыми кристаллами кварца. Вертикальные стены попадаются часто,—вот и перед юртой торчит такая стена.

Ока стала очень широка, только в ее долине беспрестанно видны болота и грязь. Долина узка и сперта горами, течет порожисто. Все заросло лиственницей, родственным деревом бурята, который и юрты из нее строит, и в костер кладет целую сухую лесину, которая целую ночь прогорит, и затесь-то на ней виднее, и, наконец, ее кориной он покроется на ночь, когда его застигнет ненастье, а захочет побарствовать — в 20—30 минут сделает шалаш хоть на три человека. А то что ему в березе, что из нее сделает?

На устье Сороки—шалаши бурят, которые живут здесь иногда осенями ради хорошего сена на лугу у устья. Впрочем, клочок такой ничтожный! Вероятно, промышляют кроме того.

Тракт хорошо проторен казаками, которые ежемесячно ездят из Окинска в Тур. за провизией, бурятами, которые ездят в Аларь и, наконец, промышленниками.

Юрта за Дибы. 30 мая.

Горные породы—сперва мелко-кристаллический гнейс, мало-по-малу переходящий в большие кр.(асные) кристаллы. Затем, ниже бурятских юрт, род кр. сланца. Тут проезжаем под крутым берегом, представляющим обнажение конгломерата, очень недавнего и состоящего из галек гранитов, сиенитов, металлических сланцев разных цветов, глиняных сланцев, кремнистого сланца, древнего красного песчаника и нескольких родов яшмы, довольно плохих.

Вскоре после этого места мы перешли на левый берег Оки, где встретили зеленоватый гнейс и сине-серый глиняный сланец. Вслед за ним, почти непосредственно, начи-

паются известняки по обоим берегам, обнажая крутые светло-серые бока и колокольнообразно (готического стиля) торчащие башни. Они на некотором расстоянии вверх сопровождают и Диби, который приносит валуны белого, но крупно-зернистого мрамора. Раздельная линия известняков от предыдущих пород прошла с ССВ на ЮЮЗ немного выше Диби. Эти серые известняки покрыты все белым налетом, рассыпаются очень легко, так что очень трудно выломать кусок покрепче. Падение пластов от 45—50° на запад.

По долине Оки, преимущественно по правому берегу, т.-е. там, где луговые места, рассеяны юрты бурят. Мы заезжали в некоторые из них. Привыкнув и любя круглую форму своих юрт, бурят и деревянной юрте старается придать ту же форму. Он строит ее либо 6-угольною, либо 8-угольною. Таким образом, юрта выходит просторная, и в ней помещается не только вся семья, но в левом углу от дверей еще устраивается помещение для теленка, для ягнят, уход за которыми есть дело ба-цагана. Хозяйка угощает, первым делом, молоком, дает ямщику громадную чашку кислого молока, мне кипяченого, всегда пригорелого, молока, которое недолго разогреть: ставит громадный чугун, и через несколько минут на большом огне молоко горячо. Домашняя утварь точно по одному образцу выделана: широкий котел, в котором варят чай, и хозяйка с особенной, бурятской типичной ловкостью переливает его, когда он чересчур сильно кипит, длинная деревянная ложка, чугун, длинная, узкая, высокая кадушка для выделки масла, и в ней болтают сметану длинным поршнем с прорезанными внизу дырами, далее широкий, просторный котел с полукрышкой, в него кладут кислое молоко, замазывают другой половиной крышки, приставляют дугу, пустую внутри, и ее проводят в чугунный кувшин, который поставлен в воду. Так приготовляется тарасун [363]); теперь настало время преимущественной его выделки, и все братские немного выпивают, беспрестанно попадаются пьяные. Богам отводят то же место, одна только юрта попалась мне без богов, да и то, вероятно, они были в другой, рядом. Изображение Будды красуется наверху, ниже семь торчащих медных посеребренных штучек, семь чашечек, одна чаша совсем той же формы, как наша для причастия [364]).

Скота у них довольно,—на юрту где 40, где 30, где 50 баранов, десяток или больше коней; молоко овечье в большом ходу, оно очень недурно, очень густо. У овец род небольшого курдюка. Мясо без дурного запаха русской баранины. Они разделяются на роды, здесь (Окинский караул) их 3, 4 рода, тайша в Торе. Кроме родовых старшин, есть еще старшина сельский, собственно для . . . ведает подводы, починку дороги etc.

На дороге в одном месте нам попалось человек пять бурят, которые ладили дорогу, т.-е. оттаскивали каменья, которые ежегодно наворачивает Ока; кроме того, сообщение между юртами производится постоянно.

Буряты так привыкли к хлебу, что теперь уже не могут жить без него. Хозяин одной из юрт, где мы были, уехал в Аларь, чтобы распахать каких-нибудь десятину или $^{1}/_{2}$ десятины.

Окинский караул. 31 мая.

Вчера мы добрались вечером до караула. Дорога тут очень хороша, все по долине Оки; в одном только месте, чтоб избежать крутого обрыва и поворота, въезжаем на гриву, болотистую на вершине. Между Орликом и Тиссой идет сероватый гнейс, а на той стороне торчит большой морщинистый утес Чурнасы, из старой породы. Против Тиссы прорыв желтого гранита с черной слюдой. От горы оторваны громадные куски, лежащие вдоль берегов. Затем на нескольких верстах до Хари-Гужиры не знаю что, но от Хари-Гужиры темный металлический сланец, на котором образовались темные солонцы, давшие свое имя и речке. От Хари-Гужиры на гриву, вершина которой прорвана желтым гранитом. Далее черный мелкозернистый порфир и еще далее крутейшие стены гранитов, от которых отваливаются громадные глыбы в несколько десятков кубических саженей. Стены торчат вертикально, растрескиваются и рушатся вниз. Чем ближе к Окинску, тем круче горы, круче спирают реку: на С.-З. видны острые конические гольцы верховьев Джунбулака. На С. и далее к С.-В. гряда высоких гольцов, мимо которых течет Ока.

Тисса и Ока также пришли из крутых гористых падей. Тут, у Окинска, раскинулась широкая площадка, превосход-

ный луг, на котором и расположились юрты бурят, казарма, амбар, разрушенные пали древнего острога. На той стороне жителя, т.-е. казак Елшин с тещей, а далее юрты бурят.

Окинский караул. 31 мая.

Виделся с ганзаном. Он наотрез объявил, что вниз на лодке ехать невозможно. Даже от Бельчира 3-х Ок невозможно ехать, а надо горой. Там, на низу, против Тагны, живут карноты [365]; до них добираться—надо 8 или 9 ночей ночевать. Без палатки это убийственно. Наконец, получится съемка вовсе не Оки, а окрестных гор. Водопады—ручейки, не более. Только с реки Бурутьмы? [366]) дорога пойдет большею частию по самой реке, изредка удаляясь в горы. Так что итти почти бесполезно.

Верстах в двух впадает Джунбулак. По нем вверх можно пробраться по тропе зверовщиков, которые по всем направлениям бороздят окрестные горы. Там переваливаем через голец. Верхом уже нельзя, идут пешком. За гольцом лежит озеро Харанур в чаше, торчат горы; повидимому, это остаток кратера. Туда ездил десять или более лет тому назад англичанин с женой и сыном,—должно-быть, это был Аткинсон.

Все время дует ветер с полудня, начинается шторм; ветер усиливается с театральною скоростью,—сильнее, сильнее; клочок голубого неба, торчащий передо мною за С.-З., закрывает тучами, как декорацию театра, и с З. на С. и В. несутся тучи, застилая гольцы и пороша их снегом. И это почти каждый день. Не знаю, всегда ли это так бывает? В казенном амбаре, выстроенном на живую нитку, сквозь стены дует сильный ветер, двери приходится держать запертыми и зажигать свечку даже среди дня. Потом на несколько часов стихает,—и снова та же скучная, холодная песня.

На лугах по Оке в изобилии обитают суслики, евражки. Они запасают себе траву и роют довольно большие ямы. Кроме них, живут бурундуки, которые вырывают себе ямы с большим гнездом (внизу). В нем они набирают зерен и кедровых орехов. Если бурят подметит его осенью, как он таскает орехи (наберет за обе щеки, да и тащит), так они

откапывают его яму и берут орехи; иногда можно набрать почти целую большую суму (в которую входит 1 пуд сухарей). Тарбаганов нет,—у мунгалов они есть; вероятно, если здесь и показываются, то пришлые оттуда.

Рассматривал старые дела здешнего архива. Пачка дел, перевязанных бечевкой; самое древнее 1781 г. Интересен наказ старшему, из которого я потом сделаю выписки [367]). Прежде дела велись таким образом: на карауле жило 5 казаков, 20 братских, каждый с двумя конями. Было время, когда каждый день должны были посылать объезжать вдоль по границе, и ездили и размենивались печатями с Норин-Хоройскими. Печати давались от начальников Тунковской крепости, которыми бывали то хорунжий, то капитан. Потом разъезды стали реже к 1800 годам, братских стали увольнять до Сорохи на пастбища, но все-таки строго предписывалось, чтоб никто из них нечаянно не перешел границы. Надзор был строгий, и промышленники не смели ходить туда. Затем приказывали, чтоб только двое братских были при казарме. Казарму и пали предписывалось поддерживать в исправности; теперь она вся развалилась. Братские же поставляли дрова для казаков. Теперь нет. Провиант хранили в каждом магазине, на каждом карауле; со времени Черепанова этого нет. Доставка делалась подрядчиками, с найма. Теперь братские только смотрят за дорогой, поправляют юрты, и во время размена дощечек ездят трое до границы (должны 4). Казенная юрта составляет дозор Окинска. Размен дощечек состоит в следующем. Выезжают к назначенному дню китайцы из ближайшего караула и чиновник (хибан) из какого-то дальнего места. Если кто не приедет после трех дней просрочки, то едут до караула, и опоздавшие платят 25 руб. штрафу. Срок около конца мая. Теперь назначено 7 июня,—просили мунгалы, так как у них там снега большие. Приезжают; наши в 2 шалашах, построенных казаками, когда мунгалы просрочили дней 10, они в палатке. Наши посылают кого-нибудь из братских. Тот угощается и возвращается с кем-нибудь из ихних. Они зовут наших к себе. Идут. Там, по положению, закалывают овцу (нарочно везут), угощают казаков. Потом идут в гости к казакам. Те тоже угощают чаем, разменивают дощечку в $^1/_4$ арш. в квадрате, расколотую на две части, и возвращаются. Все так глупо,

как глупее быть не может. Прежде на протяжении около версты возле маяка протягивали веревку, потом крест-накрест и запечатывали. По караул не пропускал никого за границу. Так, Аткинсон [368]) (который ездил всегда с 4 пистолетами на своем коне, жена переводчица отлично стреляла, сын Алитафа) хотел проехать за границу из Ханд. караула, но казаки его не пустили, хотя он хотел и силой добиться дощечки, но ему не дали. Тоже и Радде [369]). Через 10 лет приезжает большой чиновник, он сличает печати и дощечки за долгое время. Печати до сих пор хранятся. 3 выданных еще от Тунковской дистанции пограничной комиссии. Печать— „если вот теперь конь забежит или уведут на ихнюю сторону, так может с этой печатью ехать и по этой печати должны разыскать".

Окинский караул. 1 июня.

Сегодня ездил на утес Монгольжик и на водопады. Если переехать через Оку, мимо братских и направиться к С.-З., то въедешь в падь, идущую почти на Ю. Сероватый известняк накаливается, и растительность очень хороша; кроме лиственницы, несколько больших кустарников, акация мелколиственная и с мелкими цветками. Тут надо проехать версты $1^1/_2$—2 до утеса.

Все это место—Монгольжик. Утес не высокий; растрескался весь. На одном из камней, закрытом от дождей, 3 „печати" (см. рис. [370]). Они красные и малиновые. Кроме этих трех главных и двух маленьких, есть еще много других, но большею частью все стерлось, остались только точки да малиновые пятна, а было много, были и выше. Что за народ,— неизвестно. Далее идет котловинка и выход в падь Джунбулака. По котловине Оки и далее (по луговому берегу) разбросаны остатки жилья каких-то народов. Это круглые кучи каменьев, складенных на степи аккуратно; в этих ямах, закрытых сводом, жили люди. Предание гласит, что они жили здесь до тех пор, покуда лес не показался. Показался лес (не был ли березовый), и они ушли,—куда, неизвестно.

Затем, за этими известняками далее на С. сквозь них прорвался и на них лежит мелко-кр. серый гранит № 129, образующий следующие ряды гор, вдвое, если не втрое выше

первых. Затем, в следующем ряду, светло-розовый гранит № 130. Потом мы въезжаем в ровную котловину Оки, по которой по всей разлита лава № 131. Ее потоки как будто шли языками от ЗСЗ и растрескались на гребне этих очень невысоких языков [371]). На лаве растут мелкие, жидкие larix, а местами представляются поля, усеянные мелкими кусками лавы, точно будто набросано. Или сама разрушается? Но шлаков не видно и следов. По этим лавным буграм в перемежку с лучами ехали мы верст 6 или 7 до устья Джунбулака. Через него перекинут мост, устроенный бурятами, которые ездят к своим, живущим верст на 40 ниже. Джунбулак сам не шире 3 саженей, рвется с непомерной быстротой и впадает в Оку очень спокойно. Ока подмывает слева лаву, а с правой стороны холмы какой-то горной породы, но не лавы. Сама Ока несется то совсем спокойно, то запрыгает, забурлит белыми зайчиками по камням. Джунбулак пустил от себя протоку, которая впала в версте от Б. Джунбулака. Эта протока и есть пресловутый водопад. Он от Оки саженях в 80 образовал подкововидный овраг, в вершине дуги падает вода (когда есть; теперь он совсем сухой), должно-быть, с большою силою, так как наворочены большие деревья. Ширина русла в самую большую воду не бывает более 4 саж. Высота падения—$2^1/_2$—3″ падения, следовательно, не больше 60—80 фут. Одним словом, из оврага торчит высокая лиственница, которая превышает высоту водопада. Стены оврага очень круты, почти вертикальны, и обнажают лаву, вверху пузырчатую, внутри очень плотную базальтового сложения. Далее в версте Сайлок, составляющийся верстах в трех из Сайлока и Цаган . . . . [372]); вершины обоих не более 5—8 верст от устья. Теперь Сайлок весь можно поймать в бочку воды. Он промыл себе русло и овраг саженях в 120—150 от Оки, суживающейся вверху в узкую трубку, не шире 2 ар.; в этой трубке бежит вода и падает сажени на три. В большую воду он должен образовать водопад в роде миниатюрной Ниагарской подковы, имеющей хорду саженей в 5. Близ устья Оки видны обнажения колонн базальта в два ряда, но не совсем хорошо охладившегося, отчего призмы далеко неправильны. Вот и все водопады. Ниже, верстах в 20—25, есть речка Мунгургу. Она образует те величественные вееры, про которые говорит корреспондент [373]), но теперь—увы!—воды в ней

нет. Нужно дожидаться страшного ненастья в несколько дней под ряд. Едучи вниз по Оке, можно ее видеть. Возвращаясь, я попал на Тахил-хани. „Тахили можно и воду etc. Тахил-хани молебствие над овцой“. Так объяснил казак. На площадке повыше собралось 26 бурят, наложили два ряда камней на В. [374]).

На средней штуке жгут кости овцы. На другом костре в большущем котле варят мясо, затем сваренное мясо делят на всех поровну, каждый кладет себе в туез, наливает туда жидкости, в туез втыкают веточку березки и расходятся, напившись тарасуну, еще допивать его дома. Всеми командует галсан. Он у них в большом почете и гораздо важнее считается, чем старшины. Даже тайшин, помощник, приезжавший недавно, ничего не мог с ним сделать, а с старшинами он очень коротко расправляется, — отколотит, и дело с концом. Потом мы пошли к нему в гости. Он угощал молоком, вскипяченным в особом медном кувшине [375]), потом чаем, сваренным в кастрюле; он недурен, если только вы привыкнете смотреть на него не как на чай, а как на похлебку. Привыкнуть не совсем легко, но можно, и тогда он придется по вкусу, а то при слове чай мы ждем другого. Сваривши чай, давши несколько раз вскипеть, вливают заранее вскипяченое молоко с мукой. Бош — Асама, другой в мидийской шапке благословляет по-русски, а в левой руке держит книгу. До чего божество очеловечено, что одели, посадили даже по-своему. Самый главный на нижней полке— Батур? [376]). Он сидит, кажется, в роде Будды. Кроме них, пониже, ряд образов, изображающих всех сортов богов, злющих и добрых. Галсан сам не знает, а обращается к старухе, которая, толстая, с толстым брюхом, до-нельзя скверна. Два Бацая держатся позади. Весь задний план установлен рядом низких посуд для доенья [377]) и держанья молока (ыгый). узкою кадкою для масла, широкою для простокваши; снявши то, что должно итти на масло, это употребляют на тарасун. В молоко кладут закваску, потом масло снимают, что осталось идет на тарасун. По времени и по количеству тарасуна определяют его крепость. Что осталось от перегонки тарасуна, то кладется в мешки, вся жидкость вытекает,—остается арса. Ею набиваются кадушки, потом эти кадушки берегут, либо зарывают в землю [378]).

22 июня.

Цивилизаторское влияние . . . . , большие села, часто по нескольку верст, прекрасные дома, много двухэтажных, прочные загороди для выгонов, будки возле них, летом сторожа из стариков, иногда даже из бродяг. Они сделали свое дело, дали возможность обзавестись 2-этажными домами, . . . цветными стеклами, лавочками и проч. Теперь бедняки стараются нажиться винной продажей, кабаки повсюду. на перевозах и проч., но с уменьшением чайной торговли неужели все это должно падать? Главным промыслом был извоз, а он подорвется.

Мошки довольно, но чем ближе к Иркутску, тем ее меньше; общая судьба,—человек истребляет ее. Зато в стороне от тракта, к Николаевскому заводу, по Бирюсинской тайге и пр., такое несметное количество, что без сетки абсолютно невозможно ходить;в Нижнеудинске, говорит Б., дамы вместо вуали под городом надевали сетки. Вот достается от них бродягам. Бродяги; игра у детей—ловля бродяг. У детей игра, а вот недавно не игра была. Этап сгорел,—партию в 160 человек (80 канд.) помещали в деревне, караул казачий почти весь на постах. Бежало 3-ое, один. . . . . ,другой завяз в болото. Казак за ним.—Выходи.—Сам вытащи.—Он добрался по кочкам, пырнул штыком в бок и назад. Упал и выронил ружье,—так тот, сидевший в трясине по горло, выскочил, схватил стяг да на казака. Тот шашкой по руке, арестант выронил стяг. Подскочил урядник, да шашкой по голове 2 раза. Он упал без чувств, повезли в Канск, через 10 верст умер.

— Ловля арестантов из острога.

Дорога великолепная,—чего-то она стоила? [379])

№ 9 [380]).

По Амуру и Уссури.

С 23 августа 1865 г. по декабрь 1866.

Пароход „Игода“. 23 августа.

Чита не произвела на меня благоприятного впечатления в этот мой приезд,—положительно можно сказать, что она сильно изменилась, и не к лучшему. К кому ни обратишься, от всех одно слышишь—скука, скука; направился я в атаманский дом,—какая разница,—в $2^3/_4$ часа дня сидят за картами, через 5 мин. после обеда опять карты, да карты; пошел к Фелькнеру—жалобы на скуку, к Лозовицкой—тоже, а прежде не скучали и в карты не играли, теперь карты исключительное занятие. Спасибо, книги завелись. Статистический комитет, неизвестно на каком основании, выписал себе сотню томов всяких книг по естественным наукам и, для приличия, разных по статистике и подходящим наукам. Клубная библиотека процветает попрежнему, — после тех книг, которые мы выписали, новых не выписывалось. Но зато я поинтересовался узнать, что делает статистический комитет. То же, что и все,—собирает неверные цифры, собирает их в ведомости и служит источником дохода для адъютанта генерал-губернатора. Печатает свои протоколы с глупейшими заявлениями Мордвинова [381]) etc.

Чита застраивается, но не частными, а казенными зданиями,—построили гаупвахту с черным орлом, дом на сплавные деньги в то время, когда поговаривали об уничтожении сплавов, затем церковь и благородный пансион. С черным орлом заводятся и разные новые порядки,—не позволяют выпускать рубашки из-под галстуха и т. п. К приезду Корсакова готовят спектакль, базар для приюта,—все как подо-

бает. Из Читы мы проехали две станции большею частию новой дорогой. Не малого труда стоило провести ее болотистою падью, потом в скале вдоль берега Ингоды. Она еще не окончена, но составляет все-таки замечательную постройку. Все это налоги на Забайкалье в пользу Амура, — таких налогов очень немало, напр., увеличение расхода на почтовую гоньбу и т. п. мелочи.

Действительно, дороги по Забайкалью становятся сравнительно хороши, — в особенности хороши потому, что обходят громадные хребты (есть, впрочем, несколько тяжелых станций, — по 3 раза тормозить надо) и провести их было трудно — вдоль скал. Возят хорошо, но каково же между Сретенском и Нерчинском казачьей почте, где гоняют от общества и держат всего 3 пары, когда одна почта ходит на Амур по 7 пар.

В Сретенске мы съездили в механическое заведение. Lovet [382]), вращающийся постоянно в своем кругу дрязгов с Загариным, мастерами и проч., конечно, занимал нас бесконечными рассказами про все подобное. Механическое заведение установлено, машины собраны, кое-что чинят в пароходах; главным образом, благодаря большой кузнице, а затем паровая машина в том же виде, в каком я ее оставил, т.-е. котла нельзя было топить, потому что нет труб. Из машин значительная часть старья, медные втулки повытерты, все вообще незавидно. Но главное—целых 8 месяцев нет труб для нагревания воды в котле. Машины приводятся в движение руками,—вращают большое деревянное колесо и от него сделанный привод к машине. Впрочем, пароходы чинят. Тáк, например, „Чита" сильно попортилась, получила пробоину в 7 футов, но ее все-таки починили. При этом обязаны чисто Lovet, который пришел на „Ононе" и откачал ее в 2—3 часа, забив пробоину мукою, потом заделали войлоками с салом, и „Чита" дошла до Сретенска (откуда?), ушла годная к плаванию. „Карсаков" [383]) разбил свою баржу, сам все стоит, ссылаясь на мелководье; ничего не делает, только получает жалованье. Раз сходил в Николаевск, куда всегда стремятся все капитаны, а теперь стоит, уверяет, что вода на убыли; когда она прибывает, за всех отдувается „Ингода" (Мордасов, который когда был на „Лене", то на самом тихом пароходе делал самые большие рейсы).

По Шилке прошли очень скоро, взяли архиерея на буксир и идем теперь в верховьях Амура.

В Покровке, в Игнашиной, кажется, обжились, по крайней мере, не жалуются, только странное отсутствие молочного,— скот плохо доится, говорят. В Покровке проживут безбедно, только немного гречихи прихватило 2 инеями, которые были раньше Ильина дня.

Архиерея встречают везде со скандалом, трезвоном; в Игнашиной порядочная церковка, величиной с часовню, здоровые попы и проч. удовольствие.

25 августа.

В Свербеевой и других станицах сильно обижают утки,— они сотнями налетают на поля и в ночь съедают до $1/_2$ десятины и более. Вообще хлеб недурен, только местами гречихи плоховаты. Хлеба печеного продают в лето рублей на 20; одна баба в хорошей станице продала на 15 рублей до настоящего времени.

Благовещенск. 27 августа.

Разница в климате между Забайкальем и Благовещенском поразительная. В Иркутске в 10-м, 12-м часу ночи надо было иногда подумывать о шубе. Тут, несмотря на ясную, безоблачную ночь, вчера можно было в одном сюртуке сидеть— на воде, на палубе парохода; в 9-м часу купаются еще; вода, говорят, не особенно тепла, но и не слишком уже холодна, между 12 и 14° *R*.

Дынь и арбузов множество, но пора первых уже прошла.

Пароходов, как водится, нет ни одного, хотя почта тремя днями опоздала. Вольница на пароходах страшная,— капитаны—речные пираты,—ходят когда и куда вздумается; начальник отряда речных пароходов не считает себя в праве распоряжаться ими и просит капитанов делать так или иначе, а те à volonté [384]) исполняют или нет. „Карсаков", назначающийся в Сретенск, идет в Николаевск, куда стремятся все капитаны пароходов для покупок и ради морского общества и пьющего кружка. Чтоб не задержали, „Карсаков" уходит без свистка, оставляя на берегу купца Пермякова и некоторых других, которые на нем отправили груз [385]). Так рассказывал Черняев [386]). „Карсаков" сидит в Сретенске.

когда ему известно, что есть в Албазине груз, который необходимо перевезти в Михайло-Семеновскую, а то там будет голодовка. (Это тот хлеб, который в прошлом году мы встретили в последних числах сентября возле Кары. 4-го октября „Зея“ пришла в Сретенск с шугою, еле добралась.) Отговорка—маловодье, убыль воды, в то время, когда она на 2 дюйма прибыла в ночь. „Николай“, частный пароход, возит муку за высокую цену, в то время как казенные ничего не делают, и т. д., и т. д. Отдуваются за всех 2—3 порядочных капитана. Пароходы, за редким исключением, содержат довольно грязно, редко красят, так что, наприм., на „Чите“ $^3/_4$ из $^1/_8$-й дюйма (толщина стального корпуса) съедена ржавчиной и вытерта на мелях. „Амур“ является, останавливается на устье Зеи на том основании, что мелко, набирает гостей и идет в Айгунь. Затем ночью возвращается в Благовещенск и доходит до пристани.

Новые постройки туго прибавляются в Благовещенске,—почти не видно; из домов значительная часть казенных, они прибавляются,—линейные солдаты все строят.

Начали строить пристань на тихом месте,—смыло.

Все жалуются на скуку, — жизни нет, безделье „долит“. Буссе только царствует, заводя глупейшие порядки,—фронт, дисциплина зато процветают.

Маньчжуры все также посещают дома,—придут, посидят и уйдут, навонявши луком и чесноком. Ярмарка упала, но зато всегда, во всякое время, можно достать из Сахалина все, что нужно.

Хлеб весной купили для Уссурийского баталиона 1.000 пудов у крестьян и в Иннокентиевской станице по... [387]) и 1.000 пуд. у маньчжур по 1 р. 30 коп. в 5 дней. Некоторые казаки продавали из Карсаковской станицы в Кумару 100 пуд. и 100 пуд. на... круглого хлеба—ярицу по 1 р. 10 к., овес по 75 коп. В Кумару покупали для переселенцев пермских, которые там зазимовали.

Завелись гостиницы и таксы, установленные Буссе: 50 коп. номер, 40 коп. обед, 40 коп. ужин, 30 коп. завтрак, 1 руб. перевозка вещей с парохода за 1 воз, 50 коп. в час лошадь, etc.

Скот покупают по 23 руб. у маньчжур на бумажки; Людорф в Николаевск поставил по 40 руб. ($8^1/_2$ пуд. кажд.).

Повидимому, частных пароходов недостаточно для перевозки всего частного груза: „Лена“ везет 15 тыс. частного груза, прочие тоже заняты. „Николай“ возит Людорфовский скот в казну. „Казакевич“ идет с товарами, „Поселенец“ буксирует вниз по 2 баржи и работает все лето.

Благовещенск. 28 августа.

Наконец, пришла „Лена“, и через 3 дня мы отправляемся.

Сижу вечером у Ляховского [388]), болтаем.—Были вы у Буссе?—Был, да вот так и так.—Да, уж сколько богу молились здесь, да видно плохо молили.—Что вернулся-то?—Да, и уже, верно, еще 5 лет прослужит для пенсии? Болтаем об отведенных покосах.—„Вот нет покосов, было на 7 вер. во все стороны, а тут Амур, вверх—станица, вниз—Зея, а в горы—молоканы, одна только падь и есть, верстах в 20-ти, а надо делить на много участков, мещанам 80 участков, купцам—10, чиновникам, которые имеют свои дома,—8, артиллерия, баталион, роты и т. д.

Вдруг в окне является маньчжур,— „мука купи“ 2.25—2 р. Отдал скоро. Оказывается, что продавать имеют право только купцы. Вот вследствие этого не имеющие права привозят тайком и складывают у Ляховского, который покупает, даже если и не нужно,—все равно на другой день разберут. Наконец, „надо помочь маньчжуру,—не назад же везти“. Вообще у китайцев строго за этим смотрят и сильно достается тому, кто нарушит правило. Вот, например, Ихасин,—в то время, когда по поводу глупостей Буссе запретили продавать что бы то ни было, продал 500 пуд. буды в Амурскую К° и просидел 4 месяца в кандалах. Недавно сюда вернулся купец, который продал тоже что-то в 59-м году в Айгуне Бориславскому и Ляховскому, которые ездили туда. Уже шли возы, когда купца арестовали, и он 4 года высидел в крепости, где-то очень глубоко в стране.

Айгун. 3 сентября.

Из Благовещенска ездил на Зею с целью проехаться по деревням, только дождь заставил вернуться. Зея громадная река. На перевозе она 800 саж., тогда как на прибылях так спирает Амур возле Благовещенска, но отмелей куча.

Деревень теперь уже много, они постепенно все больше и и больше забираются вверх. Теперь главная верст за 100, и количество их все увеличивается. Хлеба продают много. Сысоев и Любимов, приезжавшие закупать хлеб для Уссурийского баталиона, купили много в несколько дней, хотя это было (с) 4 мая по 9-е. Кроме того, самые поселения доказывают зажиточность. На первых порах их всех снабжали хлебом, но увидели, что не будут век кормить; таким образом, на „Ингоде“ шли крестьяне, которые оставили очень хорошие места в Томской губернии единственно для того, чтоб избавиться от рекрутчины. Там находят себе приют всякие секты, никто им не отводит мест,—сами выбирают.

Так, раз являются к Черняеву крестьяне.—Откуда?—Из такого-то селения.—Да такого-то нет.—Вот мы построили, да и пришли сказать. Буссе, говорят, делает для них немало полезного,—хвалят,—только, впрочем, не крестьяне. По праздникам крестьяне с Зеи являются в город,—это люди большею частию хорошо одетые, с хорошими конями, телегами.

— Маньчжуры до-нельзя важны для Благовещенска; право, как просуществовал бы Благовещенск без них. Они все доставляют, что нужно, особенно при своей любви к торговлишке; да, наконец, у них есть все,—все можно купить, только русские сильно цены поднимают. Приезжает капитан из Благовещенска; там яйца по 2—3 руб. сотня, он охотно дает рубль, хотя цена стоит 80 коп., затем цена все выше и выше становится, теперь 1 руб. 20 коп. Благовещенские куры, гуси, утки недороги, напр., не более 30 коп.

— Обилие в Благовещенске казенных домов, мало частных,—все большие дома, построенные линейными солдатами.

— Устье Зеи, трудность на фарватере, мы уштопорились,—спасибо через 5 час. могли тронуться.

— Фуругельма [389]) приезд, губ. разговоры, споры.

Ст. Пашкова. 13 сентября.

. . . . на высокое плато . . . . . . живописное место . . . . . . но поля плоховаты . . . . по крайней мере, пашни все расположены по берегу . . . . . болотистого . . . . свойства . . . . отчасти . . . а в большую воду . . . . . . „все будет под водою“. Другие

поля разбросаны . . . . , те гораздо лучше, но вообще переезды даже между этими полями затруднительны,—болото. По близости станицы поля очень порядочно обработаны, но залогов припахивают очень мало . . . . зобатые, это из поселившихся на Аргуни, а сюда прислали здоровых. То же самое и в Нижне-Никольском, здоровые без зобов, все и были такие, ругают Кашина [390]; места хорошие, пашен вдоволь, больше болотистые места, да не больше, чем на Уссури [391]).

Нижне-Никольск [392]). 25 сентября.

Деревня большая, дома не топит, пашен несколько на лугах ниже станицы, остальные разработаны по релям [393]) в лесах. Разработка трудна,—леса довольно густы, орешник большой,—но все-таки припахано залогов очень достаточно, пашен тоже довольно; но есть семей с 5, которые неизвестно чем проживут, зато есть три хозяина, которые не получили ни зерна семян, а разработали множество земли; они этим очень недовольны, но могут жить своим хлебом и свои семена будут.

Лень приписывают первым годам, когда было хорошее житье, но казенное продовольствие 2 года получали: чай, спирт—запас; сидели вечером в домах, чай да спирт попивали и время проводили больше в разговорах, оттого у некоторых хозяев поразительно мало разроблено пашни, хотя и пришли с 59-го года. Сынки—известные хозяева, но другие из старых так же плохи, как и сынки. Вообще, хватят голода только эти семьи, прочие проживут безбедно. Скота мало, но залогов поднято порядочное количество, несмотря на трудность разработки. Есть две семьи холостых, теперь спарились, разработали много, даром что нет коней, им не дают — холостые, между тем как их-то бы и следовало поддержать. Вообще, в раздаче провианта, коней и проч. главную роль играют старшие, не казачий командир, который нынешним летом только раз был в станицах, едва ли он знает казаков; конечно, тут бы ротные должны помочь, но их нет. Епов 2-й ротой командует, зауряд, на которого трудно положиться, вообще помощников нет.

Кабанов множество, весь лес исходили.

В Пешковой 3-го дня убили медведя; вышел возле самой юрты, где рыбу ловят; бросились за ним в лодку, тут и убили, впрочем, он одному гольду сильно повредил руку.

Рыбу здесь ловят, — все красную. Преоригинальные рыбы, все одной величины (ф. 15), все похожи друг на друга. Плодятся один раз в год, идут из моря в сентябре вверх, вниз неизвестно когда проходят; теперь все с икрой, весной сухие, без икры; изредка попадаются в заездках кетки, самые маленькие, рыбы не едят, неизвестно чем питаются.

Улов их так значителен, что на невод приходится по несколько сот рыб, до 800, даже до 1.000 в нынешнем году; сколько неводов—это трудно определить. В каждой станице есть 1, 2, 3; сколько же гольдских неводов, этого не берусь высчитать, но, наверно, их несколько десятков, может-быть, даже сотен. Не забудьте, что рыба идет снизу, с Амура, где ее неводят гольды, так и их гораздо, гораздо больше, чем на Уссури. Количество пойманной, таким образом, рыбы выйдет огромным.

Уссури. У Харана, выше Ново-Михайловской.
26 сентября.

До какой степени здесь теплый климат, это замечательно. Теперь всего 10 час. утра, а так тепло, что в пальто жарко, в сюртуке только в пору и то так сидеть, а на коне так и в сюртуке жарко. Это еще на воде, а в лесах того теплее.

Уссури тут течет среди очень низких берегов, кое-где только виднеются горы, а то все низкая топленина, островки и большая масса воды. Есть два уже заросшие лесом протока, и то их изредка хватает вода, другие же поросли тальником. Вид на Уссури с хребта выше Ново-Михайловской чрезвычайно хорош, много островков, протоков.

— Туман безоблачный над . . . ., болотами, на траверзе—стоят густые облака из поднимающегося тумана. Тут и тише гораздо, не то что внизу; вет(ер?), чтоб не дал ходу, большая редкость.

Лопатинский станок. 26 сентября.

И откуда поднялась такая буря? Утром я еще любовался погодой: перистые легкие облака на совершенно ясном небе, тепло, лист не шелохнется. Чего бы лучше? Около полудня поднялся ветерок, как всегда здесь бывает с полудня. По обыкновению верховик, как большею частью бывает осенью. Потом сильнее, трудно итти. Около 2 часов; несколько времени мы шли на парусе. Кривляк, что ли, такой,—только видим ветер сзади, привязали мой большой платок, помогло выгрести в одном месте; внизу не было реи, я правил 2-мя веревками; случится, ветер хватит с боку, прозеваешь,—парус живо закрутит на мачте, и гребцы не могут выгрести под утесами; с полчаса мы, пожалуй бы, пошлепались, кабы не парус вывез. Потом сильнее ветер, мы пошли протокой, и там ходу не дает. Привалили, отдохнули полчаса, потом опять пошли. Как вышли на Уссури, так и приваливает, насилу боком шли, виляли порядочно. Еле-еле дотащились, теперь ревет просто буря порывистая, так и рвет из окон лопатинку, которою заделаны на зимовье окна вместо рам. Лопатинский станок незавидный. Балаган, глупейшим образом построенный, так что дым весь в нем остается, домишко, где вчера только печку сбили, без трубы, без окон, без дверей; живут здесь 3 казака, постоянные, считаются на действительной службе и получают казенный провиант. Двоих нет, у гольдов все обретаются, один старик дома. Полагаются еще два человека, но их нет. Впереди, в 20 верстах, еще такой же станок, там один только человек, полагаются еще два, но общество не заблагорассудило послать их: иногда только бывают. Вообще порядку много.

Вот, напр., казачество. Надо было глину добывать,—добывали у дверей; образовалась яма, и скат туда, в дождь прекрасная ловушка будет.

Здесь недавно убил медведя.... Ново-Михайловской; смелость замечательная,—вышел на берег среди деревни, возле бани, и ходит со скотом. Тут тоже били их, вообще их не мало. Месяца с два тому назад, на том месте, где рубили лес, нашли издохшего „тигру“.

Некоторые хозяева не хотят расстаться с Лопатинским станком,— все-таки пашут, хотя все топит; впрочем, старик в прошлом году жил своим хлебом, даже купил на него корову. Ноне утопило, только греча жива.

27-го сентября мы шли 20 верст; сперва, пока шли заливами, еще можно было итти, но на Уссури вал не давал ходу. В одном месте на бою (на китайской стороне) лодку так стало щелкать об берег, что могло окончательно разбить, а ходу нет; на месте $^1/_4$ часа бились, к счастью, берег случился удобный для бечевника и, отталкиваясь шестом, прошли на бечевке, добрались до гольдов, там и ночевали.

28-го два раза чуть не пустили лодки ко дну. Два раза выходили на берег сушиться, однажды еле спаслись в кустах, лодку заливало совсем, я не успевал отливать воду большою чашкою. Если бы не случилось (в первый раз) в 15 саж. от того места, где нас особенно сильно трепало, выхода направо в протоку, вещей бы не спасли, сами может быть удержались бы за лодку; во второй раз беда случилась от неумелости гребцов,—хотели зайти в кусты кормою, держа нос против ветра, они не стали табанить, два весла загребли, лодку заворотило, когда она попала в корыто вала, захлестнуло, скоро, впрочем, повернули вниз и успели зайти в кусты Должны были ждать ночи, ночью стихло, дошли.

6 октября.

Холода начались. 3-го был сильный мороз, вода в лужах не отмерзала на другой день; с.-з. ветер.

Первые морозы были 20 сентября слабые, 4-го было— 3—4°, конечно, утром не слишком рано. Ночи очень холодны, без дохи, в полушубке под ватным пальто мерзнешь. Ночью зашли в залив,—водяной завел и морочил,—два часа бились, ища выхода. Встретил „Уссури“ [394]), дошел назад до В. Ник. и теперь плыву в огромной шлюпке, вернее, карбасе Дьяченко.

Михайло-Семеновское.
15 октября 1865 г.

Добрался верхом. Дорога утомительна, как всякая верховая дорога, но она еще порядочная,—правда, грязи сильные

от снега, который выпал 11-го. В этот день я был в Казакевичевой. Сильный ветер, буря, ветер менялся с SW, кончая NW, кончилось тем, что он залил „Сторожа".

Снег сильный и следы его видны еще теперь. Зато дни стоят и очень теплые. Вот вчера и сегодня после полдня просто невыносимо жарко, даже в пальто, вследствие верховой езды. Для исправления дороги все сделано, что можно,— расчищают, рубят кочки и ставят вехи, а то зимой нетрудно бы заблудиться среди этих ровных болот. Местами есть перевозы даже, где перевозят с лошадьми.

Местность однообразна. Низкие топленины и низкие же релочки между ними вытянулись длинными мысками, низкие корявые дубы и черно-березняк,—вот их украшение. Тут теперь крестьяне чистят лес и разрабатывают пашни. Вообще эта и местность, и обстановка чрезвычайно напоминают Уссури, особенно низовья. Тут, правда, был и скот приплавлен, но он попадал, когда сена затопило наводнениями 61 и 63 (г.г.). Затем прошлогодняя голодовка, и еще убыло скота. Но здесь еще хуже тем, что постоянно кочевать приходилось, и почти все виденные мною станицы появились на новых местах, в лесах по узеньким релкам. Вот две главные причины неуспешности хозяйства. Третья—плохи хозяева. Много наемщиков. Шли дрянь хозяева, а тут еще такие трудности. Постоянные кочевки прибавили еще убеждение, что их еще переселят, даже за Байкал воротят, и то, что их должны будут прокормить, что царь их прокормит 30 лет.

Теперь, в результате, вероятно, у немногих,—редкие исключения,—хватит хлеба на зиму, у других,—бо́льшая часть,—хватит еще на несколько месяцев, и то греча выручает,—везде гречневый хлеб и гречневые блины, которые неопытный турист может принять за признак роскоши, довольства, что я и сделал сначала. Наконец, остается еще очень много хозяев, у которых пища и теперь недостаточна, еле-еле хватает. Не знаю, право, чем уж они проживут. Разве Чесноков выхлопотал им хлеба из казны. Вот cercle vicieux[395]): давать хлеб,—убеждаются, что будут кормить, и продолжают ничего не делать; не давать хлеба,—продают скот и все больше и больше становятся в безысходное положение.

Помпеевка [396]). *20 октября.*

Прежде чем писать о трудностях, которым подвергаются проезжающие Хинганом, — несколько о дороге от Михайло-Семеновской до Катерино-Никольской. Теперь тут ездят в телегах, дорога порядочная, так что можно ехать по 8 верст в час; перепрягают скоро, нигде нет задержек. Ехал хорошо, только 16-го пошел сильный снег, при сильном же ветре; мокрый, лепит глаза ямщикам, перемочил все решительно. Пришлось остановиться сушиться в Дежневой. Живут сносно; кто посеял довольно,—не нахвалится урожаем; места такие, что везде можно найти релки довольно удобные, впрочем, узкие и требующие расчистки. Главная забота Чеснока в нынешнем году—не то, как прокормить баталион, а как собирать долги. В первые годы накопилось множество долгов за разными ведомствами; теперь не только не могут собрать долгов,—это еще не скоро удастся,—но еще не могут разузнать, кому что должны; шел хлеб, здесь нуждались,—его останавливали, раздавали по станицам, трудно узнать даже, кому именно,—теперь требуют их. В нынешнем году 4-я рота сильно поголодовала, еле спаслись забракованными хлебами из баржи, которую „Константин“ бросил в прошлом году в Поликарповке. На будущий год надеются прожить; впрочем, для 4-й роты понадобятся еще около 20.000 хлеба. Здесь есть хлеб в Раддевке, и она пропитала Помпеевку, в которой места неспособны для хлеба. Есть большой широкий луг по р. Поми, но болотистый; пшеницы совсем не родятся, конопли, говорят, тоже, но потом оказывается, что на сырцах сеяны.

Зато здесь несметное количество дичи. Например, в Нагибове старший („промышленный по всему баталиону“) имеет до 500 штук козлин и, между прочим, ни одной дохи,—каждый, когда ему понадобится, купит себе козляк или своих возьмет, выделает и сошьет „козляк“; то же и с шапкою, которой я во всю дорогу не мог купить,— ни у кого нет лишней, а все нужны про себя, много соболиных и кошачьих, похожих на соболиные. Например, я ехал хребтом, на 55-ти верстах видели до 20 козуль, 3 изюбра, 4—5 кабанов, 5 — 6 соболиных следов, сотни козлиных (снег изборожден как паркет), 3 медвежьих, множество изюбренных и кабаньих; ехали мы,

то громко болтая, то ругая коней,—сколько, значит, распугали зверя.

Как выпал снег, так удержу нет,—все рвутся на промысел; снег в 1 арш. не держит, идут на месяц. Кроме того, ставят пасти, делают загородь и несколько ворот, козы должны пройти сквозь, тут настораживают бревно и бьют. Медведи долго ходят, до Рождества, а потом ложатся, как-то не путем: „новой“ просто сядет под лесину и сидит на . . . новой в дупло залезет,—боятся тигров. Тигр постоянно ходил около Поликарповки, давил жеребят, теперь опять показался, барс тоже. Белка есть, но не слишком много; ее стреляют; если белка застрелена в ветвях, валят дерево,—способ употребительный и для добывания кедровых орехов. Вот Щедрин говорит об отсутствии привлекательности в труде русского крестьянина. Здесь она есть в промысле, хотя главный руководитель все-таки барыш. Козы идут теперь еще на ту сторону; вчера видели штук 7 на льдинах; их так и несет, не решаются плыть дальше; в Раддевке до 50-ти убили на острову (?). Медведи не трогают, если не стрелять, раненые свирепы; в Союзной медведь в 4 арш. страшно изъел казака,—умирает; здесь медведица (с детьми) чуть не съела хозяина дома.

В Михайло-Семеновской я остановился у вновь зачисленного казака. Является хорошенькая женщина, голова повязана платком, здоровается и рекомендуется — „хозяйка дома“. Потом собрались сынки, они все бьют на витиеватость речи, употребляют хорошие слова, ругают забайкальцев и пьют. Уезжаю. — Позвольте узнать вашу фамилию.— Кропоткин. — Князь? — Да. — Помилуйте, ваше сиятельство, очень хорошо знал вашего братца; коротко знал. Оказывается, москов. о. полицейм.

Из Екатерино-Никольска два станка Хинганом; очень хорошо проехал—34 версты $5^1/_2$ часов, несмотря на снег. Тут начались трудности,—вожаков нет, пришлось посылать за ними ночью; от Союзной 55 вер., убийственные дороги и никакого жилья. Запаслись хлебом, козьим мясом. Тронулись: кони вязнут в снегу по брюхо, местами, большею частью. до колена, местами падают. Снег пал на талую землю, болота не замерзли. Переезжать через крошечную речку очень трудно,—до половины лед, в средине полынья, большею

частью прыгают через, местами пустятся по льду, лед подломается. Это все бы ничего. Затесей нет по льду на 12 верст. Там всякий ездит как знает. Хинган, это—альпийская горная страна, густые леса,—пробковый дуб, дуб, ясень, красное дерево, выше—кедр, лиственница, береза, пихта, ель. Посмотреть на него довольно, чтоб не решиться сразу ехать, но случилась нужда, прогнали скот и теперь ездят. Скот гнали, как кто сумел. Ездят тоже. Оттого часто блудят. Я взял двух самых опытных промышленных,—и то блудили; уверяют,—чортик подшутил, оттого, что не умылись! Голая чаща, все подушки, все стрелки до-нельзя похожи,—прошли по два раза,—где тут помнить.

Первый день, 18-го, еще ничего,—тихо, падают кони, но все еще ничего. Ночевка в снегу глубиною $^3/_4$ арш. не особенно скверная. Его раскапывают, кладут ярнику, потник; на второй день и ярнику не клали, 4 слоя потника за-глаза достаточно, лишь бы сухи были. Спал я не раздеваясь, хотя утром пришлось раздеваться до рубашки, надел вторые подштанники,—холодно, но не особенно скверно; я зяб под дохой и пальто в полушубке; может-быть, надо раздеться; я попробовал снять шубу, холодно показалось. Второй день на хребет. Чаща непроницаемая. Прежде я бы сказал, что нет проезда,—продрались. Башлык спасал, а то верю рассказам, что NN вернулся с мордой в крови, Бабст...

Спрашивается, как направляться в этой чаще? Солнце да редко-редко затеси, неизвестно чьи,—Аносова? Мы их скоро потеряли, спустились куда-то и, пока не дошли почти до у. Барка-джяна, не могли определить, ладно ли ехали, или нет,—все думали—„сблудили". Выехали мы поздно, проспали и не доехали. Пришлось вторую ночь ночевать. На спуске с второго хребта (очень крутого) ореховая чаща полегла от снега, представляя по направлению нечто в роде этого [397]); проехать,—проехали, только ямщик всадил себе в глаз сучок, сучок сломался, впрочем, вынул. На второй день не в ту падь попали; спасибо, место показалось незнакомым,—вернулись. На третий,—всего 8 верст до Помпеевки. Поднялись на хребет, поехали „ороном" (гривой), спустились не той стрелкой, опять попали ниже того утеса, который надо было объехать; хотели прямо залезть на гриву, с Амура,—не удалось, вер-

нулись назад. Насилу попали, опять же втрескались в такую чащу. Вот общий голос. В течение лета 4 человека под руководством знающего человека могут расчистить чащу и положить затеси (конечно, и в два месяца), можно, но да будет,—мы 7 лет здесь, 7 лет катаются вьюки, тяжелые чемоданы с коней, блудят нарочные и, пройдя три дня, еле не замерзшие, возвращаются назад, блудят проезжие, царапают рожи и т. д., и т. д.

— Ждут телеграфа и его просеки.

Недурно? Мало того, эти же люди срубили бы зимовейки на полдороге.

16-го в Пузино увидел первую шугу, теперь идет большими льдинами. В прошлом году шуга пошла 12 октября. 12 го ноября Амур стал, ездили; через неделю, 19, прошел.

Здесь много уральцев; не видно зобатых, очень мало; все больше Федореев, Ваггуров и Козырев. В Раддевке больше половины дер(евни) Козыревых.

Как кладут огонь. Заваленка из сырого дерева, потом, чаще, яринка.

8 верст выше Помпеевки. 21 октября.

Куда как незавидное положение. Станок до Зимовья 22 версты, из них 8 хребтом,—верных 20. Выехали очень рано, ветер, легкие морока. Через $^1/_2$ часа—снег; я предложил вернуться, ямщик—ехать до балагана, построенного на пашне в 8 верстах от Помпеевки. Ладно. Поднялся снег, ветер, все же небольшой. Решили ждать. Бывает, стихнет, тогда завтра в день доедем до Зимовья, не то в день от Помпеевки не доехать, все же в лесу ночевать придется. Это было часов в 10. Снег не стихает, огонь расклали большущий, дым забивается в наш 3-х-сторонний балаган: вместе с мокрым снегом. Беда чистая. А скука-то, скука! Припомнились и функции с одной и с двумя переменными, ломал голову над каким-то вздором, — чепуха, сумбур в голове, вертится погадай-ка мне, старушка, а то все Кондр. Триф. в минуту скуки,—„Нет тебе ни правой, нет тебе ни левой“, и т. д. Все планы большие в голове. Что делать, если снега выпадет столько же, сколько есть,—тогда кони не выгрудят; план за планом, все недельные, остановкой пахнут.

Опять Помпеевка.
22 октября.

Дни идут, а я опять в Помпеевке. Отъехали вчера,—пурга, сидел в балагане в надежде, что к утру стихнет. Сегодня опять та же история. Предстояло ехать весь день в снегу, ночевать впереди хребта под пургой, и если не стихнет, то еще день ждать...[398]) или вернуться. Мы вернулись, снег не перестает. То „быдьто маленько промелыжгает“, потом опять заморосит (бусит дождь).

В Поликарповку сходил пешой, берегом в день, в день же вернулся.

На-днях тигр съел коня. В прошлом году убили, вернее изранили, он около Зимовья пропал.

Сторожская.
25 октября.

До Зимовья ехали $1^1/_2$ суток. В результате кони так пристали, что, конечно, надо было ночевать. Мы приехали в 4 ч. вечера; я прошел последний утес пешком и пришел часом раньше. Снегу еще привалило (и теперь валит); были места в подушках (особенно Дробовшиной), что кони прудили снег грудью. К тому же, как только въехали в эту подушку (в 8 верст. от Зимовья,—оно почти видно, но утесы в роде Белых гор, мы были здесь в 1-м часу, следовательно, через 27 часов подвинулись по Амуру на 8 верст), начали попадаться забои снега, грязи, кочки и в довершение всех удовольствий несметное количество валежнику,—лес некогда рубили[1]). Лес хвойный, прегустой, после отворот, совсем как тот, который изображает сцена в „Жизни за царя“. На деревьях совсем нагнуло ветви кедровника и пихты (главные породы), кухта; лес так част, так завален деревьями, такие сугробы снега, что я ничего подобного не видел,—редко видел на картинах и никогда не воображал, чтобы могли быть такие целые хребты. Кони живо устали, ямщики по брюхо в снегу шли, ведя их. Падают, проваливаются, кони

[1]) В этом месте рукописи имеется рисунок, изображающий горный вид; на рисунке надпись: „В Малом Хингане, на Амуре. Устье Дробовичской пади.“

тоже: мы в 4 часа должны были стать на ночлег. Снег оказалось невозможно разгрести ногами,—надо было сперва сделать лопату. Кони дрожат, стоят в снегу, шевельнуться не смеют; им отоптали снег, а они, сердечные, и не подвинутся. Сухарей, хлеба им дали,—не едят; к утру уж стали есть. Затем на хребет. Счастье, подъем очень полог, хоть в экипаже подыматься. Но зато спуск! В роде того, который идет с гольца после Алиберовского рудника. Если сидишь, ямщик, конечно, пешком. А там снова чаща. К счастью, прошлою осенью какой-то старик ехал и наклал затесей по гриве, а то бы мы непременно спустились не в ту подушку,—нет примет. Спустились в Кузнецову падь. Тут до Зимовья один маленький утес. Попытались низом итти; ямщик вернулся,—не пустит на конях, я уж пешой дошел (не больше версты), а они поехали гриву ломать. Тут Амур ударился в главный хребет и образовал гряду крутейших, теперь белых, утесов [399]).

За Зимовьем уж несравненно лучше можно ехать низом: Ельчин говорит даже, что можно сделать хоть тележную дорогу в утесах,—повыше мягкая земля, только внизу обнажение рода аспидных сланцев. Ничего, конечно, не сделано, и в большую воду и тут хребтом ездят.

Раддевка [400]) домов в 100, богатая деревня, выше 9 в. от Зимовья Радде, откуда они переселились все,—топит.

Места для хлебопашества удобные, впрочем, в 61-м топило, теперь и сланях разрабатывают. Раддевка кормит Помпеевку и Поликарповку (прежде). Есть семей 6, имеющих довольно скота, которые года на два имеют хлеба, прочие живут себе, не бедуют—соболями и вообще зверями промышляют. Ноне мало видно соболей (от Зимовья следов 5 видели), зато козы—несметное количество. Она вся идет в Амур; тут, несмотря на шугу, за ней гоняются на батах и бьют ее, три человека в день — 14 коз, а мы на дороге от Радде встретили до 40 штук, все стадами по 5, по 6 штук, идет к Амуру. Теперь тут редки,—сегодня и вчера, и третьего дня за ними гонялись на батах, — смелый народ; некоторые трусят, взвывают к Николе-угоднику, зато другие почти до 100 штук в день набивали; (в деревне) в Иннокентьевской, говорят, еще больше.

Сторожевая тоже зажиточная, место порядочное, хлеба достаточно.

До какого безобразия доводят здешние дороги: в 7 дней подвинуться на 65 верст и радоваться этому,—все же, мол, проехал, и, сообразно с этим, рассчитывать: вот бы удалось сегодня 25 верст сделать. Потеха!

Иркутск.
15 апреля 1866 г.

Интересны следующие статистические сведения.

По официальным источникам оказалось, что в станицах Баклановской, Акининской и...[401]) на 340 человек неговевших в 1865 г. пришлось только 59 говевших. Из этих последних более половины (около $^2/_3$) говело только по болезни или перед смертью. У остальных 340 отмечено: „не говели 10 лет по нерадению". Говели преимущественно старухи и женщины, очень немного мужчин. Средним числом на 340 неговевших оказалось четверо один год, но есть очень многие неговевшие 7 лет, и так целые станицы,— вероятно, 7 лет тому назад кто-либо выгонял. Если говело 59 в 1865 году, то по настоянию начальства, иначе и те бы не стали говеть. Есть очень многие неговевшие более 10, и до 14 лет, даже есть 16 лет.

Наконец, количество лет скорее уменьшено, чем увеличено.

Иркутск.
Ноябрь 1866 г.

В человеке есть способность любить; в известные годы эта способность становится потребностью. Т.-е. как любить? Любили всегда, и всегда разнообразно. Любовь, о которой я знаю по романам, должно-быть, бывавшая в действительности, мало того, теперь иногда проявляющаяся и подчас кончающаяся очень трагически, мне непонятна, — чересчур романтична. Но я понимаю, что возможна такого рода любовь. Вот человек, который пришелся по мне. Мне приятно говорить с ним, на всякую свою мысль нахожу отзыв, сочувствие, за некоторые разряды мысли оба мы особенно горячо беремся, — всякий мой шаг вперед на известном пути радует его, дает ему силы итти дальше и взаимно. Неудача

заставляет и его думать, как выпутаться,—подчас является совет. Мало того, его занятия мне также интересны,—довольно полная взаимность. Если еще при этом его слово способно разжигать мою остывающую энергию, —спрашивается, разве может не явиться потребность видеться, говорить с этим человеком; разве лишение возможности с ним видеться, переписываться не будет для меня лишением? Вот эту-то потребность быть вместе или вообще в коротких сношениях я называю любовью. Если к этому присоединяется половое влечение, то любовь будет еще сильнее. Возможен ли подобный случай? Конечно. Примеров не мало,—тут не нужно даже равенства в образовании, чтобы возбудилось это чувство: достаточно, чтобы то, что я описал, было бы хоть отчасти, — хоть в какой-нибудь области было это сходство. Может сойтись так не только физик с медиком, — у обоих наука,—но политический деятель с ученым, бродяга-ботаник с кабинетным математиком и т. д., подчас даже вообще умный, энергичный человек, хоть и бездельник, с тружеником-ученым. Понятно, что такая любовь не застрахована от разрыва,—при чем неудовольствие, может быть, страдание от разрыва выпадает на долю слабейшего, низшего члена.

Можно ли подобную любовь назвать проявлением хананского элемента, т.-е. будет ли этот союз следствием неразвитости и не должны ли подобные случаи прекратиться с бо̀льшим развитием человечества?—Нет.

Положим теперь, Бокль[402]) не нуждался в подобном союзе, — вернее, в Бокле не проявлялось подобной потребности даже при встрече с подобными существами, которые могли бы быть вторым членом, — он так вполне был занят своей идеей, что на весь окружающий мир и смотреть не хотел, — положим, историку еще необходимее людей знать и знать их в натуре (долго писать, почему именно), но такой астроном, положим. Положим, что со временем все порядочные люди должны стать такими, но всегда будет неравенство, всегда будут звезды 1-й и 12-й величины. Бастиани[403]), теперь звезда 3-й, 4-й величины, тогда станет 12-й, его идеалом будет звезда 1-й величины. То же количество работы будет делаться в меньшее время, следовательно, и с увеличением количества работы, которую он сделает, все же будет оставаться короткий промежуток отдыха. Кроме

того, в эти промежутки, как бы ничтожны они ни стали, при более частых столкновениях с людьми, большем обмене, будет проявляться потребность любви в таком роде, как я ее понимаю. Хананский элемент останется всегда при человеке. Да и нужно ли стремиться его уничтожить, если бы это и было возможно. Это один из источников мучения теперь, но и теперь он большой источник наслаждения,— нужно стремиться сделать и из этой способности человека источник наслаждения. Мне доставляет наслаждение чистота,—неужели стремиться уничтожить эту потребность, как наслаждение чистотой, чтобы оставалось больше времени на ученые занятия, больше средств на книги, больше переносливости ко всем мерзостям, вшам et C-ie. лишь бы быть способным во время ботанических экскурсий переносить все, не обращая на него внимания и т. д., и т. д.? Не лучше ли стремиться к тому, чтобы легче доставить себе возможность быть в чистоте и оттого чувствовать себя здоровее. Что же, наконец, не хананский элемент, если и такую любовь, как я изобразил, отнести в этот разряд?

Жизнь в этом обществе становится с каждым днем заметно неприятнее, даже и при здоровом настроении духа. Противно сознавать, что видишься с людьми, говоришь с ними, как с порядочными, в то время как они плевка не стоят, и чувствуешь себя не в силах, не в праве плюнуть им в рожу, когда сам ничем не лучше их, носишь ту же ливрею, выделываешь те же штуки,—чем же я лучше, где основание, на котором я мог бы действовать, сам несамостоятельный человек, к тому же мало развитой? Не менее утопичным становится толчение воды в виде службы.

Петербург.
1867 г. ноябрь. [404])

„Есть известная степень альтруизма, обязательная для всех, но есть также и границы, вне которых он становится необязательным, а только похвальным. Так, обязательно для всякого ограничивать преследование своих личных целей пределами, в которых они совместимы с существенными интересами других. Что это за пределы, определит этика, а удерживать в этих пределах индивидуумов и аггрегации

индивидуумов есть дело наказания и нравственного порицания. Если же, вдобавок к этому, люди делают благо других прямым предметом своих бескорыстных стараний, пренебрегая для него даже невинными личными удовлетворениями,—то они заслуживают признательности и уважения и являются предметом нравственного возвеличения. Правда, пока какая-нибудь внешняя сила не побудит людей к такому поведению, его не слишком часто можно встретить, но во всяком случае необходимое условие его есть самопроизвольность, так как понятие о благополучии всех, достигаемом путем самопожертвований каждого, является противоречием самому себе, если только самоотвержение действительно теряет значение жертвы[405]). Подобная самопроизвольность не исключает возможности симпатического поощрения, но это поощрение должно бы состоять в том, чтобы сделать самопожертвование приятным, а отнюдь не в том, чтобы представлять все другое достойным наказания...

Коль скоро человек, пользующийся удобствами общественными, заставляет нас ожидать от него всех тех полезных услуг и действий, какие, при данной степени нравственного совершенства, сделались уже обыкновенными,—то подобный человек, если он, без уважительной причины, не оправдывает этих надежд, заслуживает нравственного порицания". (Конт в изложении Милля.)

„Наше понятие о жизни человека совершенно иное. Мы не считаем жизнь столь богатою удовольствиями, чтобы нужно было предупреждать пользование теми из них, которые Конт относит к разряду эгоистических. Напротив, мы думаем, что достаточное удовлетворение наших склонностей, без излишества, но в той мере, какая делает удовольствие более полным,—почти всегда благотворно действует и на бескорыстные стремления. Облагораживание личных удовольствий состоит, по нашему мнению, не в ограничении их численности, а в развитии желания разделять их с другими, со всеми другими, и в пренебрежении всего того, чем мы не в состоянии поделиться. Одна только страсть или наклонность совсем не совместна с этим условием — любовь к владычеству или превосходству ради него самого; так как оно предполагает при этом (в своем основании) соразмерное угнетение других". (Милль о Конте.)

Если общество будет иметь целью удерживать людей от причинения вреда другим и от уклонения исполнять то хорошее, что они взяли на себя, то общество, при мало-мальски сносных условиях, получит гораздо более... [406]) Нравственное достоинство, этот высший героизм, должно быть поддерживаемо положительным поощрением, но отнюдь не (может) быть обращаемо в нечто обязательное... Главною задачею воспитания... должна быть аскетическая дисциплина в первоначальном смысле греческого слова... некоторое подавление своей личности, управление желаниями побеждать опасности и переносить труды... Всякий, живущий каким-нибудь полезным трудом, должен быть приучен смотреть на себя не как на индивидуума, работающего для частной выгоды, но как на общественного деятеля; на свой заработок,—в чем бы он ни заключался,—не как на вознаграждение, а как на пособие. На факте оно уж так нужно, чтобы мысли применились к действительному положению человека. Норма пособия определяется не заслугой, а тем, что общество, при известных обстоятельствах, в состоянии уделить ему, не пренебрегая справедливыми требованиями других. Милль полагает, что принцип жизни на заработок есть тот верный принцип, к которому общественное мнение новейшей Европы стремится все более и более и которому суждено быть одним из составных начал возрожденного общества.

... И всякий, кто умственные силы свои, которые бы могли быть обращены на настоятельно необходимые услуги человечеству, посвящает на умозрения и исследования, без которых можно было бы обойтись, достоин порицания, как человек, мало заботящийся о человечестве. Но кто в состоянии (положительно) сказать, чтобы умозрение, руководимое правильными научными методами и касающееся предметов, действительно доступных человеческим способностям, могло не быть полезным?

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Каменка—станция на почтовом тракте из Москвы в Калугу Московск. г., Подольск. у.

2) Это стихотворение записано вторично в конце 3-й тетради „Дневника“, см. прим. № 157.

3) Никольское (Серено-Серенское тож) на р. Серене—родовое имение Кропоткиных, село Калужск. губ., Мещевск. у.

4) Рассудово—тоже село Калужск. губ., соседнее с Никольским.

5) Владимир на р. Клязьме—древний город. В 1863 г. имел 13.348 жит.

6) Садовский, Пров Михайлович (1818—1872)—знаменитый актер Моск. Малого театра.

7) Эмансипированными.

8) Вязники—уездн. гор. Владимир. г. на месте древнего города Ярополя. Жителей в 60-х г.г. было до 5 тыс. чел.

9) Боголюбово—село в 12-ти верст. от Владимира с древним монастырем.

10) Петров,—сопровождавший Кропоткина в Вост. Сибирь служитель, часто упоминается в „Дневнике“.

11) Нижний-Новгород—губ. гор. В 1863 г. имел 32.500 жит.

12) Павлово—большое село Нижегородск. губ., Горбатовск. у., центр обширного стале-слесарного района.

13) Ярмарка Нижегородская—произошла от торга русских с инородцами у стен Казани на Арском поле (в XIII в.). В 1817 г. ярмарка перенесена в Нижн.-Новгород.

14) Оренбургские казаки—особая команда от этого войска, посылавшаяся для поддержания порядка в Нижн.-Новгороде во время ярмарки.

15) Муравьев, Александр Николаевич (1792—1886),—брат Муравьевых Карского и Виленского, декабрист. Выехал из Сибири в 1837 г. Будучи губернатором в Нижн.-Новгороде, первый собрал дворян и отозвался на рескрипт 1857 г. об освобождении крестьян.

16) Ольридж, Айра (около 1805—1867),—негр из Сев. Америки, знаменитый актер.

17) Дависон, Богумил (1818—1872),—знаменитый немецкий актер.

18) Варламов, Александр Егорович (1801—1881),—композитор.

19) Алябьев, Александр Николаевич (1802—?),—композитор.

20) „Русский Вестник“ и „Современник“ — самые распространенные в то время журналы; „День“ — еженедельный орган И. С. Аксакова.

21) „Колокол“—политическая газета, издававшаяся за границей А. И. Герценом.

22) Бестужев, Михаил Александрович (1800—1871),—декабрист, автор книги о буддизме и богатых содержанием „Записок“.

23) Муравьев — декабрист: или Муравьев А. Н., упомянутый выше, или Муравьев-Апостол, Матвей Иванович (1783—1886), старший брат казненного в 1826 г. Сергея Ивановича.

24) Perpetuum mobile—вечное движение. Под этим названием подразумевается машина, способная поддерживать свое собственное движение без затраты какой-либо энергии. Невозможность конструирования такой машины была доказана в 1845 г. О. Майером путем научного обоснования закона сохранения энергии.

25) Космодемьянск — уездн. гор. Казанской губ. на Волге. В 60 г.г. XIX в. имел около 5 тыс. жит.

26) Казань — губ. гор., основан во 2-й половине XII в. В 1866 г. имел 59.400 жителей.

27) Услон — село на Волге против Казани.

28) Марокеевская слобода — у Казанских пристаней, официально именуется Адмиралтейской.

29) Благовещенский собор в Казани с древними гробницами, место погребения архиеп. Гурия, современника Грозного. Кропоткин ошибочно называет его Фотием.

30) Фотий св. — старец Иосифова Волоколамского монастыря, духовный писатель. Ум. в 1554 г.

31) Козлянинов, Михаил Петрович, — военный губернатор Казани, управлявший и гражданской частью.

32) Сельскую церковь.

33) Елабуга—уездн. гор. Вятской губ. на р. Каме.

34) Алебастр—одна из разновидностей гипса, мелко-зернистого строения, просвечивающийся, снежно-белого цвета.

35) Гимнастическим шагом.

36) Сарапуль,—уездн. гор. Вятской губ. на прав. берегу Камы.

37) Мензелинск — уездн. гор. Уфимской губ.

38) Ирбит — уездн. гор. Пермской губ.

39) Буссе, Николай Васильевич, — ген.-м., военный губернатор Амурской области, близкий сотрудник Муравьева-Амурского.

40) Больница Всех Скорбящих—психиатрическая, в 11 ти верстах от Петрограда.

41) Пермь — губ. гор. на р. Каме.

42) „Соврем. Летопись“, 1862 г., № 36, корреспонденция П. Кропоткина из Тюмени от 23 авг.

43) Леонтьев, Павел Михайлович (1822—1874),—сотрудник Каткова, по редакции „Московск. Ведомостей“, филолог, проф. московск. университета.

44) Кунгур—уездн. гор. Пермской губ. на р. Сылве.

45) Екатеринбург — уездн. гор. Пермской губ. на р. Исети.

46) „Двоедолы“ — по способу обработки земли, с двупольным севооборотом (две доли), сохранившимся до сих пор во многих уездах Тобольской губ..

47) Камышловский уезд Пермской губ. Город Камышлов основан в 1667 г. как укрепление.

48) Тюмень—уездн. гор. Тобольской губ. на р. Туре; построен московскими воеводами в 1581 г. при Ермаке на месте татарского городка.

49) „Русский Вестник“. Корреспонденции П. А. Кропоткина печатались не в самом журнале, а в еженедельных прибавлениях к „Московским Ведомостям“ „Современная Летопись“, так как эти органы печати выходили под одной общей редакцией.

50) Ялуторовск—уездн. город Тобольской губ. на р. Тоболе на месте татарского городка Явлу-Тура.

51) Ишим—уездн. город Тобольской губ. на р. Ишиме.

52) Омск — областной гор. Акмолинской обл. на р. Иртыше В 1868 г. в городе было 3.300 жителей.

53) Каинск—уездн. (по сибирски окружной) гор. Томской губ.

54) Томск—губ. гор. на р. Томи, основан как крепость. В 1868 г. считалось 20.983 жит.

55) Молодые люди при ген.-губ. Корсакове.

56) Карбоньер, Александр Львович,—председатель казенной палаты в Томске.

57) Вот и все барышни, которые имеются в Томске.

58) Клингенберг фон, Владимир Николаевич, служил отводчиком земель для золотопромышленников, потом окружным начальником Минусинска.

59) Мариинск—уездн. город Томск. губ. на р. Кии.

60) Красноярск — губ. гор. Енисейской губ. на реке Енисее.

61) Ачинск—уездн. гор. Енисейской губ. на р. Чулыме.

62) Муравьев-Амурский гр., Николай Николаевич (1809—1881). В 1846 г. был губернатором в Туле. В 1847 г. переведен ген.-губернатором в Восточн. Сибирь, где сыграл яркую политическую роль и вернул России земли по Амуру, уступленные Китаю в 1689 г., а затем и берега р. Уссури. Спешное заселение края административным, принудительным порядком, ряд неудачных, часто возмутительных мер снабжения поселенцев хлебом, голод на Амуре — вызвали обличения в печати и резкие осуждения ген.-губернатора и его администрации. В 1861 г. Муравьев покинул Сибирь, когда в Петербурге не одобрили его плана разделения области на два генерал-губернаторства. Интересно отметить, что сосланный в Сибирь Бакунин в письме расхваливает программу Муравьева. Юный Кропоткин как будто тоже был глубоко заинтересован деятельностью Муравьева.

63) „Современная Летопись“, 1862 г., №44. Корреспонденция Кропоткина из Иркутска от 16 сент. Из „Восточной Сибири“.

64) Корсаков, Михаил Семенович (часто Карсаков, как в книге Барсукова, см. выше),—близкий сотрудник Муравьева. В 1860 г. был председателем совета главн. управления Вост. Сибирью, а в 1862 г.—ген.-губернатором.

65) Михайлов, Михаил Илларионович (1826—1865), — писатель, поэт и превосходный переводчик. В 1861 г. сослан на каторгу по обвинению в составлении и распространении прокламации: „К молодому поколению".

66) Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876),— знаменитый анархист, из московского кружка „Молодая Россия" Станкевича и Белинского. Изучал философию Гегеля и был левым гегелианцем. С 1840 г. учился и писал в Германии. С 1843 г. вступил в тесную связь с германскими и швейцарскими революционерами. В 1848 г. участвовал в волнениях в Праге. В 1849 г. организовал восстание в Дрездене. Дважды присуждался к смертной казни, заменяемой заключением с приковыванием к стене. В 1851 г. выдан России и содержался в крепостях до 1857 г., когда по просьбе родных выслан в Сибирь. В 1861 г. Бакунин бежал через Японию в Лондон. В 1864—1868 г. организовал ряд социалистических кружков в Италии и лигу рабочих, с которой принят в Интернационал, но скоро исключен в виду отрицательного отношения К. Маркса к проповеди Б. о непрерывной революции низших масс, пропаганде фактами, а не словами. В 1871 г. участвовал в создании Коммуны в Лионе. В 1872—1876 гг. жил в Локарно, умер в Берне, в больнице.

67) Разговоры о возможности для Сибири с выгодой для нее отделиться от России велись издавна и в среде самой администрации сказывались отдаленность от центров русской жизни и специфический местный патриотизм.

68) Иркутск—губ. гор. на р. Ангаре. С 1822 г. здесь главное управление Восточн. Сибирью.

69) „Современная Летопись", 1862 г., корреспонденция Кропоткина с описанием Иркутска.

70) Нижнеудинский округ Иркутск. губ. занимает западную ее часть. Нижнеудинск—окружн. гор. нар. Уде, на главном тракте Сибири.

71) Ангара, р.—главный приток Енисея. Длина 2800 верст, ширина близ Иркутска — 270 саж.

72) Иннокентьевский монастырь близ Иркутска,

73) Самолетом называется паром, движущийся силой течения реки.

74) Уменьшительное имя.

75) Мецгер — фамилия.

76) Большие глаза.

77) Мельницу молодости.

78) Излер — известный содержатель увеселительных заведений и минеральных вод в Петербурге.

79) Я имею страховой билет, я бы вам его показал, но он остался в Москве и т. д.

80) Не придавая этому особого значения.

81) Герцен, Александр Иванович (1812—1870), —знаменитый писатель-публицист резко оппозиционного направления. С 1846 г. до смерти жил эмигрантом за границей. Издавал „Полярную Звезду" и „Колокол".

82) Кукель, Болеслав-Виктор Казимирович, ген.-майор. В 1862 г. был начальником войск и временным губернатором Забайкальской области. Был очень близок к Муравьеву. В 1863 г. смещен с ответственного поста, вследствие перехваченного письма, в котором Кукеля просили оказать содействие польскому восстанию.

83) Во что бы то ни стало.

84) Забайкалье —местность на юго-восток от оз. Байкала; на юге граничит с Китаем, на вост. и сев. — с Амурской и Якутской областями.

85) Ген. Корсаков — ген.-губернатор.

86) Вагин, Всеволод Иванович (1823—1900) —содержатель вместе с Шестуновым частной библиотеки в Иркутске; в 70-х годах он издавал газету „Сибирь".

87) Общественные кружки в Иркутске, Чите и др. городах Вост. Сибири, вдали от центральной администрации, жили гораздо свободнее, чем в Европ. России.

88) Семейскими именуют себя старообрядцы, живущие в Забайкалье. Наименование „семейских", по мнению последнего исследователя проф. А. М. Селищева, они получили от р. Сейма, по местному названию „Сема", с берегов которого пришли, хотя сами они объясняют теперь, что наименованы так потому, что селились семьями, а не в одиночку, как сибиряки.

89) Завалишин, Дмитрий Иринархович (1804—1892), —декабрист. В Сибири энергично обличал в печати администрацию. В 60-х годах был удален из Сибири. Умер в Москве.

90) Кяхта — торговая слобода в 3 верстах от Троицкосавска Забайкальск. обл. и в 80 саж. от пограничной слоб. Маймачина.

91) „Амур" — газета, основанная в Иркутске в 1860 г.

92) Буряты — в просторечьи „братские", самое многочисленное инородческое племя в Вост. Сибири, населяют Иркутск. губ. и Забайкальск. обл. Говорят на монгольском наречьи. По религии делятся на язычников-шаманистов и буддистов (ламаистов).

93) Шифер — иначе сланец — минерал; смотря по составу, носит разные названия: слюдяной сланец, хлористый сланец и т. д.

94) Чита — главн. гор. Забайкальской обл. на р. Чите, близ р. Ингоды. При Кропоткине было всего 3 тыс. жит.

95) Байкал — озеро в Вост. Сибири, длина более 600 верст, ширина местами до 60 верст.

96) Лиственничное—сел. на сев.-зап. берегу Байкала, станция с пароходной пристанью.

97) Голоустное (Голоустенское)—два селения этого имени на бер. Байкала.

98) Посольское — с. Забайкальск. обл. Верхнеудинского окр., у Байкала.

99) Прорва — на бер. Байкала. Забайк. обл., Верхнеуд. окр., близ Посольского, пристань.

100) Жуковский, Евгений Михайлович, в 1860—1861 г.г. был забайкальским губернатором и атаманом казачьих войск, затем переведен губернатором в Иркутск.

101) Братская — степь в Забайкальск. обл., место кочевий бурят.

102) Верхнеудинск — окр. гор. Забайкальск. обл. на р. Уде, при впадении ее в Селенгу.

103) „Хрустальный дворец всемирной выставки“ — шутка Кукеля над более чем скромной попыткой подобием выставки оживить местную промышленность; выставка помещалась в тире для обучения стрельбе местных казаков.

104) Дадешкилиани — бывший адъютант Муравьева, затем служил у Кукеля.

105) Шелгунов, Николай Васильевич (1824—1891), — известный писатель-публицист, по образованию лесовед, друг сосланного на каторгу М. Михайлова. Навещал его с женой в Сибири весной 1862 г. За сношение с государственным преступником потом надолго был выслан из Петербурга.

106) Шелгунова, Людмила Петровна, урожденная Михаэлис, — жена писателя Ш. (1832—1902), вращалась в литературных кругах, много переводила.

107) Казаковский промысел — сел. Нерчинского горнозавод. окр. Забайкальск. обл. Богатый золотой прииск.

108) Дувник-Дувненко — жандармский полковник в Иркутске; посылался для наблюдения за Шелгуновыми.

109) Малиновский, Антон Иванович, — майор и чиновник особых поручений амур. губ-ра. Кропоткин под его командой впервые проводил баржи с хлебом по Амуру.

110) „Дорогой мой“. — Моншерами звались в военной среде фаты вследствие частого повторения ими этой фразы.

111) Это удачное выражение.

112) Тайша — старейший родоначальник у монголов и калмыков.

113) Поплавский, Иван Варфоломеевич, — советник областного управления в Чите.

114) Николаевск на Амуре — окружной гор. Приморской обл. в 35 верстах от устья.

115) Козакевич, Петр Васильевич, — контр-адмирал, военный губернатор Приморской обл. Сотрудник Муравьева в деле присоединения Амура.

116) Людорф — представитель немецких торговцев в Николаевске на Амуре, виноторговец.

117) „Общий стол“.

118) Педашенко — казачий полковник в Чите, правая рука губернатора Кукеля.

119) Г-жа Волар.

120) „Г н Кукель совсем не живет для своего дома, он живет только для Педашенки, всегда Педашенки, всегда Педашенки, так что, когда я его вижу, это причиняет мне неприятность".

121) Клейменов, Василий Васильевич,—полковник, горный ревизор Енисейской губ. Жена его грузинка, на его дочери женат Кукель.

122) Конституция—ее объявления ожидали в Чите осенью 1862 г.

123) „Луна поглощает тучи".

124) Подгурский — врач в Чите.

125) Хабаровка на р. Амуре, близ впадения рукава р. Уссури.

126) Друммондов свет — получается накаливанием извести огнем гремучего газа; изобретение англ. офицера Друммонда.

127) Котта, Генрих (1808—1879), — известный немецкий геолог проф. горной акад. во Фрейбурге. Писал об Алтае и его рудах.

128) Курба — Курбанская станица на р. Ингоде, Верхнеуд. окр., Забайкальск. обл.

129) В Забайкальск. обл. по сухости воздуха выпадает мало снега и почти всю зиму ездят на колесах.

130) Орион — созвездие.

131) „Современная Летопись" 1863 г., корреспонд. из Читы от 4 января 1863 г.

132) На этом последовательность дневных записей прерывается, а на отдельных страницах помещены следующие заметки и записи, повидимому, имеющие отношение к цели поездки автора Дневника:

„Кузнецова, Пелагея, 27 лет, была высечена в волостном правлении в присутствии Степана Маслова, Увара Ленского и др., человек до двадцати, за то, что в праздничный день на улице перед своим домом подралась с Марией (одно слово не разобрано) Зариной и разорвала ей рубашку. Они дали ей ударов до пятидесяти голой, несмотря на увещ. волостн. и на просьбы ее.

Ив. Григорьев, не помнящий родства, содержится 6 недель, пищи никакой не получает, кормится тем, что ходит по миру. Бокмир — за то, что менял лошадь, которая была украдена. Жена его.

Дворецкая (слобода Забайкальск. обл. на бер. Байкала, близ устья Селенги).

Старые ямщики, заключившие контракты до нов. года, спрашивают, если не явится охотников, то до Петрова дня (29/VI) они должны будут гонять на основании контрактов, а потому просят денег за треть до Петровки по 100 р., чтобы иметь возможность закупить сена и т. п.".

133) Кабанск — Кабанская слобода на р. Селенге, Верхнеуд. окр., Забайкальск. обл.

134) В эту пору (ноябрь 1862) Кропоткин был командирован для расследования беззаконий и жестокого обращения с крестьянами верхнеуд. заседателя Марковича. Собрал много обличающих фактов. Но М. имел сильную руку в Петербурге и был вместо суда переведен исправником в Камчатку, где разбогател. В отставке писал патриотические статьи в консервативных газетах. Записи относятся к расследованиям („Записки революционера", стр. 144).

135) Сокольский, Алексей Николаевич,—исправник в Верхнеудинске.

136) Творогово — большое с. Верхнеуд. окр. Забайкальск. обл. близ Кабанска, заселено русскими выходцами из Вел. Устюга.

137) Кудара—Кударинская слобода, на р. Харауза Забайкальск. обл., Верхнеуд. окр.

138) Дубинская—сл. Забайк. обл. Верхнеуд. окр.; очень пострадала от землетрясения, образовавшего залив у берега Байкала.

139) Маркович — см. прим. № 134.

140) Нерчинск — окр. гор. Забайк. обл., при впадении р. Нерчи в Шилку.

141) Ольденбург—отец академика С. Ф. Ольденбурга.

142) Дейхман, Оскар Александрович,—подполковник, начальник Нерчинского горного правления; за освобождение от работ М. Михайлова на Казаковском прииске разжалован в рядовые (М. Лемке, „Политические процессы" СПБ. 1907 г. стр. 83).

143) Сретенск—казачья стан. Забайкальск. обл., Нерчинск. окр.

144) „Соврем. Летопись", 1863, № 18. Корресп. из Читы от 2-го февр. Обществ. жизнь, открытие нового акцизного управления.

145) Горбачевский, Иван Иванович, 1800—1869,—декабрист.

146) Адлерберг 2-й, гр., Александр Владимирович, — сын министра двора Владимира Федоровича, сверстник и близкий друг Александра II.

147) Атамановская—станица на Шилке, близ Читы.

148) В апреле 1862 г. в III отделение поступили донесения местного жандарма о послаблениях, оказанных в г. Тобольске начальствующими там лицами преступникам: Михайлову и Обручеву и бессрочно ссыльно-каторжному Макееву. По высоч. повелению, для производства следствия был послан свитский ген.-майор Сколков. Дело было передано в Государственный Совет, на основании мнения которого, утвержденного царем 23 октября 1867 г., вице-губернатор Соколов был исключен из службы.

149) Пауль, Александр Карлович, — младш. ревизор пит. акцизного упр. Вост. Сибири.

150) Ухтомский, кн. Александр Алексеевич, — городничий в Петропавловске.

151) Никакого бунта в Забайкалье в 1863 г. не было. Три года позже (1866 г.) там, действительно, произошло восстание сосланных туда поляков.

152) Ворожцев, Николай Федорович,—инспектор по медицинской части Забайкальск. обл. в Чите.

153) Автор говорит здесь о комиссии для выработки проекта городского самоуправления, официально—Комитете, образованном, вследствие предписания мин. внутр. дел от 26 апреля 1862 г. и 24 декабря 1863 г., для обсуждения вопросов о преобразовании общественного городского управления.

О своей деятельности в этой комиссии П. Кропоткин говорит в „Записках революционера" (стр. 143—152).

154) Работа Кропоткина о выставке издана особой брошюрой: „Описание первой Забайкальской выставки сельской и др. произведений, бывшей в г. Чите в 1862 г." Первое литературное произведение автора „Дневника", если не считать нескольких корреспонденций.

155) Черта в подлиннике.

156) Голод 1856—1858 гг. на Амуре не затронут Барсуковым в его труде „Гр. Н. Н. Муравьев-А.", только в главе LIII находится правдивое изображение возвращения войск вверх по Амуру в Забайкалье в 1856 г. после войны с союзниками, при чем признается гибель значительной части отряда Облеухова, да большие страдания и потери в др. отрядах.

157) На этом „Дневник" прерывается. Через страницу записаны три строчки из „Фауста" Гёте, а затем два других стихотворения: 1) „Брось свои иносказанья" (из Гейне, полн. собр. сочинен. изд. Маркса т. VI, стр. 83: „К Лазарю") и 2) „Когда б не смутное волнение"—записанное в первый раз в начале „Дневника".

158) Через две пустые страницы записано: „По прошению кяхтинского купца Бабкина с Пемыловым. В описи не значится", а ниже, под чертой: „у брата 2 сына, 10 и 8 лет, они разделились".

„По взысканию с Пемылова 167 р. 23/VII поступило. Написано засе... 28/VII, 423 17/VIII получил обратно, 10/VIII отправлено в волостное правление, которое сейчас и распорядилось".

„Константин Афанасьевич Болдаков не поставил еще с прошлого года каз. пров. 228 пуд. 20 ф., который должен был везти в Читу и дан ему общественниками (контракта нет). В Чите разузнать и если можно взыскать".

„Прописанный Янкель Меркель жалуется, что с него взяли подати на прошлой неделе 9 р. 41 к. за сына его, Хана Меркеля, крестьянина, по объявлению ему о податях, присланному в июне месяце (м. п. говорит, что есть манифест, что кантонист не платит до 20 лет). У них мальчик 13 лет".

Эта последняя запись, сделанная карандашом, перечеркнута и чернилами наискось помечено: „так и следовало".

159) Д.—вероятно Дадешкилиани.

160) Карпов, Василий Демьянович,—пограничн. комиссар в Кяхте.

161) Вакульский, Ник. Иван,— полк., полицмейстер в Иркутске.

162) Амур — р., длина около 4 тыс. верст. Течение извилисто. Берега гористы, особенно около Малого Хингана.

163) Амурское казачье войско организовывалось в 1857 г. сперва добровольными затем принудительными поселениями из Забайкалья.

164) „Черноморская компания" — она же „Общество пароходства и торговли" на Черном море; возникло около 1860 г.

165) Де-Кастри — залив в Приморской обл., близ оз. Кизи.

166) Мариинск — сел. Приморской обл. у протока, соединяющего Амур с оз. Кизи.

167) Софийск — в Приморской обл., у низовья р. Амура; был окружн. городом.

168) Российско-Американская торговая компания, основана в 1781 г.

169) Беклемишев, Федор Андреевич, —член совета главн. управл. Восточной Сибири в 1862 г.

170) Неклюдов, Алексей Михайлович,—губ. архитектор.

171) Шелашников, Константин Николаевич, ген.-м. В 1865—66 г.г. был губернатором в Иркутске.

172) Владивосток — пост, ныне город, расположен на северном и зап. берегах бухты „Золотой Рог“.

173) Кругоморский тракт — очень тяжелый вьючный путь вокруг оз. Байкала.

174) Карандаш для художников, т.-е. рисовальный.

175) Голец — местное название горы, не покрытой лесом, голой.

176) Шульман, Ник. Густ., — бывш. кап. Семеновского полка, где начал службу и ген. Корсаков.

177) „Соврем. Летопись“, 1863 г., № 42, корреспонденция Кропоткина из Читы от половины июня, перед поездкой на Амур.

178) Далее помещены рисунки и мелкие служебные отметки (о деньгах рекрут, о прошении писаря Селиванова, названия станций и т. п.). Тетрадка 4-я сшита неправильно, страницы перепутаны и записи идут не по порядку.

179) Сделан набросок гор, под которым написано: „ничего не вышло“.

180) Сретенск — казачья станица на р. Шилке, Забайк. обл. Нерчинск. окр.

181) Заборовский, Иннокентий Клементьевич, — заседатель земского суда Верхнеудинска.

182) Волков, Николай Иванович,—окружн. судья Приморской обл.

183) Моллер, А.; в 1856 г. служил адъютантом при Муравьеве-Ам.

184) Покровская станица на Амуре, близ устья Аргуни.

185) Албазин на р. Амуре.

186) Т.-е. в 4 вершка.

187) Манагры, манегры, мианягры, — народец тунгузского племени; живут на правом бер. р. Зеи, прит. Амура, шаманисты.

188) Маньчжуры — живут гл. обр. по р. Сунгари, имеют селения и на Амуре, близ Айгуна (Благовещенска). Земледельцы, шаманисты.

189) Орочоны, орочены, — народец тунгузского племени, живет по западному склону Хингана в сев.-вост. части Амурск. обл. и в Приморской, частью на морском побережье. В Забайкалье их называют бродячими тунгусами. Шаманисты; занимаются звероловством.

190) Ханшина, хиншина,—китайская водка.

191) Малогиры, иначе манягры, — о них см. прим. 187.

192) Станицы Карсакова и Буссе расположены на местах, где к Амуру подходят хребты Мал. Хингана.

193) Покровская—бол. станица на Амуре при устье р. Аргуни.

194) Было помечено 17-м числом, потом переправлено. Предыдущие записи, начиная с понедельника, в подлиннике помечены неверным числом, что и замечено самим автором.

195) Благовещенск — губ. гор. Амурской обл. при слиянии р. Зеи с Амуром. В 1868 г. имел 3.344 жит.

196) Здесь помещен рисунок лопаты в плане и в разрезе, а далее телеги; затем чертеж, объясняющий способ прикрепления оси к телеге, и еще дальше рисунок глиняной кадки.

197) Пером сделан набросок сошника.

198) Айгун — китайское сел. на правом берегу Амура близ Благовещенска.

199) Амбань — китайский губернатор.

200) Нойон — представитель или правитель родового общества у монгольских племен.

201) Помещен рисунок палок.

202) „Необходимая приправа" (примечание автора).

203) Сделан рисунок, изображающий лежащего человека с доской на шее, и отдельно — доска на веревках, в роде чашки весов. Далее помещен схематический набросок жернова.

204) „Современная летопись", № 43 и 44, 1863 г., корреспонденции с Амура за июль и август.

205) Михайло-Семеновская—бол. станица на Амуре, Амурск. обл., немного ниже впадения р. Сунгари.

206) Хинган Большой — горный хребет на востоке Монгольского нагорья, тянется от р. Амура и Шилки на юг до Китайской провинции Чжили и отделяет бассейны рек Маньчжурских от Монгольских.

207) Радде, Густав Иванович,—зоолог; род. в 1831 г., директор кавказского музея и тифлисской публичной библиотеки, естествоиспытатель и путешественник по Сибири, Кавказу и Закаспийскому краю.

208) Гольды — народ тунгузского племени, живет у берегов Амура, Сунгари и Уссури.

209) Сделаны 3 рисунка: 2—лодки и 1—весел.

210) Аносов, Павел Павлович, — чиновник особ. поруч. по отд. казач. войск при губ. канцелярии Иркутска.

211) Уссури (Усури)—правый приток Амура, длина от верховья ее притока Ула-хэ—850 в.

212) Нарисованы 3 казанских ореха в кожуре (пласке) на одной ветке.

213) „По 8 на кисти, и таких кистей десятки на маленьком деревце" (прим. автора).

214) Бурундук—зверек из породы грызунов, похож на белку.

215) Юго-западный ветер.

216) Начерчен глазомерный план окрестностей дер. Мылки, занимающий $^1/_4$ стр. „Дневника". Упоминаемые далее буквы соответствуют буквам на плане.

217) Сделан небольшой рисунок (размером в 3 строчки текста), изображающий лодку с двумя гольдами на гребне волны.

218) Сделан набросок остатка носа баржи.

219) Сделан набросок лопаты.

220) Помещен рисунок топора.

221) Лутковский, Иван Степанович,—ген.-адъютант, командированный для ревизии военного отдела Вост. Сибири.

222) Романов, Д. И.,—в 1860 г. полковник, устроитель первой телеграфной линии вдоль Амура.

223) Степанова — станица на Амуре выше Хабаровки, Амурской обл.

224) Бессонов, Сергей Петрович,—в 1865 г. исправник в Нерчинске.

225) Слово „бузуи" вписано карандашом, очевидно, позднее,—дневник в этом месте писан чернилами.

226) Савич, Евгений Александрович,—военн. губернатор Амурской обл.

227) Пропуск в подлиннике.

228) Конец тетрадки № 5 (восемь последних листов) заполнен различными мелкими отметками, сделанными чернилами и карандашом. На первом листе имеется счет личных расходов (плата на проезд, еду, покупки); далее идет запись о количестве груза на разбитых баржах, затем опять счет мелких расходов, чей-то адрес (Моховая, № 7), далее опять записи о количестве груза на разбитых и спасенных баржах, еще далее список станиц по р. Амуру, с означением расстояний между ними.

229) За время перерыва в „Дневнике" Кропоткин посылался в Петербург с докладами о гибели барж с продовольствием на Амуре. По возвращении был назначен чиновником особых поручений при ген.-губ. Вост. Сибири. („Записки револ.", стр. 150 и след.)

230) Речь идет о корреспонденции в „Совр. Лет.", 1863 г., № 45, где упоминается Лутковский и бедствия многих поселенцев.

231) Синь-Синхо — гор. в Маньчжурии, на р. Сунгари, в ее нижнем течении. Сихота-Алинь—горный хребет в Приморской обл.

232) Сунгари—главная река Маньчжурии, приток Амура, длина 1.300 в.; удобна для сплавов.

233) Монголия,—провинция Китая, между южн. границей Сибири и Великой Китайской стеной на юге, хребтами Хингана на востоке Монгольским Алтаем на западе.

234) Речь идет о предполагаемой поездке из Старо-Цурухантуевского караула через Мерген на Благовещенск, вскоре состоявшейся (см. прим. 239).

235) Мальху-Алила — имя божества.

236) Сиверс, Петр Александрович, — чиновн. особ. пор. по отд. казач. войск при канц. в.-сиб. ген. губ-ра.

237) „Соврем. Летопись", 1864 г., № 14, корресп. Кропоткина. В №№ 19 и 20 корреспонденции о гибели барж и ошибках администрации при переселениях; перепечатаны в др. изданиях.

238) Никонов, Аполлон Александрович,—преподаватель словесности в Иркутской гимназии.

239) Старо-Цурухантуевский караул на р. Аргуни, у самой границы Монголии. П. Кропоткин, по возвращении из С.-Петербурга,

пришел к заключению, что дальнейшая административная служба не будет представлять для него никакого интереса, вследствие перемен во внутренней политике. Поэтому он решил принять участие в исследовании Маньчжурии („Зап. Рев.“, стр. 168). Составленное им описание двух экспедиций помещено в VII книге Записок Сибирского Отдела Русского Географического Общества, под заглавием: „Две поездки в Маньчжурию в 1864 г. кн. П. Кропоткина“.

В печатаемом „Дневнике“ не имеется записей за время пребывания экспедиции на китайской территории. Очевидно, П. Кропоткин или совершенно не вел их, опасаясь обыска со стороны китайских властей, или делал их в отдельной тетрадке.

240) Чиндантская стан. на р. Ононе; Чиндантский караул несколько восточнее, на притоке Онона, Забайк. обл., Нерчин. окр.

241) „Наши казаки своих соседей называют безразлично мунгалами, изредка солонами, язык—солонским. Это тунгузский с примесью монгольских слов. Солоны рассеяны на западном склоне Хингана, по северной окраине Гоби. Народ загадочного происхождения“ (П. Кропоткин. „Две поездки в Маньчжурию в 1864 г.“).

242) Сделан рисунок упомянутого шеста.

243) „Друг против друга“.

244) Черняев—полк., ком. казачьей бригады.

245) Урядник Софронов—старшина каравана, с которым П. Кропоткин прибыл в Маньчжурию.

246) Пояркова—станица на Амуре, ниже Благовещенска.

247) Дауры—народ тунгузского племени,—шаманисты; занимаются земледелием и торговлей. Даурия—древн. назв. Забайкалья.

248) Панты—рога изюбра (восточно-сибирское название марала, разновидности оленя).

249) Черняева—стан. на Амуре, между Благовещенском и Албазиным.

250) Сунгарская экспедиция состоялась в конце июля того же года. О ней см. примечание № 269.

251) „Гарантировано для тропического климата“.

252) Дю-Бай.

253) У татар.

254) Язычники.

255) „Шириной как Сена у Парижа“.

256) „От руки“.

257) Отец Бойе.

258) Знак вопроса в подлиннике.

259) Татары.

260) Ватер-клозет.

261) Бороздин, Николай Александрович,—чиновник при главном управлении Вост. Сибири.

262) Хребет Сихота Алинь (Лао-э-линь).

263) „Современная Летопись“, 1864 г., № 42,—описание р. Уссури и ее берегов. Последняя корреспонденция Кропоткина.

264) Вероятно, речь идет об известном адмирале А. А. Попове (1821—1898), строителе судов особого типа—„поповок", который, вскоре по окончании Севастопольской войны, был назначен членом адмиралтейств-совета и посылался осматривать укрепленные порты.

265) Макаров, Александр Яковлевич,—чиновник особых поручений при ген.-губерн. Вост. Сибири.

266) Вышепоименованные пароходы получили названия по городам или рекам (р. Онон — приток Шилки, р. Сунгари — приток р. Уссури, вытекает из оз. Ханка).

266-b) Крапоткин, Александр Алексеевич (1841 — 1886), — брат автора „Дневника", с которым он был очень дружен. В юности писал недурные стихи, очень увлекался литературой, затем занялся естествознанием, особенно астрономией. Произведенный в офицеры, он вскоре последовал за братом в Вост. Сибирь и служил в местных войсках. По возвращении в Петербург поступил в Военно-Юридическую Академию. Напечатал свод известий о падающих звездах. После свидания с братом в крепости, в конце 1874 г., А. А. был арестован и выслан в Зап. Сибирь. Ему не предъявили никаких обвинений. Будучи в Сибири, он разрабатывал астрономические гипотезы. Оторванный от умственных центров, он окончил жизнь самоубийством.

267) Рель, или релка, „раль", означает возвышенное место на низменности, редко затопляемое водой, или сухое место на болоте или поляне.

268) Этим кончаются записи в 6-й тетрадке; далее, после 2-х чистых листов идет запись писем, полученных и отправленных в мае — июле, запись расходов 27 мая, 7 и 8 (июня), где, между прочим, значится и стереоскоп, упоминаемый в „Дневнике", стоивший 13 руб; затем идут наброски молитвенных домиков (вид снаружи и внутри), упомянутых в записи 14 апреля, и главного дома дацана, похожего на православную церковь. После этих рисунков идет напечатанное ниже стихотворение: „Но Боже мой, какая скука", далее идет заметка о старообрядческих книгах, которые следует искать в церковных архивах (праздничную минею, общую минею, Часослов), потом отметка о книгах (Vie de Jesus; La liberté; словарь геогр.; „Жизнь за царя"; Гершель, сборник рассказов; „Горе от ума"; Зибель—„История Французской Революции"; Милль — „Du gouvernement representé" Молешотт—„Учение о пище", наконец, несколько страниц заполнено цифрами и мелкими заметками (напр., адрес Эрлих, Геллер; „заказать 2 печатки для А. К. Пауль" и т. п.)

269) 21 июля в 5-м часу вечера на 40-сильном пароходе „Уссури" П. А. Кропоткин выехал в экспедицию по р. Сунгари. В экспедиции этой, кроме него, приняли участие шт. кап. Усольцев, в качестве астронома, Васильев и Андреев, как топографы (составили глазомерную карту р. Сунгари), и доктор Конради, как ботаник и метеоролог.

Подробности об экспедиции см. „Две поездки в Маньчжурию в 1864 г.", кн. VII Записок Сибирского Отдела Имп. Русского Географического Общества. Часть II. „Сунгари от Гирина до устья". 119 стр.

В „Дневнике“ не имеется записей, сделанных за время этой экспедиции, чем и объясняется хронологический перерыв между концом 6-й и началом 7-й тетрадок этого „Дневника“.

270) Консул в Урге.

271) Усольцев, — шт.-кап. по межевому управлению; участвовал в экспедиции по р. Сунгари.

272) Great Easter (Великий Западник)—величайший океанский пароход в 60-х годах.

273) Пропуск в подлиннике.

274) Дризен, Густав Густавович,—асессор в Забайкальском обл. управлении.

275) В подлиннике оставлены чистые места, на которых автор, вероятно, хотел впоследствии вписать размеры барж.

276) Куркин, Фавст Васильевич, — исправник в Верхнеудинске.

277) Бутков, Владимир Петрович (1820—1881),—государственный секретарь, деятель по судебной реформе 1864 г.

278) Ст. Купоров, или Кутара, 32 версты от ст. Шилкинской, вниз по течению р. Шилки (список станций в конце 5-й тетради „Дневника“).

279) „Войдя в курс дела“.

280) „Чтобы войти в курс дела“.

281) Лакруа, Сильвестр-Франсуа (1765—1843),—французский математик, профессор Collège de France.

282) Фирн—зернистый снег, продукт изменения снега под влиянием солнечных лучей на высоких горах.

283) Нарисована форма, в роде бутылки.

284) В Восточной Сибири при стекольном производстве пользуются самородной глауберовой солью или из горьких озер, или находящейся на поверхности земли, например, в Нерчинском округе или около Иркутска.

285) Баргузин — окр. гор. в Забайкалье, на р. Бургузине, в 40 верстах от ее впадения в Байкал.

286) Неразборчивое слово. Записи в „Дневнике“, начиная с 23-го апреля до 14-го мая (за исключением последней страницы 14-го мая), велись карандашем, сильно затертым.

287) Выемка, сбоку текста сделан набросок береговой линии.

288) „Прямо под ногами“.

289) Знак вопроса в подлиннике.

290) № 2—по наброску, сделанному в конце записи (см. следующее прим.).

291) На предпоследней странице этой записи сделан набросок, помеченный: „25 апреля. Страна пещер на Кадильном мысу“, изображающий местность и расположение пещер на упомянутом мысу. Далее, после окончания записи от 23 апреля, на 2-х отдельных страницах сделаны наброски береговой линии Байкала около Кадильного мыса.

292) Дер. Моты на р. Иркуте, при впадении в нее р. Средней Моты, 40 вер. выше г. Иркутска.

Отсюда начинаются записи „Дневника", относящиеся к Окинской экспедиции. Это—единственная экспедиция, записи о которой сделаны в печатаемом „Дневнике".

Поводом к экспедиции послужила статья неизвестного корреспондента „Северной Почты", напечатанная в 1864 г., с описанием водопадов на р. Оке (притоке р. Ангары), будто бы превосходящих по своим размерам Ниагарский водопад. Побочными целями экспедиции было желание обследовать таинственные надписи на береговых утесах р. Оки, о которых сообщил член Геогр. Общества М. А. Таскин, кроме того, попутно выяснить вопрос о ледниковом периоде в Иркутской губернии.

Экспедиция была снаряжена Сибирским Отделом Русск. Геогр. Общества и руководство ею поручено П. А. Кропоткину, сделавшему в течение 45 дней 1.200 верст.

Экспедиция описана П. А. Кропоткиным в кн. IX и X „Записок Сибирского Отдела И. Р. Г. О.", вышедших под редакцией члена общества доктора Кашина в 1867 г.

Печатаемые записи в „Дневнике" послужили лишь материалом для этого описания и лишь в редких случаях совпадают с текстом, напечатанным в упомянутых „Записках". Вообще можно сказать, что записи „Дневника" содержат много подробностей путешествия личного или бытового характера и в них, конечно, отсутствуют рассуждения и выводы, касающиеся научных вопросов, главным образом, по геологии, разрешенные автором позднее на основании всех наблюдений, сделанных в пути.

В т. XI „Записок Сибирского Отдела" помещено „Геологическое исследование в Иркутской губернии, совершенное А. Чекановским", к которому приложены две карты: подробная геологическая карта Иркутской губ., к сожалению, не захватившая всего района, обследованного П. А. Кропоткиным, и небольшая отчетная карта, на которой отмечен маршрут П. А. Кропоткина, а равно и других лиц, совершавших геологические поездки по Иркутской губ.

По этой отчетной карте наглядно видно, что из Иркутска экспедиция П. А. Кропоткина направилась по р. Иркуту, т.-е. на запад, а от Ниловой пустыни прошла на север, почти вдоль китайской границы, затем на восток до Окинского караула, оттуда далее на восток до Московской дороги и по ней назад в Иркутск, описав замкнутую круговую линию. Как видно из дальнейших записей „Дневника", водопады оказались весьма небольшого размера, высота их ровно в 10 раз меньше указанной упомянутым корреспондентом, к тому же вода в горных ручьях, образовавших водопады, бывает обильна лишь в период таяния снега или сильных дождей. Тем не менее П. А. Кропоткин остался очень доволен результатами своей поездки, давшей ему возможность разрешить многие интересовавшие его вопросы, что он и высказал в конце напечатанного им описания экспедиции.

293) Дер. Смоленская, на р. Иркуте, в 10 верст от г. Иркутска.

294) Введенское, дер. на р. Иркуте, в 25 вер. выше г. Иркутска.

295) Тунка, дер.,—см. прим. № 302.

296) Дархоты, иначе сойоты, или урянхайцы,—племена, живущие по обе стороны русско-китайской границы у восточных отрогов Саянских гор. Смесь финской и тюркской рас; говорят на особом наречии, близком к языку самоедов.

297) „С лицевой стороны“.

298) Сделан набросок глыбы гранита.

299) В конце тетрадки имеется запись горных пород по номерам. Номера 1—10 гранит темно-серый и мелко-красный.

300) „Которые наносят“.

301) По напечатанному в „Записках Сибир. Отдела И. Р. Г. О. описанию экспедиции, — кремнистый сланец.

302) Тунка—селение, расположенное на обоих берегах р. Иркута и имевшее в то время 350 домов и 2 церкви; официально — крепость, но никогда ею не была, даже во времена „Тункинской дистаночной канцелярии“, как отмечает П. Кропоткин в описании экспедиции, напечатанном в Записках Геогр. Общ.

303) Тункинский горный хребет — между верховьями р. Оки и р. Иркута с очень высокими гольцами.

Тункинская котловина — в долине р. Иркута, в ней холмы из лавы; археологи находили при раскопках много древностей.

304) Карачассы (карагазы). Отатарившаяся ветвь самоедов,— незначительное племя, живущее у Саянских гор близ р. Оки; считаясь православными, придерживаются языческих обычаев.

305) После этого, на нижней половине страницы, сделан набросок каких-то пунктов с отметкой углов направлений (клочок маршрутной съемки).

306) Пропуск в подлиннике.

307) Сделан набросок двугорбого холма, на впадине (седле) между холмами поставлена буква *B*, а на правом холме буква *A*.

308) Эти заметки, заключенные в подлиннике в скобки, составляют краткое содержание следующей записи.

309) Ясак, на языке монгольских и тюркских племен, означает дань, или подать, уплачиваемую натурой, главным образом, пушниною. С покорением Сибири русскими она взималась с инородцев и поступала в Сибирский Приказ, а затем в Кабинет Е. В. Ясашные Комиссии 1822 г. разделили инородцев на кочевых и оседлых, оставив ясак для кочевых и приравняв оседлых к русским—податным сословиям.

310) Слово не дописано.

311) Косогол — озеро в Сев. Монголии, в 20 вер. от южной границы Иркутской губ., окружено горами.

312) Слово не докончено.

313) Знак вопроса в подлиннике.

314) Северу.

315) Сделан набросок пластов.

316) По номерному списку горных пород, взятых с левого берега долины р. Жемчуга, № 39 — слюдяный сланец, лежит на граните; „№ 43 — слюдяный сланец, далее прорыв гранита“.

317) Привезенный, как говорят, с русского островка Косогола (П. Кропоткин. „Поездка в Окинский караул“).

318) Рисунок „Никола с Косогола“ сделан на отдельной странице в конце тетрадки „Дневника“.

319) Риттер, Карл (1779—1859),—знаменитый географ, профессор берлинского университета, оставил много трудов по географии Азии, часть которых переведена на русск. яз. и содержит сведения о Саянском нагорье, Байкальских горах и озере.

320) Снимок с одной из известных картин итальянских мастеров,— „Обручение Св. Екатерины“.

321) Помещен рисунок.

322) Сделан рисунок дацана, в размере около 1 кв. дюйма.

323) Ширентуй — настоятель монастыря.

324) Обо (овон) — указатель дороги, маяк.

325) Серп луны.

326) Пулен — гувернер П. Кропоткина в детстве (см. „Записки революционера“).

327) Галсан — важный чин у бурят.

328) Русского Географического Общества.

329) Кортомуют—от старинного слова „кортома“, аренда, оброчное содержание.

330) Знак вопроса в подлиннике.

331) Две речки.

332) „От проливных дождей вода сразу хлынула, и речка, идя сверху, валила деревья и т. п. предметы, встречавшиеся по дороге, как доложил прискакавший верховой бурят“. (П. Кропоткин. „Поездка в Окинский караул“.)

333) Нилова Пустынь расположена среди высоких гор, в очень живописной местности, известна своими минеральными источниками.

334) Большая река.

335) Температура.

336) Указание автора.

337) Дабал — на местном наречии значит небольшой отрог гор.

338) Сделан набросок долины ручейка с показанием направления морен.

339) Указание автора.

340) Мунку-Сардык (Мунку-Саган-Хардык) — высший пункт цепи Китайского горного хребта, 2944 метр., над уровнем моря.

341) В печатном труде П. Кропоткина „Поездка в Окинский караул“ упоминаются латинские названия мхов и лишаев, встречающихся на горе М. С., в том числе: „Draba stellaris“.

342) Нуху-Дабан (по-бурятски нуху — дыра, даба — подъем) — гора, получившая свое название от громадной дыры в виде ворот, пробитой в известняке недалеко от тропинки, ведущей на гору (П. Кропоткин „Поездка в Окинский караул“).

343) Сделан рисунок.

344) Норин-Хоройский караул (буряты зовут его просто „Гарган“, от имени ручья, около которого он расположен)—селение у самого верховья р. Оки, между Саянским и Тункинским хребтами.

345) На глазах.

346) 89 — белый гнейс, 90 -- гнейсо-гранит.

347) Растение.

348) Сделан рисунок цветка.

349) Алиберовский, или Алибертовский, прииск, Иркутской; губ. и уезда, на водоразделе р.р. Оки и Белой (системы Ангары), в горах Ботугол (Батуй-Гол); местонахождение карандашного графита открыт тавастгусским купцом Алибером.

350) Географического Общества.

351) Номер не проставлен.

352) Пропуск в подлиннике.

353) Термометр.

354) Номер не проставлен.

355) Пропуск в подлиннике.

356) Вариант: Тут мы спустились „еще на . . . приблизительно, судя по вычислению средней высоты ступеней и количества их. Горная порода идет все та же, со вкрапленными в нее жилами или блестками графита. Наконец, лестница прекращается и превращается в деревянные дощечки, вделанные в камень, заменяющие“ и т. д. В этом месте „Дневник“ прерывается и продолжение его находим через 15 листов. Оборот первого пропущенного листа заполнен записью от 15 апреля 1866 г, занимающею 2 страницы. Далее идут: записи горных пород по порядку номеров, рисунок пещеры в граните около Ниловой пустыни, наброски не означенных мест, схематические рисунки долин, набросок лежащего человека с надписью: „хаос, имевший быть Палибиным“, затем опять заметки о горных породах, далее на отдельных листках: рисунок подвески (бурятской) и образа „Николы с Косогола“.

357) Температура.

358) Крыжкин посетил прииск в июле предыдущего года.

359) Термометра.

360) Места охоты.

361) Р. Ока, приток р. Ангары, берет начало с Саянских гор, имеет много притоков, у верховья—много минеральных источников.

362) Геологический термин, означающий „взброс жилы“; следующее французское слово „clivage“ тоже термин, означающий раскалывание минералов. Буква *Л* в подлиннике без дальнейшего пояснения.

363) Тарасун — молочная водка; приготовление ее описано автором. Остаток от перегонки „арса“ (в роде сыра) сберегается на зиму, составляя главную пищу бурят.

364) Сделан набросок одной из этих „штучек“ и чаши.

365) В описании экспедиции, напечатанном в „Записках Сибир. Отд. И. Р. Г. О., упоминается „Карноты“, как деревня на берегу р. Оки.

366) Знак вопроса в подлиннике.

367) П. Кропоткин напечатал эти интересные выписки в составленном им описании экспедиции (Записки Сибирского Отдела И. Р. Г. О., кн. IX и X).

368) Аткинсон, Томас-Уитлам (1799—1861),—английский архитектор и живописец; лучшим его сооружением считается готическая церковь в Манчестере. Объехал в течение 7 лет Сибирь, Монголию и Маньчжурию; плодом этого путешествия явились две книги, вышедшие в 1857 и 1860 г.г. с его иллюстрациями. В упоминаемое время Аткинсон ездил из Окинского караула на Хара-Нури к кратеру в вершинах Джунбулака.

369) См. прим. № 207.

370) Рисунка в „Дневнике" нет. К описанию экспедиции (П. Кроп. „Поездка в Окинский караул") приложен этот рисунок, изображающий утес и на нем красной краской нарисованы эти печати.

371) Сделан набросок упомянутых языков, в виде ладони с короткими растопыренными пальцами.

372) Пропуск в подлиннике.

373) Корреспондент „Северной Почты".

374) Сделаны три небольших рисунка (в 1 дюйм) внизу страницы. Посредине треножник, на который кладут кости овцы, с костром под ним; с боков две двускатные палатки.

375) Сделан рисунок этого кувшина, в $1/_3$ дюйма.

376) Знак вопроса в подлиннике.

377) Сделан набросок такой посуды, в размере: 1 дюйм в длину и шириною в одну строчку.

378) На этом кончаются записи, сделанные во время Окинской экспедиции.

Последние страницы тетрадки заняты: списком горных пород, рисунком потухшего вулкана среди гор, мелкими дорожными записями, главным образом, геологического характера. Затем, на отдельной странице, сделан подсчет расстояний, которые автор проехал в течение последних 3-х лет, начиная от выезда из С.-Петербурга по окончании Пажеского корпуса (40.000 вер.), на обороте — подсчет пути, сделанного верхом (2.130 вер.), произведенной маршрутной съемки (1.100 вер.), далее идет запись от 22 июня.

379) На следующей странице набросок какого-то оврага, затем описание какой-то местности (гольцы), и на этом кончается тетрадка № 8.

380) Наверху страницы подпись: „П. Кропоткин", а под ней карандашом: „У Семенова 215 стр.".

381) Мордвинов, Александр Александрович,—вице-губернатор Забайкальск. обл.

382) Лове — фамилия.

383) Пароход „Карсаков".

384) „Как захотят".

385) „Чтобы догнать пароход, они должны были за 150 руб. нанять частный пароход" (прим. автора).

386) Черняев, — казач. полковник.

387) Пропуск в подлиннике.

388) Из дальнейшего видно, что Ляховский—купец, владелец магазина.

389) Фуругельм, Иван Васильевич,—контр-адмирал, военный губернатор Приморской области, преемник Козакевича.

390) Кашин, Николай Иванович,—инспектор врачебной управы в Иркутске, член географ. общества.

391) Запись, помеченная „Ст. Пашкова", сделана карандашем и так затерта, что с большим трудом можно разобрать только отдельные слова.

392) Нижне-Никольская—станица на р. Амуре.

393) Возвышенные места, см. № 267.

394) Пароход „Уссури".

395) „Заколдованный круг".

396) Помпеевка—станица на р. Амуре, у отрогов Мал. Хингана.

397) Сделан набросок наклоненных вправо кустов.

398) Многоточие в подлиннике.

399) Сделан карандашный набросок берега р. Амура около Зимовья размером 2 × 1 дюйм.

400) Раддевка—станица на р. Амуре, выше Помпеевки.

401) Пропуск в подлиннике.

402) Бокль, Генри-Томас (1822—1862),—знаменитый английский историк, автор „Истории цивилизации Англии".

403) Бастиан, Адольф,—немецкий путешественник; в 1865 г. был в Сибири и видел братьев Кропоткиных.

404) Эта запись есть выписка из вышедшей в 1867 г. книги Дж. Г. Люис и Д. С. Милль: „Огюст Конт и положительная философия", перевод под редакцией Н. Неклюдова и Н. Тиблена. СПБ, 1867 г., стр. 129—157.

В „Дневнике" приведены некоторые места этой книги дословно и тогда они заключены (самим П. Кропоткиным) в кавычки. Другие места записаны конспективно. Многие слова не дописаны или условно сокращены, как это обычно делалось П. Кропоткиным и в других местах „Дневника". Редакцией сличен текст записи с вышеупомянутой книгой, при чем в скобках приведены некоторые слова, пропущенные П. Кропоткиным.

405) У П. Кропоткина: „если только самоотв. действ. прин. знач. жертвы".

406) Многоточие здесь и далее в подлиннике.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список печатных произведений П. А. Кропоткина,

имеющихся:

А) в Публичной библиотеке в Петрограде:

1) Аграрный вопрос (изд. „Свободное Соглашение“. СПБ. 1914 г.).

2) Анархическая работа во время революции. (Изд. „Голос Труда“ СПБ. 1919 г.).

3) Анархия, ее философия, ее идеалы. (С франц., изд. „Мысль“ А. Миллер, Лейпциг.)

4) Анархия, ее философия, ее идеал. (Публичная лекция, пер. с франц., Женева).

5) Анархия и ее место в социалистической эволюции (СПБ. 1907 г.).

6) Анархия, ее философия, ее идеал. (Изд. Московской федерации анархических групп, № 20).

7) Анархия и ее место в социалистической эволюции. (1917 г. СПБ.).

8) Безначальный коммунизм и экспроприация. (Казань, 1918 г.).

9) Биография Элизе Реклю. (Изд. „Равенство“, М. 1906. г.).

10) Великая Революция. (С франц., изд. „Мысль“, Миллер, Лейпциг, СПБ. 1906 г.).

11) То же. (Изд., пересмотренное автором и разрешенное для России. М. 1918 г.).

12) Взаимная помощь, как фактор эволюции. (С англ., пер. Батуринского, изд. „Знания“, 1907 г.).

13) Кропоткин и Бернс Дж. „Всеобщая стачка“. (Изд. „Друг Народа“. 1906 г.).

14) Государство и его роль в истории. (Изд. Моск. федерации анархич. групп. М. 1917 г.).

15) Довольство для всех. (Изд. Моск. федер. анарх. групп. М. 1918 г.).

16) Завоевание хлеба. (Пер. с франц. Тверенинова, „Социалистическая Библиотека“ 1906 г.).

17) Записки революционера. (С англ., с предисловием Брандеса; Изд. „Фонда вольной русской прессы“. 1902 г.).

18) То же. (Изд. „Свободной Мысли“ СПБ. 1906 г.).

19) То же. (Изд. „Ясная Поляна“ 1907 г.).

20) То же. (Перев. Дионео, изд. „Знание“. Единственное издание, разрешенное для России автором, пересмотренное и дополненное им в 1908 г.).

21) То же, без примечаний. (Изд. „Голос Труда" 1920 г.).

22) Земледелие, промышленность и ремесла. (С англ., изд. „Посредник" перев. Вопилина, 1904 г.).

23) Коммунизм и анархия. (Изд. „Свободный Договор", 1906 г.).

24) Конец войны, начало всеобщего мира и всеобщее разоружение. (Приложения к „Народной Копейке", 1915 г.).

25) Мои впечатления о Петербурге. (С франц. 8-е изд. Из мемуар. революц. 1906 г.).

26) Мой побег. („Из записок революц." 1906 г.).

27) Наше богатство. (Изд. Моск. фед. анархич. групп. М. 1918 г.).

28) Организация возмездия, именуемого правосудием. (Изд. П. В. Кохманского. М. 1906 г.).

29) Парижская Коммуна. (Изд. Листков «Хлеб и воля». Лонд. 1907 г.).

30) То же. (Пер. Брона. Изд. Карчагина. „Освободительная Библиотека". М. 1906 г.).

31) Петропавловская крепость и мой побег. (С франц. 8-е изд. и из „Записок Революционера", 1906 г.).

32) Письма о текущих событиях. (Изд. „Задруга". М. 1917 г.).

33) Письма Ф. И. Седенко. (Петерб. 1921 г.).

34) Политичі пра́ва, переклав Андрей Бузун. (Харьков. 1918 г.).

35) Политич. права. (Изд. Союза анархо-синдикалистической пропаганды. Петр. 1917 г.).

36) То же. (Издан. Петроград. федерации анархистов. Петр. 1917 г.)

37) Поля, фабрики и мастерские. (С англ., перев. Ан. Коншина, изд. „Посредник" 1908 г.).

38) Порядок. (Изд. инициативной красноярской группы анархистов-коммунистов. Красноярск. 1917 г.).

39) То же. (Изд. Петроградск. франц. анархистов „Библиотека Коммуны" № 2 1917 г.).

40) Почему каждый человек должен быть социалистом? (С франц., изд. „Коалиционного совета киевского студенчества". 1917 г.).

41) Представительное правительство. (Изд. „Свободная Коммуна" 1908 г.).

42) „Распадение современного строя". (Женева. 1896 г.).

43) „Революция в России". (Пер. Л. Комина, изд. „Эхо" СПБ.). 1906 г.

44) Речи бунтовщика. (Пер. с фр. Н. С. Томашевых. Жур. „Освобожденная мысль", вып. I. 1906 г.).

45) То же. (Изд. 3-е Моск. федерац. анархич. групп. 1919 г. „Библ. Анархиста" № 13).

46) Речи революционера. (Пер. с франц. изд., редактированное Элизе Реклю, вып. I. изд. А. Е. Беляева 1906 г.).

47) Речь ветерана русской революции к отправляющимся на фронт инвалидам. (Изд-ство Демокр. России. Петр. 1917 г.).

48) Речь на митинге Общества потребител. „Кооперация" в Москве. 14 янв. 1918 г. (Изд. „Кооперации". Москва, 1918 г.).

49) Собран. Сочинений. (Изд. т. I—Записки Революционера: т. II—Великая Французская Революция.

50) Современная наука и анархизм. (Изд. русск. коммунистов-анархистов в Лондоне, 1901 г.)

51) Современная наука и анархизм. (Изд. М. Д. Иванова. М. 1906 г.).

52) Тоже. (Изд. „Свободный договор". СПБ. 1906 г.).

53) Собран. сочинений, 6 томов. (Изд. „Знания" 1906 г.).

54) Ссылка в Сибирь. (С англ., перев. Кауфмана. СПБ. 1906 г.).

55) Труд ручной и умственный (сокращение книги „Поля, фабрики и т. д." Изд. Сытина, М. 1918 г.).

56) „Тюрьма, ссылка и каторга в России" (пер. с англ., Кауфмана, СПБ. 1906 г.).

57) Узаконенная месть, именуемая правосудием. (Изд. „Свобода" 1916 г.).

58) Тоже. (Изд. „Свободное Соглашение". СПБ. 1906 г.).

59) Умственный и ручной труд. (Пер. с англ. А. Н. Коншина, Библиотека свободного воспитания и образования детей, вып. XXXIII. М. 1909 г.).

60) Хлеб и воля. (Изд. группы русск. коммунистов-анархистов. Лондон, 1902 г.).

61) Тоже. (Изд. „Свободная Мысль", Лондон—СПБ.).

62) Что делать?. (Пер. с франц. Павловича. Ростов на Дону. 1906 г.)

63) Экспроприация. (Изд. группы „Хлеб и воля". 1904 г.).

64) Э. Реклю. „Некролог". (Оттиск из Известий Русск. Геогр. О-ва 1905 г.).

65) Доклад Комиссии по снаряжению экспедиций в Северн. море. СПБ. 1871 г.).

66) „Исследование о ледниковом периоде". (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. VII, вып. I. 1876 г.).

67) Общий очерк орографии России. 1873 г.

68) Общий очерк орографии Восточн. Сибири (З. И. Г. О. 1876 г.)

69) Орографический очерк Минусинского и Красноярского округа Енисейской губернии. 1873 г.

70) Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции (изд. 1873 г.)

71) Тоже. (Зап. Имп. Геогр. Общ. 1873 г., т. III.).

72) Письма во время геологической поездки по Финляндии и Швеции.

73) Одна из мер, содействующих поднятию доходности хозяйств. (Доклад. Казань. 1898 г.).

74) Описание 1-й Забайкальской выставки сельских и других производств в Чите в 1863 г. (Иркутск. 1863 г.).

В) в Библиотеке Географического Общества:

1. Kropotkin. P. Elisée Reclus. (From „The geographical Journal" for september, 1905). London, 1905. 1 of 8°.

2. Kropotkin. P. On the teaching of hysiographhly (From „The Geograph. Journal" for october, 1893). London 1893, of 8°.

3. Université Nouvelle. Institut géographique de Bruxelles. Publication of 9° Kropotkin Pierre. Orographie de Sibérie precédée d'une introduction et d'un aperçu de l'orographie de l'Asie. Bruxelles. 1904 of 8°.

4. Kropotkin P. Russia, Poland, Siberia, Turkestan, Nowaja Zemlja et etc. From The Encyclopedia Brittanica and Asia from Chambers Encyclopedia. Edinburgh, 1882—89 1 in 8°.

5. Pr. Kropotkin. The orography of Asia (From. „The Geogr. Journal" for February and March 1904). London. 1904. 1 of 8°.

Издания Русского Географического Общества.

6. Известия Р. Г. О., т. V, 1869 г. П. А. Кропоткин: „О барометрически определенных высотах в Восточной Сибири".

7. — т. VII. Доклад Комиссии по снаряжению экспедиции в Северные моря.

8. Отчет Р. Г. О. за 1871 г. Геологическая поездка П. А. Кропоткина в Финляндию и Швецию. Рецензия Ф. Б. Шмита и П. А. Кропоткина на статью П. И. Третьякова „Туруханский край".

9. „Записки по общей географии", т. III, изд. под редакцией П. Кропоткина. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 г. олекминскими золотопромышленниками при содействии Сибирского Отдела Географического Общества, П. Кропоткина и И. Полякова. СПБ. 1873 г. XXX, XIII. 681 и 175 стр., с 4 картами и 2 лист. рисунков.

10. — т. IV, изд. под ред. П. Кропоткина. Экспедиция для исследования русских северных морей. Доклад Комиссии, избранной Отделением физической географии, для разработки плана экспедиции. Составлен П. А. Кропоткиным, при содействии А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева. бар. Шиллинга, Ф. Б. Шмита и Ф. Ф. Яржинского, СПБ. 1871 г.. II, 291 стр. Издание Сибирского Отдела Русск. Геогр. Общ.

11. Записки СПБ. Отд. И. Р. Г. О., кн. VII. Иркутск, 1865 г. Исследования и материалы. Две поездки в Маньчжурию в 1864 г. Описание пути из Старо-Цурухантуевского караула через г. Мерген на Айгун.—Сунгара от Гирина до устья. П. Кропоткина.

12. — кн. IX и X. Изд. под ред. действ. члена общества доктора Н. И. Кашина. Ирк. 1867 г. Поездка в Окинский караул.

13. — кн. XI. Геологическое исследование в Иркутской губ., совершенное по поручению Сибирского Отдела И. Р. Г. О. А. Чекановским. Иркутск, 1874 г., IV, 398 стр., с картою (на карте нанесен маршрут П. А. Кропоткина на Окинские водопады).

14. Отчет Сибирского Отдела Р. Г. О. за 1866 г.. Извлечения из Путевых писем из Олекминско-Витимской экспедиции, напечатанных в „Сибирском Вестнике" в начале 1867 г.; из той же экспедиции П. А. Кропоткин послал беглые заметки о ленском сплаве в „Записки для чтения" (прил. к „Бирж. Ведомостям"), где они были напечатаны под заглавием „Путешествие по р. Лене".

15. „Отчет Сибирского отдела Р. Г. О.“ за 1867 г.; в нем П. А. Кропоткиным даны общие заметки о распределении народонаселения в Сибири, захвате тунгусских областей русскими, якутами и бурятами.

16. Известия Отдела за 1868 г. Отчет о сообщении, сделанном П. А. Кропоткиным в Географ. Обществе.

Список вещественных доказательств, взятых у П. А. Кропоткина при обыске в ночь с 25 на 26 марта 1874 г.

Дело 193-х—„Дознание, произведенное о распространении преступной пропаганды в народе“, т. 5, прил. к нему, л. л. 247 и 248.

1) . . . .

2) Князя Петра Кропоткина [1]).

а) Переписка на 48 страницах,

б) аттестат за № 14148,

в) переписка, конверты и три паспорта на 11 листах,

г) две шифрованные записки с двумя дешифрированными записками

д) тетрадь приходо-расходная по селу Петровскому,

е) расчетная книжка конторы Юнкера за № 124 от 15 марта 1874 г. со взносом 3.400 руб.,

ж) книга текущего счета конторы Юнкера на имя П. А. Кропоткина, в которой два листа за № 3701 и 3702 вырезаны, а с 3703 по 3750 вкл. целы.

. . . .

. . . .

6) Князя Петра Кропоткина.

а) Книга „Путевые заметки от Петербурга до Иркутска“,

б) Тетрадь в 8-ую долю листа, озаглавленная „По Географическому Обществу“,

в) два экз. Le livre bleu l'internationale,

г) L'internationale . . . .

д) Les 73 journées de la commune,

е) Les 31 séances da la commune,

ж) Actes et proclamations du comité central,

з) Les conseils de guerre de Versailles,

и) Histoire intime de la révolution,

к) L'association internationale,

л) Histoire de la révolution du 18 mars,

м) L' internationale 1871,

н) Краткий учебный курс географии Российской империи Кузнецова.

---

[1]) Сведения, касающиеся других лиц, пропускаются, почему выписка начинается со 2-го пункта.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Список печатных произведений П. А. Кропоткина, имеющихся:

В. Громовъ

№ 1

Отъ

Петербурга

черезъ Москву и Казань

до

Иркутска

съ 24го июня по 5е сентября

1862.

Воскресенье 9го января 1882

Иркутскъ

Когда я подъѣзжалъ къ Иркутску, в сильные холода, — только утромъ, — Ангара ~~[illegible]~~ и [illegible] свои [illegible] воды; на другой день по показании [?] Иркутскъ [illegible] заботливымъ домомъ ген. губернат. показали Кафедральный и [illegible] соборъ [?], церкви, деревянные домики. — Мы проѣхали Вознесенскій монастырь, [illegible] на [illegible] … (Мы на-[illegible] переходили на [illegible], потомъ на устроенныхъ саняхъ [?] по сибирскимъ рѣкамъ [illegible] переправы на Карабагачѣ [?], на [illegible], на сибирской рѣкѣ.

